

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск пятнадцатый

(Сборник работ аспирантов)

Харьков — 1961,

Печатается по постановлению Ученого
Совета Института от 15 мая 1961 г.

Редакционная коллегия:

Доктор юридических наук, профессор
С. И. Вильнянский (ответственный редактор),
доктор юридических наук, профессор *М. И. Бару*,
кандидат юридических наук, доцент *А. И. Рого-
жин*, кандидат юридических наук, доцент
А. Н. Колесниченко, кандидат исторических наук,
доцент *А. А. Неботов*, кандидат философских
наук, доцент *И. П. Горбатенко*, кандидат юриди-
ческих наук, доцент *В. В. Стаиш*.

БЦ04776 от 15/IX-61 г. Печ. л. 18³/₄. Усл.-печ. 18³/₄. Бум. 60×92¹/₁₆.
Зак. № 3837. Тир. 250. Цена 88 коп.

4-я тип. МПС. Харьков, Гончаровский бульвар, 6/2

**ДЕЛЕГАТСКИЕ СОБРАНИЯ КРЕСТЬЯНОК —
ОСНОВНАЯ ФОРМА РАБОТЫ ПАРТИИ СРЕДИ
ЖЕНЩИН СЕЛА в 1921—1925 гг.**

(по материалам Украины)

П. Т. МИРОШНИКОВА

(кафедра марксизма-ленинизма)

В истории коммунистического строительства в нашей стране большое место принадлежит советским женщинам. Без их самоотверженного труда, без их активного участия во всех отраслях народного хозяйства, науки, культуры, в общественно-политической жизни страны было бы невозможно решение грандиозных задач строительства нового коммунистического общества. Еще К. Маркс в 1868 году писал: «Каждый, кто сколько-нибудь знаком с историей, знает также, что великие общественные перевороты невозможны без женского фермента.»¹

На огромную роль женщины в общественном развитии неоднократно указывал В. И. Ленин. В речи перед делегатками I Всероссийского съезда работниц 19 ноября 1918 года он говорил, что «Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия...»². В. И. Ленин учил, что «... постройка социалистического общества начнется только тогда, когда мы, добившись полного равенства женщины, примемся за новую работу вместе с женщиной...»³.

Коммунистическая партия после победы Великой Октябрьской социалистической революции провела колоссальную работу по политическому воспитанию трудящихся женщин, много сделала для того, чтобы работницы и крестьянки, составляющие половину рода человеческого, влились в единую могу-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 547.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 160.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 25.

чую армию борцов за социализм, за свободу и счастье всех трудящихся.

Поэтому изучение опыта массово-политической работы партии среди работниц и крестьянок представляет большой научный интерес. Однако советскими историками этому вопросу не уделяется должного внимания.

Издано лишь несколько сборников статей мемуарного характера, в которых освещается и обобщается опыт работы партии среди женского пролетариата на всем протяжении деятельности партии. Интересными и содержательными являются сборники статей: «Женщины в революции»¹ и «В едином строю»². Они вызывают особенно большой интерес потому, что написаны самими участницами женского движения. Авторы сборников, кроме личных воспоминаний, использовали партийные документы, архивные материалы и периодическую печать.

В научной же исторической литературе роль советской женщины в социалистическом строительстве освещена слабо. Можно назвать лишь несколько работ, в которых в том или ином плане исследуется этот вопрос. Среди них серьезного внимания заслуживает содержательная, написанная на большом фактическом материале, книга В. Л. Бильшай «Решение женского вопроса в СССР»³. В работе В. И. Бильшай дается глубокий анализ процесса разрешения женского вопроса как одного из важнейших условий осуществления и развития советской демократии, построения социалистического общества в СССР. В ней охватывается весь период после победы Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Совершенно очевидно, что исчерпать этот большой и сложный вопрос, взятый в таких хронологических рамках, в одной работе невозможно.

Некоторым вкладом в исследование вопроса о вовлечении женщин в социалистическое строительство является статья О. Ф. Белинской «Формы и методы работы Коммунистической партии среди трудящихся женщин Украины в восстановительный период (1921—1925 годы)»⁴. О деятельности партии по политическому и культурному воспитанию женщин говорится на нескольких страницах книги А. П. Молчановой «Из истории борьбы за упрочение союза рабочего класса и крестьян-

¹ Женщины в революции. Госполитиздат, Москва, 1959 г.

² В едином строю. Изд-во «Московский рабочий», 1960 г.

³ В. Л. Бильшай. Решение женского вопроса в СССР. Госполитиздат, Москва, 1959 г.

⁴ О. Ф. Белинская. «Формы и методы работы Коммунистической партии среди трудящихся женщин Украины в восстановительный период (1921—1925 гг.)». Сборник научных трудов. Киевский технологический институт легкой промышленности. Кафедра марксизма-ленинизма. К., 1957 г.

ства (1921—1925) гг.»¹, а также в других работах, в которых данный вопрос не является предметом специального исследования.

В упомянутых работах положено лишь начало в разработку указанной проблемы. Они почти не затрагивают вопроса о деятельности делегатских собраний крестьянок, не показывают их роли в решении важнейших хозяйственных и политических задач восстановительного периода.

В настоящей статье делается попытка показать, как Коммунистическая партия Украины — неотъемлемая составная часть славной Коммунистической партии Советского Союза, используя делегатские собрания крестьянок, вовлекала сельских тружениц в дело восстановления народного хозяйства, в общественно-политическую и культурную жизнь страны.

* *
*

С переходом нашей страны от войны к миру, к восстановлению народного хозяйства, когда во всю ширь встала задача вовлечение миллионов трудящихся в социалистическое строительство, особенно остро встал вопрос об укреплении связей партии с массами. Чтобы решить эту задачу, недостаточно было иметь только правильную политическую линию и программу, отвечающую стремлениям трудящегося народа. Необходимо было наладить систематическую работу среди широких масс по их организации и воспитанию. С этой целью Коммунистическая партия использовала многообразные формы массово-политической работы среди различных слоев населения.

Большое внимание при этом партия уделяла политическому воспитанию работниц и крестьянок. С переходом власти в руки рабочих и крестьян политическое просвещение женщин, составлявших половину населения, приобрело первостепенное значение. «Наша задача, — писал В. И. Ленин, — состоит в том, чтобы сделать политику доступной для каждой женщины»².

В восстановительный период особенно важно было пробудить политическое сознание женщин-крестьянок. Политическая отсталость крестьянок, неграмотность, их зависимость от домашнего хозяйства, суеверие, почти полное незнание основных законов Советской власти, а поэтому и неумение ими пользоваться — были на руку враждебным, антисоветским элементам и чрезвычайно замедляли восстановление народного хозяйства. Поэтому, мобилизуя все силы трудового народа для решения великих задач, Коммунистическая партия

¹ А. П. Молчанова. Из истории борьбы за упрочение союза рабочего класса и крестьянства (1921—1925 гг.). Из-во АН СССР, М. 1956 г.

² В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 26.

обратила самое серьезное внимание на вовлечение в хозяйственную и общественно-политическую жизнь страны многомиллионной армии крестьянок.

Вопрос о работе среди женщин был предметом обсуждения ряда съездов и конференций РКП(б) и КП(б)У. IX съезд Российской Коммунистической партии (большевиков), состоявшийся в период мирной передышки (29 марта—5 апреля 1920 года), принимая во внимание то значение, которое имеет участие работниц и крестьянок в партийной работе, и ту роль, которую они играют во всей хозяйственной жизни и в деле строительства Советской республики, признал «работу среди женского пролетариата одной из неотложных задач момента и необходимой частью всей общепартийной работы»¹. В постановлении съезда указывалось «...на необходимость вести самую усиленную работу среди крестьянок и работниц по ликвидации безграмотности путем устройства школ грамоты для взрослых, устройства общих читален и беседований по всем вопросам текущего момента»².

Руководствуясь решениями IX съезда РКП(б), шестая конференция КП(б)У (9—13 декабря 1921 г.) подтвердила необходимость сохранения специальных аппаратов партийных комитетов, которые ведут работу среди женщин³.

XII партийный съезд (апрель 1923 г.) в специальной резолюции «О работе РКП среди работниц и крестьянок» положил конец колебаниям в партийной среде по вопросу о сохранении женотделов наравне с другими отделами партийных комитетов. Отмечая значение делегатских собраний, как самого существенного аппарата, соединяющего партию с широкими массами беспартийных работниц и крестьянок, съезд обратил «внимание на необходимость укрепления его путем внесения большей планомерности и систематизации в их работу»⁴.

Вопрос о работе среди трудящихся женщин был одним из важных вопросов, рассматриваемых XIII съездом РКП(б). Съезд указал, что основные задачи партии в области работы среди женщин заключаются: в распространении влияния партии на широкие слои работниц и крестьянок путем политического и культурного воспитания; в вовлечении их в партийное, профессиональное, кооперативное и советское строительство; в обеспечении через советские, профессиональные, кооперативные и другие организации строительства учреждений, раскрепощающих работниц и крестьянок

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, 1953, стр. 503

² См. там же.

³ См. Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів і конференцій. Державне видавництво політичної літератури УРСР. Київ, 1958, стр. 136.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях..., ч. I, 1953, стр. 755.

(ислей, столовых и пр.). Особое внимание съезд обратил на работу среди крестьянок. В резолюции «О работе среди работниц и крестьянок» съезд обязал партийные организации усилить руководство работой среди крестьянок и укрепить волостные делегатские собрания крестьянок¹.

Партийная организация Украины провела большую организаторскую работу по претворению в жизнь указаний В. И. Ленина и решений съездов и конференций Коммунистической партии о вовлечении женщин в социалистическое строительство.

Основной формой работы партии среди крестьянок и основной их организацией в восстановительный период были делегатские собрания. Делегатские собрания работниц и крестьянок возникли еще в годы гражданской войны, по почину делегатов первого Всероссийского съезда работниц, состоявшегося в ноябре 1918 года. Они были такими инициативными массовыми организациями, где делегатки, кроме получения минимальных политических знаний, учились сами управлять государством через участие в массовых пролетарских организациях. Разъясняя задачи делегатских собраний, Центральный Комитет партии указывал, что они являются проводником влияния Коммунистической партии на широкие беспартийные массы трудящихся женщин, массовой школой коммунизма и школой практической подготовки их к обществено-политической работе².

В силу целого ряда причин на Украине делегатские собрания крестьянок, как массовые организации, оформились несколько позже, чем собрания делегатов-работниц. Здесь сказались особенности политической, социально-экономической и культурной жизни села и трудности, связанные с внешним и внутренним положением Украины. Украина в течение длительного времени была ареной ожесточенной борьбы против германского империализма, иностранной военной интервенции, а затем против различного рода буржуазно-националистических и кулаческих банд, которые в основном орудовали в сельских местностях. Это, безусловно, наложило отпечаток на хозяйственное и политическое развитие республики. Сельские партийные организации были слабы, малочисленны. Многие из них недооценивали политического значения работы среди крестьянок, что нашло свое выражение в намечавшейся со стороны ряда низовых сельских парторганизаций тенденции к ликвидации женотделов при партийных органах.

Делегатским собраниям на селе пришлось вести упорную борьбу за свое признание. Об этом говорили многие предста-

¹ КПСС в резолюциях и решениях..., ч. I, 1953, стр. 894.

² См. Жур. «Коммунистка» — орган Центрального отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б), июль 1925 г., № 7, стр. 26

вители с мест на четвертом Всеукраинском совещании заведующих женотделами (июнь 1921 г.). Тов. Зорина, заведующая женотделом, из Одесской губернии, рассказывала о том, что «Долгое время путем циркулярных писем и приказов через наркоматы и исполкомы нужно было убеждать сельские исполкомы, что организация женщин на селе есть непреклонная воля Советской власти». Многие председатели волостных исполкомов заявляли: «мы баб к себе не пустим»¹. Об этом же пишет старая большевичка С. Свириновская в своих воспоминаниях «Женщины в Советах». Она описывает, как один незадачливый руководитель, имея в виду известное указание второй сессии ЦИК СССР II созыва (1924 г.) об увеличении в Советах крестьянок, почесывая затылок сказал: «Ничего не поделаешь, надо выбирать и баб — есть такой приказ»².

Такое недоверчивое, политически незрелое отношение к крестьянкам объяснялось тем, что на протяжении многих лет самодержавие насаждало неприязнь к женщине, особенно крестьянке, считало ее неспособной на какую-либо общественную деятельность. Вполне понятно, что такое систематическое воздействие не прошло даром и наложило отпечаток на крестьянскую психологию. Поэтому нужна была кропотливая работа партии, чтобы преодолеть этот консерватизм со стороны известной части сельских советских работников, со стороны крестьян в целом.

Серьезным тормозом в развертывании партийно-массовой работы среди крестьянок было отсутствие опытных, достаточно грамотных и хорошо политически подготовленных кадров для работы среди женщин. Объединению крестьянок в массовые организации мешали также их неграмотность, косность, темнота. Ведь на Украине до победы Октябрьской социалистической революции 82 проц. всего сельского населения было неграмотным, а среди женщин села неграмотные составляли 92,3 проц.³

Делегатские собрания крестьянок на Украине регулярно стали созываться лишь с осени 1921 года. В инструкции ЦК КП(б)У по работе среди женщин на селе, опубликованной в июне 1921 года, предлагалось избирать делегатов три раза в год, через каждые четыре месяца⁴. Позже, когда можно было сделать некоторые выводы на основании уже приобретенного опыта, «Положение о работе делегатских собраний

¹ Материалы 4-го Всеукраинского Совещания зав. женотделами (22 июня—27 июня). Всеукраинское государственное издательство, Харьков, 1921, стр. 28.

² С. Свириновская. Женщины в Советах. «Женщины в революции...», стр. 290.

³ «У боротьбі за соціально письменність на Україні», Харків, 1923 р., стор. 7.

⁴ См. жур. «Известия ЦК КП(б)У», 1921, № 6, стр. 36.

работниц и крестьянок», утвержденное секретариатом ЦК РКП(б) 19 июня 1925 года, рекомендовало переизбирать состав делегатских собраний один раз в год по окончании полевых работ с таким расчетом, чтобы не позднее октября они уже приступили к систематической работе и к началу полевых работ оканчивали плановую работу¹.

Выборы делегатов проводились как массовая политическая кампания, в которой принимали участие партийные и все общественные организации села. Сельские делегатки избирались, как правило, на общих собраниях крестьянок сел, хуторов, артелей, коммун. На Украине, в тех селах, где были крепкие партийные ячейки и хорошо поставлена партийно-массовая работа, выборы делегатов проводились и на общих сельских сходах. Правом быть делегаткой пользовались все крестьянки, имевшие право голоса по Конституции. Нормы представительства первоначально устанавливались Центральным Комитетом партии. В состав сельского делегатского собрания избиралась одна делегатка от 25 крестьянок². С 1925 года решение вопроса о нормах представительства было передано на усмотрение местных партийных организаций³.

В начале восстановительного периода делегатские собрания созывались только в волостных и уездных центрах, поэтому основная масса крестьянок, проживающая в глубинных селах, оставалась по существу вне сферы влияния партии. В последние годы восстановления народного хозяйства, когда сравнительно выросли и организационно окрепли сельские партийные организации, делегатские собрания стали созываться и в селах. Они собирались два раза в месяц, а в некоторых местах еженедельно. Делегатские собрания крестьянок работали при партийных ячейках, сельских Советах, комитетах незаможных селян, сельбудах или хатах-читальнях. Чтобы оградить делегатские собрания от чуждых влияний, в первую очередь со стороны кулаческих и буржуазно-националистических элементов, они создавались только в тех селах, где можно было обеспечить партийное руководство через сельские ячейки, через отдельных коммунистов или через шефские партийные организации.

Первый созыв делегатских собраний крестьянок на Украине был в ноябре 1921 года. Но в связи с тем, что тогда еще не был налажен должный учет работы, мы не располагаем хотя бы примерными данными о количестве делегатских собраний и делегатов в этот год. В следующем, 1922—

¹ См. жур. «Коммунистка», 1925, № 7, стр. 29.

² «Известия ЦК КП(б)У», 1921 г., № 6, стр. 38.

³ Жур. «Коммунистка», 1925 г., № 7, стр. 29.

1923 году, в селах Украины было избрано 8189 делегатов¹. Осенью 1922 года на Украине делегатские собрания охватывали до 50 проц. волостей².

Особенно оживилась работа сельских делегатских собраний после решений XIII съезда РКП(б) «О работе в деревне». Съезд указал на необходимость систематического укрепления и развития делегатских собраний крестьянок, выдвижения крестьянок на выборные советские, кооперативные и другие посты³.

Местные партийные организации Украины, борясь за претворение в жизнь решений XIII съезда партии, добились значительных успехов в развертывании работы сельских делегатских собраний. К 1925—1926 году по Украине количество делегатов в деревне выросло более чем в семь раз и составляло 60731⁴, а число крестьянок, принимавших участие в выборах делегатов в 1925 году, достигло 757395⁵. Это было результатом большой кропотливой работы Коммунистической партии, которая в своей деятельности руководствовалась ленинским указанием о роли женщин в социалистическом строительстве.

О значительном размахе партийно-массовой работы среди сельских женщин говорят и данные о количестве делегатских собраний и делегатов по отдельным губерниям и округам. К 1925 году только в Полтавской губернии делегатские собрания существовали в 287 селах⁶ и насчитывали 8140 делегатов-крестьянок⁷, а в предыдущий созыв их было всего 2657⁸. Значительно увеличилось и количество крестьянок, участвовавших в выборах делегатов. Так, если в 1924 году в выборах сельских делегатов принимало участие 40735 крестьянок, то в 1925 году в выборах участвовало 196 тыс. крестьянок Полтавской губернии⁹.

В отчете Донецкого губкома на X губернской партийной конференции (март 1925 года) отмечалось, что, начиная с 1921 года, наблюдался непрерывный рост количества де-

¹ Итоги и перспективы работы среди женщин на Украине. (По материалам Всеукраинского совещания женотделов 10—15 апреля 1925 года). «Книгоспілка», 1925 г., стр. 35.

² О. Ф. Белинская. Формы и методы работы Коммунистической партии среди трудящихся женщин Украины в восстановительный период (1921—1925 гг.), стр. 35.

³ См. КПСС в резолюциях и решениях..., стр. 857.

⁴ 3-й Всеукраїнський з'їзд робітниць і селянок (16—20 січня 1927 р.). Видання оргінстру ВУЦВКу, Харків, 1927, стр. 30.

⁵ Жур. «Коммунистка», 1925, № 7, стр. 53.

⁶ Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. б/н, ед. хр. 379, л. 162.

⁷ Жур. «Селянка України» — орган центрального отдела работниц и селянок при ЦК КП(б)У, 1925, № 7, стр. 9.

⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. б/н, ед. хр. 379, л. 162.

⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. б/н, ед. хр. 379, л. 162.

делегатов. К 1925 году их уже насчитывалось только в селах около 5 тыс.¹ Динамику роста можно проследить по данным нижеприведенной таблицы².

Г о д ы	Количество делегатских собраний	Количество делегатов в них
1922	7	110
1923	36	1236
1924	151	3376
1925	200	5000

В Волынской губернии в делегатских собраниях было объединено 5300 крестьянок, в Черниговской губернии — 4160³.

Только в девяти районах Изюмского округа Харьковской губернии в 1925 году работало 41 делегатское собрание, в которых принимало участие 1186 сельских делегатов⁴. В Купянском округе делегатские собрания регулярно работали в 37 населенных пунктах⁵. В отчете женорганизатора Сеньковского района Купянского округа о работе женотдела за период с октября 1924 года по декабрь 1925 года отмечалось, что по району за год было выбрано 150 делегатов, проведено 16 делегатских собраний и общих женских сходов. На делегатских собраниях присутствовало за год 2637 женщин и 628 мужчин⁶.

Отсюда видно, что к концу восстановительного периода расширилась сеть сельских делегатских собраний, они стали регулярнее созываться в селах и охватывали своим влиянием все более широкий круг крестьянок.

На своих собраниях делегатки слушали лекции, участвовали в беседах по специальной программе, включавшей политические и культурно-просветительные темы. Перед делегатками выступали с докладами партийные и советские руководители. Местные партийные организации, исходя из ленинского указания о том, что к деревне надо подходить, начиная с практических вопросов, которые крестьянство интересуют, предлагали на делегатских собраниях обсуждать

¹ Десятая Донецкая губернская партийная конференция КП(б)У, Артемовск, 1925 г., стр. 17.

² Н. Алексеева. Как вести работу среди крестьянок в селах, где нет ячеек. «Спутник партийного работника Донбасса» — орган Донецкого губкома КП(б)У, 1924 г., № 20, стр. 89.

³ Жур. «Селянка України», 1925 г., стр. 9.

⁴ Партархив Харьковского обкома КП Украины, ф. 4, оп. 1, д. 13, л. 51.

⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 40, л. 4.

⁶ ЦГАОР и СС УССР, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 4125, л. 45.

самые животрепещущие, самые насущные вопросы из жизни села, например: кооперативное строительство, борьба с кулачеством, борьба с голодом и другие. Они участвовали в организации детских домов, яслей, вечерних школ для взрослых, в работе сельбудов, хат-читален, привлекались к работе земельных, школьных и других комиссий сельских исполкомов и комнезамов. Делегатские собрания были важным, испытанным средством сплочения трудящихся женщин вокруг Коммунистической партии, средством их политического и культурного воспитания.

О том, как проходили делегатские собрания, в какой-то мере можно судить по работе делегатского собрания крестьянок Оржицкой волости Лубенского уезда Полтавской губернии, собравшегося в январе 1923 года. На собрании присутствовало 30 делегаток. На повестке дня стояли следующие вопросы: сельскохозяйственная и потребительская кооперация, подворно—денежный налог, охрана материнства и младенчества и текущие дела.

Собрание, как сообщалось в журнале «Коммунарка Украины», прошло очень оживленно, все делегатки высказывались по всем вопросам. Делегатка Мария Черненко в своем выступлении убеждала крестьянок принять горячее участие в общественной работе, в строительстве Советской власти. Она обратилась ко всем делегаткам с таким заявлением: «Мы должны понять, что Советская власть — власть бедняков и желает нам блага»¹.

На собраниях делегаток заслушивались отчеты об их общественной работе. Так, например, собрание женщин села Четвертиновки Ладыженского района Подольской губернии, созванное по инициативе делегаток, обсудив вопрос об участии женщин в общественной работе, приняло резолюцию, в которой подчеркивалось, что «улучшить долю незаможницы женщины-крестьянки может только сама женщина через свою активную работу во всех организациях села». Далее в резолюции крестьянки обещали повести в этом направлении широкую деятельность, чтобы «...объединив всех незаможных селянок, защищать свои женские общественные права, добиваться политической сознательности и вообще просвещаться, чтобы осуществить заповеди нашего лучшего вождя Владимира Ильича: «Всякая кухарка должна уметь управлять государством»².

Подобные резолюции принимались и на других собраниях женщин. Крестьянки села Холодовки Тульчинского района Подольской губернии взяли обязательство принять самое

¹ Жур. «Коммунарка Украины» — орган Центрального отдела работниц и селянок при ЦК КП(б)У, 1923, № 4, стр. 39.

² «Поділля в період відбудови народного господарства» (1921—1925 рр.). Збірник документів і матеріалів. Вінниця, 1957 р., стр. 451.

активное участие в работе сельского Совета, кооперации, комитета взаимопомощи, помочь в возрождении сельского хозяйства и обратить внимание на ликвидацию своей неграмотности.¹ Это является ярким показателем понимания крестьянками того, что для улучшения своей жизни необходимо учиться. В. И. Ленин в 1922 году писал: «Мы нищие и некультурные люди. Не беда. Было бы сознание того, что надо учиться. Была бы охота учиться. Было бы ясное понимание того, что рабочему и крестьянину ученье нужно теперь не для принесения «пользы» и прибыли помещикам и капиталистам, а чтобы улучшить свою жизнь. А это все у нас есть...»².

Делегатские собрания сыграли большую роль в ликвидации неграмотности среди крестьянок. По их инициативе и при их активном участии создавались пункты по ликвидации неграмотности, школы для взрослых. Так, например, в Николаевском уезде Екатеринославской губернии усилиями сельских делегатов было организовано 13 школ ликбеза, в которых училось 150 крестьянок-делегаток. В Хортице Запорожского уезда Екатеринославской губернии в начале 1923 года работали 2 школы по ликвидации неграмотности, в которых обучались грамоте 130 крестьянок³. Всего по уезду работало 8 школ ликвидации неграмотности, в которых обучались главным образом делегатки.

В Екатеринославской губернии только за два месяца неграмотность ликвидировали 180 сельских делегатов созыва 1922—1923 года⁴. В течение двух-трех месяцев 1925 года неграмотность ликвидировали 143 сельских делегатки Купянского округа Харьковской губернии⁵. Только в одном Сеньковском районе этого округа в 1924—1925 году в ликбезах училось 75 делегатов⁶. В Подольской губернии по ряду округов неграмотность ликвидировала одна треть делегатов⁷. В отчете Одесского губкома партии за период с апреля 1923 г. по апрель 1924 года отмечалось, что в течение одного созыва делегатских собраний неграмотность ликвидировали более 500 сельских делегатов⁸. В Донецкой губернии за 1925 год обучились грамоте 69 проц. неграмотных сельских делегатов⁹.

¹ Поділля в період відбудови народного господарства (1921—1925 рр.)... стр. 541.

² В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 218.

³ Жур. «Коммунарка Украины», 1923, № 2—3, стр. 44.

⁴ Там же, № 1, стр. 35.

⁵ Партархив Харьковского обкома КП Украины, ф. 3, оп. 1, д. 40, л. 4.

⁶ ЦГАОР и СС УССР, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 4125, л. 45.

⁷ Итоги и перспективы работы среди женщин на Украине..., стр. 41.

⁸ Жур. «Коммунист»—орган Одесского губкома КП(б)У, май 1924 г., № 34, стр. 21.

⁹ Итоги и перспективы работы среди женщин на Украине, стр. 41.

Делегатки не только сами учились, но и вели широкую разъяснительную работу среди крестьянок о необходимости ликвидации неграмотности. Делегатка А. Сова из Тульчинского округа Подольской губернии писала в своей заметке в журнал «Селянка України» о том, как она втянула в школу по ликвидации неграмотности 6 девушек, а со временем они привели в школу ликбеза еще 55 женщин¹.

Наиболее активных делегатов для повышения общеобразовательного, политического и культурного уровня, для приобретения специальных знаний в области сельскохозяйственного производства посылали на различные курсы, в совпартшколы и на рабфаки в высшие учебные заведения. Так, например, из Хортицы Запорожского уезда Екатеринославской губернии 22 крестьянки были посланы в сельскохозяйственную школу². В Никопольском уезде 15 крестьянок в начале 1923 года были направлены на сельскохозяйственные курсы при земотделе³. В Гуляй-Польском уезде Екатеринославской губернии 7 крестьянок были командированы на рабфаки и одна — в губернскую партийную школу⁴.

Являясь на селе передовой, самой активной частью беспартийного населения, делегатки выступали пионерами в борьбе с религиозными предрассудками, темнотой. Они вели борьбу за новый быт, ломали старые поповские традиции и устраивали «красные свадьбы», «октябрины», похороны, «красные новоселья» без попа. В Полтавской губернии одна делегатка, построив новый дом, вместо того чтобы по старым поповским обычаям освятить его, убрала красными флажками и портретами руководителей партии и правительства и пригласила на праздник весь состав делегатского собрания крестьянок⁵.

В селе Кисляковка Николаевского уезда Одесской губернии делегатка Иванова сняла иконы и украсила бывший «святой угол» революционными лозунгами. «Теперь нас не обманешь, — говорила она, — мы знаем, что лозунги Советской власти приведут нас к лучшему будущему, а изображения святых были доходом тех, кому выгодно было дурманить наши умы»⁶. К этому поступку Ивановой сочувственно отнеслись и другие делегатки.

В греческих волостях Донбасса — Старо-Бешевской, Больше-Янисольской, Стыльской, а также в греческих селах Мариупольщины делегатки выступали в авангарде борьбы с косностью, суевериями, с национальной враждой, которая

¹ Жур. «Селянка України», 1925, № 2, стр. 19.

² Жур. «Коммунарка Украины», 1923, № 2—3, стр. 44.

³ Там же.

⁴ Там же, № 4, стр. 33.

⁵ Жур. «Селянка України», 1925, № 7, стр. 9.

⁶ Жур. «Коммунарка Украины», 1923, № 4, стр. 37.

разжигалась там между греческим и украинским населением, с одной стороны, и между греко-татарами и греками-эллинами, с другой. Национальная рознь разжигалась кулаками, чтобы отвлечь внимание трудящегося крестьянства от решения важнейших вопросов социалистического строительства. Первыми сняли черные покрывала и повели борьбу против старых, вредных обычаев и традиций, против национальной вражды делегатки-коммунистки Полина Челях из Старо-Бешевской волости и Мария Джерих из Большого Янисоля. Их примеру последовали сотни гречанок Донбасса¹.

Большую работу делегатки проводили в области охраны материнства и младенчества. Например, Луганский отдел охраны материнства и младенчества организовал специальные отряды врачей и патронажных сестер. Эти отряды, с оборудованными передвижными выставками на темы ухода за ребенком и проекционными фонарями с диапозитивами, выезжали в села с целью пропаганды гигиены труда и быта женщины. В селах уезда ими было организовано 40 детских яслей².

Особенно большую роль делегатки сыграли в борьбе с голодом. Состоявшееся в феврале 1922 года Всеукраинское совещание волостных организаторов женотделов поставило борьбу с последствиями голода в число первоочередных задач работы среди женщин в республике и выдвинуло идею о массовом патронировании детей среди населения³. Сельские делегатки приняли самое горячее участие в борьбе с беспризорностью детей. Так, например, в Оленниковской волости Криворожского уезда Екатеринославской губернии комиссия по патронированию детей, созданная из делегатов-крестьянок, за один месяц определила на воспитание 100 детей⁴. В Запорожском уезде Екатеринославской губернии в течение первых трех месяцев 1923 года было проведено патронирование 130 бездомных детей, прибывших сюда из голодающего Поволжья⁵.

С этой же целью создавалась целая сеть детских домов. Особенно широкий размах это приняло в южных губерниях Украины в 1921—1922 году, когда там разразился голод. Как правило, работа по созданию детских домов, детских яслей, питательных пунктов в селах велась делегатками. Причем им приходилось вести ожесточенную борьбу с кулаче-

¹ Л. Дашевська. Делегатки. Жур. «Радянська жінка», 1958, № 5, стр. 4.

² «Спутник партийного работника Донбасса», 1924, № 18, стр. 79.

³ См. Бюллетень Первого Всеукраинского съезда волорганизаторов селянок 23—25 февраля. Харьков, 1922, стр. 23.

⁴ Жур. «Коммунарка Украины», 1923, № 1, стр. 36.

⁵ Жур. «Коммунарка Украины», 1923, № 2—3, стр. 44.

ством и его пособниками, которые распускали различного рода слухи о яслях и детских домах, разжигая недоверие к ним и в целом к Советской власти со стороны крестьянок. В этой борьбе трагически погибла делегатка-коммунистка Фекла Ивановна Бармашова из села Заселье Николаевской губернии.

Ф. И. Бармашова первая коммунистка в Засельской волости, участница революции 1905 года, в 1921 году организовала бедноту на борьбу с голодом. По ее инициативе и при самом непосредственном энергичном ее участии в селе был открыт детский дом и питательный пункт. Несмотря на свои годы (ей было 75 лет) она вела большую общественную работу. Засельские кулаки, церковники и их прислужники, пробравшиеся в местные органы Советской власти, возненавидя ее за то, что она раскрывала их черные, грязные, антисоветские дела, зверски убили ее руками безумных фанатичек. В знак увековечения ее памяти портрет Ф. И. Бармашовой был вывешен в зале Съездов Советов, а ее имя было занесено на Красную доску. Беднота села Заселье в ее честь переименовала свое село. Народ в память о народной героине сложил много песен, стихов и поэму «Дума про Бармашиху»¹.

Делегатские собрания сыграли огромную роль в борьбе за социалистическую перестройку деревни, за победу колхозного строя. Делегатки нередко выступали инициаторами колхозного движения. Так, например, делегатское собрание сельянок Макошинской волости Сосницкого уезда Черниговской губернии, обсудив вопрос о трудовом землепользовании, постановило «...политику Советской власти и земельных органов считать правильной, организацию коллектива считать лучшим выходом из нужды»².

В Оленниковской волости Криворожского уезда Екатеринославской губернии по почину делегаток из вдов и жен красноармейцев был организован сельскохозяйственный коллектив имени Петровского³. По инициативе заведующей женотделом Балтского уезда Одесской губернии из делегаток села Фержатин Иваново-Дячишинской волости был создан первый в уезде сельскохозяйственный коллектив «Женская воля». По его примеру организовывались коллективы по всей волости⁴. В селе Березовка той же волости по инициативе делегатки Марии Диордейчук был организован сельскохозяйственный коллектив «Коммунарка»⁵.

¹ См. «Женщины в революции»..., стр. 265.

² Жур. «Коммунарка Украины», 1923 г., № 5—6, стр. 38.

³ Жур. «Коммунарка Украины», 1923 г., № 1, стр. 36.

⁴ Там же, 1923 г., № 5—6, стр. 30.

⁵ Там же.

256587

Такие сельскохозяйственные коллективы, представлявшие собой по форме небольшие коллективные общественные хозяйства, организовывались повсеместно. В селе Ново-Кочубевка Первозвановской волости на Полтавщине делегатка Евдокия Степановна Охматова организовала из семи делегатов-вдов сельскохозяйственный коллектив «Жіноча праця»¹. В Гуляй-Польском уезде Екатеринославской губернии делегатками была создана сельскохозяйственная коммуна «Прогресс»². В Литинском уезде Подольской губернии успешно работала сельскохозяйственная артель «Жіноча праця», в которую вошло до 20 незаможных селянок³. По примеру делегатов в колхозное строительство вовлекались и другие крестьянки.

В селе Хомутец Миргородского района Полтавской губернии еще в 1920 г. женщины-вдовы организовали колхоз, который через несколько лет стал образцовым хозяйством. С 1922 года в этом колхозе был введен шестипольный севооборот, пропашной клин, что дало возможность собирать более высокие урожаи по сравнению с единоличными хозяйствами. Если в неурожайный 1924 год окружающие крестьянские хозяйства едва собрали по 15—20 пудов с десятины, то колхозницы собрали в среднем по 50 пудов. Такие урожаи повышали доходы колхоза и давали возможность приобрести тягловую силу и сельскохозяйственный инвентарь. Все это способствовало росту авторитета колхоза, в колхоз стали вступать новые члены и уже в 1924 году в нем было 14 взрослых и 17 подростков⁴.

Значительное число женщин работало в сельской потребительской кооперации. На 1 апреля 1925 года на Украине членами потребкооперации было 135 тыс. женщин, из них 336 являлись членами правления, 804—членами ревизионных комиссий и 337 женщин были уполномоченными потребкооперации⁵. Наиболее опытным, волевым, грамотным делегаткам крестьяне доверяли руководство сельскими товариществами. Так, председателем Новоселицкого потребительского общества в Черкасском округе в декабре 1924 года была избрана Елена Лищина. За период ее пребывания на этом посту к декабрю 1925 года количество пайщиков товарищества выросло на 50 проц., за это время было кооперировано

¹ Жур. «Коммунарка Украины», 1923 г., № 4, стр. 40.

² Там же, 1923 г., № 4, стр. 33.

³ Газ. «Селянська правда»—орган ЦК КП(б)У и ЦКНС от 19 ноября 1922 г.

⁴ А. Ф. Чмыга. Очерки развития колхозного движения на Украине (1921—1925 гг.). Издательство Московского университета. 1959 г., стр. 92.

⁵ 3-й Всеукраїнський з'їзд робітниць і селянок (16—20 січня 1927 р.), стр. 32, Харків.

до 50 проц. крестьянских хозяйств. Обороты товарищества выросли с 500 рублей до 2300 рублей за год¹.

По почину делегаток в селах организовывались прядильно-ткацкие мастерские, школы кройки и шитья. Так, делегатки Сорочинской волости Полтавской губернии создали из незаможниц две артели, ткацкую и швейную, по 20—25 человек в каждой². В селе Репки Черниговской губернии по инициативе делегатки Мозговой была открыта школа кройки и шитья, где обучались 33 делегатки. В школе, кроме того, работал пункт ликвидации неграмотности и политкружок, которым руководила районный женорганизатор тов. Кулик³. В Оленниковской волости Криворожского уезда Екатеринославской губернии делегатками была создана прядильно-ткацкая мастерская для незаможниц, в которой работало 15 человек⁴. В таких артелях и мастерских крестьянки не только обучались той или иной профессии, но и получали навыки коллективизма, организованности, повышали свой политический и культурный уровень.

Делегатки по поручению сельских Советов, комнезамов принимали активное участие в месячниках помощи Красной Армии, в ремонте школ, в организации и деятельности сельских культпросветучреждений, в сборе продналога и других важных мероприятиях Советской власти.

В. В. Маяковский писал о делегатках:

Идут
от станков
от земли и кадок,
под красный платок
заправляя прядь.
Сотни тысяч
баб — делегаток
выбраны
строить и управлять⁵.

Такая активность делегаток в различных областях политической, хозяйственной и культурной жизни села создавала им авторитет среди крестьянок. Второй Всеукраинский съезд работниц и крестьянок (ноябрь 1924 г.) отметил, что сельские делегатки пользовались большим авторитетом среди трудящихся женщин, уважением и доверием односельчан⁶.

Рост авторитета и влияния делегаток среди крестьянок и вообще среди сельского населения нашел свое выражение и в том, что к концу восстановительного периода значительно увеличилось количество крестьянок, избираемых в состав

¹ Жур. «Селянка України», 1925, № 12, стр. 2.

² «Коммунарка Украины», 1923, № 1, стр. 36.

³ «Коммунарка Украины», 1923, № 1, стр. 41.

⁴ Жур. «Селянка України», 1925, № 3, стр. 14.

⁵ В. В. Маяковский. 8 марта. Государственное издательство «Художественная литература». М., 1936, стр. 62.

⁶ См. газ «Коммунист» — орган ЦК КП(б)У, от 15 ноября 1924 г.

сельских Советов, райисполкомов, губисполкомов, в правление кооперации, в президиумы КНС и в другие советские, хозяйственные и общественные организации. В организационном отчете ЦК КП(б)У на VIII Всеукраинской конференции КП(б)У (12—16 мая 1924 г.) отмечалось, что в государственную и общественную работу на селе вовлечено около 13000 крестьянок¹.

Вовлечение женщин, особенно крестьянок, в Советы имело большое значение, ибо привлекая крестьянок, наиболее отсталую и забитую часть сельского населения на свою сторону, Коммунистическая партия тем самым отнимала у кулачества последнюю опору и надежду. «Завоевав крестьянок всех национальностей Советского Союза для Советской власти и партии, мы нанесем самый решительный удар костности и отсталости, используемых кулацкими элементами деревни против диктатуры пролетариата»² — говорилось в постановлении январского Пленума ЦК РКП(б) 1925 года.

В. И. Ленин в статье «К женщинам-работницам» призывал выбирать больше женщин в Советы как коммунисток, так и беспартийных. «Лишь бы была честная работница, умеющая вести толковую добросовестную работу»³ — писал В. И. Ленин. Это в полной мере относится и к женщине-крестьянке. На необходимость усиления работы среди крестьянок—членов сельских Советов особо указывала VIII Всеукраинская партийная конференция, которая дала директиву повысить процент крестьянок в сельских Советах до 25 проц.²

В результате серьезной работы сельских партийных организаций среди женщин количество крестьянок в Советах

Г о д ы	Количество женщин—членов сельских Советов	Процент женщин по отношению ко всем членам сельских Советов	Количество женщин—членов райисполкомов	Процент женщин по отношению ко всем членам райисполкомов
1921-1922	нет сведений	1,7	не было	—
1922-1923	2778	2,1	7	0,1
1923-1924	12241	5,9	13	0,6
1924-1925	31121	13,2	775	9,3

¹ Бюллетень VIII Всеукраинской конференции Коммунистической партии (большевиков) Украины (стенограмма), 12—16 мая 1924 г., Харьков, стр. 49.

² КПСС в резолюциях и решениях, ч. 1, стр. 921.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 346—347.

⁴ Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях..., стр. 238.

увеличивалось из года в год. Об этом говорит приведенная таблица¹.

Таблица показывает, что в период с 1921 года по 1925 год шел непрерывный процесс роста количества женщин в составе сельских и районных исполнительных комитетов. Так, если в 1921/1922 году женщины в сельсоветах составляли 1,7 проц. по отношению ко всем членам сельских Советов, то в 1924/1925 году они уже составляли 13,2 проц. В составе районных исполкомов в 1921/1922 году женщин не было, а в 1924/1925 г. они составляли 9,3 проц. по отношению ко всем членам райисполкомов. Это свидетельствует об огромной работе партии по вовлечению крестьянок в органы Советской власти на местах.

В результате большой работы, проведенной делегатскими собраниями под руководством партийных организаций расширилось участие крестьянок во всех сельских выборных организациях. Так, при перевыборах сельских Советов в 1924 г. по Киевской губернии оказались выбранными 1791 крестьянка против 512, избранных в предыдущих выборах, причем три из них были избраны председателями сельских Советов. Как отмечалось в материалах к губернской партийной конференции, они хорошо справлялись с работой и пользовались большим авторитетом². В Донецкой губернии в 1925 г. из 5000 сельских делегатов 2759 были членами сельских Советов³. В Ахтырском округе во время перевыборов в 1925 г. в состав сельсоветов было избрано 404 крестьянки, в то время, как в предыдущие выборы их было всего 177⁴.

В Изюмском округе Харьковской губернии в 1924 году членами сельских Советов было избрано 116 женщин, 15 крестьянок были членами райисполкомов⁵. В Купянском округе в этом же году в составе сельсоветов было 130 делегатов, членами райисполкомов было избрано 14 крестьянок, 2 крестьянки являлись членами окружного исполкома⁶. В Каменецком округе Подольской губрнии в 1925 г. в составе сельских Советов имелось 909 крестьянок, из них 2 были председателями сельских Советов, 4 крестьянки — членами райисполкомов, 2—членами окружных исполкомов. В информационном отчете Каменецкого окружного комитета партии в ЦК РКП(б) подчеркивалось, что по округу замечается значительный рост ак-

¹ Таблица составлена на основании данных газеты «Коммунист» от 8 октября 1924 г. и журнала «Известия ЦК КП(б)У», 1925, № 7, стр. 27.

² См. жур. «Коммунистическая мысль» — орган Киевского губкома КП(б)У, 1924, № 3—4, стр. 8.

³ Десятая Донецкая губернская партийная конференция КП(б)У..., стр. 17.

⁴ Газ. «Коммунист» от 27 марта 1925 г.

⁵ Партархив Харьковского обкома КП Украины, ф. 4, оп. 1, д. 4, л. 50.

⁶ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 40, л. 4.

тивности крестьянок, руководство которыми осуществляется через делегатские собрания¹.

Чтобы поднять авторитет женщин среди крестьян, мало было избрать их в состав органов Советской власти, необходимо было научить их работать. Большую роль в этом сыграл институт практиканток при отделах Советов. Практиканток привлекали к работе различного рода комиссий, они учились здесь разбираться в важных практических делах сельской жизни, а затем и самостоятельно решать ряд вопросов, касающихся хозяйственной и культурно-политической жизни села. Практикантки были резервом, откуда партия черпала кадры советских работников.

Многие делегатки, обладавшие организаторскими способностями, при помощи партийных организаций выросли в руководителей беднячко-средняцких масс. В 1925 году на Украине 36 женщин работали председателями сельских Советов, 16 женщин были избраны председателями и заместителями председателей районных исполкомов². Товарищ Таранова из Каменского района Подольской губернии была первой на Украине женщиной-председателем районного исполнительного комитета³.

Сельские делегатские собрания способствовали росту активности крестьянок в комитетах незаможных селян. В сельских комитетах незаможных селян на Украине к февралю 1925 г. насчитывалось 121.579 женщин, что составляло 16 проц. по отношению ко всем членам КНС⁴. Многие женщины из членов сельских комнезамов принимали активное участие в пере выборах КНС. Так, в организации пере выборов сельских комитетов незаможных селян в 1924 году в Звенигородском районе Киевской губернии принимало участие 55,6 процентов женщин от общего количества женщин — членов КНС, по Калиновскому району — 32 проц. женщин⁵.

Наиболее авторитетные крестьянки избирались в руководящие органы КНС. Например, в комнезамах Подольской губернии в 1922 году 63 крестьянки были избраны членами президиумов сельских КНС⁶. В Екатеринославской губернии к январю 1923 года по неполным сведениям в президиумы КНС была избрана 31 крестьянка⁷. В Донбассе в составе аппарата губернской комиссии незаможных селян работало 10 процентов женщин, в окружной комиссии незаможных селян 8 проц. аппарата составляли женщины, в районных ко-

¹ ЦПА, ИМЛ, ф. 17, оп. 216, ед. хр. 319, ч. II, л. 53.

² Итоги и перспективы работы среди женщин на Украине..., стр. 20.

³ Жур. «Селянка Украины», 1924, № 3, стр. 2.

⁴ ЦГАОР и СС УССР, ф. 257, оп. 1, ед. хр. 258, л. 53.

⁵ Там же, л. 32.

⁶ Жур. «Коммунарка Украины», 1923, № 1, стр. 42.

⁷ Там же, стр. 35.

митетах незаможных селян — 3 проц., в президиумах сельских комнезамов женщины составляли 9 проц.¹

В Полтавской губернии в президиумы КНС в 1925 году было выдвинуто 56 крестьянок, из них 8 были избраны председателями сельских комитетов незаможных селян². В Киевской губернии председателями комнезамов работали четыре крестьянки³. В Купянском округе Харьковской губернии в 1925 году в составе президиумов КНС было четыре крестьянки, из них одна была избрана председателем сельского комитета незаможных селян⁴.

Делегатки работали в крестьянских комитетах взаимопомощи, в добровольных обществах, избирались народными председателями.

Все это говорит о том, что делегатские собрания, как форма приобщения крестьянок к активной общественной работе, полностью себя оправдали и способствовали быстрому росту творческой инициативы сельских женщин.

Участие крестьянок в различных советских общественных организациях поднимало их политический уровень, расширяло общий кругозор. Повышался политический интерес крестьянок к хозяйственным и политическим делам Советского государства. В отчете Могилев-Подольского окружного исполкома за апрель—июнь 1925 года особо отмечалась невиданная ранее заинтересованность женщин-делегаток VIII окружного съезда Советов всеми вопросами, которые были поставлены на обсуждение съезда⁵.

От понимания дел своего села, своей волости, передовые крестьянки поднимались до понимания хозяйственных и политических задач в масштабах всей страны. Об этом можно судить, к примеру, по участию крестьянок в работе IX Всеукраинского съезда Советов (3—10 мая 1925 года). При обсуждении доклада о деятельности правительства СССР в прениях выступили три крестьянки. Делегатка съезда от Подольской губернии Мария Порун в простых, от души идущих словах, со знанием дела обрисовала положение украинского села со всеми его достижениями и недостатками. Она выразила твердую уверенность в том, что эти недостатки будут изжиты. Делегатка съезда от Волынской губернии крестьянка тов. Котик, выступая по докладу председателя Совнаркоматов. Чубаря В. Я. о деятельности правительства УССР, заявила: «Работа Правительства удовлетворяет нас на 100%, но на местах есть недостатки. Мы чувствуем на местах... голод

¹ ЦГАОР и СС УССР, ф. 257, оп. 1, ед. хр. 258, л. 33.

² «Известия ЦК КП(б)У», 1925, № 2, стр. 17.

³ Жур. «Коммунистическая мысль»—орган Киевского губкома КП(б), 1924, № 3—4, стр. 8.

⁴ Партархив Харьковского обкома КП Украины, ф. 3, оп. 1, д. 40, л. 4.

⁵ См. ЦГАОР и СС УССР, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 4173, л. 12.

на хорошую администрацию»¹. Она говорила о том, что на местах не хватает опытных и честных работников. Делегатка из Одесской губернии крестьянка тов. Кукова говорила о необходимости кооперирования населения, о культурно-просветительной работе на селе, об электрификации села.

IX Всеукраинский съезд Советов избрал пятнадцать наиболее активных крестьянок членами и кандидатами ВУЦИКа IX созыва². Среди них были тт. Порун М. Г., Ключко М. Т., Котик М. М., Кукова В. С., Пронек К. М., Беляева М. К. и другие. Вскоре на III Всесоюзном съезде Советов крестьянки М. С. Головки, М. Т. Ключко и Скорик были избраны членами Всесоюзного Центрального исполнительного комитета III созыва³.

Делегатские собрания крестьянок способствовали росту влияния Коммунистической партии на трудящиеся массы сельских тружениц. О возрастающем влиянии партии на широкие массы крестьянок говорят данные о тяге их в партию. В ряды партии принимали наиболее активных и преданных Советской власти крестьянок, прежде всего тех, которые прошли школу делегатских собраний. Так, например, в Донецкой губернии из состава делегаток созыва 1922—1923 года в партию вступила 81 делегатка-крестьянка⁴. В Старобельском уезде Донецкой губернии в 1924 году в ряды партии было принято 25 крестьянок-делегаток⁵. В Подольской губернии в январе 1925 года было подано 63 заявления о приеме крестьянок в партию, а в марте этого же года 172 заявления⁶.

В 1925 году в рядах партийной организации Украины насчитывалось 633 крестьянки⁷. Это было значительным достижением, если учесть, что до установления Советской власти женщины села были самой отсталой, самой забитой частью сельского населения, что тогда почти не было крестьянок в партии. Возрастающая тяга крестьянок в партию говорит о той огромной организаторской и воспитательной работе, которую проводили местные партийные организации среди тружениц села.

Таким образом, делегатские собрания, созданные творчеством народных масс, явились тем «приводным ремнем» диктатуры пролетариата, посредством которого Коммунистическая партия установила прочную связь с широкими массами сельских тружениц. Вся история делегатских собраний свиде-

¹ Жур. «Селянка України», 1925, № 5, стр. 1.

² ЦГАОР и СС УССР, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 3806, л. 37.

³ Там же, ед. хр. 2664, л. л. 30—34.

⁴ Жур. «Спутник партийного работника Донбасса» — орган Донецкого губкома КП(б)У, 1924, № 14, стр. 61.

⁵ Л. Дашевська. Делегатки. Жур. «Радянська жінка», 1958, № 5, стр. 4.

⁶ Жур. «Коммунистка», 1925, № 8, стр. 2.

⁷ Итоги и перспективы работы среди женщин на Украине..., стр. 30.

тelleствует о том, что они были верными помощниками Коммунистической партии в деле вовлечения трудящихся женщин в социалистическое строительство.

Кроме делегатских собраний, которые были основной школой, революционизирующей и поднимающей общеполитическое и культурное развитие крестьянок, партия использовала и другие формы политико-массовой и культурно-воспитательной работы среди трудящихся женщин деревни. Проводились общие собрания женщин, беспартийные крестьянские конференции, волостные, уездные съезды работниц и крестьянок. Регулярную работу среди крестьянок вели сельбуды, хаты-читальни. Большую работу проводили шефы из города.

Н. К. Крупская писала, что Коммунистическая партия «Идя по пути втягивания масс в строительство социализма, пробудила к сознательной жизни и организовала сотни тысяч работниц и крестьянок, вовлекла их в строительство новой жизни, нового быта...»¹.

Делегатские собрания просуществовали до 1933 года. К этому времени в нашей стране был построен фундамент социализма. Вслед за городом социалистический уклад хозяйства утвердился и в деревне. Колхозное крестьянство стало прочной опорой Советской власти. Выросла политическая сознательность, поднялся культурный уровень колхозного крестьянства. К этому времени политическое сознание и общий культурный уровень трудящихся женщин выросли настолько, что необходимость в особом подходе к ним, в специфических формах и методах работы партийных организаций отпала. Работа среди женщин была возложена на весь аппарат партийных органов.

За годы Советской власти женщина нашей страны стала полноправной хозяйкой своей судьбы. Ныне нет такой отрасли народного хозяйства, науки и культуры, в которую бы советские женщины не вложили свою долю труда в общее дело коммунистического строительства. Обращаясь к делегации женщин Рязанской области до словами сердечного привета, Н. С. Хрущев сказал: «Все вы с пониманием служите своему народу, великому делу нашей партии. Это самое главное»².

Богатый опыт Коммунистической партии Советского Союза по политическому и культурному воспитанию женщин широко используется братскими коммунистическими и рабочими партиями стран народной демократии. В частности, опыт деятельности делегатских собраний, как наиболее целесообразной формы вовлечения женщин в дело социалистического строительства, широко применяется в Китае, Румынии и других странах, осуществляющих строительство социализма.

¹ Н. Крупская. О культурно-просветительной работе. Изд-во «Советская Россия», М., 1957, стр. 94.

² «Правда» от 17 октября 1959 г.

**МЕРОПРИЯТИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
ПО УКРЕПЛЕНИЮ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АППАРАТА КАДРАМИ В 1923—1925 гг.**

(По материалам Украины)

Ф. Г. ВАЙНЕР

(кафедра марксизма-ленинизма)

Советский государственный аппарат является мощным орудием построения коммунизма. Созданный пролетарской революцией в результате слома «того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан»¹, советский государственный аппарат формируется из среды трудящихся и строится на принципах демократического централизма. Воспитанию и подбору его кадров, повышению их идейно-политического уровня и деловой квалификации, улучшению методов работы государственного аппарата Коммунистическая партия уделяла и уделяет самое серьезное внимание.

1921—1925 гг.—это один из сложнейших периодов в жизни партии и Советского государства. В этот период рабочий класс и трудовое крестьянство, руководимые ленинской партией, восстановили народное хозяйство и заложили прочный фундамент для перехода к новому этапу социалистического строительства — к этапу социалистической индустриализации страны.

В осуществлении этих задач особая роль принадлежала Советскому государственному аппарату, через который осуществлялась политика Коммунистической партии.

Укрепление и коренное улучшение работы государственного аппарата являлось одной из центральных задач борьбы за укрепление диктатуры пролетариата. Главнейшим услови-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 360.

ум коренного улучшения работы государственного аппарата В. И. Ленин считал тщательный подбор кадров, правильную расстановку их, организацию постоянной проверки исполнения, очищение государственного аппарата от враждебных Советской власти элементов.

В настоящей статье делается попытка осветить вопрос о претворении в жизнь ленинских принципов укрепления государственного аппарата кадрами на Украине в конце восстановительного периода 1923—1925 гг.

* * *

*

После окончания гражданской войны и разгрома иностранной военной интервенции Коммунистическая партия и Советское государство приступили к восстановлению народного хозяйства страны. На основе новой экономической политики шла ликвидация разрухи, восстанавливалось сельское хозяйство, развивалась промышленность, укреплялся союз пролетариата с крестьянством. В осуществлении задач новой экономической политики важная роль принадлежала Советскому государственному аппарату. В докладе на X съезде РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом», подчеркивая роль государственного аппарата в проведении новой экономической политики, В. И. Ленин говорил: «нужно все силы употребить на то, чтобы безусловно добиться своего, добиться полного подчинения аппарата политике»¹.

Для выполнения задач новой экономической политики необходимо было улучшить работу всех звеньев государственного аппарата. В решениях XII съезда партии подчеркивалось, что после полного окончания гражданской войны задача коренной переделки и систематического улучшения всего государственного аппарата поставлена партией на очередь дня, как первостепенная задача. Коренная переделка и систематическое улучшение работы государственного аппарата должны привести к созданию дешевого и «действительно нового, действительно социалистического аппарата»².

Основным условием коренного улучшения работы государственного аппарата было укрепление государственного аппарата кадрами. Эту задачу В. И. Ленин считал важнейшей задачей партийного и государственного строительства. «При капитализме, — писал Ленин, — отдельные «хозяева» старались — таясь от других и ставя им подножку — добывать себе хороших приказчиков, управляющих, директоров; занимались этим десятилетия, и только немногие наилучше поставленные «фирмы» достигали хороших результатов. Теперь «хо-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 205.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7, стр. 684.

зьяном» является рабоче-крестьянское государство, и оно должно поставить широко, планомерно, систематично и открыто дело подбора наилучших работников по хозяйственному строительству, администраторов и организаторов специального и общего, местного и общегосударственного масштаба»¹.

В народных массах В. И. Ленин видел неиссякаемый источник силы Советского государства. Он вел решительную борьбу с различными буржуазными теориями, утверждающими, что народные массы неспособны управлять государством. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин писал: «требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники»². В. И. Ленин всегда подчеркивал, что организаторских талантов в народе непочатый родник, что партии необходимо развернуть гигантскую работу по выдвижению и воспитанию руководителей из трудящихся масс.

С первых же дней Советской власти Коммунистическая партия провела огромную работу по привлечению трудящихся масс в Советский государственный аппарат, в том числе в создание Народных комиссариатов. Под руководством Коммунистической партии рабочие завода «Сименс-Шуккерт» в Петрограде (ныне завод Электросила) и матросы Балтийского флота приняли самое активное участие в создании Народного комиссариата иностранных дел; рабочие Путиловского завода — в создании Народного комиссариата внутренних дел; рабочие Выборгского района Петрограда — в создании Народного комиссариата просвещения; железнодорожники Петроградского и Московского железнодорожных узлов — в создании Народного комиссариата путей сообщения; студенты-большевики Горного института Петрограда и рабочие водного транспорта — в создании Народного комиссариата торговли и промышленности; матросы-телеграфисты Кронштадта — в создании Народного комиссариата почт и телеграфа и т. д.

В первые годы Советской власти, наряду с широким привлечением трудящихся масс в Советский государственный аппарат, Коммунистическая партия привлекала к работе в советских учреждениях и старых буржуазных специалистов, которые знали технику управления, имели административно-хозяйственный опыт.

В работе «Еще раз о профсоюзах» В. И. Ленин приводит таблицу, показывающую степень участия рабочих в некото-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 365—366.

² В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 89.

рых управляющих органах и привлечение в эти органы буржуазных специалистов в 1920 году.

Управляющий аппарат	Общее число	И з н и х					
		Рабочих	% %	Спецов	% %	Служ. и др.	% %
Президиум ВСНХ и губсовнархозов	187	107	57,2	22	11,8	58	31,0
Коллегии Главных управлений, отделов, центров и главков	140	72	51,4	31	22,2	37	26,4
Коллегиальные и единоличные фабр.-зав. управления	1143	726	63,5	398	34,8	19	1,7
Итого	1470	905	61,6	451	30,7	114	7,7 ¹

Таким образом, в 1920 году, наряду с тем, что в управляющем аппарате было уже 61,6% рабочих, буржуазные специалисты составляли в нем еще 30,7%. Привлечение буржуазных специалистов было одной из форм классовой борьбы в стране в тот период. На VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин указывал, что пролетарская революция уничтожила до конца бюрократический аппарат буржуазного государства, но вследствие недостатка у рабочего класса культурных сил еще были старые чиновничье-бюрократические элементы в новом Советском государственном аппарате².

Важнейшей задачей укрепления Советского государственного аппарата явилось дальнейшее вовлечение широчайших трудящихся масс в управление государством. Вовлечение масс в работу государственного аппарата было связано с тщательным подбором и правильной расстановкой кадров.

Основной задачей в подборе и расстановке кадров В. И. Ленин считал изучение деловых и политических качеств работников. В условиях восстановления народного хозяйства особенно большое значение для руководящих кадров имело умение управлять хозяйством, наличие практических знаний в области экономики, знание законов рынка и т. д.

Для правильного подбора и лучшей расстановки кадров нужно было обеспечить правильный учет и перераспределение партийных сил, выдвижение новых работников на более ответственные посты, очищение партии и всего советского аппарата от чуждых и неустойчивых элементов.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 67.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 160—163.

Исходя из этих задач, XII съезд партии принял решение о направлении лучших партийных сил на хозяйственную и советскую работу, учитывая при этом их деловые и политические качества. Эти качества не всегда легко объединяются в одном лице, поэтому подбор кадров хозяйственников был труднейшим делом¹, — подчеркивалось в решениях съезда.

Правильная расстановка кадров требовала тщательного учета коммунистов, работающих в советских учреждениях. Важное значение для учета коммунистов, работавших в советских учреждениях на Украине, имела проведенная в 1922 году партийная перепись. Партийная перепись показала, что в этот период в советских учреждениях работало 17 639 коммунистов. В Донецкой губернии коммунисты составляли 21,1% от общего количества служащих, в Харьковской — 12,6%, в Киевской — 9%, в Николаевской — 8,1%, в Одесской — 7,6%, в Полтавской — 7%. В Екатеринославской — 6,8%, в Черниговской — 5,2%, в Запорожской — 5,1%, в Кременчугской — 5,1%, в Волынской — 4,3%². Вместе с тем партийная перепись показала, что в отдельных Наркоматах Украины коммунистов вообще не было или было очень небольшое количество. Так, в учреждениях Народного комиссариата финансов в Волынской, Киевской, Кременчугской и Черниговской губерниях членов партии вообще не было. Очень мало коммунистов было в кооперативном аппарате. Здесь среди 800 инструкторов было всего 150 коммунистов³.

Тщательный учет коммунистов, работающих в советских учреждениях, помогал изучению дел на местах и перераспределению партийных сил с тем, чтобы укрепить партийное руководство в государственном аппарате.

На протяжении 1922 года для укрепления партийного руководства в государственном аппарате в различные учреждения Украины было послано 2216 коммунистов. Это привело к увеличению процента коммунистов среди служащих в советских учреждениях. Только в Донецкой губернии количество коммунистов в учреждениях возросло до 34%⁴.

Для более глубокого изучения политических и деловых качеств коммунистов, работающих в различных учреждениях, по указанию ЦК РКП(б) в 1922 году была проведена аттестация ответственных работников.

Большую работу по учету и перераспределению коммунистов провел созданный в ЦК РКП(б) учетно-распределительный отдел. Его задачи были определены постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 7 декабря 1922 года и состояли в

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7, стр. 684.

² Итоги партпереписи 1922 г. на Украине. X., ЦК КП(б)У.

³ Там же.

⁴ «Известия ЦК КП(б)У», 1922, № 12.

том, чтобы сосредоточить в одних руках дело подбора и расстановки руководящих кадров для партийного и государственного аппарата¹.

Наряду с учетом и перераспределением коммунистов, работающих в государственном аппарате, проводилась большая работа по выдвижению рабочих-коммунистов и беспартийных в центральные и губернские учреждения.

В августе 1924 года в ЦК КП(б)У было проведено специальное совещание, на котором был поставлен и обсуждён вопрос о выдвижении рабочих-коммунистов в центральные и губернские учреждения и предприятия. В резолюции совещания подчеркивалось, что «выдвижение рабочих-коммунистов в центральные и губернские учреждения и предприятия полностью себя оправдало»².

ЦК КП(б)У потребовал, чтобы руководители учреждений предварительно сообщали, на какую работу должен быть послан выдвиженец, с тем чтобы наиболее тщательно подбирались работники на ту или иную должность с учетом их деловых и организаторских способностей.

От организаций, которые выдвигали рабочих на административную работу, ЦК КП(б)У потребовал, чтобы велся специальный учёт выдвиженцев и периодически обследовалась работа их.

Первоначально рекомендовалось для выдвиженцев устанавливать 3-месячный стаж, который использовался для теоретической и практической подготовки работников к предстоящей работе. Так, в Народном комиссариате внешней торговли стажеры прослушивали лекции о характере предстоящей работы, затем приступали к практическому ознакомлению с ней. Через 10—14 дней устраивались совещания, на которых подводились итоги и ставились задачи дальнейшего использования выдвиженцев. Первые итоги показали, что из 16 стажеров — 12 могли быть использованы на самостоятельной работе в качестве контролеров, а четверо должны были продолжать стажировку.

В Госбанке для выдвиженцев были созданы специальные курсы. В Наркомземе перед стажерами была поставлена задача, независимо от характера предстоящей работы, изучить земельное и лесное законодательство. После 2-месячных занятий стажёры были посланы на места для практического ознакомления с предстоящей работой³.

На время стажировки выдвиженцы получали единый оклад. Этот оклад определялся администрацией учреждения и

¹ См. Б. М. Шехватов. Ленин и Советское государство. Соцэк, М., 1960, стр. 262.

² Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 216, ед. хр. 322/2, л. 25.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, ед. хр. 322/2, л. 33.

согласовывался с украинским бюро ВЦСПС. Он должен был быть не ниже, чем оклад высококвалифицированного рабочего¹.

Для систематического обследования работы выдвиженцев создавались специальные комиссии, в которые входили представители организационно-инструкторского отдела Харьковского губкома, организационно-распределительного отдела ЦК, члена ГКК и члена ЦКК. Комиссии знакомились на местах с общей обстановкой работы выдвиженцев, выявляли роль и участие руководителей учреждений и членов партийной ячейки в правильном использовании выдвиженцев, созывали совместные совещания выдвиженцев и администраций обследуемых учреждений.

На основе материалов обследования созывались при губкомах партии один раз в два месяца общегородские собрания выдвиженцев, на которых присутствовали представители райкомов и представители ведомств, в которых работали выдвиженцы.

В июне-августе 1925 года такие собрания были проведены в Харькове, Виннице и других городах Украины. На них были подведены итоги работы выдвиженцев в советских учреждениях.

На собраниях приводились факты недоброжелательного отношения старых спецов и недостаточного внимания со стороны некоторых руководителей предприятий и членов партийной ячейки к выдвиженцам².

В выступлениях подчеркивалось, что отдельные партийные ячейки вопросу выдвижения уделяли мало внимания. Приводились факты перегруженности выдвиженцев всякого рода общественной работой. Это приводило к тому, что они не могли полностью выполнять ту работу, на которую были посланы. Среди выдвиженцев было мало женщин³.

В принятых на собраниях резолюциях подчеркивалась необходимость ликвидации ненормальных отношений между выдвиженцами и спецами, а перед соответствующими ячейками районов ставились задачи регулирования партийных и других общественных поручений выдвиженцам⁴.

В своём большинстве выдвиженцы были демобилизованными красноармейцами и рабочими промышленных предприятий. На совещании Журавлевского райкома партии города Харькова 7 октября 1925 года по вопросу об итогах выдвижения приводились такие данные: от 15 производственных

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, ед. хр. 322/2, л. 172.

² Партархив Харьковского обкома КП Украины, ф. 45, оп. 1, ед. хр. 13, л. 55.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, ед. хр. 323/2, л. 172.

⁴ Партархив Харьковского обкома КП Украины, ф. 45, оп. 1, ед. хр. 13, л. 55.

ячеек, четырех советских учреждений, одного учебного заведения и от двух милицмейских участков было выдвинуто 118 человек; среди них 106 рабочих и 12 служащих¹.

Всего по семи губерниям Украины с августа 1924 года по февраль 1926 года было выдвинуто на партийную, хозяйственную, советскую и другие работы около 5000 человек, в том числе: по Донбассу — 3000 человек, по Одесской губернии — 600 человек, по Киевской губернии — 300 человек, по Полтавской губернии — 300 человек, по Харьковской губернии — 300 человек, по Екатеринославской губернии — 150 человек, по Волынской — 50 человек². Таким образом, больше всего выдвиженцев на Украине дал Донбасс. Второе место заняла Одесская губерния.

По характеру работы выдвиженцы распределялись следующим образом: хозяйственная работа — 38%, советская работа — 25%, кооперативная работа — 14%, партийная работа — 11%, профсоюзная работа — 9%, культработа — 0,8%³. Следовательно, больше всего выдвиженцев было направлено на хозяйственную и советскую работу.

Наряду с выдвижением рабочих производственников, шло выдвижение и крестьян для работы в государственном аппарате.

ЦК КП(б)У предложил местным организациям выдвигать в губернские и окружные исполкомы беспартийных крестьян из среды середняков и бедняков, пользующихся популярностью и авторитетом, при этом обращать внимание на крестьян, уже имеющих опыт общественной работы⁴.

Выдвигаемых товарищей рекомендовалось направлять членами президиума окрисполкома, заместителями заведующих окрфинотделами, членами налоговых комиссий, работниками по землеустройству, в прокуратуру для работы по административному надзору и на другие должности.

Для укрепления деревни кадрами Центральный комитет РКП(б) 13 февраля 1924 года принял циркуляр о мобилизации 3000 коммунистов на работу в деревню⁵.

Уже в мае 1924 года многие парторганизации выполнили задание ЦК более чем на 100%⁶.

Подчеркивая значение выдвижения рабочих и крестьян на руководящую работу в советские органы, IX съезд КП(б)У (1925 год) в своих решениях записал, что необходимо продолжать работу по широкому выдвижению новых ра-

¹ Партархив Харьковского обкома КП Украины, ф. 45, оп. 1, ед. хр. 33, л. 19.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, ед. хр. 323/3, л. 26.

³ Там же.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, ед. хр. 318, ч. III, л. 131.

⁵ «Правда», № 36, 14 февраля 1924 года.

⁶ «Исторический архив», № 1, 1959, стр. 73.

ботников из среды партийного актива, а также из среды наиболее активных беспартийных рабочих и крестьян и что эта работа продолжает оставаться важнейшей и в последующие периоды развития нашего государства¹. Съезд отметил, что эта работа должна привести к укреплению связи государственного аппарата с широкими трудящимися массами и к формированию новых кадров организаторов и администраторов из среды рабочих и крестьян².

При выдвижении рабочих и крестьян на руководящую советскую работу партия проводила политику подбора и воспитания национальных кадров путём систематического выдвижения на руководящую работу представителей украинской национальности.

VIII партийная конференция КП(б)У в мае 1924 года указала на необходимость расширять работу по выдвижению украинцев на руководящую работу³. Вместе с тем конференция требовала проведения систематической работы по украинизации всех ведомств и учреждений.

В мае месяце 1925 года пленум ЦК КП(б)У принял специальное постановление «О мерах постепенного проведения полной украинизации советского аппарата», в котором предлагалось завершить работу по украинизации государственного аппарата к 1 января 1926 года. Во всех центральных ведомствах были созданы комиссии по украинизации. Была также создана Всеукраинская центральная комиссия по украинизации. На Наркомат РКИ возлагалась задача периодической проверки хода украинизации в советском аппарате⁴.

Проводя украинизацию государственного аппарата, большевики Украины вели борьбу как с великодержавным шовинизмом, выступавшим против украинизации, так и с националуклонизмом, требовавшим насильственной украинизации.

Благодаря систематической работе по проведению в жизнь политики партии по подбору и воспитанию национальных кадров к концу 1925 года были достигнуты известные успехи в этой работе. Значительно увеличилось количество украинцев в государственном аппарате. Если в 1924 году государственный аппарат был украинизирован на 30%, то к октябрю 1925 года — на 52%. Процент украинизированных ответственных работников с 33% повысился до 44%⁵.

¹ См. «Коммунистическая партия большевиков Украины в решениях съездов и конференций». Госполитиздат УССР, Киев, 1958, стр. 285.

² См. IX Всеукраинский съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. Стенографический отчет. X., 1926.

³ См. «Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций». Госполитиздат УССР, Киев, 1958, стр. 243.

⁴ Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства Украины. X., 1925, № 26, стр. 202.

⁵ См. Девятый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. Стенографический отчет. X., 1926, стр. 69.

Проводившееся во всех учреждениях изучение украинского языка также дало свои результаты. В 1926 году в Народных комиссариатах украинский язык знало 80% служащих, а в окружном аппарате—71%, остальные продолжали изучение украинского языка¹.

Постоянное внимание со стороны Центрального Комитета Коммунистической партии к вопросу укрепления государственного аппарата кадрами приводило к улучшению деятельности государственного аппарата, укрепляло связь между городом и деревней, подготавливало необходимые условия для решения задач социалистической индустриализации страны.

Выдвигая рабочих и крестьян на хозяйственную и партийную работу, Центральный Комитет партии ставил вопрос об обучении масс управлению государством. Еще до победы Октябрьской революции В. И. Ленин писал: «мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато оно было немедленно, т. е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту»². Советскую власть Ленин определил как «аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе»³.

Поэтому решение проблемы кадров, наряду с выдвижением рабочих и крестьян, неразрывно было связано с обучением их управлению государством.

Была создана сеть коммунистических вузов и советско-партийных школ, в которых уже в 1923 году обучалось 40 тысяч человек. Рабочей и крестьянской молодежи было обеспечено поступление не только в средние, но и в высшие учебные заведения. Декретом СНК РСФСР от 16 февраля 1920 года при вузах создавались рабфаки.

Наряду с подготовкой кадров через высшие учебные заведения было обращено большое внимание на обучение работников советского аппарата через различные школы, курсы и т. д. При ВЦИКе были созданы центральные годовичные курсы по советскому строительству. На них была возложена задача переподготовки и повышения квалификации практических работников для уездных и губернских исполнительных комитетов.

В проекте «Положения о курсах советского строительства при ВЦИКе» указывалось, что создание центральных курсов должно дать экономию денежных средств, экономию штатов,

¹ См. Деятельность рабоче-крестьянского правительства Украины. Отчет X Всеукраинскому съезду рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. X., 1927, стр. 176.

² В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 89.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 110.

улучшение кадров преподавателей, возможность развертывания хорошо поставленной учебно-воспитательной части, облегчение наилучшей постановки партийно-воспитательной работы среди курсантов и ряд других преимуществ.

Количество слушателей во всех отделениях центральных курсов советского строительства определялось в 300—400 человек¹. Учебный план включал изучение истории революционного движения в России, истории Коммунистической партии, политической экономии, общего учения о праве, государстве и советских конституциях, экономической и финансовой политики, экономической географии, научной организации труда и статистики, общего счетоводства².

На местах создавались курсы и школы для подготовки низовых работников советского аппарата. Программа подготовки и переподготовки низовых работников советского аппарата на Украине была определена решением VII конференции КП(б)У (апрель 1923 года), в котором указывалось, что работникам государственного аппарата, выдвинутым ранее и не успевшим получить необходимых знаний, нужно создавать условия для того, чтобы они этими знаниями овладели. В решении конференции подчеркивалось, что наряду с получением знаний специального характера работники государственного аппарата должны повышать свой общий теоретический и политический уровень³. Особенно большое внимание было уделено подготовке секретарей райисполкомов, сельсоветов и т. д. На Украине школы секретарей райисполкомов были созданы в Киевской, Волынской, Харьковской, Донецкой и Екатеринославской губерниях⁴.

Занятия в школах секретарей районных и сельских Советов были рассчитаны на полтора месяца. В программу занятий входило: изучение общих понятий о благоустройстве сел, о крестьянской взаимности, земельные вопросы, единый сельскохозяйственный налог, экономическая, финансовая и налоговая политика Советской власти и другие вопросы⁵.

Одной из первых на Украине создала курсы по подготовке секретарей райисполкомов и сельсоветов партийная организация Киевской губернии. Волынская губернская партийная организация добилась того, что все слушатели курсов были членами партии, знакомыми с жизнью и бытом села⁶.

¹ Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС). Ф. 3316, оп. 17, ед. хр. 553, л. 6.

² Там же, л. 13.

³ См. «Коммунистическая партия большевиков Украины в решениях съездов и конференций», Госполитиздат УССР, 1958, стр. 229.

⁴ См. газета «Пролетарий», орган Харьковского Губкома, 7 июля 1923 года.

⁵ Там же, 8 июля 1923 года.

⁶ Газета «Пролетарий», орган Харьковского Губкома, 7 июля 1923 г.

В Екатеринославской губернии подготовка секретарей райисполкомов велась в секции, созданной при губернской совпартшколе.

Уделяя большое внимание подготовке работников низового аппарата, которые наиболее тесно соприкасаются с массами, Народный комиссариат внутренних дел издал распоряжение, по которому не позже 1 мая 1924 года все райисполкомы должны были быть обеспечены секретарями, прошедшими через специальные курсы¹.

Таким образом, укрепление государственного аппарата кадрами невозможно было осуществить без всестороннего обучения кадров, поднятия их деловой и политической квалификации.

Важнейшим условием улучшения работы государственного аппарата, укрепления его кадрами В. И. Ленин считал проверку исполнения. *«Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики», — писал В. И. Ленин*².

Отмечая важность этой работы, В. И. Ленин в письме к Цюрупе обязывал своих заместителей по Совету народных комиссаров уделять один или два часа в день на личную проверку работы. Ленин требовал тщательной проверки работы, изучения людей, поисков умелых работников. *«В этом суть теперь; все приказы и постановления — грязные бумажки без этого»*³, — писал В. И. Ленин.

Проверка исполнения помогала подбирать людей на ту или иную работу с учетом их политических и организаторских способностей, помогала, как писал В. И. Ленин, *«испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации»*⁴.

Вместе с тем проверка исполнения обеспечивала повышение ответственности за порученное дело, укрепляла дисциплину в государственном аппарате, способствовала тщательному анализу допущенных ошибок, тщательному изучению и обобщению лучшего опыта, улучшению работы всего государственного аппарата.

Большую роль в разрешении всех этих задач играла критика снизу, со стороны самих народных масс.

¹ Газета «Пролетарий», орган Харьковского Губкома, 7 июля 1923 г.

² В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 200.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 462.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 233.

«...В оценке людей, — писал В. И. Ленин, — в отрицательном отношении к «примазавшимся», к «закомиссарившимся», к «обюрократившимся» указания беспартийной пролетарской массы, а во многих случаях и указания беспартийной крестьянской массы, в высшей степени ценны. Трудящаяся масса с величайшей чуткостью улавливает различие между честными и преданными коммунистами и такими, которые внушают отвращение человеку, в поте лица снискивающему себе хлеб, человеку, не имеющему никаких привилегий, никаких «путей к начальству»¹.

Такая критика снизу велась на собраниях, совещаниях, конференциях и т. д. Широкие массы рабочих и крестьян через многочисленные секции Советов, ячейки содействия РКП и т. д. привлекались к обследованиям отдельных звеньев государственного аппарата, к чистке государственного аппарата и, особенно милиции (которая проходила в 1923 году на Украине).

Чистке милиции придавался общественный характер. Вся практическая работа была перенесена на предприятия с тем, чтобы широкие массы приняли участие в очищении милиции от шкурников, пьяниц и т. д. В газете «Пролетарий» была помещена корреспонденция, в которой сообщалось, что чистка 4-го района милиции гор. Харькова проходила в клубе городской электростанции. На чистку явились не только рабочие электростанции, но и соседних предприятий. В результате чистки был освобожден от работы начальник 4-го отделения (ввиду важности выдвинутых обвинений дело передано следственным властям) и ряд других. С другой стороны собрание отметило тех, кто честно и преданно выполнял свой долг².

В Киеве в результате чистки было освобождено от работы в милиции 72 человека, среди них 16 человек из командного состава³.

Итогом чистки государственного аппарата на Украине было освобождение от работы в советском аппарате 10209 человек, что составляло 10,8% из всего количества работников, прошедших чистку⁴. Среди лиц, освобожденных от работы в государственном аппарате, основную массу составляли классово-враждебные и разложившиеся элементы. Чистка советского аппарата способствовала изгнанию из аппарата враждебных элементов, улучшению его работы, укреплению государственной и трудовой дисциплины.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 19.

² «Пролетарий», 2 марта 1923 года.

³ Киевский областной государственный архив (КОГА), ф. 112, оп. 3, ед. хр. 188.

⁴ ЦКК КП(б)У и НК УССР «Итоги работы ЦКК и Рабкрина за 1924-25 гг.». Х., 1925, стр. 337.

Большое значение в улучшении работы государственного аппарата играла печать. Рабселькоры в своих корреспонденциях подвергли критике оторвавшихся от масс, обюрократившихся руководителей. На страницах газет организовывались смотры лучших сельсоветов, конкурсы на лучшего хозяйственника, руководителя предприятия и т. д.

В 1923 году газета «Правда» провела конкурс «О красном хозяйственнике». Такой же конкурс был проведен газетой «Пролетарий».

В многочисленных корреспонденциях, наряду с критикой, отмечались положительные стороны работы директоров крупных предприятий гор. Харькова (директора Паровозо-строительного завода, кондитерской фабрики «Жорж Борман» и других)¹.

Задача конкурса заключалась в том, чтобы вскрыть отрицательные качества руководителей предприятий, халатность, неумение прислушиваться к голосу масс, отсутствие организаторских способностей и т. д. Вместе с тем конкурс должен был помочь органам Советской власти подобрать нужный состав руководителей предприятий и учреждений.

К участию в конкурсе привлекались широкие рабочие массы. Так, заводской комитет типографии Южбюро ВЦСПС, с целью вовлечения всех рабочих для участия в конкурсе, вывесил плакат: «Товарищи! Все ли вы слышали о конкурсе «Пролетарий» о лучшем и худшем хозяйственнике? Если слышали, то почему молчите? Учитесь строить рабочую общственность. Участвуйте в строительстве народного хозяйства. Фильтруйте наших администраторов-хозяйственников. Все как один примите участие в конкурсе»².

Конкурс помог укрепить предприятия и учреждения руководящими кадрами, пользующимися уважением масс.

Критика снизу, со стороны народных масс, имела огромное значение для очищения государственного аппарата от обюрократившихся руководителей, взяточников, волокитчиков и т. д. В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что нужно беспощадно снимать с постов тех представителей советской власти, которые путем обмана, пользуясь званием коммуниста, проводят на деле не коммунистическую, а бюрократическую, начальническую политику. «Самый худший у нас внутренний враг — бюрократ, — говорил В. И. Ленин... — *от этого врага мы должны очиститься и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся*»³.

Борьба с бюрократизмом в годы восстановления народного хозяйства была связана с ликвидацией экономической от-

¹ «Пролетарий», 30 января 1923 года.

² «Пролетарий», 27 февраля 1923 года.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 199.

сталости страны, с поднятием культурного уровня всего населения, с борьбой со старыми методами «царских» чиновников, которые, проникая в советские учреждения, несли с собой волокиту и бюрократизм. Без самой беспощадной борьбы с бюрократизмом нельзя было добиться улучшения деятельности всех звеньев государственного аппарата.

В. И. Ленин указывал, что борьба с бюрократизмом не может быть легкой, что она будет длиться долгие годы. «С бюрократизмом, — говорил В. И. Ленин, — мы будем бороться долгие годы, и, кто думает иначе, тот шарлатанствует и демагогствует, потому что, для того чтобы побороть бюрократизм, нужны сотни мер, нужна поголовная грамотность, поголовная культурность»...¹. Говоря о трудности этой работы, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал, что нужно не опускать рук, не приходить в уныние, а настойчиво бороться за полное искоренение бюрократизма.

М. И. Калинин в выступлении на VI съезде совработников в декабре 1924 года говорил, что задача борьбы с бюрократизмом — это главная задача, которая стоит перед совработниками². Борьба с бюрократизмом, указывал он, — это борьба с механическим, формальным выполнением целого ряда обязанностей со стороны работников. Поэтому для борьбы с бюрократизмом необходимо четко и ясно поставить вопрос, что «не население для аппарата, а аппарат для населения»³.

Особенно большое внимание обращалось на искоренение бюрократизма в рассмотрении жалоб и заявлений трудящихся. Статистические данные бюро жалоб РКИ Украины и Молдавской АССР за первую четверть 1925 года показывают, что из всех поступивших жалоб на недостатки в деятельности государственного аппарата на долю, связанную с борьбой с бюрократизмом и волокитой, приходилось 62%, причем на низовой аппарат — 25% всех поступивших жалоб⁴. Расследование по этим жалобам в большинстве случаев подтвердило справедливость имевших место заявлений.

Борьбу с бюрократизмом и волокитой ЦКК КП(б)У и НК РКИ УССР предложили поставить в порядок дня не как ударную кампанию, а как постоянную систематическую повседневную работу.

ЦКК КП(б)У и НК РКИ УССР предложили для борьбы с бюрократизмом, помимо организационных мероприятий по уточнению функций отдельных частей аппарата, подбора работников соответствующей квалификации и соответствующей организации среди них работы, повысить ответственность как технических, так и руководящих работников за невниматель-

¹ В. И. Ленин. Со., т. 32, стр. 47.

² ЦПА ИМЛ, ф. 78, ед. хр. 110, оп. 1, л. 1.

³ Там же, лист 3.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 216, ед. хр. 320, ч. II, л. 74.

ное отношение к нуждам рабочих и крестьян. В случае необходимости рекомендовалось привлекать к судебной ответственности и передавать дела в прокуратуру с одновременным сообщением фактов бюрократизма в ЦКК и НК РКИ.

Внутри каждого учреждения организовывалась широкая кампания, направленная против бюрократизма и волокиты: развешивались лозунги и плакаты, клеймящие бюрократизм и волокиту, проводилась проверка исполнения по всем поданным заявлениям о фактах бюрократизма и волокиты, вне всякой очереди рассматривались жалобы и заявления рабселькоров о случаях бюрократизма и т. д.

Велась борьба и с теми обюрократившимися руководителями, которые оторвались от масс, вели праздный образ жизни, тратили государственные средства на всевозможные банкеты, юбилеи и т. д. В ЦКК поступали сведения о том, что отдельные ответственные работники имели в своем распоряжении собственные конюшни со скаковыми лошадьми¹. Были случаи, когда значительные средства тратились на роскошную обстановку кабинетов ответственных работников. Это отчуждало учреждения от широких масс рабочих и крестьян.

В октябре 1923 года ЦКК РКП(б) запретила устраивать за счет государства всевозможные банкеты, празднование юбилеев и т. д. Вместе с тем ЦК и ЦКК указывали, что борьбу с излишествами следует вести так, чтобы она не носила характера мелочного вмешательства в личную жизнь каждого отдельного работника².

Ведя борьбу с бюрократизмом в государственном аппарате, партия особое внимание уделяла беспощадному искоренению взяточничества. В докладе на II Всероссийском съезде политпросветов в октябре 1921 года В. И. Ленин говорил, что «если есть такое явление, как взятка, если это возможно, то нет речи о политике»³.

Еще в апреле 1922 года, на совещании ответственных партийных работников советских учреждений, было принято решение о постановке широкой агитационной кампании по борьбе со взяточничеством⁴. Предлагалось устраивать суды над взяточниками, очищать судебно-карательные органы, милицию, РКИ, все органы юстиции от примазавшихся шкурных элементов, улучшать деятельность РКИ и особенно бюро жалоб и групп содействия РКИ, улучшать деятельность уголовного розыска и милиции, усилить деятельность дисциплинарных товарищеских судов, профсоюзных и контрольных комиссий, выдавать премии и премиальные вознаграждения

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 229, ед. хр. 9/1, л. 41.

² Там же, оп. 220, ед. хр. 9/1, л. 42.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 55.

⁴ ЦГАОР и СС, ф. 2313, оп. 2, ед. хр. 45, л. 4.

за открытие преступлений по взяточничеству и т. д.¹. Искоренение бюрократизма, волокиты, взяточничества приближало государственный аппарат к массам, делало его работу более четкой, оперативной, способствовало укреплению союза рабочего класса с крестьянством.

Таким образом, ведя борьбу за улучшение работы государственного аппарата, Коммунистическая партия, руководствуясь ленинскими указаниями, провела в конце восстановительного периода целый ряд мероприятий, направленных на укрепление государственного аппарата кадрами. Это привело к улучшению качественного состава работников государственного аппарата и к улучшению работы государственного аппарата.

Развитые В. И. Лениным принципы работы государственного аппарата, в основе которых лежит подбор, расстановка и воспитание кадров, играют огромное значение в современных условиях, когда наша страна вступила в период развернутого строительства коммунистического общества.

XXI съезд КПСС, наметивший программу борьбы за коммунизм, в своих решениях уделил большое внимание вопросу о кадрах. «Надо улучшать,—указывается в решениях съезда,—дело расстановки и воспитания кадров, выдвигая на руководящую работу людей подготовленных, принципиальных, обладающих чувством нового, которые отдавали бы все силы и знания на благо народа, вносили бы в работу большевистскую страстность, были бы непримиримы к недостаткам»².

Дальнейшее укрепление государственного аппарата кадрами, растущая активность трудящихся масс, укрепление руководящей роли Коммунистической партии в государственном аппарате на современном этапе — важнейшее условие, обеспечивающее претворение в жизнь программы коммунистического строительства.

¹ ЦГАОР и СС, ф. 2313, оп. 2, ед. хр. 45, л. 5, 6.

² Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. II, стр. 453.

СОВНАРХОЗЫ—НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В УПРАВЛЕНИИ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ СССР

В. А. ЧЕФРАНОВ

(кафедра марксизма-ленинизма)

Коммунистическая партия Советского Союза, решая коренные проблемы экономического развития страны в период развернутого строительства коммунизма, уделяет также серьезное внимание вопросам политической организации советского общества, его государственного устройства и управления. В резолюции XXI съезда КПСС подчеркивается, что «в современных условиях главным направлением в развитии социалистической государственности является всемерное развитие демократии, привлечение всех граждан к участию в руководстве хозяйственным и культурным строительством, к управлению общественными делами страны». Процесс демократизации общественной жизни страны, осуществляющийся в Советском Союзе, затрагивает и такую важнейшую область государственной деятельности, как управление социалистическим хозяйством.

Проблема управления народным хозяйством возникла перед пролетарским государством тотчас после победы Великой Октябрьской социалистической революции и утверждения социалистической формы собственности на важнейшие орудия и средства производства. В. И. Ленин учил, что после завоевания политической власти пролетариатом и подавления эксплуататоров главной, центральной задачей социалистического государства и его направляющей силы — Коммунистической партии — становится задача управления, задача организации социалистического производства. «Это — самая трудная задача, ибо дело идет об организации по новому самых глубоких экономических основ жизни десятков и десятков миллионов людей. И это — самая благодарная

задача»¹. Трудность решения проблемы руководства хозяйством обуславливалась тем, что рабочий класс в то время не имел в этом отношении никакого опыта, ибо Советская страна явилась первой и единственной страной, где была установлена власть трудящихся. Советскому государству приходилось идти непроторенными путями и, преодолевая массу трудностей, искать и находить на разных этапах социалистического строительства новые формы управления социалистическим хозяйством, такие, которые наиболее полно отвечали бы объективным условиям социалистического производства.

Первый опыт государственного управления производством советские рабочие приобрели в органах рабочего контроля. Рабочий контроль сыграл огромную роль в деле установления надлежащего учета и контроля над деятельностью частных предприятий, повышения производительности труда, явился первой действительной школой привития трудящимся массам новых, социалистических методов управления промышленностью.

К первым важнейшим организационным мероприятиям Советской власти по формированию аппарата управления промышленностью относится создание Высшего Совета Народного хозяйства (ВСНХ). Упразднив старые министерства буржуазного государства, Советская власть создала новый государственный аппарат управления. Организованный в декабре 1917 года Высший Совет Народного хозяйства и его органы на местах явились общехозяйственным центром Советского государства. Вся национализированная и ненационализированная промышленность управлялась и регулировалась ВСНХ. Одним из первых организационных мер Советского государства по организации планового ведения хозяйства явилось создание в 1921 году Госплана.

Быстрый и неуклонный рост социалистического производства, дифференциация и специализация его отраслей обусловили создание Народных комиссариатов (а затем министерств и ведомств) по управлению производством, сыгравших свою положительную роль в организации и развитии многоотраслевого социалистического хозяйства.

По мере увеличения социалистической собственности на средства производства и развития производительных сил страны, роста производства и усложнения его структуры, развития науки и техники, роста кадров происходит дальнейший процесс развития, совершенствования организационных форм управления народным хозяйством. При этом следует иметь в виду, что каковы бы ни были конкретные фор-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 214.

мы управления народным хозяйством, каким бы изменениям они ни подвергались, в их основе всегда лежит разработанный В. И. Лениным важнейший принцип деятельности социалистического государства — демократический централизм.

Демократический централизм применительно к государственному управлению народным хозяйством сочетает в себе две органически связанные между собой черты: централизованное плановое руководство экономикой и социалистический демократизм, опирающийся на широкую народную инициативу и активность. Эти черты выражают собой две объективно присущие демократическому централизму, находящиеся в диалектическом единстве линии — централизацию в решении коренных, главных проблем развития хозяйства и децентрализацию в решении текущих оперативных вопросов.

Централизованное плановое руководство хозяйством — это одно из решающих преимуществ социалистической экономики перед капиталистической. Оно избавляет социалистическое общество от экономических кризисов, спадов производства и безработицы, расточительства огромного количества общественного труда, позволяет планомерно и неуклонно увеличивать производство, наиболее экономно, рационально использовать материальные, финансовые и трудовые ресурсы страны. Социалистическое государственное планирование не представляет собой акта, навязанного народу сверху; оно — живое творчество рабочего класса, колхозного крестьянства, трудовой интеллигенции, то есть трудящихся города и деревни, которым принадлежит вся полнота государственной власти и которые осуществляют эту власть через свои же органы государственной власти и государственного управления. Социалистическое государственное планирование народного хозяйства, вопреки утверждениям буржуазной пропаганды, нисколько не противоречит демократии, свободной и творческой деятельности граждан, так как всегда исходит из общих начал социализма, демократизма, из принципа демократического централизма. Организация управления хозяйством на основе демократического централизма не исключает, а наоборот предполагает максимальное развитие местной инициативы и творческой самостоятельности широких масс трудящихся. В. И. Ленин писал, что при демократическом централизме «единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу, в способах осуществления контроля»¹. Это обстоятельство обусловлено тем, что централизованный порядок руководства хозяйством не может обеспечить полного учета всех конкретных ресурсов и возможностей каждо-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 374.

го района и каждого отдельного предприятия. Ни местные ресурсы, ни местные потребности не могут быть полностью учтены из центра. Они выявляются лишь в ходе оперативной деятельности местных хозяйственных органов и предприятий, в ходе выполнения планов на основе творческих усилий трудящихся.

Характерной особенностью развития социалистической демократии в управлении хозяйством является усиление процесса децентрализации оперативных функций в государственном управлении при одновременной централизации планирования и руководства в основных вопросах. Усиление процесса децентрализации обусловлено глубокими изменениями, которые произошли в развитии социалистического производства. Изучая эти изменения, анализируя современный уровень социалистического производства, бурные темпы его развития, рост квалифицированных кадров работников, ЦК КПСС и Совет Министров СССР пришли к выводу, что существовавшая ранее форма централизованного ведомственного руководства по отраслевому признаку, сыгравшая в свое время прогрессивную роль, изжила себя и превратилась в тормоз развития социалистического производства.

За годы Советской власти социалистическое народное хозяйство гигантски выросло. В 1957 году объем промышленного производства в СССР вырос по сравнению с дореволюционным периодом более, чем в 30 раз, а в области машиностроения и металлообработки — в 180 раз, производство электроэнергии — почти в 100 раз. К этому времени в Советском Союзе было более 200 тысяч государственных промышленных предприятий и свыше 100 тысяч строек. Как было отмечено на VII сессии Верховного Совета СССР (1957 год), таким огромным количеством предприятий трудно осуществлять конкретное и оперативное руководство из министерств и ведомств.

Неуклонный и быстрый рост социалистического производства происходит на базе технического прогресса и сопровождается все большей специализацией производства, возникновением и развитием многочисленных специализированных отраслей. В таких условиях развитие форм управления по отраслевому признаку должно было бы идти по пути все большего дробления технического и административного руководства, все возрастающего количества новых специализированных министерств и ведомств. В конечном счете это могло привести к разбуханию управленческого аппарата, к усилению ведомственных барьеров, мешающих комплексному развитию хозяйства, тормозящих технический прогресс, ограничивающих права местных органов и препятствующих оперативному руководству производством.

Руководствуясь ленинским принципом демократического

централизма в управлении производством, творчески применяя этот принцип в современных конкретных условиях, Коммунистическая партия и Советское правительство наметили и осуществили меры по реорганизации управления промышленностью и строительством, которые нашли свое законодательное оформление в решениях VII сессии Верховного Совета СССР в 1957 году.

VII сессия Верховного Совета СССР одобрила разработанные Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР мероприятия по совершенствованию организации управления промышленностью и строительством и установила, что управление промышленностью и строительством должно осуществляться по территориальному принципу на основе экономических административных районов. Для этого в каждом экономическом районе были созданы Советы народного хозяйства.

Создание новых форм организации управления промышленностью и строительством по территориальному признаку—Советов народного хозяйства—означает новый крупный шаг в развитии социалистического демократизма в государственном руководстве социалистическим хозяйством. Утверждение о том, что переход от министерств и ведомств к новой форме управления в виде совнархозов представляет собой новый шаг в развитии социалистической демократии базируется на той основной посылке, что замена министерств и ведомств, руководивших ранее промышленностью и строительством, совнархозами означает переход от низшей формы руководства промышленностью и строительством к высшей, *более демократической* форме. Этот вывод может быть подтвержден следующими основными положениями: во-первых, перестройка управления обеспечивает ликвидацию ведомственных барьеров, тормозивших развитие хозяйства; во-вторых, организация управления по территориальному признаку ликвидирует многоступенчатую структуру управленческого аппарата, излишних и параллельных звеньев руководства, приближает управление к производству и, наконец, в-третьих, новая форма организации управления открывает новые, несравненно более широкие возможности для привлечения масс трудящихся к постоянному участию в руководстве социалистическим хозяйством. Это последнее обстоятельство имеет исключительное значение для характеристики демократизма новой формы руководства социалистическим производством и на нем следует остановиться несколько подробнее.

Глубокий демократизм новой формы управления промышленностью и строительством выражается уже в самой идее создания Советов народного хозяйства. Эта идея заключается в максимальном приближении государственного

руководства важнейшими отраслями народного хозяйства страны непосредственно к промышленным предприятиям, а следовательно и к коллективам этих предприятий, к трудящимся. Это приближение способствует установлению повседневного творческого контакта органов управления с народом, значительно расширяет возможности для участия рядовых тружеников производства в управлении экономической жизнью страны. Существенно важным является уже то, что сама структура новых органов управления промышленностью и строительством такова, что она в гораздо большей степени, чем структура министерств и ведомств, отвечает задаче приближения руководства к производству, к массам непосредственных производителей материальных благ.

Руководство промышленностью и строительством на территории экономического административного района осуществляет Совет народного хозяйства — коллегиальный орган, состоящий из председателя совнархоза, его заместителей и членов Совета. В Положении о совнархозах, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 26 сентября 1957 года¹ записано, что совнархоз по вопросам, не предусмотренным названным Положением, пользуется правами, установленными для министров СССР. Следовательно права, которыми обладало ранее одно должностное лицо — министр, осуществляются теперь коллегиальным органом.

Положения о промышленных министерствах также предусматривали создание коллегиальных органов — коллегий. Эти коллегии формировались в составе министра, его заместителей и руководящих работников министерства, они имели право рассматривать на своих заседаниях важнейшие вопросы работы промышленности. Однако решения коллегии проводились в жизнь одним лицом — министром, в форме его приказов. В случае разногласий между министром и коллегией министр проводит в жизнь свое решение. Коллегией при министерстве — это лишь совещательный орган.

Совет народного хозяйства — учреждение иного характера. Положение от 26 сентября 1957 года особо подчеркивает, что совнархозы осуществляют руководство и управление промышленностью и строительством с широким участием трудящихся. Исходя из этого основного требования, Совет народного хозяйства создается как широко представительный орган. В его состав помимо руководящих работников аппарата входят также представители с мест — работники промышленных предприятий, строек, научно-исследовательских учреждений. Например, в составе Совета народного хозяйства Харьковского экономического административного

¹ СП СССР, 1957, № 2, ст. 121.

района кроме председателя, его заместителей, начальников отраслевых управлений имеются директора крупнейших промышленных предприятий товарищи Бойченко М. И. (Харьковский турбинный завод), Седик В. П. (Сумской машиностроительный завод), Мумжиев М. И. (Шосткинский химический завод), Саблев П. Е. (Харьковский тракторный завод) и другие.

Демократизм новой формы управления промышленностью и строительством выражается, далее, в несравненно более широкой компетенции совнархозов по сравнению, например, с коллегиями министерств. Для успешного осуществления своих задач Советы народного хозяйства наделены всеми правами, необходимыми для осуществления хозяйственной и финансовой деятельности, они непосредственно управляют подчиненными им хозяйственными объединениями, предприятиями и стройками, руководствуясь заданиями общегосударственного плана развития народного хозяйства. Совнархозы несут полную ответственность за выполнение заданий народнохозяйственного плана и за экономические результаты деятельности подчиненных им предприятий и строек. Вот один из примеров, иллюстрирующих широкую компетенцию новых органов управления. Харьковский Совет народного хозяйства в течение 1960 года на своих заседаниях обсуждал такие вопросы, как итоги выполнения предприятиями экономического района производственного плана за 1959 год и задачи по обеспечению выполнения плана и социалистических обязательств в 1960 году; о мерах по обеспечению выполнения плана строительства объектов Шебелинского цементного завода и строительной базы в 1960 году; о ходе строительства Харьковского канатного завода; о ходе подготовки предприятий совнархоза к переходу на семичасовой рабочий день и упорядочении заработной платы; о состоянии подбора, расстановки и воспитания руководящих и инженерно-технических кадров на заводе «Электротяжмаш» и строительно-монтажном тресте № 90; о ходе выполнения социалистических обязательств по строительству жилья и детских учреждений; об усилении внимания хозяйственных организаций к вопросам безопасности труда на производстве; об изменении структуры аппарата совнархоза; о ходе выполнения плана развития и внедрения новой техники и о мероприятиях по выполнению решений июньского (1959) Пленума ЦК КПСС по внедрению в производство новейших достижений науки и техники; об итогах выполнения плана производства товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода и т. д. Как видно из этого перечня, круг вопросов, рассматриваемых Советами народного хозяйства, велик и разнообразен.

Для текущего, оперативного руководства подведомственными совнархозу предприятиями, организациями и учрежде-

ниями последний образует в установленном порядке свои исполнительные органы — главные управления, управления и отделы. Количество и характер этих органов определяются направлением развития промышленного и строительного производства в том или ином экономическом районе. Всю свою работу управленческий аппарат проводит под непосредственным руководством Совета народного хозяйства.

Хотя совнархоз возглавляется председателем Совета, однако Совет народного хозяйства — это не совещательный орган при председателе, а орган, обладающий правом окончательного решения вопросов. Все важнейшие вопросы, связанные с осуществлением своих функций, Советы народного хозяйства решают на заседаниях коллегиально, путем открытого голосования. Председатель совнархоза в этом отношении не имеет никаких преимуществ по сравнению с другими членами Совета. Председатель совнархоза не может единолично издавать свои приказы. Решения Совета оформляются в форме постановлений, которые подписываются председателем, всеми участвовавшими в заседании членами совнархоза и секретарем. Постановления совнархоза приобретают таким образом силу акта, в котором выражена воля не одного лица, а коллектива руководителей.

К участию в заседаниях Совета постоянно привлекается большое количество представителей промышленных предприятий, строительных организаций, научно-исследовательских учреждений. Например, на заседании Совета народного хозяйства Харьковского экономического административного района, состоявшемся 23 сентября 1960 года, кроме членов Совета и 40 работников аппарата совнархоза присутствовало также 50 представителей производства — директоров предприятий и организаций, инженерно-технических и других работников.

Все присутствующие на заседаниях Совета лица имеют право выступать со своими критическими замечаниями и предложениями, связанными с работой совнархоза, его функциональных отделов и управлений, а также деятельностью подчиненных им предприятий и организаций. Например, при обсуждении вопросов на упомянутом заседании Совета народного хозяйства Харьковского экономического административного района, кроме членов Совета и работников аппарата выступило 13 представителей промышленных предприятий и организаций.

Если раньше к рассмотрению годовых отчетов промышленных предприятий, происходившему на балансовых комиссиях вышестоящих хозяйственных органов, привлекались лишь директора и главные бухгалтеры, то теперь к обсуждению этих отчетов в совнархозах приобщается широкий круг работников предприятий. Новая практика участия работни-

ков предприятий в рассмотрении годовых отчетов имеет большое значение, ибо она дает им возможность вносить практические предложения и предъявлять в необходимых случаях претензии не только к руководителям предприятий, но и к руководящим органам — СНХ.

В Положениях о министерствах предусматривалось, что для наилучшего использования передового опыта руководящих и инженерно-технических работников и новаторов производства министерствами и предприятиями созываются совещания актива. Положение же от 26 сентября 1957 года предусматривает не только эту обязанность совнархозов и их предприятий, но содержит целый ряд новых указаний, гарантирующих реальное проведение в жизнь задачи широкого участия трудящихся масс в управлении производством и всемерного развития их творческой инициативы в коммунистическом строительстве. Так, в целях обеспечения участия трудящихся в управлении промышленностью и строительством при каждом совнархозе создается в качестве постоянно действующего совещательного органа **т е х н и к о - э к о н о м и ч е с к и й С о в е т**¹, в который входят наряду с учеными и специалистами различных отраслей народного хозяйства рабочие-новаторы и передовики производства, изобретатели и рационализаторы, а также представители партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских и других организаций². Технико-экономический Совет создает свой президиум и постоянно действующие секции по конкретным отраслям промышленности и строительства.

Персональный состав технико-экономического Совета выдвигается общественными и хозяйственными организациями и утверждается Советом народного хозяйства. Следует обратить внимание на многочисленность состава этих органов. В технико-экономическом Совете совнархоза Харьковского экономического административного района работает 564 человека, из них 347 высококвалифицированных специалистов промышленности и строительства, 90 научных работников, 60 передовиков и новаторов производства, 67 представителей партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов. Среди членов Совета товарищи Карпухин П. П. — доктор химических наук, профессор, Библик В. В. — главный технолог ХТЗ, Грибунин И. М. — председатель Обкома профсоюза, Дрокин В. Д. — токарь Харьковского турбинного завода, Саенко Д. И. — буровой мастер Шебелинской конторы бурения, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета

¹ См. Пост. Совета Министров УССР № 457 от 5/VII 1957 г., СП УССР, 1957 г.

² См. Х. Э. Бахчисарайцев. «О некоторых правовых вопросах в связи с изданием Положения о совнархозах». Журн. «Советское государство и право», 1958, № 5.

УССР, Шубенко-Шубин Л. А. — главный конструктор Харьковского турбинного завода, член-корреспондент Академии наук УССР, Чумычкина И. М. — бригадир Плиточного завода и другие.

К работе в секциях, как правило, привлекается широкий актив трудящихся — не членов технико-экономического Совета. При необходимости эти лица могут приглашаться на заседания технико-экономического Совета или отдельных его секций, где им предоставляется право свободного участия в обсуждении любых вопросов, рассматриваемых Советом. В течение 1960 года в работе технико-экономического Совета одного лишь Харьковского совнархоза приняло участие свыше 3.000 человек¹.

Технико-экономический Совет играет большую роль в деятельности совнархоза. Он имеет право давать последнему свои рекомендации. Круг вопросов, по которым Совет обращается с рекомендациями к совнархозу, весьма широк и разнообразен. Он охватывает такие важнейшие проблемы, как развитие отраслей промышленности, наиболее полное использование производительных сил и ресурсов экономического административного района, перспективные и годовые планы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, рассмотрение проектов новых и модернизированных конструкций машин и изделий, внедрение в производство новых машин, приборов и другой продукции, прекращение выпуска устаревшей продукции, улучшение организации производства, нормирование труда, заработной платы, специализация, внутрирайонное и межрайонное кооперирование, распространение передовых методов работы новаторов производства и т. д.

Подготовку вопросов, выносимых на рассмотрение технико-экономического Совета или его секций, осуществляют сами члены Совета. После того, как вопрос тщательно подготовлен, члены Совета представляют свое научно-обоснованное заключение с конкретными предложениями по рассматриваемому вопросу председателю или заместителю председателя Совета или секции, после чего вопрос заслушивается на заседании.

Член технико-экономического Совета Сталинского совнархоза депутат Верховного Совета УССР А. Кольчик на одном из заседаний секции организации труда и экономики промышленности и строительства выступил с докладом, в котором поделился опытом работы своей бригады по снижению себестоимости добычи угля. По рекомендации секции вопрос о ценном начинании бригады А. Кольчика затем обсуждался во всех отраслевых секциях технико-экономического Совета, на постоянно действующих производственных совещаниях предприятий и строек совнархоза и на специальной экономи-

¹ Текущий архив Харьковского СНХ.

ческой конференции. Все это способствовало тому, что опыт бригады, поддержанный партийными и профсоюзными организациями, был широко распространен на предприятиях и стройках Сталинского экономического района¹.

Заседания технико-экономического Совета и его секций считаются правомочными при наличии половины членов Совета или секции. Решения Совета или секции принимаются простым большинством голосов. Возражения или замечания членов технико-экономического Совета или секций по принятым решениям представляются в письменном виде и докладываются при утверждении решения совнархозом.

Технико-экономический Совет представляет собой орган, действующий на общественных началах. Председатель Совета, его заместители, председатели секций, члены Совета не являются освобожденными работниками и за работу в Совете постоянного вознаграждения не получают. Все решения Совета, как уже говорилось, как правило, носят рекомендательный характер. Однако отдельные решения технико-экономического Совета, утвержденные Советом народного хозяйства, приобретают силу директивы, обязательной для исполнения отраслевыми отделами и управлениями совнархоза, а также промышленными предприятиями.

В соответствии с планом опытно-конструкторских работ на 1960 год Харьковские тракторный и тракторосборочный заводы разработали конструкции и изготовили опытные образцы колесных тракторов Т-19 и Т-20 класса 0,6 тонны. Необходимо было выбрать наиболее удачный образец трактора для постановки его на массовое производство. С целью определения наилучшей машины вопрос был вынесен на рассмотрение технико-экономического Совета совнархоза. Секции машиностроения Совета были представлены подробные результаты государственных испытаний новых тракторов. Для участия в обсуждении этого вопроса на заседание секции были приглашены научные работники политехнического института, научно-исследовательского института сельхозмашиностроения, института гигиены труда и т. д. С докладами выступали главные инженеры тракторного и тракторосборочного заводов товарищи Сериков и Лебединский. Выступившие затем в прениях профессора политехнического института товарищи Медведев и Майер, инженер тов. Коваль и другие обратили внимание членов технико-экономического Совета на целый ряд серьезных недостатков конструктивного характера, которые имели место в рассматриваемых образцах тракторов. Обсуждение помогло секции машиностроения сделать правильный вывод о том, что представленные машины ставить на массовое производство нельзя, так как они не отвечают требованиям, предъявляемым к машинам этого класса.

¹ Советы депутатов трудящихся. М., 1960, № 4, стр. 59.

При этом было также рекомендовано срочно приступить к разработке новой конструкции трактора с использованием наиболее удачных узлов машин Т-19 и Т-20. Рекомендации секции были утверждены постановлением Совнархоза, после чего заводы приступили к разработке новой конструкции трактора.

Интересно отметить некоторые другие обстоятельства, показывающие насколько авторитетным органом, несмотря на его общественный характер, является технико-экономический Совет. Этот орган, в частности, имеет право наравне с совнархозом давать поручения, связанные с разработкой необходимых материалов, обсуждаемых на своих заседаниях, не только своим членам, но и штатным отделам и управлениям Совета народного хозяйства, а также предприятиям, научно-исследовательским, проектным, конструкторским и другим организациям, подведомственным совнархозу.

Следует также подчеркнуть, что контроль за выполнением решений технико-экономического Совета осуществляет не только его президиум, но также соответствующие управления и отделы совнархоза. Все техническое обслуживание Совета (проведение бухгалтерско-финансовых и кассовых операций, размножение, печатание материалов, обслуживание иногородних делегатов и т. д.) осуществляется аппаратом совнархоза.

Технико-экономический Совет вправе привлекать к работе в секциях специалистов из других ведомств, организаций и предприятий, а также специалистов и новаторов производства из других экономических районов. В связи с рассмотрением тех или иных вопросов Совет может образовывать комиссии, созывать рабочие совещания и т. д. В случае необходимости технико-экономический Совет получает от управлений, предприятий, научно-исследовательских и других организаций, как это видно из приведенного ранее примера с тракторами, образцы продукции и сырья, материалы технической информации и пр.

Технико-экономические Советы строят свою работу в тесном содружестве с государственными органами — научно-техническим комитетом, Госпланом, министерствами и т. д. Например, секция химической промышленности Совета народного хозяйства Харьковского экономического административного района вопрос о состоянии и задачах дальнейшей разработки Шебелинского газового месторождения рассматривала совместно с государственным научно-техническим комитетом и Госпланом УССР.

С целью расширения связей совнархозов с трудящимися массами многие технико-экономические советы практикуют выездные заседания секций непосредственно на промышленных предприятиях. Например, секция экономики технико-эко-

номического Совета Харьковского совнархоза свое заседание по вопросу внедрения внутривзаводского хозрасчета проводила на тракторном заводе. В обсуждении этого вопроса приняло участие свыше 200 человек, не являющихся членами совета. Секция пищевой промышленности этого же совета проводила заседание на Харьковской бисквитной фабрике. В обсуждении вопроса дальнейшей автоматизации производства приняли активное участие инженерно-технические работники, рационализаторы и изобретатели фабрики.

Финансирование работ технико-экономического Совета производится за счет средств, отпускаемых из государственного бюджета. Распорядителями государственных средств по технико-экономическому Совету, кроме председателя совета (он же председатель СНХ), являются также его заместители, работающие на общественных началах. В технико-экономическом Совете Харьковского совнархоза одним из заместителей председателя совета является зам. директора политехнического института по научной работе, заслуженный деятель науки профессор В. И. Атрощенко.

Все перечисленные выше положения показывают, насколько эффективной формой сочетания государственного руководства хозяйством с широкой инициативой трудящихся является такая самостоятельная организация, как технико-экономический Совет совнархоза.

Новой формой связи совнархозов с широкими массами трудящихся являются также советы новаторов, создаваемые при многих Советах народного хозяйства.

Советы новаторов создаются, как правило, совместными постановлениями совнархозов и Советов профсоюзов¹. Они представляют собой новые самостоятельные общественные органы, задачи и цели которых заключаются в том, чтобы способствовать более широкому привлечению трудящихся к управлению производством, организационно объединить вокруг себя многочисленный актив передовых производственников, способствовать внедрению прогрессивных методов труда и новой технологии, вести работу по подготовке общественных инструкторов по распространению передового опыта непосредственно на рабочих местах.

Совет новаторов при Харьковском совнархозе состоит из 250 человек. В него входят передовые рабочие промышленных предприятий, активные общественники, ударники коммунистического труда тов. Кисляков К. С. — токарь Харьковского турбинного завода, Герой Социалистического Труда (председатель совета), тов. Заславский А. В. — слесарь Харь-

¹ Смотри, например, Постановление Совета народного хозяйства и Президиумов Советов профсоюзов Харьковской и Сумской областей № 289 от 24 августа 1960 года (Текущий архив СНХ и Облпрофсоветов).

ковского электромеханического завода, депутат Верховного Совета УССР (заместитель председателя совета), тов. Кириченко Г. Ф. — токарь Сумского завода имени Фрунзе (заместитель председателя совета), ударники коммунистического труда — бригадир литейщиков ХТЗ тов. Амелин Ф. С., токарь Харьковского станкостроительного завода тов. Медяник Г. Д., обмотчица электромеханического завода тов. Колесникова З. И. и другие. В состав совета новаторов входит 22 отраслевые секции (литейного производства, электросварочных работ, инструментального производства, химической промышленности, общестроительных и монтажных работ и т. д.). В каждой секции работает по 15—20 передовиков производства.

Советы новаторов имеют право давать свои рекомендации и предложения совнархозу по внедрению в производство новой техники, обобщению и распространению прогрессивных форм труда, по техническому обучению рабочих кадров и т. д. Совнархозы обязаны рассматривать эти предложения и в необходимых случаях обсуждать их на своих заседаниях и принимать необходимые меры.

В процессе своей деятельности советы новаторов могут получать от руководителей предприятий необходимые материалы, техническую документацию и натуральные образцы приспособлений и оснастки, изготовленных по предложениям изобретателей, рационализаторов и новаторов производства, привлекать для чтения докладов и проведения различных технических консультаций специалистов промышленности и строительства, научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, организовывать бригады для оказания помощи отдельным предприятиям по внедрению технических усовершенствований, создавать краткосрочные школы по подготовке общественных инструкторов, издавать информационные листки о передовом опыте, направлять материалы в местные, республиканские и союзные органы печати и т. д. Весьма важным является право совета новаторов — этого самостоятельного органа — рекомендовать органам совнархоза на штатную работу инструкторов по профессиям свои кандидатуры из числа новаторов производства.

Советы новаторов работают в постоянном контакте с промышленными предприятиями. В целях распространения передовых методов труда советы направляют своих членов на заводы, фабрики, в строительные организации, где они практически организуют обобщение и распространение всего нового, передового. Так, например, член совета новаторов Харьковского совнархоза токарь Харьковского завода маркшейдерских инструментов Курманов И. В. в 1960 году посетил Сумской завод электронных микроскопов и электроавтоматики, где после ознакомления с производством предложил целый ряд техни-

ческих усовершенствований и рационализаторских предложений, направленных на улучшение технологического процесса изготовления корпусных деталей. Кроме того, тов. Курманов И. В. рекомендовал рациональную заготовку режущего инструмента, что дало повышение производительности труда и улучшение качества обработки деталей, а также предложил горячую штамповку заготовок на 60 деталей, что дало значительную экономию металла и сократило трудоемкость изготовления деталей. В период своего пребывания на Сумском заводе член совета новаторов провел несколько занятий с рабочими и обучил передовым методам труда 19 молодых производственников¹.

Первичными организациями совета новаторов являются заводские (фабричные) советы новаторов, а также аналогичные органы на предприятиях стройиндустрии. Эти местные органы работают под руководством профсоюзной и других общественных организаций предприятий.

С образованием экономических административных районов вместо деления промышленности на союзную, союзно-республиканскую и местную установлены две формы подчинения: промышленность союзно-республиканская, входящая в ведение Советов народного хозяйства, и промышленность местная, подчиненная непосредственно местным Советам депутатов трудящихся.

Перестройка управления промышленностью и строительством привела к возникновению новых взаимоотношений органов управления промышленностью и строительством с местными Советами.

С образованием Советов народного хозяйства местные органы власти получили гораздо больше возможностей, чем прежде, участвовать в управлении всей промышленностью, даже той, которая непосредственно им не подчинена, а также влиять на все стороны экономической жизни, на развитие производительных сил. С нашей точки зрения было бы неправильно сводить характеристику взаимоотношений местных Советов с совнархозами лишь к тому, что «Советы народного хозяйства не подчиняются местным органам власти», как это делает, например, С. М. Потапова в своей статье, помещенной в № 1 Вестника Московского университета². Такая характеристика является односторонней, она не исчерпывает сущности взаимоотношений между местными Советами и новыми органами управления промышленностью и строительством. Хотя Советы народного хозяйства формально и не под-

¹ По материалам Центр. бюро технической информации Харьковского совнархоза (Текущий архив СНХ).

² Вестник Московского университета, серия X, право, 1960, № 1, стр. 19—40.

чиняются местным органам власти¹, однако Положение о совнархозах предоставляет право областным (краевым) Советам депутатов трудящихся заслушивать доклады председателей Советов народного хозяйства соответствующих экономических административных районов и таким путем участвовать в управлении промышленностью и строительством, находящимися в союзно-республиканском подчинении. Кроме того, советское законодательство в ряде случаев прямо возлагает на местные Советы депутатов трудящихся функцию контроля за деятельностью совнархозов².

Местные Советы депутатов трудящихся широко используют и такую форму контроля за работой союзно-республиканских предприятий и организаций, как доведение до сведения Совета народного хозяйства и правительства союзной республики, которому совнархоз непосредственно подчинен, положения дел на том или ином участке хозяйственного строительства. Здесь необходимо иметь в виду, что и до перестройки управления промышленностью и строительством местные Советы имели предоставленные им законом полномочия доводить до сведения вышестоящих органов (тогда общесоюзных и союзно-республиканских промышленных и строительных министерств и ведомств) о положении дел на том или ином участке хозяйственного строительства. Но имевшаяся ведомственность, а также то обстоятельство, что органы, полномочные решать вопросы деятельности подчиненных им предприятий, находились не в экономических районах, а в Москве, затрудняло быстрое, иной раз, и всестороннее их разрешение. Теперь же местным Советам для урегулирования их взаимоотношений с неподчиненными промышленными предприятиями нет необходимости обращаться в союзные органы государственного управления. Все эти вопросы могут быть решены непосредственно на месте³.

Поэтому при характеристике взаимоотношений местных советских органов с совнархозами не следует все дело сводить лишь к вопросу подчинения или неподчинения одних другим и тем более акцентировать на этом главное внимание, так как в действительности, как мы видим, эта связь носит более глубокий и разносторонний характер.

Мы специально останавливаемся на этом вопросе потому, что тесная связь совнархозов с местными Советами углуб-

¹ Согласно Положению о совнархозах Советы народного хозяйства находятся в непосредственном подчинении Советов Министров союзных республик (Б. Ч.).

² См., например, Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31/VII 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР», устанавливающее целый ряд правовых форм контроля деятельности совнархозов со стороны местных Советов.

³ Б. Б. Хангельдыев. «Местные Советы и предприятия совнархозов». Журн. «Советское государство и право», 1958, № 5.

ляет демократическую сущность новой формы руководства хозяйством, так как эта связь означает сотрудничество Советов народного хозяйства с самыми массовыми организациями трудящихся. Расширению и углублению этой связи совнархозов с местными Советами способствует также и то положение, что в составе многих технико-экономических советов совнархозов активно работают члены исполнительных комитетов Советов, председатели и заведующие отделами исполкомов некоторых городских и районных Советов депутатов трудящихся. Это обстоятельство способствует также процессу возрастания роли советских органов, ибо оно позволяет им лучше координировать свою хозяйственную деятельность с деятельностью совнархозов, объединять усилия в решении важных вопросов управления производством.

При обсуждении проекта перспективного плана развития промышленного производства и строительства на заседании технико-экономического совета Львовского совнархоза с существенными замечаниями и конкретными предложениями выступил председатель плановой комиссии исполкома Волынского областного Совета тов. Студенников. Он заметил, в частности, что Совет народного хозяйства предусматривает недостаточные темпы роста торфяной, мебельной и металлообрабатывающей промышленности и поставил вопрос об ускорении реконструкции кирпичных заводов, сооружении новых предприятий по производству строительных материалов. При окончательном составлении плана эти замечания и предложения были учтены совнархозом¹.

Большое значение для укрепления связей Советов с совнархозами имеют деловые контакты между отдельными секциями технико-экономического совета совнархоза и постоянными комиссиями Советов. Следует заметить, что по своим задачам и по характеру работы технико-экономический совет и его секции имеют много общего с постоянными комиссиями Советов. К тому же в составе секций имеется значительное число членов постоянных комиссий Советов, а в комиссиях — членов секций технико-экономического совета. Например, в составе секции жилищного и культурно-бытового строительства технико-экономического совета Сталинского совнархоза состоит 15 депутатов местных Советов и среди них председатели нескольких постоянных комиссий областного Совета. Всего в работе технико-экономического совета этого совнархоза участвуют 17 депутатов Верховного Совета СССР и Верховного Совета Украины, 65 депутатов областного Совета, 49 депутатов Сталинского городского Совета². Принимая участие в работе технико-экономических советов, депутаты получают возможность непосредственно с шахт и из цехов

¹ «Советы депутатов трудящихся», 1960, № 4, стр. 57—58.

² Там же, стр. 58—59.

заводов нести в совнархозы богатейший производственный опыт масс, который широко используется в государственном управлении социалистическим производством.

Важнейшей особенностью совнархозов, характеризующей их демократический характер, является тесная связь этих органов с общественными организациями трудящихся, такими как профсоюзы, комсомол, научно-технические общества, общества рационализаторов и изобретателей и т. п. В Положении о совнархозах содержится целый ряд рекомендаций, устанавливающих перечень важнейших вопросов организации труда и быта рабочих и служащих, которые могут решаться лишь при обязательном участии профсоюзных комитетов и Советов профсоюзов.

Создание Советов народного хозяйства привело к значительному возрастанию роли местных партийных организаций в руководстве промышленностью и строительством. Приближение государственных органов управления к предприятиям и стройкам способствовало широкому развитию инициативы и активности партийных органов — обкомов, горкомов и райкомов партии. Партийные организации имеют теперь более широкие возможности оказывать свое влияние на работу промышленных предприятий и строительных организаций, ставить перед Советами народного хозяйства конкретные задачи развития социалистического производства, непосредственно и повседневно контролировать их выполнение. Например, Харьковский обком КП Украины на своем Пленуме, состоявшемся в июле 1959 года, рекомендовал Совету народного хозяйства разработать мероприятия, способствующие быстрейшему поднятию технического уровня промышленных предприятий области. В частности было предложено в 1960 году завершить работы по созданию опорно-показательных комплексно-механизированных и автоматизированных цехов: точного литья — на ХТЗ, механического — на заводе «Серп и молот», шлифовально-сборочного — на подшипниковом заводе и аппаратного — на ХЭМЗе. Если раньше, при прежней системе руководства промышленностью, для практической реализации этого постановления потребовалось бы обращаться к вышестоящим организациям за соответствующими решениями, то теперь эти постановления были приняты и осуществлены непосредственно на месте быстро и оперативно.

По постановлению обкома партии, принятому на этом же Пленуме, Совет народного хозяйства разработал детальный план мероприятий по рациональному кооперированию производства и созданию в экономическом районе специализированных производств по изготовлению средств механизации, инструмента, метизов, электродов, а также других видов массовой продукции. Эти мероприятия также успешно выполняются.

Преимущества, присущие Советам народного хозяйства как широко демократическому институту управления промышленностью и строительством, помогают непрерывно совершенствовать организацию социалистического хозяйства, выполнять и перевыполнять производственные планы и в конечном счете способствуют более полному удовлетворению растущих материальных и духовных потребностей советских людей. Уже в 1958 году, т. е. через год после образования Советов народного хозяйства, прирост промышленной продукции в нашей стране был на 17 млрд. рублей больше, чем за предыдущий год¹. За 1959—1960 гг. валовая продукция промышленности увеличилась почти на 23 процента вместо 17 процентов по расчетам к контрольным цифрам и произведено промышленной продукции сверх заданий примерно на 120 миллиардов рублей².

В данной статье рассмотрены лишь отдельные стороны деятельности совнархозов, как новой формы руководства такими важнейшими отраслями народного хозяйства, как промышленность и строительство, однако и они дают возможность сделать некоторые выводы об их значении в дальнейшем развитии социалистической демократии, как главном направлении развития социалистической государственности в период развернутого строительства коммунизма.

Особое значение Советов народного хозяйства с точки зрения развития социалистической демократии заключается в том, что они создают широкие возможности для привлечения трудящихся к управлению производством. Выработка же трудящимися навыков руководства социалистическим хозяйством, как и навыков государственной деятельности вообще, является самым необходимым условием расцвета действительно полной демократии, достижения такого наивысшего развития народовластия, когда в управлении общественными делами участвуют буквально все члены общества без исключения.

Расцвет действительно полной демократии и народовластия является наряду с экономическими факторами важнейшей предпосылкой отмирания государства. Марксизм-ленинизм учит, что по мере приближения советского общества к коммунизму существенным образом будет изменяться государственная организация общества, ее деятельность постепенно будет терять свой политический характер. Этот процесс развития государства несомненно охватывает также и государственные органы управления социалистическим народным

¹ Н. С. Хрущев. «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». Госполитиздат, 1959, стр. 9.

² «Правда», 27/XII 1960 г.

хозяйством. Но если органы государственного принуждения на известной ступени их развития и при определенных внутренних и внешних обстоятельствах отмирают, исчезают полностью, то органы управления народным хозяйством остаются, но они уже не являются в полном смысле этого слова государственными органами, а будут представлять собой органы общественного самоуправления. И в этом общем процессе движения Советского государства к коммунистическому самоуправлению важным шагом является реорганизация государственного руководства промышленностью и строительством и создание Советов народного хозяйства. Советы народного хозяйства представляют собой, как мы видели, весьма благоприятную и эффективную форму привлечения широких масс трудящихся к управлению производством, способствующую выработке у них навыков руководства социалистическим хозяйством. Создание и деятельность совнархозов является одним из выражений объективного процесса развития социалистической демократии, проявляющегося в виде непрерывного и непосредственного перерастания государственности в общественное самоуправление. В этой связи следует указать на то огромное значение, которое придавал Советам народного хозяйства В. И. Ленин. Он подчеркивал, что по мере приближения нашей страны к коммунизму роль Советов народного хозяйства будет непрерывно возрастать, что именно этому аппарату управления народным хозяйством суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 372.

РОЛЬ РАБОЧИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ КАК БОЕВЫХ ПОМОЩНИКОВ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ОРГАНИЗАЦИИ МАССОВОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ СРЕДИ РАБОЧЕГО КЛАССА УССР В ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА

В. П. ЦВЕТКОВ

Общественные корреспонденты партийно-советской печати являются активными помощниками Коммунистической партии в повышении политической и трудовой активности советского народа. Они оказали и продолжают оказывать большую помощь партии в организации массового социалистического соревнования в промышленности. Изучение опыта руководства Коммунистической партии работой общественных корреспондентов в этой области представляет большой научный и практический интерес. Оно позволит полнее исследовать деятельность партии по развитию массового социалистического соревнования, полнее использовать в настоящее время все ценное из опыта, накопленного партией.

Между тем, этот вопрос получил недостаточное освещение в историко-партийной литературе. Совершенно отсутствуют научные исследования, специально посвященные руководству Коммунистической партии деятельностью рабселькоров по организации и развитию массового социалистического соревнования. Явно недостаточно освещен этот вопрос и в работах, посвященных началу массового социалистического соревнования и деятельности Коммунистической партии по его развитию. Единственным исследованием, в котором обстоятельно, на основе значительного фактического материала показано значение деятельности рабочих корреспондентов и массовых форм работы печати и рабкоров для развития массового социалистического соревнования, является работа Р. П. Дадыкина «Начало массового социалистического соревнования в

промышленности СССР»¹. Однако в работе использованы в основном материалы промышленных предприятий РСФСР. Деятельность рабкоров УССР показана недостаточно. В других работах этому вопросу уделяется слишком мало внимания. Так, в работе Л. Бейлина и Л. Бородкина «Как родилось социалистическое соревнование»² только упоминается о некоторых производственных переключках и смотрах, проведенных рабкорами на страницах газет. Но значение их для развития массового социалистического соревнования не раскрывается.

В статье Я. М. Дахия «Великий трудовой подвиг рабочего класса СССР (Из истории зарождения массового социалистического соревнования на промышленных предприятиях Ленинграда в годы первой пятилетки)»³ используются материалы лишь одного всесоюзного смотра производственных совещаний и то в незначительной мере. Роль рабкоров в проведении этого смотра совершенно не показана. А ведь прежде всего силами рабочих корреспондентов проводились общественные смотры, конкурсы и переключки предприятий. В работе Е. Г. Подвигиной «Партия — организатор трудового подъема в борьбе за развитие тяжелой индустрии»⁴, где отдельный большой раздел посвящен социалистическому соревнованию и движению новаторов, при изложении истории возникновения и развития социалистического соревнования о роли рабочих корреспондентов в этом деле упоминается лишь мельком. То же следует сказать и о работе Г. Н. Евстафьева, посвященной социалистическому соревнованию⁵.

Все это приводит к тому, что деятельность Коммунистической партии по развитию массового социалистического соревнования излагается неполно. Видимо сказывается недостаточная изученность опыта руководства партии движением рабселькоров.

В настоящей статье делается попытка выяснить значение деятельности рабочих корреспондентов, руководимых Коммунистической партией, в организации массового социалистического соревнования в промышленности УССР (1929 г.).

¹ Р. П. Дадыкин. Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР, Госполитиздат, 1954.

² Л. Бейлин, Л. Бородкин. Как родилось социалистическое соревнование, Профиздат, 1960.

³ Я. М. Дахия. Великий трудовой подвиг рабочего класса СССР. Вестник Ленинградского университета, 1954, № 6, стр. 23.

⁴ Е. Подвигина. Партия — организатор трудового подъема в борьбе за развитие тяжелой индустрии, Госполитиздат, 1957.

⁵ Г. Н. Евстафьев. Социалистическое соревнование — закономерность и движущая сила экономического развития советского общества, Госполитиздат, 1952.

Идея организации социалистического соревнования была выдвинута партией сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Эта идея была изложена В. И. Лениным в знаменитой статье «Как организовать соревнование?», написанной в декабре 1917 г. (по старому стилю). Уже в первые годы Советской власти эта идея стала осуществляться по инициативе рабочего класса в виде коммунистических субботников, явившихся выражением нового, коммунистического отношения к труду.

Благодаря руководству Коммунистической партии и в результате роста творческой активности трудящихся масс социалистическое соревнование получило дальнейшее развитие в период индустриализации нашей страны.

Важную роль в развитии социалистического соревнования сыграли возникшие в первые годы индустриализации страны такие методы массовой работы партийно-советской печати и ее рабочих корреспондентов как общественно-производственные смотры, переключки и конкурсы предприятий. ЦК ВКП(б) отмечал в мае 1929 г., что «ленинская идея об организации соревнования на социалистических началах рабочим классом практически воплощалась и воплощается в наших условиях в организации коммунистических субботников, производственных смотров, переключек, конкурсов и т. д., сыгравших уже большую роль в деле подъема народного хозяйства СССР»¹.

Общественно-производственные смотры проводились путем обсуждения рабкорами на страницах печати достижений и недостатков в работе предприятий. Кроме того, под руководством партийных организаций на предприятиях создавались смотровые комиссии, созывались расширенные производственные совещания. Они подробно рассматривали всю работу предприятия. Эта деятельность смотровых комиссий и производственных совещаний также широко освещалась рабкорами в печати. Конкурсы на лучшее предприятие проводились путем подробного описания рабкорами на страницах печати работы предприятий, участвующих в конкурсе, сравнения их производственных показателей и выявления того, кто должен служить примером в работе для других. Переключки предприятий также проводились силами рабочих корреспондентов через печать. Рабкоры информировали коллективы переключаемых предприятий о передовых методах работы, достижениях и недостатках. Они сигнализировали также о перебоях в поступлении материалов и деталей с заводов-поставщиков и т. д.

¹ «О социалистическом соревновании фабрик и заводов». Постановление ЦК ВКП(б). 9 мая 1929 г. В кн.: «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», Сб. документов, Госполитиздат, 1957, т. 2, стр. 59.

* При систематическом применении этих форм массовой работы печати и ее рабочих корреспондентов в значительной мере обеспечивалось все то, что по указанию В. И. Ленина необходимо было для организации соревнования: гласность, дающая возможность знакомить всех трудящихся с ходом экономического развития в различных местностях, сравнимость результатов социалистического строительства в различных районах страны, возможность практического повторения положительного опыта одних предприятий другими¹.

Исходя из огромного значения общественно-производственных смотров, конкурсов и переключек предприятий, проводимых рабочими корреспондентами на страницах печати, Коммунистическая партия всячески поощряла их широкое распространение. Так, еще 11 марта 1927 г. в центральном органе ВКП(б), газете «Правда» была опубликована статья заведующего отделом печати ЦК ВКП(б) С. И. Гусева, в которой рассказывалось о положительном опыте проведения общественно-производственных смотров на страницах газеты «Тверская правда»². В постановлении отдела печати ЦК ВКП(б) от 17 июня 1927 г. «О задачах печати в области освещения работы производственных совещаний» была одобрена практика проведения рядом газет смотров и конкурсов производственных совещаний и указано на необходимость и в дальнейшем продолжать ее³. ЦК КП(б)У, руководя массовой работой печати и рабкоров, поощрял систематическое проведение смотров и конкурсов предприятий силами рабкоров. Так, в августе 1928 г. отдел печати ЦК КП(б)У разослал редакциям газет УССР письмо, в котором рекомендовал шире практиковать проведение производственных смотров и конкурсов предприятий⁴.

Благодаря постоянной заботе Коммунистической партии общественно-производственные смотры, переключки и конкурсы предприятий получили широкое распространение в работе рабкоров как всего Советского Союза, так и УССР, сыграв важную роль в развитии социалистического соревнования в промышленности. В июне 1927 г., например, рабкеры днепропетровского завода «Красный Профинтерн» под руководством заводской партийной организации и редакции окружной газеты «Звезда» провели грандиозный общественный смотр завода. Все материалы смотра публиковались в печати. За время смотра в 18 номерах газеты «Звезда» было опубликовано 168 заметок рабкоров завода и бесед представителей

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 182.

² «Правда», 11 марта 1927 г.

³ «Справочник партийного работника», вып. VI, ч. I, Госиздат, 1928, стр. 758—759.

⁴ Партагив Института истории партии при ЦК КП Украины — филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1361, л. 38.

редакции с рабочими¹. Кроме того, заводская стенная газета «Винт» в каждом своем выпуске освещала ход смотра завода.

Смотр поднял производственную активность рабочих, способствовал распространению передового производственного опыта, а также выявлению и устранению недостатков в работе. Если за 6 месяцев 1927 г. от рабочих завода поступило 60 рационализаторских предложений, то за 18 дней смотра— 400 предложений и 200 рабкоровских заметок². Благодаря смотру на заводе повысилась трудовая дисциплина и увеличился выпуск продукции. Если до смотра гвоздильный цех завода, например, выпускал 350—400 тонн гвоздей в месяц, то после него — 500 тонн³.

Большое значение для организации массового социалистического соревнования имела и переключка луганских рудников, проведенная рабкорами газеты «Луганская правда» в период с ноября 1927 г. до конца февраля 1928 г. За время переключки на страницах «Луганской правды» была рассмотрена работа всех шахт Луганщины. Переключка способствовала распространению передового опыта работы, установлению связей между отдельными шахтами. Уже в ходе переключки многие шахты применили у себя опыт тех шахт, которые имели достижения в рационализации производства. Секретариат ЦК КП(б)У высоко оценил эту переключку и поручил отделу печати ЦК КП(б)У все материалы о ней издать отдельной брошюрой⁴.

В декабре 1927 г. началась переключка между рабкорами газет «Коммунар» (запорожский завод «Коммунар»), «Косилка» (Люберецкий завод сельскохозяйственных машин) и «Красный Октябрь» (Сталинградский металлургический завод)⁵. Эта переключка была постоянной и способствовала взаимному ознакомлению рабочих этих заводов с достижениями в их работе, давала возможность сравнивать результаты работы и распространять передовой производственный опыт.

Особенно большую роль в развитии массового социалистического соревнования сыграли грандиозные всеукраинские и всесоюзные смотры, переключки и конкурсы, проведенные рабкорами на страницах партийно-советской печати в конце 1928 г. и начале 1929 г. В сентябре—декабре 1928 г., например, был проведен конкурс на лучшее производственное совещание

¹ Газ. «Звезда». Орган Днепропетровского окружкома КП(б)У окрсполкома, окрпрофсовета, дорпрофсоюза и райкома металлистов за июнь 1927 г.

² Там же, 29 июня 1927 г.

³ Там же, 21 июля 1927 г.

⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КП Украины — филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1360, л. 74.

⁵ «Коммунар». Двухнедельная газета рабочих и служащих завода «Коммунар» (Запорожье), 11 декабря 1927 г.

промышленных предприятий Украинской ССР. Конкурсные рабкоровские материалы печатались в республиканских газетах «Комуніст», «Пролетарий» и «Пролетар». В одной только газете «Пролетарий» было напечатано свыше 30 рабкоровских корреспонденций¹.

Наиболее массовым был всесоюзный смотр произведенных совещаний, проведенный по инициативе органа ЦК ВКП(б), газеты «Правда». В УССР смотр повсеместно начался в декабре 1928 г. и закончился в феврале 1929 г.² Особенно с большим подъемом смотр развернулся в Харькове, Днепропетровске, Донбассе. В Луганском округе, например, смотры производственных совещаний были проведены на 141 предприятии, в Артемовском—на всех 118, в Днепропетровском—на всех 92³, в Харьковском на 135 предприятиях⁴. Вся смотровая работа отражалась на страницах газет. Большая заслуга в этом принадлежит рабкорам. Центральная смотровая комиссия СССР отмечала в своем постановлении, что печать смогла стать организатором этого смотра благодаря деятельности рабкоров⁵. В Харькове, например, при организации смотра отличились рабкоры «Правды» Магид, Андриющенко, Краснокутский, Кива, Седоволосый, Бородай, Морозова, Дубинин, Каневский, Цуприк, Кураков, Уркин, и другие. Они по заданию «Правды» организовали первый в стране коллективный рабкоровский рейд, имевший целью проверить ход смотра производственных совещаний на предприятиях Харькова⁶. Этот вид коллективной работы рабселькоров получил широкое распространение. В 1929 г. в Харькове было уже 500 рабкоров «Правды», регулярно участвующих в проведении коллективных рейдов рабочих корреспондентов⁷.

Под руководством местных партийных организаций большую смотровую работу в помощь «Правде» развернули заводские стенные и многотиражные газеты УССР, создающиеся в основном, как известно, рабочими корреспондентами.

Так, бюро партийной ячейки строительного цеха Енакиевского металлургического завода в январе 1929 г. утвердило план проведения смотра производственных совещаний и постоянно руководило работой по освещению в стенной газете

¹ «Пролетарий». Всеукраинская рабочая газета. Орган ЦК КП(б)У и ВУСПС за сентябрь—декабрь 1928 г.

² ЦГАОР и СС СССР, ф. 5451, оп. 13, ед. хр. 244, л. 6.

³ Р. П. Дадькин. Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР, Госполитиздат, 1954, стр. 84.

⁴ Партархив Харьковского областного комитета КП Украины, ф. 5, оп. 1, д. 34, л. 298.

⁵ ЦГАОР и СС СССР, ф. 5451, оп. 13, ед. хр. 241, л. 132.

⁶ «Пролетарий», 30 декабря 1929 г.

⁷ А. Магид. Памятные встречи. (Записки старого рабкора). Владимирское книжное издательство, 1960, стр. 90.

результатов смотра¹. Под руководством партийной организации Днепроostroя на страницах газеты «Днепрострой» была развернута широкая агитационная кампания за участие рабочих масс во всесоюзном смотре производственных совещаний. Кроме этого, на строительстве было создано широкое совещание партийного и профсоюзного актива, рабкоров, технического персонала и администрации по вопросам проведения смотра производственных совещаний². В результате большой подготовительной работы рабкору Днепроostroя активно провели смотр. За время смотра в газете «Днепрострой» было напечатано около 80 рабкоровских заметок о работе производственных совещаний. Кроме этого рабкору выпустили 11 стенных газет, посвященных смотру производственных совещаний на строительстве³. Такую же большую работу в период смотра провели под руководством заводских партийных организаций рабкору и редакции газет «Молотилка» (харьковский завод «Серп и молот»), «Коммунар» (запорожский завод «Коммунар») и многих других многотиражных газет.

Всесоюзный смотр производственных совещаний имел большое значение, дав огромный толчок развитию массового социалистического соревнования, дальнейшему росту творческой инициативы трудящихся. По 15 основным промышленным округам СССР за время смотра было внесено более 320 тыс. рационализаторских предложений против 62 тыс. за весь 1928 г.⁴. В одном Луганском округе было внесено 68 тыс. предложений⁵, в Киевском—10 тыс.⁶, на запорожском заводе «Коммунар» — 368 против 765 предложений за весь предыдущий год⁷.

Всесоюзные общественно-производственные смотры, переключки и конкурсы предприятий, проводимые с помощью рабочих корреспондентов партийно-советской печатью, способствовали заключению первых массовых договоров на социалистическое соревнование. Так, в конце 1928 г. и начале 1929 г. по инициативе рабкоров смоленской газеты «Рабочий путь» была проведена всесоюзная переключка-соревнование на лучшее проведение перевыборов Советов и оказание помощи деревне в проведении избирательной кампании. Переключка-соревнование охватила всю страну. Рабочие брали на себя обяза-

¹ Партархив Сталинского областного комитета КП Украины, ф. 671, оп. 1, д. 69, л. 9.

² «Днепрострой». Двухнедельная газета. Орган рабочих и служащих Днепроostroя (с. Кичкас), 26 января 1929 г.

³ Там же, 5 марта 1929 г.

⁴ ЦГАОР и СС СССР, ф. 5451, оп. 13, ед. хр. 241, л. 132.

⁵ «Луганская правда». Орган Луганского окрпарткома, окрисполкома и профсовета, 4 июля 1929 г.

⁶ «Пролетарська правда». Ежедневная газета Киевского окружка КП(б)У, окрисполкома и окрпрофсовета, 20 апреля 1929 г.

⁷ «Коммунар», 6 апреля 1929 г.

тельства по образцовому проведению переыборов Советов, оказанию помощи деревне и вызывали на соревнование рабочих других предприятий. Так по почину рабкоров впервые был применен в широком масштабе метод массового социалистического соревнования. Вскоре массовое социалистическое соревнование распространилось на производственную деятельность рабочего класса, имея важное значение как «коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионов масс трудящихся»¹.

Таким образом, общественно-производственные смотры, переклички и конкурсы предприятий имели исключительно важное значение. Активно участвуя в их подготовке и проведении, рабочие корреспонденты партийно-советской печати УССР способствовали развитию творческой активности многомиллионных масс трудящихся, помогали Коммунистической партии развернуть массовое социалистическое соревнование.

Принятие и начало осуществления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, явившегося программой развернутого наступления социализма по всему фронту, потребовало дальнейшего усиления трудовой активности многомиллионных масс трудящихся. Важнейшее значение для организации и усиления трудового подъема рабочего класса и успешного выполнения первого пятилетнего плана имело социалистическое соревнование. В 1929 г., вошедшем в историю как год великого перелома, социалистическое соревнование стало массовым движением рабочего класса за повышение производительности труда, досрочное выполнение производственных планов, овладение новой техникой, досрочный ввод в строй новых предприятий.

Массовое социалистическое соревнование было подготовлено всей предшествующей деятельностью Коммунистической партии по развитию политической и трудовой активности рабочего класса.

Большое значение в разворачивании массового социалистического соревнования имела статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?», впервые опубликованная в январе 1929 г. в «Правде», а затем и в других газетах. В статье дано теоретическое обоснование социалистического соревнования трудящихся масс, как метода строительства социализма, и изложены указания по его организации в нашей стране.

Опубликование статьи В. И. Ленина положило начало новому этапу в деятельности рабочих корреспондентов по развитию массового социалистического соревнования. На этом этапе своей деятельности партийно-советская печать УССР с помощью своих рабочих корреспондентов активно участвовала в работе по заключению договоров на социалистическое

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 109.

соревнование между предприятиями, цехами, бригадами и отдельными рабочими. Коммунистическая партия Украины систематически руководила этой работой печати и рабкоров. 27 марта 1929 г. было опубликовано постановление ЦК КП(б)У «О социалистическом соревновании в деле снижения себестоимости и улучшения качества продукции», в котором давались указания, как организовать соревнование, и излагались его задачи¹. Вслед за этим, 6 апреля 1929 г. ЦК КП(б)У созвал совещание редакторов центральных газет УССР. Совещание обратило внимание редакций газет на необходимость лучшего использования рабочих корреспондентов, как активных помощников партии в развертывании массового социалистического соревнования².

Руководствуясь указаниями ЦК КП(б)У, местные партийные организации проводили большую работу среди рабочих корреспондентов, сосредоточивая их внимание на вопросах организации массового социалистического соревнования. Так, под руководством районного партийного комитета в Красно-Чечеловском районе Днепропетровска проводились рабкоровские конференции, совещания, семинары и консультации для рабкоров, на которых одним из основных вопросов было социалистическое соревнование. Кроме этого вопрос об участии рабкоров и стенгазет в организации массового социалистического соревнования рассматривался в мае 1929 г. на заседании агитационно-пропагандистского отдела районного комитета партии³, в июне 1929 г. — на совещании агитпропорганизаторов производственных партийных ячеек района⁴, в июле 1929 г. — на заседании массового отдела редакции газеты «Звезда» вместе со сверхштатными организаторами рабкоров Красно-Чечеловского района⁵.

Руководящие рабселькоровские органы также нацеливали рабкоров на активную помощь партии в ее работе по разворачиванию массового социалистического соревнования. На страницах журнала украинских рабселькоров «Робселькор» систематически помещались указания и советы рабочим корреспондентам по вопросам их участия в развитии социалистического соревнования. Первое Всеукраинское совещание рабселькоров, созванное под руководством ЦК КП(б)У в июне 1929 г., в своем обращении к рабселькоромам⁶ и решении «Со-

¹ «Харьковский пролетарий». Орган Харьковского окружкома КП(б)У, окрисполкома, окрпрофсовета и горсовета, 27 марта 1929 г.

² Там же, 10 апреля 1929 г.

³ Партархив Днепропетровского областного комитета КП Украины, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 1196, л. 14—15.

⁴ Там же, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 1279, л. 105.

⁵ Там же, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 1279, л. 155.

⁶ «Робселькор», 1929, № 7, стр. 32.

циалистического соревнования и рабселькоры»¹ призвало рабселькоров стать в первые ряды борцов за осуществление генеральной линии партии, активно проводить в жизнь идею В. И. Ленина о социалистическом соревновании.

Особенно большую работу среди рабочих корреспондентов проводил центральный орган ВКП(б), газета «Правда». Издаваемый при ней журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент» призвал рабкоров «быть застрельщиками социалистического соревнования»². В период организаций массового социалистического соревнования в «Правде» систематически помещались очень ценные материалы, посвященные участию печати и рабочих корреспондентов в организации массового социалистического соревнования. Так, в апреле 1929 г. в «Правде» была помещена подборка материалов под заголовком «Социалистическое соревнование и печать»³. В ней разъяснялась роль печати в организации социалистического соревнования, указывалось на необходимость освещать ход социалистического соревнования, подробно рассказывать в печати о работе лучших предприятий, а также анализировалась работа ряда газет по организации соревнования. Такой же материал был помещен в «Правде» и в мае 1929 г. под заголовком «Печать — организатор социалистического соревнования»⁴.

«Правда» показывала и образцы всестороннего освещения хода социалистического соревнования. Так, в «Правде» за 14 мая 1929 г. мастерски был подан материал о лучших ударных бригадах промышленных предприятий Днепропетровска. Здесь подробно была рассмотрена их работа, помещена подборка заметок рабкоров Днепропетровска о работе ударных бригад. В заметке рабкора М. Зака «Первые показатели соревнования», например, рассказывалось, как создавались ударные бригады в мартеновском цехе завода им. Петровского и как они добились укрепления трудовой дисциплины, повышения производительности труда и выполнения производственной программы в марте 1929 г. на 119%. Рабкор В. Перчаник в заметке «Мартеновцы не подкачали» рассказал о работе ударников мартеновского цеха завода им. В. И. Ленина в Днепропетровске⁵.

Выполняя указания партии, рабочие корреспонденты УССР усилили свое внимание к вопросам социалистического соревнования, стали больше писать о нем. Это позволило многим газетам уже в апреле 1929 г. ввести постоянные отделы, озаглавливаемые: «С завода на завод несется призыв к соревнованию», «Социалистическое соревнование» («Харьков-

¹ «Рабселькор», 1929, № 7, стр. 40.

² «Рабоче-крестьянский корреспондент», 1929, № 12, стр. 14.

³ «Правда», 4 апреля 1929 г.

⁴ «Правда», 14 мая 1929 г.

⁵ «Правда», 16 мая 1929 г.

ский пролетарий»), «Всесоюзное социалистическое соревнование» («Известия», Одесса), «За социалистическое соревнование фабрик и заводов» («Пролетарська правда», Киев) и т. п. В этом отделе газеты «Пролетарська правда», например, в апреле 1929 г. было помещено свыше 50 рабкоровских корреспонденций, в газете «Харьковский пролетарий» — около 60, а в газетах «Известия» (Одесса) и «Пролетар» (Харьков) только за вторую половину апреля — соответственно около 60 и около 40¹. В своих корреспонденциях этого периода рабкоры давали первые сведения о соревновании, сообщали о вызовах и принятии вызовов на соревнование, начинали организовывать индивидуальные и коллективные переклички между рабочими по поводу соревнования.

Например, рабкор, подписавшийся «Ю. Ш.» в корреспонденции «Живой поток», рассказал, что социалистическое соревнование всколыхнуло всю рабочую массу на харьковском заводе «Серп и молот». Цехи завода вызывают на соревнование друг друга. На заводе создано 17 ударных бригад. После начала соревнования между цехами ежедневный выпуск машин на заводе увеличился на 10 штук. В слесарном цехе ударная бригада из четырех человек стала выполнять работу, которую прежде делали 6 человек². Рабкор И. Криволапов в корреспонденции «Дзержинцы, отвечайте!» рассказал, что во всех цехах Днепропетровского металлургического завода широко обсуждался вопрос о социалистическом соревновании. 9 апреля на пленуме завкома было решено вызвать на социалистическое соревнование каменской завод им. Ф. Э. Дзержинского. Рабкор призывал рабочих завода им. Ф. Э. Дзержинского принять вызов на соревнование³. Дзержинцы приняли вызов. Так вступили в соревнование два крупнейших завода Украинской ССР: с шахты № 14-19 Рутченковского рудника рабкоры сообщали, что здесь возникла комсомольская ударная бригада из 26 рабочих. На участке, отведенном ей, раньше добывали за смену 40—50 вагонеток угля. Молодежная бригада стала добывать по 100—110 вагонеток угля⁴.

В конце января и начале февраля 1929 г. началось социалистическое соревнование между угольными шахтами Донбасса за повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции и улучшение трудовой дисциплины. Рабочие корреспонденты Донбасса приняли активное участие в организации этого соревнования. Они по поручениям шахте-

¹ «Пролетарська правда» за апрель 1929 г.; «Харьковский пролетарий» за апрель 1929 г.; «Известия» Одесского окружкома КП(б)У, окрисполкома и ОСПС» за 16—30 апреля 1929 г.; «Пролетар» за 16—30 апреля 1929 г.

² «Харьковский пролетарий», 13 апреля 1929 г.

³ «Пролетарий», 16 апреля 1929 г.

⁴ «Пролетарий», 11 апреля 1929 г.

ров составляли и направляли в газеты коллективные вызовы на соревнование, участвовали в организации перекличек шахт, направляли в газеты материалы о соревновании.

Начали соревнование по инициативе «Рабочей газеты» (Москва) шахтеры Горловского рудника № 1, Луганского округа, которые в коллективном письме, опубликованном 31 января 1929 г. в «Рабочей газете», вызвали на соревнование шахтеров Ирминского рудника того же округа. Ирминцы приняли вызов. Их примеру последовали шахтеры других рудников. Так, шахтеры рудника им. Парижской коммуны взяли на себя повышенные обязательства и призвали все рудники Луганского округа последовать их примеру¹. Газеты Донбасса «Кочегарка», «Диктатура труда», «Луганская правда» уже в феврале 1929 г. с помощью рабкоров проводили на своих страницах перекличку шахт по вопросам соревнования, а также помещали первые сводки и сообщения о соревновании, поступающие от рабкоров.

В результате массового социалистического соревнования на многих соревнующихся шахтах значительно возросла производительность труда, улучшилась трудовая дисциплина. Так, если в феврале 1929 г. на Горловском руднике № 1 плановые задания добычи угля не выполнялись, то уже в марте 1929 г. этот рудник перевыполнил плановое задание, добыв свыше 6 тыс. тонн угля сверх плана. Число выходов на работу в марте 1929 г. в среднем на каждого забойщика достигло 22 против 15,6 в феврале². В ходе соревнования успешно осуществлялся обмен передовым опытом работы. Это особенно ярко сказалось в применении Ирминским рудником прогрессивной календарной системы работы, разработанной на Горловском руднике³.

Во время заключения массовых договоров на социалистическое соревнование особенно важную роль играли переклички между предприятиями, цехами, бригадами и отдельными рабочими, проводимые с помощью рабкоров через печать. Так, рабочий литейного цеха харьковского завода «Серп и молот», рабкор Горянинов, взяв на себя повышенные трудовые обязательства через цеховую стенгазету «Вагранка» вызвал на соревнование 5 человек⁴. Бригада электромонтеров правого берега Днепростроя обязалась максимально экономить электроматериалы и через газету «Днепрострой» вызва-

¹ «Пролетарий», 24 февраля 1929 г.

² «Из информационного обзора ВЦСПС о развертывании социалистического соревнования на предприятиях Советского Союза за февраль — апрель 1929 г.» В кн. «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)», Сб. документов, Госполитиздат, 1956, стр. 239.

³ «Из сообщений об итогах первого месяца социалистического соревнования в угольной промышленности». В кн. «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)», стр. 202.

⁴ «Молотилка», 20 апреля 1929 г.

ла на соревнование бригады электромонтеров левого берега и мостового перехода¹. В ходе соревнования электрики правого берега к августу 1929 г. добились сокращения расхода материалов на 9,5%, электрики левого берега — на 10%².

Редакция киевской газеты «Пролетарська правда» образовала несколько выездных редакций из своих сотрудников и рабкоров. Эти выездные редакции с помощью рабкоров организовали переключки цехов, предприятий и даже целых округов по поводу их соревнования. В результате этого в апреле 1929 г. были заключены договоры на социалистическое соревнование между киевскими заводами «Физико-химик» и кабельным³, «Большевик» и «Краснознаменный»⁴, а также между Киевским и Одесским округами⁵.

Под руководством Коммунистической партии, активными помощниками которой были рабочие корреспонденты, массовое социалистическое соревнование бурно развивалось. Ценную инициативу проявил ленинский комсомол, начавший соревнование за снижение себестоимости и повышение качества продукции. Вслед за комсомольцами в социалистическое соревнование включились остальные массы трудящихся. Уже к марту 1929 г. в УССР соревновались 30 заводов и фабрик⁶.

Коммунистическая партия под руководством ленинского Центрального Комитета решительно разоблачила попытки правых оппортунистов игнорировать творческую активность трудящихся масс в разворачивании социалистического соревнования и ударничества и тем самым сорвать высокие темпы индустриализации страны. Активно помогая партии в развитии массового социалистического соревнования, рабочие корреспонденты давали достойную отповедь правым капитулянтам.

Выражением подлинного пролетарского интернационализма была переключка рабкоров Украины с рабкорами других республик СССР по вопросам социалистического соревнования. Так, рабкоры Днепростроя переключались с рабкорами Турксиба⁷, Свистроя⁸ и Москвы⁹. Переключались также рабкоры Москвы и Ленинграда с рабкорами Донбасса¹⁰, раб-

¹ «Днепрострой», 5 апреля 1929 г.

² «Из информационного обзора Центрального Комитета профсоюза строительных рабочих о ходе социалистического соревнования на строительстве». В кн. «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)», стр. 292.

³ «Пролетарська правда», 17 апреля 1929 г.

⁴ Там же, 19 апреля 1929 г.

⁵ Там же, 21 апреля 1929 г.

⁶ «Коммунист», 26 марта 1929 г.

⁷ «Днепрострой», 1—5 мая 1929 г.

⁸ Там же, 9 августа 1929 г.

⁹ Там же, 3 мая 1929 г.

¹⁰ «Правда», 10 и 16 февраля 1929 г.

кору Московского и Харьковского¹, Киевского и Тбилисского² округов, соревнующихся между собой.

Огромное значение для развития массового социалистического соревнования имело обращение XVI конференции ВКП(б) «Ко всем рабочим и трудящимся Советского Союза», в котором, одоблив и поддержав инициативу ленинского комсомола и печати в развертывании массового социалистического соревнования, конференция призвала всех трудящихся активно включиться в него. Конференция указала прессе, а следовательно и ее рабочим корреспондентам, на необходимость поставить вопросы организации массового социалистического соревнования в центре своей работы, «выносить на суд масс сравнение деловых итогов соревнующихся предприятий, систематически освещая ход соревнования и поднимая широчайший интерес к нему.»³

Вслед за этим, 9 мая 1929 г., ЦК ВКП(б) принял постановление «О социалистическом соревновании фабрик и заводов», в котором задачи по дальнейшему развитию социалистического соревнования, намеченные XVI партийной конференцией, получили дальнейшую конкретизацию. Конкретными задачами социалистического соревнования должны были стать: выполнение и перевыполнение планов социалистического строительства, снижение себестоимости промышленной продукции и поднятие производительности труда, улучшение качества продукции, борьба с прогулами и браком, уменьшение накладных расходов, достижение образцовой производственной дисциплины, активное проведение технических усовершенствований и рационализации производства⁴.

После XVI партийной конференции рабочие корреспонденты, руководимые партийными организациями, вступили в новый, высший этап своей деятельности по развитию массового социалистического соревнования. Они еще больше усилили свое внимание к вопросам соревнования. Поступление в редакции газет рабкоровских заметок, посвященных социалистическому соревнованию, увеличилось. Так, если в апреле 1929 г., в каждом номере газеты «Днепрострой» помещалось по 3—4 рабкоровские заметки, посвященные социалистическому соревнованию, то в конце мая и в последующие месяцы — по 8—12. Всего в июне 1929 г. в этой газете было помещено около 30 рабкоровских заметок о социалистическом соревновании, а в июле — свыше 40⁵. В газете «Диктатура труда» (Сталино) только за первую половину июня 1929 г. в отделе

¹ «Комунист», 9 июля 1929 г.

² «Пролетарська правда», 5 января 1929 г.

³ «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. II, стр. 498.

⁴ См. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 2, стр. 59—60.

⁵ «Днепрострой» за апрель—август 1929 г.

«Социалистическое соревнование» было помещено свыше 40 рабкоровских заметок. В этом же отделе органа ЦК КП(б)У газеты «Комунист» в июле 1929 г. было помещено 50 рабкоровских заметок, в газете «Луганская правда» во второй половине июля 1929 г. — свыше 60, а в первой половине ноября того же года — свыше 70¹.

Рабкоры помогали партийным организациям внимательно следить за развитием социалистического соревнования и своевременно обнаруживать и устранять недостатки в его организации. Для лучшего освещения хода социалистического соревнования рабкоры, руководимые партийными организациями, стали выпускать специальные номера заводских газет и бюллетеней. Так, в июне 1929 г. рабкоры киевских соревнующихся заводов «Физико-химик» и кабельного решили регулярно выпускать объединенную многотиражную газету, посвященную социалистическому соревнованию². Рабкоры ХПЗ в каждом цехе стали выпускать бюллетени о ходе соревнования³. Такие же бюллетени начала выпускать и редколлегия стенгазеты «Клещи» Васильковского кожзавода⁴.

Стремясь как можно лучше освещать ход социалистического соревнования, редколлегии цеховых и заводских газет вызывали на социалистическое соревнование друг друга. Например, в мае 1929 г. редколлегия одной из стенгазет Днепро-строя «Плотина» вызвала на соревнование редколлегию стенгазеты «Дніпрельстанові вогні» этого же строительства за лучшее освещение в газете хода социалистического соревнования. «Мы будем, — писала редколлегия стенгазеты «Плотина», — освещать ход соревнования, проводя беседы с рабочими на собраниях, в красных уголках, столовых, на работах, с отдельными рабочими, с хозяйственниками, с партийными и профсоюзными организациями об их участии в соревновании, о результатах соревнования, о недостатках в этой работе и о том, как эти недостатки ликвидировать»⁵.

Большую пользу приносили коллективные рейды рабкоровских бригад, предпринимавшиеся с целью разъяснения рабочим ленинской идеи социалистического соревнования, проверки хода соревнования, обобщения и распространения положительного опыта работы ударников, выявления препятствий, мешающих развитию массового социалистического соревнования и движению ударников. Так, еще в мае 1929 г. на Харьковском электромеханическом заводе была организована по-

¹ «Диктатура труда». Орган Сталинского окружкома КП(б)У, окр. исполкома и ОСПС за 1—15 июня 1929 г.; «Комунист» за июль 1929 г.; «Луганская правда» за 16—31 июля и 1—15 ноября 1929 г.

² «Пролетарська правда», 13 июня 1929 г.

³ «Харьковский пролетарий», 2 апреля 1929 г.

⁴ «Пролетарська правда», 1 июня 1929 г.

⁵ «Днепрострой», 31 мая 1929 г.

стоянная бригада рабкоров в составе Иванько, Княжицкого, Кирина, Шепетилова, Козлова, Кабанова, Октябрева, Кашаева и других. Созданная для помощи в организации соревнования на заводе бригада много сделала в его развитии¹. Бригада рабкоров харьковского завода «Свет шахтера» в декабре 1929 г. провела большую разъяснительную работу в цехах завода по вопросам социалистического соревнования. В результате этого более 300 рабочих завода объявили себя ударниками².

Учитывая важное значение движения ударников и ударных бригад для успешного строительства социализма, рабочие корреспонденты, руководимые партийными организациями, уделяли им много внимания. Рабкоры Горловского машиностроительного завода, например, в июле 1929 г. организовали по заданию редакции окружной газеты «Кочегарка» смотр ударных бригад завода, которые вступили в соревнование. В ходе смотра был выяснен состав бригад, показаны их достижения, выяснено, что им мешает в работе³.

Бригады харьковских рабкоров «Правды» к 14 декабря 1929 г., — годовщине первого в СССР рабкоровского рейда, проведенного в Харькове, — организовали 6 рейдов, проверяя, как помогают ударникам на предприятиях, какое участие принимают в социалистическом соревновании коммунисты и комсомольцы, что делают для развития социалистического соревнования рабкоры, как руководят соревнованием производственные совещания, завкомы, партийные организации⁴.

Активно работали рабкоры центрального органа КП(б)У, газеты «Комуніст». В газете регулярно велся отдел «На фронте социалистического соревнования», составляемый преимущественно из рабкоровских заметок, посвященных как достижениям, так и встречающимся недостаткам в организации социалистического соревнования.

Рабкоровские выступления в печати имели большое значение для развития социалистического соревнования. Так, в заметке рабкора И. Михеева критиковалась плохая организация соревнования на шахте № 12 Брянского рудоуправления (Луганский округ)⁵. Рабкоровская критика принесла пользу. Недостатки в организации социалистического соревнования на шахте были ликвидированы и соревнование получило большой размах. Уже в октябре 1929 г. в газете «Комуніст» сообщалось, что в результате социалистического соревнования на шахте № 12 за второе полугодие себестои-

¹ «Харьковский пролетарий», 26 мая 1929 г.

² «Шахтерка». Двухнедельная газета рабочих и служащих Харьковского завода «Свет шахтера», 17 декабря 1929 г.

³ «Пролетар», 2 июля 1929 г.

⁴ «Комуніст», 14 декабря 1929 г.

⁵ Там же, 31 июля 1929 г.

мость угля уменьшилась на 9%, производительность вруб-
вых машин увеличилась более чем на 25%¹.

Рабочие корреспонденты не только писали о социалисти-
ческом соревновании и работе ударных бригад, но и сами
показывали трудящимся массам примеры трудового героиз-
ма. Нередко рабкоры являлись организаторами производ-
ственных ударных бригад. Например, редколлегия стенгазе-
ты трубного цеха луганского завода им. Октябрьской рево-
люции организовала производственную ударную бригаду,
состоящую из 25 человек. Инициаторами создания бригады
были рабкоры Мишин, Чушкин и Уступов. На том же заводе
редколлегия стенгазеты прокатного цеха «Красный прокат-
чик» также организовала производственную ударную брига-
ду. Возглавил ее рабкор Волокитин. Рабкоры паровозного
отдела того же завода организовали 7 ударных бригад, в
которые вошли 37 рабочих, из которых 9 были рабкорами².

Рабочие Украины одними из первых в стране выдвинули
лозунг выполнения пятилетки в четыре года. Так, 1 августа
1929 г. в газете «Луганская правда» была помещена заметка
под заголовком «Не пять, а четыре, а может быть и три».
В ней высказывалось мнение о том, что Луганский паровозо-
строительный завод может выполнить пятилетку в четыре
года³. Такое обязательство луганские рабочие и взяли на се-
бя, призвав последовать их примеру рабочих других заводов.

Под руководством Коммунистической партии социалисти-
ческое соревнование уже в 1929 г. стало массовым движе-
нием рабочего класса за досрочное выполнение производ-
ственных планов, за повышение производительности труда,
овладение новой техникой. Благодаря этому производитель-
ность труда в 1929 г. выросла по сравнению с прошлым го-
дом на 13%, превзойдя довоенный уровень более чем в
1,3 раза. На основе этого партии и советскому государству
удалось разрешить и проблему социалистического накопле-
ния.

В связи с окончанием 1928—1929 хозяйственного года с
середины сентября под руководством партийных организа-
ций развернулась кампания проверки выполнения договоров
на социалистическое соревнование. Эта кампания имела
большое значение для дальнейшего развития массового со-
циалистического соревнования. Руководя этой кампанией,
партия придала ей массовый характер. ЦК КП(б)У в поста-
новлении от 20 августа 1929 г. «О печатных заводских газе-
тах» нацелил заводскую печать на конкретное освещение
вопросов социалистического соревнования⁴. Центральный

¹ «Комунист», 16 октября 1929 г.

² «Рабоче-крестьянский корреспондент», 1929 г., № 20—21, стр. 66.

³ «Луганская правда», 1 августа 1929 г.

⁴ «Культурне будівництво в Українській РСР», 36. документів, т. 1,
Держполітвидав УРСР, 1959. стр. 468.

орган КП(б)У, газета «Комуніст» в октябре 1929 г. призвала проверять выполнение договоров на социалистическое соревнование «вместе со всей пролетарской массой»¹ и поставить «каждый пункт социалистического договора на проверку всех рабочих». Кампания сопровождалась цеховыми, заводскими и окружными конференциями ударных бригад и проводилась под знаком подготовки к Всесоюзному съезду ударных бригад.

Рабочие корреспонденты УССР принимали самое деятельное участие в кампании проверки и перезаключения договоров на социалистическое соревнование. Центральный руководящий орган рабочих и крестьянских корреспондентов Украины, журнал «Робселькор» систематически инструктировал рабкоров на своих страницах и освещал ход этой работы рабкоров. В октябре 1929 г. журнал посвятил свою редакционную статью роли рабкоров в проверке результатов социалистического соревнования².

Заметки рабкоров, посвященные подведению итогов социалистического соревнования, помещались в специально введенных в газетах УССР отделах. В газете «Луганская правда», например, этот отдел назывался «Проверка хода соревнования», в газете «Пролетар» — «Украина в социалистическом соревновании».

Формы участия рабочих корреспондентов в кампании проверки выполнения договоров на социалистическое соревнование были самые разнообразны.

Редакции газет и рабкоров УССР проводили смотры и переклички предприятий, посвященные подведению итогов социалистического соревнования за прошедший год. Это позволяло привлечь к кампании подведения итогов широкие массы рабочего класса.

Рабкоровы газеты «Днепрострой» в октябре 1929 г. выпустили смотровой листок социалистического соревнования — приложение к газете «Днепрострой». Смотровой листок открывался призывом: «Заключая новые договоры по соревнованию, учтем все недостатки прошлых». Он был посвящен происходящей на строительстве проверке выполнения старых договоров на социалистическое соревнование и заключению новых договоров³.

Рабкоровы многотиражной газеты Макеевских металлургического и труболитейного заводов в октябре—ноябре 1929 г. организовали смотр цехов Макеевского металлургического завода. В каждый цех завода рабкоровы предпринимали кол-

¹ «Комуніст», 17 октября 1929 г.

² «Робселькор», 1929, № 10, стр. 1.

³ «Днепрострой», 27 октября 1929 г.

лективный рейд («налет») для выяснения того, как проходит социалистическое соревнование, каковы достижения и недостатки в работе цехов и т. д. Проверкой было установлено, что в результате социалистического соревнования мартеповцы достигли определенных успехов. Они перевыполнили производственную программу, снизили себестоимость своей продукции. Вместе с тем рабкоры отмечали, что несмотря на это мартеповцы своих обязательств не выполнили. Они обязывались производственную программу перевыполнить на 10%, а перевыполнили лишь на 5,8%, себестоимость продукции снизить на 9%, а снизили менее чем на 9%, прогулы не ликвидировали, а, наоборот, увеличили, производительность труда не повысили. В своих заметках, помещенных в этом номере газеты, рабкоры писали о том, что взятые на себя обязательства надо выполнять и добиться того, чтобы мартеповский цех стал передовым¹.

Большая кампания, посвященная подведению итогов социалистического соревнования в 1928-1929 хозяйственном году, была проведена рабкорами на страницах сталинской окружной газеты «Диктатура труда». 5 сентября 1929 г. редакция газеты обратилась к рабочим с призывом: «Выходите на общественный смотр. Рассказывайте о ваших успехах и неудачах, о том, как проходит на вашем предприятии социалистическое соревнование. Массовая проверка должна быть развернута немедленно»². На этот призыв горячо откликнулись рабочие, ударники, рабкоры. Уже 5 сентября 1929 г. в газете было помещено свыше 10 заметок рабкоров, посвященных подведению итогов соревнования.

Благодаря активной помощи рабкоров успешно работали выездные редакции газеты «Диктатура труда» на шахтах и заводах Сталинского округа. С помощью рабочих корреспондентов они проверяли выполнение договоров на социалистическое соревнование. Материалы выездных редакций и рабкоров помещались в газете «Диктатура труда» под рубриками «Проверяем выполнение вседонецкого горняцкого договора», «Опыт лучшей — всем шахтам Сталинщины», «Слово предоставляется ударникам» и т. д. Посвящая специальные страницы газеты работе отдельных шахт, выездные редакции и рабкоры подробно рассмотрели работу целого ряда шахт и заводов. Были «Макеевская страница»³, «Буденновская страница»⁴, «Петровская страница»⁵ и т. д.

Под рубрикой «Берите опыт обновленной шахты» были помещены заметки рабкоров и материалы выездной редакции газеты, рассказывающие об опыте работы шахты № 1

¹ «Домна», 30 октября 1929 г.

² «Диктатура труда», 5 сентября 1929 г.

³ «Диктатура труда», 1 декабря 1929 г.

⁴ Там же, 6 декабря 1929 г.

⁵ Там же, 8 декабря 1929 г.

(Сталинский округ), выполнившей план добычи угля на 117%. При этом большое внимание было уделено показу опыта работы ударных бригад шахты¹. Наряду с этим была рассмотрена работа отстающей шахты «Лидиевка», где было плохо организовано социалистическое соревнование, а технические неполадки тормозили работу ударных бригад². Кроме этого, на страницах газеты «Диктатура труда», с помощью рабочих корреспондентов была организована переключка между соревнующимися Макеевским и Сталинским металлургическими заводами. Переключка также посвящалась подведению итогов социалистического соревнования в 1928-1929 хозяйственном году.

По постановлению президиума ВЦСПС для проверки хода социалистического соревнования создавались рабочие бригады. Они составлялись из ударников и рабкоров. Нередко такие бригады состояли из одних рабкоров и по заданию редакций газет совершали коллективные рейды на предприятия с целью проверки выполнения социалистических обязательств. Например, в сентябре 1929 г. бригада харьковских рабкоров по заданию редакции газеты «Пролетар» совершила поездку в Макеевку, Сталино и Мариуполь (Жданов) с целью проверки результатов социалистического соревнования. Материалы этой проверки были помещены в газете «Пролетар» под заголовком «Бригада харьковских рабкоров на проверке социалистического соревнования»³.

Бригада кировоградских рабкоров газеты «Комуніст» в составе Н. Горбачева, Н. Торговицкого и С. Клеймана в течение семи дней проверяла выполнение договора на социалистическое соревнование коллективом харьковского завода «Серп и молот», соревнующегося с коллективом кировоградского завода «Червона зірка». О результатах проверки было рассказано в коллективной корреспонденции бригады рабкоров, помещенной в газете «Комуніст». Рабкоры отмечали успехи коллектива завода «Серп и молот» в соревновании. За истекшие 11 месяцев года себестоимость продукции завода была снижена на 7,8%, производительность труда — повышена на 18%, улучшилась трудовая дисциплина. Наряду с этим бригада рабкоров указала и на недостатки. Производственный план не выполнялся. За 11 месяцев он был выполнен лишь на 92%. Недостаточно велась на заводе борьба с прогулами, простоями и браком⁴.

Нередко предприятия, участвовавшие в социалистическом соревновании, избирали своими арбитрами определенные га-

¹ «Диктатура труда», 11 октября 1929 г.

² Там же, 15 октября 1929 г.

³ «Пролетар», 5 и 6 сентября 1929 г.

⁴ «Комуніст», 1 октября 1929 г.

зеты. На Украине чаще всего избирались арбитрами газеты «Пролетарий», центральный орган КП(б)У «Комуніст» и центральный орган ВКП(б) «Правда». Редакции газет, избранные арбитрами, при проверке выполнения договоров на социалистическое соревнование широко привлекали к этой работе рабкоров. Так, в июне 1929 г. редакция газеты «Комуніст» вместе с рабкорами заводской газеты «Молотилка» проверяла ход соревнования на харьковском заводе «Серп и молот». Проверка показала, что социалистическое соревнование на заводе «Серп и молот» является действительно массовым движением. К июню 1929 г. оно охватило уже 1227 рабочих. Рабкоры отмечали, что другие заводы должны брать пример с завода «Серп и молот» в деле привлечения масс к социалистическому соревнованию¹.

Таким образом, в год великого перелома рабочие корреспонденты партийно-советской печати УССР активно помогли Коммунистической партии в развитии массового социалистического соревнования, сыгравшего исключительно важное значение в повышении производительности труда, обеспечении быстрых темпов индустриализации страны, досрочном выполнении производственных планов, в решении проблемы социалистического накопления. Деятельность рабочих корреспондентов по развитию массового социалистического соревнования имела большое значение и для преодоления сопротивления правых оппортунистов высоким темпам индустриализации, развернутому наступлению социализма по всему фронту.

Активно участвуя в организации и проведении общественно-производственных смотров, конкурсов и перекличек, организуя коллективные рейды, рабкоры помогали партии развивать творческую активность трудящихся, распространить в массах ленинскую идею социалистического соревнования. Показывая достижения и недостатки в организации массового социалистического соревнования, освещая его ход, распространяя передовой опыт ударников социалистического строительства, принимая деятельное участие в кампании подведения итогов социалистического соревнования, рабкоры способствовали его дальнейшему развитию и превращению под руководством Коммунистической партии в важнейший метод строительства социализма и коммунизма.

¹ «Комуніст», 16 июня 1929 г.

МЕЖКОЛХОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

А. Я. ЛЕБЕДЕВ

(кафедра политической экономии)

В постановлении январского (1961 г.) Пленума ЦК КПСС указывается, что борьба за неуклонный подъем сельского хозяйства является важнейшим условием построения коммунизма. Семилетним планом предусмотрено такое развитие сельского хозяйства, которое позволит полностью удовлетворить потребности населения в продовольствии, а промышленности — в сырье.

К концу семилетки сельское хозяйство будет производить 10—11 миллиардов пудов зерна, мяса (в убойном весе) — 16 миллионов тонн, молока — 100—105 миллионов тонн, шерсти — 548 тысяч тонн, яиц — 37 миллиардов штук. Поставленная задача в области увеличения мяса, молока, шерсти и яиц будет достигнута за счет увеличения поголовья всех видов скота и повышения продуктивности животноводства. Колхозы имеют неограниченные возможности для дальнейшего развития сельского хозяйства и, в особенности, животноводства. Для бурного подъема всех отраслей сельского хозяйства государство оказывало и оказывает ему огромную материальную помощь путем значительных капитальных вложений и предоставления колхозам кредитов на расширение производственных фондов. За счет укрупнения колхозов и развития их общественного хозяйства в сельском хозяйстве СССР произошел дальнейший рост концентрации производства. Укрупнение колхозов привело к объединению средств производства, увеличению неделимых фондов, а значит и к росту возможностей быстрого развития колхозного производства. Колхозы стали крупными, многоотраслевыми хозяйствами. После реорганизации МТС созданы еще более благоприятные условия для специализации отдельных отраслей сельского хозяйства.

В последние 5—6 лет колхозы добились значительного повышения производительности труда, что является одним из важных условий увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Так, если в 1953 году зерна было произведено 5,36 миллиардов пудов, то в 1960 году — 8,131 миллиард пудов. В 1953 году произведено мяса 5,822 тысячи тонн, а в 1960 году 8,725 тысяч тонн. Таким образом, производство мяса за семь лет возросло в полтора, а закупки — в два с лишним раза¹. За семь лет производство молока возросло в 1,7 раза, а закупки — почти в два с половиной раза.

Организуя всенародную борьбу за крутой подъем сельского хозяйства, Коммунистическая партия за последние годы провела ряд организационных мероприятий, которые сыграли важную роль в дальнейшем развитии сельского хозяйства.

В социалистическое сельское хозяйство направлена новая, современная техника. Был восстановлен принцип материальной заинтересованности колхозников в результатах труда. Отменены обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов хозяйствами колхозников.

Вся история колхозного строя показывает, что успехи колхозов в укреплении их экономики, в улучшении жизни трудящегося крестьянства были бы невозможны без всесторонней помощи Советского государства и в первую очередь без помощи тяжелой индустрии.

Продажа сельскохозяйственной техники колхозам усилила концентрацию колхозного производства. Достаточно сказать, что к концу 1959 года колхозы Харьковской области имели тракторов в 15-кратном исчислении 10,3 тысяч штук. Значительно возросла также численность других сельскохозяйственных машин. Продажа тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин колхозам способствовала более рациональному использованию этой техники, укрепила материально-техническую базу колхозов и обеспечила дальнейшее увеличение производительности труда, снижение себестоимости продукции и лучшее использование закрепленных земель.

На основе роста общественного производства и повышения его товарности увеличиваются доходы колхозов и отчисления в неделимые фонды. Денежные фонды колхозов Харьковской области с 1953 по 1959 год выросли с 639 миллионов рублей до 1,8 миллиарда рублей. Значительно выросли отчисления в неделимые фонды колхозов. Если в 1952 году отчисления в неделимые фонды колхозов составляли 120,5 миллионов рублей, то в 1957 году они возросли до 242,3 миллиона рублей, а в 1959 году отчисления составляют более 400 миллионов рублей, или 25% общего дохода колхозов, т. е. выросли по сравнению с 1952 годом более чем в 3,3 раза. Общая стои-

¹ Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 18 января 1961 года.

мость неделимых фондов к 1959 году составляла 2,2 миллиарда рублей против 665,0 миллионов рублей в 1952 году, т. е. выросла более чем в 3,3 раза¹.

Ныне колхозный строй находится на новом этапе своего развития: колхозное производство характеризуется высоким уровнем концентрации, сосредоточением всех элементов сельскохозяйственного производства — земли, машин, орудий, рабочей силы в руках одного хозяина — колхоза. Высокий уровень концентрации колхозного производства позволяет совершенствовать социалистическую кооперацию труда в колхозах, расширять его специализацию, делает труд более производительным.

Борьба за повышение экономической рентабельности колхозного производства и расширение строительства в колхозах вызвала к жизни возникновение межколхозных объединений, для развития которых теперь созданы необходимые материальные предпосылки.

Н. С. Хрущев в своей речи на декабрьском (1959 г.) Пленуме ЦК КПСС отметил, что надо объединить усилия колхозов в решении таких, например, вопросов, как строительство электростанций, дорог, школ-интернатов и прочее. Это разумно и надо будет сделать².

Необходимость этого вызывается тем, что организация крупных предприятий по производству кирпича, черепицы, переработки фруктов, овощей, осуществление строительства производственных и культурно-бытовых зданий, дорог, электростанций, организация откормочных пунктов невозможна или нерациональна для отдельных колхозов. В отдельности каждый колхоз не имеет также возможностей заниматься повседневно строительством, так как для этого нет в достаточном количестве нужных кадров, строительных механизмов, а руководители колхозов не в состоянии систематически руководить строительством. Все это и обусловило необходимость объединения усилий и материальных средств нескольких колхозов и создания различного рода межколхозных предприятий.

Межколхозные строительные и другие объединения ведут все работы самостоятельно и руководители колхозов освобождаются от повседневного руководства строительством, что дает возможность им глубже заниматься основными отраслями сельского хозяйства.

Дальнейшее развитие сельского хозяйства требует не только строительства производственных помещений, но и внедрения полной механизации и автоматизации отдельных произ-

¹ Годовые отчеты Управления сельского хозяйства по Харьковской области, 1952, 1953, 1959 гг.

² Н. С. Хрущев. Речь на декабрьском Пленуме ЦК КПСС 1959 г., «Правда», 28 декабря 1959 г.

подственных процессов. В колхозном производстве очень мало еще применяется электроэнергия. Это также требует больших работ по осуществлению электрификации сельскохозяйственного производства, которые могут быть более успешно произведены межколхозными строительными организациями.

На январском Пленуме (1961 г.) отмечалось, что некоторые руководители колхозов ошибочно считают электрифицированным колхоз, когда электроэнергия используется всего лишь для освещения помещений. Это только начало электрификации. Для того, чтобы электрифицировать колхозное производство, многим колхозам нужно построить электролинии с подключением их к государственным электросетям, соорудить подстанции, а в ряде районов развернуть строительство межколхозных электростанций. В ряде колхозов низкий уровень электрификации и механизации приводит к очень высокой себестоимости производимой продукции, особенно молока и мяса. На высокой себестоимости продуктов животноводства сказываются большие затраты на корма. В большинстве областей Украины и черноземных областях РСФСР имеются сахарные заводы, дающие большое количество дешевого и полезного корма в виде жома и патоки. На некоторых сахарных заводах плохо использовался жом для откорма скота ввиду того, что перевозка жома и патоки на фермы колхозов обходилась очень дорого. В настоящее время колхозы используют жом на межколхозных откормочных пунктах, построенных вблизи сахарных заводов. Первые опыты работы межколхозных откормочных пунктов показали высокую экономическую рентабельность, откорм скота стал обходиться дешевле и колхозы стали больше ставить скота на откорм. Так, например, колхозы Купянского района, построив вблизи сахарного завода откормочный пункт, откармливают на нем в год более 20 тысяч голов скота и получают дополнительно 14—15 тысяч центнеров мяса. Построены откормочные межколхозные пункты также вблизи других сахарных заводов. В Харьковской области получили распространение межколхозные хозяйства по выращиванию птицы, особенно по использованию рек, озер и прудов для водоплавающей птицы. Для возникновения и развития межколхозных кооперативных связей, в форме межколхозных предприятий, в настоящее время имеются соответствующие социально-экономические и материальные предпосылки. Этим, собственно, и объясняется быстрое и широкое распространение новых форм производственной кооперации в колхозной деревне в настоящее время. Впервые эти формы межколхозных производственных связей возникли при строительстве электростанций, водохозяйственных и оросительных сооружений. Однако такого рода связи колхозов носили в довоенные годы и в период первых после-

военных пятилеток эпизодический характер. Это объясняется тем, что капитальное строительство велось тогда в сравнительно малых масштабах и колхозы сами в отдельности справлялись с таким объемом строительных работ.

В послевоенные годы колхозное строительство стало одной из важных задач развития колхозного производства. XX съезд КПСС указал пути решения этой задачи — создание межколхозных строительных организаций, которые непосредственно сосредоточили бы в своих руках все дело производственного и культурно-бытового строительства на селе. Значительный рост колхозного производства требует большого количества дополнительных построек: складских помещений, животноводческих ферм, пунктов искусственного осеменения, мастерских, гаражей, дорог и т. д. Колхозников беспокоил и вопрос строительства новых жилых домов, клубов, школ, больниц, детских садов, магазинов. Возросший объем строительства в каждом колхозе может быть выполнен только путем объединения материальных средств ряда колхозов и создания специализированных и оснащенных строительными механизмами межколхозных строительных предприятий. В 1956 году в Краснокутском, Балаклейском, Печенежском и других районах Харьковской области начали создаваться межколхозные объединения по производству местных строительных материалов.

Основная задача межколхозных предприятий по производству строительных материалов заключается в том, чтобы обеспечить колхозное строительство местными строительными материалами. В короткое время были созданы кирпичные, шлакоблочные, черепичные и цементные заводы, предприятия для выработки самана и других строительных материалов.

В Харьковской области, начиная с 1956 года, с каждым годом увеличивается количество межколхозных строительных организаций и объем выполняемых ими строительных работ. Об этом свидетельствует следующая таблица.

Г о д ы	К-во межколхозных строй. орг.	Число колхозов-пайщиков	Объем выполненных работ (в млн. руб.).	Построено объектов
1956	9	252	5,0	13
1957	18	345	26,0	113
1958	19	407	32,3	174
1959	24	474	58,7	307

Характерным является то, что по мере укрепления экономики колхозов возникают все более мощные межколхозные объединения. Так, например, Краснокутская межколхозная строительная организация Харьковской области, созданная в

феврале 1959 года, сразу оказалась в состоянии вести строительство 20 объектов, в то время как в 1956 году 9 межколхозных строительных организаций вели строительство только 13 объектов.

В связи с большим объемом развернувшегося строительства в колхозах почти во всех республиках и областях создано большое количество межколхозных строительных организаций. В РСФСР в 1960 году всех межколхозных организаций насчитывалось 1300, из них — 462 строительных. На Украине в 1960 году было 1330 межколхозных объединений, в том числе 587 строительных. На Украине межколхозными объединениями охвачено свыше 85% колхозов, а в Харьковской области — 75% колхозов.

Наряду со строительными межколхозными объединениями значительное развитие получила организация межколхозных откормочных пунктов. На межколхозных откормочных пунктах достигается более высокая производительность труда, снижается себестоимость животноводческой продукции, более рационально используются корма. В 1960 году по Харьковской области насчитывалось 22 откормочных пункта. Колхозами Чугуевского и Печенежского районов построен откормочный пункт, на котором будет откармливаться ежегодно 14—15 тысяч голов скота. Межколхозные откормочные пункты, созданные около сахарных заводов, используя жом для откорма крупного рогатого скота, добились резкого снижения себестоимости производимого ими мяса.

Январский (1961 г.) Пленум ЦК КПСС обратил внимание на то, что колхозы в настоящее время мало производят скороспелого мяса, в том числе птицы, особенно водоплавающей. Многие колхозы решили, в целях наиболее полного и эффективного использования природных условий для выращивания птицы, создать крупные специализированные межколхозные хозяйства по производству птичьего мяса. В Харьковской области построено два крупных птицекомбината: Чугуевский широкогабаритный, механизированный на 12 тысяч голов птицы и Змиевской птицекомбинат, на котором организовано круглогодичное выращивание птицы.

Большую роль в росте материального и культурного уровня нашего народа должны сыграть межколхозные предприятия по переработке продукции сельского хозяйства. В некоторых колхозах, расположенных далеко от железных дорог и пристаней, скапливается в конце лета много овощей и фруктов, которые зачастую портятся, так как невозможно своевременно отправить их в города. Поэтому нужно строить в сельских районах заводы для переработки скоропортящейся сельскохозяйственной продукции. Естественно, что колхозам экономически выгодно строить эти заводы как межколхозные предприятия, и в некоторых районах они уже созданы. Меж-

колхозные объединения создаются по отдельным отраслям и видам производства, что привело к образованию разнообразных форм этих объединений, которые решают отдельные производственные задачи. В 1961 году насчитывалось уже более 10 форм межколхозных объединений. Например: строительные, по откорму скота, птицы, транспортные, лесозаготовительные, по электрификации сельского хозяйства, по переработке сельскохозяйственных продуктов и т. д. Поэтому возникает вопрос, следует ли колхозам создавать отдельные объединения по каждой отрасли хозяйства, а не лучше ли будет сконцентрировать все отдельные производственные предприятия в одно многоотраслевое межколхозное хозяйство. Некоторые рассматривают специализированные предприятия межколхозных объединений, как самостоятельные и не связанные друг с другом. Такое решение этого вопроса нельзя признать правильным. Межколхозные объединения должны создаваться как единые многоотраслевые хозяйства, способные выполнять различные производственные задачи. Большинство межколхозных объединений на деле не ограничиваются одной какой-либо специализированной деятельностью, а занимаются различными отраслями колхозного производства. В Харьковской, Белгородской и других областях многие колхозные объединения, хотя они и называются строительными объединениями, на самом деле занимаются и строительством, и производством строительных материалов, и откормом скота, и электрификацией колхозов. Вот, например, Борисовская межколхозная строительная организация Белгородской области производит большое количество кирпича, черепицы, шлакоблоков, самана и железобетонных конструкций. Из произведенного строительного материала сооружает разнообразные здания и производственные помещения. Она же построила откормочный пункт для крупного рогатого скота и свиней, где откармливается ежегодно около 5 тысяч голов скота. Этот откормочный пункт является одной из отраслей межколхозного объединения. Строительная организация занимается электрификацией пяти колхозов района, которая будет закончена в 1961 году.

Можно привести ряд других примеров, говорящих в пользу того, что необходимо межколхозные объединения создавать как крупные многоотраслевые хозяйства, а не как раздробленные по отдельным отраслям. Поэтому специализированные наименования межколхозных объединений зачастую не соответствуют той разносторонней деятельности, которой они занимаются. Существующие разнообразные формы межколхозных производственных связей необходимо объединить в единое межколхозное хозяйство, которое должно выполнять все производственные задачи обслуживаемых колхозов района. Это обеспечит более оперативное руководство и экономи-

ческую мобильность этих хозяйств и сократит расходы на содержание административно-технического персонала. Единые межколхозные объединения должны создаваться в пределах административных районов. Разумеется, что при строительстве крупных цементных заводов, заводов по переработке овощей, фруктов, электростанций может потребоваться создание межколхозного объединения и нескольких районов.

Межколхозная кооперация—это добровольное объединение отдельных колхозов для совместной производственной деятельности в той или иной сфере колхозного производства, которая ведется на высокomeханизированной основе. Межколхозная производственная кооперация не только способствует обобществлению процесса производства материальных благ, но и ведет к повышению производительности труда, к снижению издержек производства, к увеличению объема выпускаемой продукции. На основе концентрации производства и роста экономики колхозов расширились рамки межколхозной кооперации.

Расширение рамок колхозной кооперации первоначально проходило за счет объединения нескольких мелких артелей в одну крупную, а затем за счет создания межколхозных предприятий. О преимуществах укрупненных хозяйств ярко свидетельствуют итоги работы колхоза «Украина» Городокского района, Хмельницкой области. До объединения с экономически слабой сельскохозяйственной артелью имени Жданова колхоз «Украина» собирал зерновых в среднем с гектара по 16,8 центнеров, сахарной свеклы по 212 центнеров. На каждые сто гектаров земельных угодий производилось: мяса — по 36 центнеров, молока — по 152 центнера. В 1959 году объединенный колхоз собрал в среднем с гектара по 26,6 центнеров зерновых и по 350 центнеров сахарной свеклы. Производство мяса на сто гектаров сельхозугодий достигло 106 центнеров, молока до 472 центнеров. Увеличение производства сельскохозяйственных продуктов было достигнуто, прежде всего, за счет правильного использования машин, земельных угодий и лучшей организации труда.

Однако укрупнение колхозов имеет свои пределы. В сельском хозяйстве, как и в промышленности, существуют свои оптимальные размеры хозяйств, диктуемые особенностями производства, организацией труда и другими условиями сельскохозяйственного производства. Проведенное в СССР укрупнение колхозов диктовалось прежде всего требованиями наиболее полного и рационального использования сельскохозяйственной техники, лучшей организации производства. Однако оптимальному размеру сельскохозяйственного предприятия не отвечают не только колхозы-карлики, но и колхозы сверхгиганты. Слишком большое укрупнение ведет к тому, что становится трудно управлять таким хозяйством.

Н. С. Хрущев на январском 1961 г.) Пленуме ЦК КПСС в своем замечании по выступлению председателя колхоза «Украина» тов. Ткачук указал, что «особенно увлекаться укрупнением не надо». Многие важные задачи дальнейшего развития колхозного производства следует решать, используя большие возможности в развитии межколхозных производственных связей. Расширение межколхозной производственной кооперации путем создания межколхозных объединений приносит большую экономическую выгоду колхозам, способствует дальнейшему росту их экономики, дальнейшему развитию колхозного строя.

Обобщая пятилетний опыт работы межколхозных предприятий, надо отметить, что они, как правило, имеют более совершенную материально-техническую базу, чем отдельные колхозы. Инженерно-техническое и агрозоотехническое руководство в них более квалифицированное. Межколхозные предприятия применяют метод хозяйственного расчета, добиваются значительного повышения производительности труда.

Наиболее богатый опыт своей деятельности накопили межколхозные строительные организации. Они на практике показали, что являются передовой, прогрессивной формой осуществления строительства в деревне. В настоящее время строительство в деревне характеризуется не только большим ростом объема строительных работ и производством, своими силами строительных материалов, но и новой организацией производства строительных работ. Необходимость строительства в колхозах таких сложных объектов, как дома культуры, медицинские учреждения, предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов, школы-интернаты, строительство поселков городского типа требуют производства строительных работ на более высоком техническом уровне. Понятно, что колхозные строительные бригады, которые слабо снабжены техникой и квалифицированными кадрами, не могли обеспечить экономное, быстрое выполнение строительных работ.

Межколхозные строительные организации, сосредоточив в своих руках строительные машины и механизмы и создав постоянные кадры квалифицированных рабочих, ведут строительство в сравнительно большом объеме, применяют передовые методы труда, повышают производительность труда, снижают себестоимость строительства. Опыт работы межколхозных строительных организаций Харьковской области показывает, что большое значение для их рентабельной работы имеет создание своей материально-технической базы.

О росте материально-технической базы межколхозных строительных организаций свидетельствуют следующие показатели по Харьковской области:

№№ п/п.	Наименование	1957	1958	1959	Рост за два года
1	2	3	4	5	6
1	Действующие кирпичные заводы	6	11	15	2,5 раза
2	Мастерские по производству песочно-цементной черепицы	2	10	12	6 раз
3	Каменные карьеры	4	5	—	—
4	Известковые предприятия	—	—	1	1
5	Полигоны для железобетонных изделий	—	—	2	
6	Столярные мастерские	7	16	19	2,7 раза
7	Автомшины	94	141	195	2 раза
8	Тракторы	5	7	15	3 раза
9	Пилорамы	12	20	33	2,8 раза
10	Краны «Пионер»	4	10	10	2,5 раза
11	Растворомешалки	22	35	57	2,6 раза
12	Транспортеры и др.	10	10	24	2,4 раза

Из таблицы видно, что в межколхозных строительных организациях Харьковской области произошел рост производственной базы. Однако по некоторым элементам ее темпы роста отстают от средних по Украине.

В настоящее время в колхозной деревне существует некоторая диспропорция, которая образовалась между быстрым ростом машин, занятых непосредственно в сельском хозяйстве (тракторы, комбайны и др.) и наличием техники в строительном производстве на селе.

Многие межколхозные строительные организации не имеют таких средств механизации строительных работ, как подъемные краны, транспортеры, канавокопатели, бульдозеры, скреперы. Приобрести все эти машины и механизмы одной организации иногда не под силу, к тому же и экономически невыгодно, ибо они не всегда нужны. Учитывая это, председатель Нововодолажской межколхозной строительной организации Р. П. Абрамкин считает необходимым создание в области зональных прокатных станций, на которых будут сосредоточены машины и механизмы. Это предложение тов. Абрамкина Р. П. заслуживает всяческой поддержки и превращения в жизнь.

В последующие годы семилетки еще в больших масштабах развернется строительство в деревне. Достаточно сказать, что в 1965 году в Харьковской области предусмотрено построить животноводческих, хозяйственных и культурно-бытовых помещений на сумму свыше 30 миллионов рублей. Поэтому применение на селе индустриальных методов строи-

тельства приобретает исключительно важное значение. Осуществление же индустриальных методов строительства немислимо без укрепления и расширения материально-производственной базы межколхозных строительных организаций. На 5-й сессии Верховного Совета СССР (1960 г.) товарищ Н. С. Хрущев указал, что без создания мощной строительной индустрии и развития промышленности строительных материалов нельзя успешно выполнить программу строительных работ, намеченных семилетним планом. Это в полной мере касается и межколхозных строительных организаций, которые должны взять твердый и последовательный курс на индустриализацию строительства, шире применять прогрессивные методы строительства, повседневно укреплять собственную производственную базу, расширять производство строительных материалов.

Межколхозные строительные организации Харьковской области за годы своего существования добились значительного увеличения производства строительных материалов, что видно из данной таблицы:

№№ п/п.		Ед. изм.	1956	1957	1958	1959
1	Выпуск кирпича	тыс. шт.	—	1050	5485,0	12399,0
2	Выпуск черепицы песочно-цементной	»	—	443	941,3	823,0
3	Добыча камня	тыс. м ³	3,0	11,0	23,8	23,3
4	Выжиг извести	тонн	—	—	16,7	550,0
5	Производство шлакоблоков	тыс. шт.	—	40,0	56,5	46,0

Межколхозные строительные организации обеспечили более эффективную эксплуатацию кирпичных заводов и черепичных мастерских, которые во многих колхозах были законсервированы на неопределенное время. Так, например, в колхозе им. Ворошилова Изюмского района кирпичный завод на протяжении пяти лет не работал. С переходом в распоряжение межколхозной строительной организации он стал работать бесперебойно. На этом заводе организовано производство черепицы, шлакоблоков и камышитовых плит.

Предприятия межколхозных строительных организаций, как правило, имеют большую мощность и на них применяется более совершенная технология производства. Кирпичные заводы колхозов обычно имеют мощность от 500 тысяч до 2 миллионов штук кирпича за сезон. В 1959 году межколхозные организации построили ряд кирпичных заводов мощностью в три—четыре миллиона штук кирпича. В Краснограде строится кирпичный завод с мощностью 10 миллионов штук в год, который будет подключен к государственной электросети, что обеспечит круглогодичную его работу.

Межколхозные строительные организации Чугуевского, Нововодолажского, Валковского, Шевченковского, Печенежского районов построили механизированные кирпичные заводы с кольцевыми печами и рельсовым внутриводским транспортом. Чугуевский кирпичный завод, кроме этого, оснащен подвесным мощным конвейером, внедрение которого позволило высвободить 75 процентов рабочих, занятых на погрузочно-разгрузочных работах. В 1960 году некоторые кирпичные заводы освоили технологию производства пустотелого кирпича, выпуск которого позволит увеличить пропускную способность сушильных площадок и печей.

Межколхозные строительные организации развертывают производство заменителей дорогостоящих и дефицитных строительных материалов, таких как цемент, лес, железо и др. В 1959 году Двуречанская межколхозная строительная организация в целях экономии цемента, а также снижения себестоимости строительства объектов, внедрила в производство известковые растворы для кладки стен из кирпича и других долговечных материалов. Для получения извести использовались меловые отложения по берегу реки Оскол, в окрестностях поселка Двуречная. Строители Двуречанской межрайонной организации в течение сезона сумели получить негашеной извести более 500 тонн. Это позволило вести строительство без применения цемента.

В связи с развитием животноводства, ростом поголовья скота, большое внимание уделяется строительству животноводческих помещений. О большом объеме строительства животноводческих помещений в колхозах Харьковской области дают представление следующие данные:

№№ п/п.	Наименование объектов	1956		1957		1958		1959	
		К-во объект.	К-во мест						
1	Коровники	285	31108	—	28004	237	27205	277	34183
2	Телятники	115	1100	—	4564	140	1499	334	47300
3	Свинарники	168	55366	—	33362	106	36524	238	79174
4	Овчарни	67	33160	—	43710	67	34760	65	37689
5	Конюшни	31	1325	—	1268	18	925	28	1600
	Всего по области . . .	666	131859	871	110908	700	160233	942	200696

Из таблицы видно, что строительство животноводческих помещений в колхозах области в 1959 году увеличилось по сравнению с 1956 годом на 276 помещений, то есть возросло на 30 процентов. Площадь животноводческих помещений за эти годы выросла на 68837 голов.

Межколхозные строительные организации занимаются также строительством производственно-хозяйственных и куль-

турно-бытовых зданий. За период с 1956 по 1959 год межколхозные организации Харьковской области построили 127 производственно-хозяйственных помещений и 31 культурно-бытовое здание.

По мере укрепления экономики колхозов и материально-производственной базы межколхозных строительных организаций расширяется строительство культурно-бытовых зданий на селе. Строительство общественных зданий: школ-интернатов, пекарен, детских садов, яслей, столовых и т. д. является важнейшей задачей межколхозных строительных организаций. Строительство таких объектов меняет облик колхозной деревни, способствует развитию ростков коммунизма на селе. Н. С. Хрущев указывал, что нужно создавать для людей по-настоящему хорошую жизнь, теперь страна располагает возможностями для более полного удовлетворения материальных и духовных запросов населения¹.

Большое значение в улучшении жизни колхозного крестьянства имеет жилищное строительство на селе. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 года о развитии жилищного строительства в стране поставлена задача резкого увеличения строительства не только в промышленных центрах и городах, но и в сельской местности. За первые два года семилетки в сельской местности страны колхозниками и сельской интеллигенцией построено более 1 миллиона 400 тысяч домов. В колхозах Украины также развернулось широкое строительство жилых домов для колхозников. Многие колхозы Украины подошли вплотную к практическому решению такой важной задачи как перестройка сел и создание колхозных поселков городского типа.

Ближайшей задачей в осуществлении мероприятий, намеченных XXI съездом КПСС и январским (1961 г.) Пленумом ЦК КПСС по коренному улучшению культурно-бытовых условий жизни сельского населения, является задача расширения строительства жилых домов для колхозников и сельской интеллигенции.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31/VII 1957 года «О развитии жилищного строительства в СССР» и Постановлением ЦК КП Украины, Харьковский обком КП Украины и исполком областного Совета депутатов трудящихся приняли решение: «О развитии жилищного строительства в Харьковской области». Этим постановлением предусматривалось построить в 1957—1959 гг. жилых домов в колхозах области в количестве 22 тысяч, а колхозы за это время построили 27,5 тысяч домов. Одним из факторов, способствовавших выполнению и перевыполнению плана жилищного строительства на селе, несомненно было то,

¹ Н. С. Хрущев. Речь на Пленуме ЦК КПСС 17 января 1961 года.

что оно проводилось уже с применением механизации труда сельских строителей, которую начали применять межколхозные строительные организации.

Создав материально-производственную базу, межколхозные строительные организации стали проводниками индустриальных методов строительства на селе. Новая форма организации строительства на селе способствовала лучшей подготовке и использованию квалифицированных кадров рабочих. Межколхозные организации выполняют работы благодаря применению механизации в короткие сроки и при лучшем качестве. Все это привело к вытеснению неорганизованных бригад плотников и каменщиков из сельского строительства.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ О ДОМОВЛАДЕНИЯХ

О. Н. КУДРЯВЦЕВ

(кафедра гражданского права и процесса)

В социалистическом обществе наиболее совершенной формой удовлетворения индивидуальных потребностей граждан является общественная.

В докладе на XXI съезде партии Н. С. Хрущев указал, что «... удовлетворение индивидуальных запросов каждого человека должно происходить вместе с ростом материальных и культурных благ в обществе. Оно должно происходить не только путем повышения заработной платы, но и через общественные фонды, роль и значение которых будет все больше возрастать»¹.

Уже сейчас такие индивидуальные потребности граждан, как медицинское обслуживание, образование, различные виды культурного обслуживания удовлетворяются исключительно обществом и притом безвозмездно. Растет также доля удовлетворения потребностей путем предоставления в личное пользование предметов общественной собственности, хотя и за плату, но на льготных условиях.

Сюда относится развитие государственного жилищного строительства в городах, содержание детей в яслях, детских садах, школах-интернатах, широкая сеть санаториев, домов отдыха, развитие легкового автомобильного транспорта и т. д.

Но первостепенную роль здесь играет развернувшееся за последние годы в громадных размерах жилищное строительство. В речи на январском Пленуме ЦК КПСС, а также на совещании передовиков сельского хозяйства в г. Воронеже 11 февраля 1961 г. Н. С. Хрущев уделил большое внимание

¹ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. М., 1959, стр. 53.

вопросам жилищного строительства в нашей стране, указав какие меры принимает государство для быстреего удовлетворения нужд трудящихся в жилье¹.

За семилетие (1959—1965 гг.) в городах и рабочих поселках будет построено жилых домов общей площадью 650—660 миллионов квадратных метров. В сельской местности силами населения намечено построить около 7 миллионов жилых домов. Эта программа успешно выполняется. В 1959 году, первом году семилетки, построены жилые дома общей площадью свыше 80 миллионов квадратных метров, или 2200 тысяч благоустроенных квартир.

По предварительным данным в 1960 году построено около 2400 тысяч квартир. Но несмотря на высокие темпы жилищного строительства потребность людей в жилье остается все еще очень острой. Это объясняется не только интенсивным ростом населения вообще и городского, в частности, это связано прежде всего с огромными потерями жилья в годы войны, а также крайне неудовлетворительным состоянием фонда, полученного в наследство от дореволюционной России.

Естественно, что в первую очередь жилищная проблема будет разрешаться путем государственного жилищного строительства, являющегося более эффективным и экономичным по сравнению с индивидуальным. Оно позволяет внедрить на стройках индустриальные методы, крупнопанельное многоэтажное строительство домов на основе типовых проектов.

Но стремясь в наиболее короткие сроки удовлетворить потребности граждан в жилище, государство оказывает помощь гражданам в индивидуальном и коллективном строительстве жилых домов на праве личной собственности. Последнее еще не исчерпало полностью все свои положительные стороны, позволяет использовать местные строительные материалы, денежные средства и труд населения.

Считая индивидуальное строительство одним из средств разрешения жилищной проблемы, Н. С. Хрущев в то же время предостерег от того, чтобы привилегии индивидуальных собственников жилого дома противопоставлялись интересам общества. В частности тов. Хрущев не рекомендует одноэтажное строительство домов, что ведет к увеличению расходов стройматериалов, удлинению инженерных коммуникаций, т. е. к удорожанию работ и ненужной расточительности.

Личная собственность при социализме не может быть орудием эксплуатации чужого труда, источником извлечения нетрудового дохода, поскольку ее основой является труд в социалистическом хозяйстве. Однако в условиях, когда существуют товарное обращение, деньги, сохранились пережитки частнособственнической психологии, возможны случаи зло-

¹ «Известия» от 22 января 1961 г. и от 19 февраля 1961 г.

употребления личной собственностью, противоречащие нашей морали. Так, например, иные владельцы личных дач чрезмерно расширяли сверх потребностей жилую площадь с тем, чтобы извлечь из нее доход путем сдачи в наем по спекулятивным ценам.

Не участвуя в общественном сельскохозяйственном производстве, эти лица продавали на рынках излишки овощей и фруктов со своих земельных участков, занимаясь «частнохозяйственной деятельностью». В нашей печати справедливо критиковалось подобное положение и признавалось целесообразным для удовлетворения потребности граждан в отдыхе строить общественные пансионаты для массового отдыха, объединения личных дач в кооперативы¹.

С 1961 года повсеместно запрещены отвод гражданам земельных участков для строительства дач и продажа их населению государственными, кооперативными и общественными организациями².

Предусмотрено также лишение граждан права пользования отведенными им участками в случае использования их не по прямому назначению (возведение строений с целью сдачи в аренду, незаконная переуступка земельных участков, применение наемного труда для обработки участков).

В последнее время в юридической литературе при обсуждении проекта Основ гражданского законодательства правильно критиковалась неудачная формулировка ст. 23, отсутствие в ней прямых указаний на то, что право личной собственности защищается законом за исключением тех случаев, когда оно осуществляется в противоречии с правилами социалистической морали и в ущерб интересам общества³.

Предлагается также шире применять ст. 1 действующих ныне гражданских кодексов союзных республик.

Борьба с злоупотреблениями личной собственностью, с превращением ее в источник извлечения нетрудового дохода не означает ограничения права собственности граждан, которое всемерно охраняется государством.

Отсюда вытекает задача суда и других административных органов в правильном разрешении всех правовых вопросов, связанных со спорами о строениях. Это тем более важно, ибо дом занимает особое положение среди других объектов права личной собственности граждан, ввиду его назначения удовлетворять насущную потребность людей в жилье. Не только соб-

¹ Г. Гак. Коммунизм и личная собственность. «Коммунист», 1961, № 1, стр. 75.

² СП СССР, 1961, № 1, ст. 10.

³ С. И. Вильнянский. До проекту Основ гражданского законодательства Союзу РСР і союзних республік. «Радянське право», 1960, № 6, стр. 63.

стенник дома, но и органы государства заинтересованы в правильной эксплуатации дома и его сохранности.

Этому способствуют правовая регистрация домовладений в коммунальных органах, особые правила отчуждения строений, переход в доход государства бесхозяйственных и бесхозяйственно содержимых строений. Суды разрешают значительное количество дел относительно домовладений. Однако вследствие того, что ряд вопросов недостаточно полно урегулирован в законодательном или ином порядке, эта категория дел представляет собой значительную сложность для правильного разрешения.

В 1958 году Верховный суд УССР обобщил судебную практику по делам о домовладениях, однако ряд вопросов, на наш взгляд, освещен недостаточно полно, некоторые выводы вызывают возражения. Отсутствие в законе ясных указаний по некоторым вопросам, разноречивой в судебной практике и споры в юридической литературе делают весьма желательной дачу Пленумом Верховного суда СССР руководящих разъяснений по данной категории дел, тем более, что в 1959 году Верховный суд СССР планировал сделать обобщение судебной практики по делам о праве собственности на строения¹.

В настоящей статье мы хотели высказаться по некоторым вопросам судебной практики, которые требуют дальнейшей разработки.

I. Компетенция судов и других административных органов в разрешении дел о домовладениях

В соответствии со ст. 24 ГК УССР суды рассматривают дела по спорам о домовладениях, если одной или двумя сторонами являются граждане, независимо от оснований и причин возникновения исков (раздел домовладения, признание права собственности, исключение из акта описи).

Исключения из этого правила перечислены в ряде нормативных актов. Суду не подведомственны дела о возврате национализированных в свое время домовладений в соответствии с примечанием I к ст. 59 ГК УССР, а также не подлежат судебному рассмотрению требования о возврате домов лицам, подвергшимся раскулачиванию.

Не подлежат судебному рассмотрению дела по искам о признании права собственности на дома, возведенные самовольно гражданами, без соответствующего разрешения местных органов власти, о чем прямо указывается в ст. 3 постановления СНК УССР от 26 сентября 1940 года № 1440 «О борьбе с самовольной застройкой земельных участков в городах и поселках городского типа»² и п. 36 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.³

¹ «Социалистическая законность», 1959, № 9, стр. 83.

² СЗ УССР, 1940, № 25, ст. 181.

³ Бюллетень Верховного суда СССР, 1960, № 6, стр. 9.

Земельный участок под индивидуальное жилищное строительство отводится по решению исполкома местного Совета. На основе этого административного акта между отделом коммунального хозяйства исполкома и гражданином, осуществляющим строительство, заключается договор, в котором излагаются взаимные права и обязанности сторон в связи с застройкой отведенного земельного участка, проект и сроки строительства, порядок ведения работ и сдачи в эксплуатацию, ответственность за нарушение условий договора и прочее.

Договор подлежит обязательному нотариальному удостоверению на основании ст. 15 Положения о Государственном нотариате УССР¹. После этого выдается разрешение городского архитектора на производство строительных работ. Вопрос о сносе самовольно возведенного дома и соответствующих санкциях решается в административном порядке.

В послевоенное время, в связи с большими разрушениями жилищного фонда во время войны, имели место многочисленные случаи самовольного строительства. Кроме того, исполкомы местных Советов в УССР не вели с этим надлежащей борьбы, не использовали в полной мере предоставленных им прав и в ряде мест по существу смирились с самовольным строительством. Поэтому Совет Министров УССР в своем постановлении от 30 декабря 1950 г. «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах и поселках городского типа» указал на необходимость усиления исполкомами местных Советов борьбы с самовольным строительством².

Одновременно были приняты меры по улучшению организации и ускорению работы по оформлению отвода земельных участков под строительство.

Борьбе с самовольным строительством было посвящено также и постановление Совета Министров УССР от 14 января 1956 г. № 63 «О неудовлетворительном состоянии борьбы с самовольным строительством индивидуальных жилых домов в городах и поселках городского типа УССР»³, которое указало на ряд дополнительных санкций, которые должны применяться к самовольным застройщикам (привлечение к уплате земельной ренты, налога со строений, подоходного налога без предоставления льгот и т. д.). При этом уплата налоговых и страховых платежей не создавала ни права пользования земельным участком, ни права собственности на самовольно возведенное строение.

Значительным пробелом в нормативном материале, регулирующим строительство, было до последнего времени отсут-

¹ СЗП УРСР, 1956, № 21—22, ст. 240.

² СЗП УРСР, 1950, № 23—24, ст. 72.

³ СЗП УРСР, 1956, № 1—2, ст. 6.

ствие акта о борьбе с самовольным строительством в сельской местности. В настоящее время постановлением Совета Министров УССР от 20 июня 1959 года № 936 «О мерах борьбы с самовольным строительством в сельской местности УССР»¹ предусмотрено, что строительство производится на участках, отведенных в установленном порядке под застройку, при наличии разрешения райисполкома.

Строения на самовольно занятых участках после издания этого постановления подлежат сносу по решению райисполкома. Естественно, что успешная борьба с самовольным строительством в сельской местности будет зависеть от строгого соблюдения требований названного постановления.

К самовольному строительству приравнивается самовольное изменение утвержденного проекта застройки (ст. 5 постановления Совета Министров УССР от 30 декабря 1950 г.), а также возведение без соответствующего разрешения коммунальных органов различного рода надворных построек, как-то: сараев, погребов, достроек и надстроек к уже существующему дому².

Пленум Верховного суда СССР в постановлении № 6 от 17 сентября 1960 года разъяснил, что жилищные споры между жильцами самовольно возведенных строений, возникшие не из права собственности и не затрагивающие его, подлежат судебному рассмотрению³.

В обобщении судебной практики по этим делам Верховный суд УССР высказался за то, что суды могут разрешать споры относительно пользования временными вспомогательными строениями, сооружаемыми гражданами до постройки основного дома⁴. Это положение вызывает возражения.

Споры о разделе, праве пользования и выселении в отношении самовольно возведенных домов фактически являются вопросами, вытекающими из права собственности или производными от него.

Вопросы же сноса или оставления на месте самовольно возведенного дома, оформления права собственности на него суду неподведомственны и разрешаются исключительно местными органами власти. Кроме того, постановление Совета Министров УССР от 30 декабря 1950 г. обязывает исполкомы местных Советов рассматривать дела о самовольных застройщиках в семидневный срок со дня их поступления, поэтому в течение срока от возведения дома до решения вопроса испол-

¹ ЗП УРСР, 1959, № 6, ст. 75.

² Инструкция НКЮ и НКХ УССР о порядке применения постановления СНК УССР от 26 сентября 1940 г. СЗ УССР, 1940, № 25, ст. 181.

³ Бюллетень Верховного суда СССР, 1960, № 6, стр. 8—9.

⁴ Д. Красилич, Л. Шевченко. Вирішення спорів про домобудівлі в практиці судів УРСР, «Радянське право», 1958, № 4, стр. 62.

комом о его судьбе не должно возникать каких-либо споров относительно пользования им.

К чему приводит несоблюдение этого требования, можно видеть из следующего примера.

Народный суд г. Кировограда при разделе домовладения выделил одному из совладельцев флигель, представляющий собой временное сооружение, приспособленное под жилье. После вступления решения суда в законную силу это лицо начало жаловаться на ущемление его прав со стороны коммунального отдела, который не соглашался на регистрацию этого строения и требовал его сноса¹.

Следует также отметить, что очень часто эти временные сооружения после постройки основного дома не сносились в целях сдачи их в наем и извлечения нетрудового дохода, это также приводило к нарушению архитектурного вида городов. Поэтому постановлением ЦК КПУ и Совета Министров УССР от 13 июля 1959 г. № 1094 «О мерах по улучшению индивидуального жилищного строительства в городах и рабочих поселках УССР» было запрещено сооружение на участках индивидуального строительства временных жилых сооружений².

Некоторые народные суды отказывают гражданам в приеме исковых заявлений о сносе сооружений в целях устранения препятствий в пользовании своим имуществом по мотивам неподведомственности разрешения этих споров суду, так как эти сооружения возведены самовольно. Эту практику нельзя признать правильной. Истцы в данном случае обращаются с иском о сносе сооружений не потому, что последние возведены самовольно, а вследствие того, что они препятствуют пользованию домом, надворными постройками, земельным участком.

Такой спор о праве гражданском подлежит разрешению в судебном порядке на основании ст. 2 ГК УССР. Такой практики придерживается Верховный суд УССР, что видно из следующего примера.

Гр-ка Ирха Е. А. предъявила иск к Боровскому А. В. о сносе веранды, которая затемняет ее квартиру на первом этаже и тем самым препятствует пользоваться ею, истица вынуждена в дневное время пользоваться электрическим освещением. Народный суд г. Кировограда дело производством прекратил, сославшись на то, что спор о сносе веранды неподведомствен суду, так как последняя возведена самовольно.

Президиум Кировоградского областного суда своим постановлением от 14 января 1961 г., удовлетворяя протест

¹ Дело № 2—29 за 1960 г. на суда г. Кировограда.

² ЗП УРСР, 1959, № 7, ст. 83.

председателя Верховного суда УССР об отмене определения народного суда, указал, что в соответствии со ст. 59 ГК УССР собственник вправе требовать устранения всяких нарушений его прав, даже если они не были соединены с лишением владения, поэтому при таких обстоятельствах дела у суда не было оснований для прекращения производства по делу¹.

В тех случаях, когда коммунальные органы не возражают против правовой регистрации самовольно возведенного строения, но не уверены в том, что лицу, обратившемуся с заявлением о регистрации, действительно принадлежит это строение, вопрос о его принадлежности разрешается судом в порядке особого производства на основании п. 24 Инструкции о порядке регистрации домовладений в городах и поселках городского типа УССР, утв. Госпланом УССР и МЮ УССР 29 июля 1959 г.

Но этот вопрос должен ставиться перед судом местными органами власти, а не гражданами.

Супруги Басс обратились в суд с заявлением о признании их застройщиками земельного участка, выделенного их сыну, который однако строительства не производил. Суд удовлетворил эту просьбу. Отменяя определение суда, судебная коллегия Кировоградского облсуда указала, что заявители в коммунальный отдел с заявлением о регистрации строения не обращались, поэтому суд разрешил неподведомственное ему дело².

При рассмотрении этих дел мы считаем, что суд не может прекратить производство по делу вследствие возникновения спора о праве гражданском между заявителем и заинтересованным лицом на основании п. 9 постановления Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 г. и предложить сторонам разрешить спор в исковом порядке³. Ведь в данном случае суд не признает право собственности на это строение за лицом, его возведшим, а только устанавливает факт постройки, вопрос же о признании права собственности решается местным органом власти.

Жилые строения могут перейти в фонд местного Совета по различным основаниям и в различном порядке. Бесхозяйными строения признаются на основании решения исполкома районного (городского) Совета после произведенной публикации о явке лица, считающего себя собственником строения, а бесхозяйственно содержимыми — на основании решения суда. (Инструкция МЮ УССР и МФ УССР «О порядке признания

¹ Дело № 2—12 за 1961 г. нарсуда г. Кировограда.

² Дело № 2—433 за 1960 г. нарсуда г. Кировограда.

³ Сб. действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1957 гг. М., 1958, стр. 210.

строений бесхозяйными и бесхозяйственно содержимыми» от 23 сентября 1958 г. № 38-Д/24/05.

Основанием для отнесения строений к выморочному или конфискованному имуществу является соответственно свидетельство нотариальной конторы (решение суда) и приговор суда. Все эти дома выявляются и передаются безвозмездно финансовыми органами местным органам власти в городской местности и кассам общественной взаимопомощи колхозов или колхозам, сельсоветам в сельской местности¹.

Выявление бесхозяйственно содержимых строений производится жилищно-коммунальными органами. Трудно согласиться с Д. М. Генкиным в том, что конфискованное имущество (домостроение) переходит в собственность государства с момента вступления в силу приговора суда о конфискации, независимо от фактического перехода этого имущества во владение государства². Вступление приговора в законную силу не означает еще передачу строения в установленном порядке соответствующим органам государства и последние не обладают ни одним из правомочий, предусмотренных в ст. 58 ГК УССР.

Как впоследствии разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 29 сентября 1953 г., в случаях освобождения полностью осужденного от наказания по амнистии, конфискация имущества не производится, если на день издания акта об амнистии не было изъято имущество, подлежащее конфискации³. Это также свидетельствует о том, что конфискованное имущество переходит к государственным органам только после надлежаще оформленной передачи, которая к тому же способствует определенности во взаимоотношениях органов государства с гражданами.

Закон устанавливает единый порядок рассмотрения споров о праве гражданском, в том числе споров о праве на дом. Ввиду того, что ранее не было ясных указаний о разрешении споров по поводу возврата строений, переданных в фонд местных Советов, не было и устойчивой судебной практики по этому вопросу. Высказанное Верховным судом СССР мнение о неподведомственности суду спора о праве собственности на строение, зачисленное в фонд местного Совета, подверглось

¹ Ст. 29 Инструкции МФ СССР от 30 января 1956 г. № 35 «О порядке учета и использования конфискованного, бесхозяйного и выморочного имущества».

² «Советское гражданское право», под редакцией Д. М. Генкина. М., 1950, т. 1, стр. 288.

³ Сб. действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1957 гг. М., 1958, стр. 68.

справедливой критике в юридической литературе, а затем не поддерживалось и самим Верховным судом СССР¹.

Вопрос о снятии домовладения с баланса органов коммунального хозяйства и возврате его заявителю в настоящее время решается исполкомом местного Совета на основании п. 18 Инструкции о порядке регистрации домовладений от 29 июля 1959 г. И только в случае отказа в ходатайстве заявителю или оставления его без ответа в течение месяца этот вопрос решается судом в общеисковом порядке.

Ст. 68 Инструкции МФ СССР от 30 января 1956 г. также предусматривает разрешение в судебном порядке споров по имуществу, переданному безвозмездно финансовыми органами, что относится и к жилым домам, которые, как указывалось выше, передаются безвозмездно.

Требование о возврате предъявляется к той организации, которой передано строение. В случае, если последнее уже реализовано как нерентабельное для эксплуатации коммунальным органом, вопрос об его изъятии в натуре должен решаться судом с соблюдением требований ст. 60 ГК УССР.

В качестве третьих лиц на стороне ответчика должны быть привлечены коммунальный отдел или финансовый орган, если вырученные от продажи дома средства поступили в доход бюджета. Вопросы подведомственности поднимаются и при правовой регистрации домовладений.

В соответствии с инструкцией «О порядке регистрации домовладений» от 29 июля 1959 г. при отсутствии правоустанавливающих документов оформление права собственности на строение производится исполкомами местных Советов через бюро технической инвентаризации. В случае отказа исполкома или оставления им без ответа на протяжении месяца заявления об оформлении права собственности на домовладение, а также в случае оспаривания этого права, заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за разрешением спора в общеисковом порядке (п. 11). В нашей юридической литературе справедливо критиковалась прежняя инструкция о регистрации домовладений от 25 декабря 1947 г. за то, что она предусматривала обращение в суд за установлением факта владения строением на праве личной собственности и в том случае, когда имелись сомнения в правоустанавливающих документах, хотя никто и не оспаривал право собственности². Это приводило к тому, что инвентаризационные бюро в целях перестраховки загружали суды бесспорными делами, пере-

¹ М. Ринг. «Вопросы гражданского процесса в практике Верховного суда СССР». М., 1957, стр. 128—134. «Судебная практика Верховного суда СССР». 1955, № 4, стр. 26—27; 1956, № 3, стр. 37—38.

² С. И. Вильнянский. «Судебная практика по делам об установлении фактов». Ученые записки Харьковского юридического института, выпуск 8, 1957, стр. 98—101.

кладывали на них свои функции. Следовало полагать, что после отмены в 1957 г. п. «Ж» ст. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 г., предусматривавшего установление факта владения строением на право личной собственности, суды будут рассматривать только такие дела, где будет иметь место спор о праве собственности.

К сожалению, этого не произошло. Нынешняя редакция п. 11 Инструкции о регистрации домовладений от 29 июля 1959 г. дает право исполкомам вместо решения вопроса о регистрации строения на основании документов, которые косвенно подтверждают право собственности или фактическое владение, как-то квитанции об уплате налогов, страховых платежей, земельной ренты, уклоняться от этого и направлять граждан в суды с заявлениями о признании права собственности на строение.

Вследствие этого в судах разрешается значительное количество бесспорных дел, где нет спора о праве гражданском, а идет речь только о правовой регистрации строения.

В народный суд г. Знаменки обратился гр. Семененко с просьбой о признании права собственности на дом. Хотя из материалов дела ясно усматривалось, что заявитель владеет домом с 1936 г., имел выписку из похозяйственной книги по сельсовету, где был записан дом, никто не оспаривал право заявителя на строение, исполком безмотивно отказал в выдаче правоустанавливающего документа¹.

Инструкция не дает ответа на вопрос, кто же является надлежащим ответчиком по делу, так как право собственности никем не оспаривается. Суть дела не изменилась от того, что раньше суды рассматривали дела о правовой регистрации в порядке особого производства, а теперь—общеевропейского.

Хотя Инструкция о регистрации домовладений изменялась в 1958 году и заново переработана в 1959 году, ее существенные недостатки, отмечаемые и ранее, не устранены. А ведь могли этот вопрос правильно разрешить в аналогичной инструкции, утв. Советом Министров Молдавской ССР 30 января 1958 г., согласно которой вопрос о регистрации домовладения при отсутствии как основных, так и косвенных документов о праве собственности, решается исполкомом местного Совета. Отказ в регистрации по мотивам отсутствия документов может быть обжалован в административном порядке и только при наличии спора о праве собственности на строение вопрос о его принадлежности решается судом².

Вызывает возражение указание Министерства юстиции УССР, данное им в сделанном обобщении судебной практики № 34-Д от 26 декабря 1956 года о том, что суды вправе в

¹ Дело № 2—135 за 1960 г. на суда г. Знаменки.

² Бюллетень Верховного суда СССР, 1958, № 3, стр. 33.

порядке особого производства признавать действительными так называемые домашние сделки купли-продажи домостроений с последующим оформлением их в нотариальном порядке. Это положение затем было приведено в п. 78 Инструкции МЮ УССР «О порядке совершения нотариальных действий», утв. 16 ноября 1957 г. и действует поныне, поскольку при внесении изменений в Инструкцию в 1960 г. указанный пункт изменению не подвергся.

С этим положением нельзя согласиться по следующим основаниям:

во-первых, ни ст. 239 ГК УССР, ни постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 года не предусматривают установления таких юридических фактов как признание действительными сделок купли-продажи строений, оформленных в нарушение ст. ст. 29, 185 ГК УССР;

во-вторых, неправильно указание в ст. 78 Инструкции на удостоверение сделки даже при несогласии с этим одной из сторон, так как отсутствие волеизъявления на момент удостоверения сделки делает ее недействительной¹.

Если же удостоверение сделки невозможно ввиду смерти одной стороны или неизвестности ее местопребывания, то предъявление заявителем домашней сделки в подтверждение принадлежности ему строения может служить основанием для оформления исполкомом права собственности (п. 13 Инструкции о регистрации домовладений от 29 июля 1959 г.). Поэтому следует прийти к выводу о необходимости отмены п. 78 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий.

II. Законны ли требования участников строительства на дом (или часть его), построенный на участке, выделенном другому лицу?

Этот вопрос в судебной практике возникал неоднократно, но решался судами по-разному. Как известно, право на возведение дома осуществляется путем отвода земельного участка для застройки одному или нескольким гражданам на основании решения исполкома местного Совета. Договор о застройке участка заключается коммунальным отделом исполкома только с теми лицами, которым в административном порядке выделен земельный участок, поскольку договор о предоставлении участка для строительства дома тесно связан с личностью данного застройщика, участок выделяется застройщику с учетом нуждаемости его семьи в жилье, кроме того, право собственности на дом тесно связано с правом пользования земельным участком.

¹ С. И. Вильнянский. Лекции по советскому гражданскому праву, часть I, X., 1958, стр. 161.

Отсюда вытекает, что застройщик не может передавать другому лицу земельный участок, а также продать не оконченный строительством дом без согласия исполкома местного Совета (ст. 28 Положения о государственном нотариате УССР).

Это никоим образом не ущемляет прав застройщика, который сохраняет право собственности на те конструкции, которые он возвел на участке. Он может разобрать и вывезти отдельные конструкции, детали и стройматериалы в другое место, продать их иному лицу для разборки и вывозки.

Но до окончания строительства дома застройщик не имеет на эти конструкции права собственности как на часть жилого дома, связанную с данным земельным участком, которой он мог бы распорядиться по своему усмотрению.

Точно так же право пользования земельным участком до окончания строительства, как правильно заметил И. Брауде, не входит в состав наследственного имущества¹.

До полного окончания строительства в состав наследственного имущества может войти только право собственности на стройматериалы, детали, конструкции. Для перехода к наследникам права пользования земельным участком необходимо разрешение местного Совета.

С учетом этих принципиальных положений, высказанных в юридической литературе, следует разрешить вопрос о порядке привлечения застройщиком других лиц к совместному строительству.

В практике имеют место случаи, когда застройщик привлекает к участию в строительстве других лиц ввиду отсутствия достаточных средств для окончания строительства или необходимости удовлетворить потребность в жилье своих родственников. В этом случае застройщик и привлеченное им к строительству лицо должны обратиться с заявлением в исполком местного Совета для получения разрешения совместно продолжать строительство. Соблюдение этого правила гарантирует как от всяких злоупотреблений с незаконной передачей земельного участка, так и обеспечивает интересы привлеченного лица на случай его спора с застройщиком.

Но иногда от этого законного порядка отступают ввиду юридической неосведомленности и по другим причинам. Это приводит к нежелательным последствиям для привлеченного к совместному строительству лица.

Если застройщик после окончания строительства не желает оформить переуступку привлеченному лицу права собственности на часть домовладения, то в судебном порядке за этим лицом по большей части право собственности не

¹ И. Л. Брауде. «Правовые вопросы индивидуального жилищного строительства», М., 1957, стр. 45.

признается, а возмещаются только понесенные им затраты на строительство.

Судебная практика в основном придерживается позиции, занятой Верховным судом СССР по иску Татолина к Абагуровой, о том, что если истец затратил какой-либо материал или вложил свой труд в строительство спорного дома, то он может требовать возмещения стоимости этого материала и оплаты его труда, но не признания за ним права собственности на половину дома¹.

Таким образом, разрешая иски о признании права собственности за лицами, принимавшими участие в строительстве дома на участке, выделенном другому лицу, суды правильно исходят из того, что факт оказания помощи застройщику в постройке дома создает не вещное право на часть его, а лишь обязательственные отношения между застройщиком и оказавшими ему помощь в строительстве лицами.

Однако нашему праву чужд формальный подход к действительным явлениям жизни, без учета конкретных особенностей правоотношений сторон. Поэтому в тех случаях, когда лица, совместно возводящие дом, вкладывали свой труд и средства с целью пользоваться домом для совместного проживания, о чем имелась предварительная договоренность, и это неоформленное соглашение сторон не имело целью обход закона, то это может быть основанием для признания права собственности на часть дома за застройщиком.

Это положение нашло признание в практике Верховного суда СССР и УССР, а также в юридической литературе².

Последнее положение только на первый взгляд находится в противоречии с общим выводом о том, что совместное строительство порождает для основного застройщика только обязанность компенсировать другому участнику строительства его затраты.

Взаимные отношения сторон по совместному строительству очень сложны и должны разрешаться в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств по делу. По этим мотивам нельзя согласиться с категорическим возражением против привлечения созастройщиков без согласия исполкома

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1950, № 4, стр. 34.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1950, № 10, стр. 28; «Судебная практика Верховного суда СССР», 1951, № 5, стр. 30; № 12, стр. 37; «Судебная практика Верховного суда СССР», 1951, № 2, стр. 32.

Комментированный сборник под общей редакцией И. Э. Хацета «Права и обязанности индивидуальных застройщиков». К., 1958, стр. 44—47.

К. Седунов. Правовые вопросы, связанные со спорами о строениях. «Социалистическая законность», 1953, № 7, стр. 43.

Г. Добровольский. Споры о праве собственности на жилой дом. «Социалистическая законность», 1957, № 11, стр. 8.

А. Горбунова. Е. Онищенко. 3 судової практики у спорах про домобудівлі. «Радянське право», 1961, № 2, стр. 84.

местного Совета со стороны И. Л. Брауде, считающего это незаконной переуступкой части земельного участка¹.

Следует также указать, что практика привлечения застройщиков без разрешения исполкомов местных Советов не получила большого распространения и споры по большинству дел относятся к правоотношениям за прошлое время, когда не придавалось большого значения надлежащему оформлению договорных отношений между коммунальным отделом исполкома и застройщиком.

Желательно было также в примерном договоре о предоставлении земельного участка для строительства, утв. приказом МЮ УССР и МКХ УССР от 2 апреля 1955 г. № 78/4, специально указать на запрещение привлечения застройщика без разрешения исполкома, подобно тому как этот вопрос разрешен в типовом договоре о предоставлении жилищно-строительному коллективу участка для строительства многоквартирного дома, утв. 22 мая 1958 г.

В постановлении 58-го Пленума Верховного суда СССР от 23 сентября 1937 г. по делу Шитовой-Бобылевой условием для участников общей собственности на совместно выстроенный дом названо наличие между ними семейно-бытовых отношений. Однако, как показывает судебная практика, это не является обязательным условием для признания за привлеченным к строительству лицом права собственности.

Затруднения вызывают в судебной практике доказательства строительства дома для совместного использования его.

Ввиду того, что участие застройщиков обычно основано на устной договоренности и представление письменных доказательств при возникновении спора затруднительно, то могут допускаться и свидетельские показания. Это не противоречит ст. 136 ГК УССР и широко применяется в судебной практике. На этой позиции стоит и Верховный суд СССР, который в определении по делу Шакирова с Мушиновой указал, что в случаях совместного строительства как сам факт участия, так и размер участия в строительстве могут подтверждаться показаниями свидетелей и что отказ в иске по мотивам непредставления истцом письменных доказательств об участии его в возведении дома является необоснованным².

Доказательствами совместного строительства, которые должны быть приняты во внимание и надлежаще оценены судом, могут быть также постройка дома с обособленными квартирами и отдельными входами, использование в течение определенного периода своей части дома, осуществление за ней ухода, управление ею.

Так, например, основанием для удовлетворения иска Дорошенко Натальи Сидоровны к Бабенко Ивану Сидоровичу

¹ И. Л. Брауде, цит. работа, стр. 51.

² «Судебная практика Верховного суда СССР». 1951, № 12, стр. 37.

о признании права собственности на часть домовладения послужили такие обстоятельства, установленные судом при разрешении дела¹.

Домостроение, возведенное, по утверждению истицы, совместно с братом-ответчиком по делу — в 1940 г., было ею в 1949 г. капитально отремонтировано в своей части, тогда как другая часть не ремонтировалась. Истица сдавала в наем свою часть домовладения, самостоятельно распоряжалась полученной от нанимателей квартирной платой. Квартиры сторон были изолированными, с отдельными входами. На протяжении около 20-ти лет ответчик не оспаривал прав истицы по пользованию своей частью домовладения, стал оспаривать право собственности только тогда, когда истица желала произвести отчуждение своей части другому лицу на условии пожизненного содержания.

Что же касается возможности под видом совместного строительства незаконно переуступить часть земельного участка, то такие случаи не исключаются.

Однако суды имеют достаточно средств и возможностей для всестороннего выяснения всех обстоятельств дела и вынесения правильного решения.

Наиболее распространены случаи незаконных сделок с передачей части земельного участка под видом продажи наспех сооруженных временных сооружений, компенсации за отходящие при изъятии части участка постройки, фруктовые деревья. Суды должны обращать внимание на такое важное обстоятельство как соответствие денежной компенсации или цены отчуждаемому имуществу.

Кировоградский областной суд, рассматривая в кассационном порядке иск Зотикова к Линникову о признании сделки недействительной, принял во внимание несоответствие цены в 8500 руб. за приобретенные ветхую времянку и несколько фруктовых деревьев, что прикрывало сделку о продаже земли.

Поэтому сделка о приобретении имущества была признана недействительной в силу статьи 30 ГК УССР с передачей полученного по договору в доход государства².

Незаконным сделкам с землей в немалой степени способствует и такая порочная практика некоторых исполкомов, когда при необходимости изъятия излишка земельного участка пользователь его сам представляет исполкому кандидатуру лица, которому необходимо выделить этот излишек.

Обычно этому предшествует договоренность землепользователя с этим лицом о незаконной переуступки части участка под видом компенсации за находящееся на нем имущество.

¹ Дело № 2—439 за 1960 год нарсуда г. Кировограда.

² Д. Красилич, Л. Шевченко. Вирішення спорів про домобудівлі в практиці судів УРСР. «Радянське право», 1958, № 4, стр. 61.

во (временки, фруктовые деревья) после того, как исполком выделит ему этот участок. Этого можно было бы избежать, если бы исполкомы передавали излишки земельного участка под строительство дома тем лицам, которые действительно нуждаются в этом, состоят у них на учете, и без посредничества землепользователя.

III. О разделах домовладения

По вопросу о том, что является объектом раздела и что представляет собой раздел домовладения, в юридической литературе высказаны различные мнения.

Ряд авторов, ссылаясь на инструктивное письмо Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР 1927 г. № 1, считают, что строение представляет собой неделимое имущество и раздел домовладения может иметь место в случае, если оно имеет в своем составе несколько жилых построек и находится на земельном участке, размер и конфигурация которого позволяют образовать из него два домовладения под отдельными номерами по улице, под которыми они и будут зарегистрированы в коммунальном отделе¹.

Такой раздел домовладения производится по просьбе совладельцев исполкомом местного Совета. Что же касается возможности раздела домовладения, состоящего из одного жилого дома, то считается, что можно производить только раздел пользования реальными частями дома в соответствии с долями в общей собственности. Подобную точку зрения разделяют также С. Н. Братусь², Р. О. Халфина³, А. М. Смецкая⁴.

Сторонники реального раздела домовладения между со-собственниками признают возможность признания права собственности на реальные части домовладения. Эта точка зрения поддерживается в литературе Д. М. Генкиным⁵, М. В. Зимелевой⁶, В. Ф. Масловым⁷ и другими, а также нашла свое признание в судебной практике⁸.

¹ С. И. Вильнянский. Лекции по гражданскому праву. Х., 1958, стр. 265—266; И. Л. Брауде. Право на строение и сделки по строениям. М., 1954, стр. 10.

² Учебник Гражданского права под редакцией С. Н. Братуся. М., 1947, стр. 102.

³ Право личной собственности граждан СССР. М., 1955, стр. 72—73.

⁴ Судебная практика по делам о разделе домовладения в городах. Ученые записки Харьковского юридического ин-та, 1957, выпуск 8, стр. 120.

⁵ Гражданское право М., 1950, том I, стр. 337.

⁶ Общая собственность. Ученые записки ВИЮН, выпуск 2, 1941, стр. 85—89.

⁷ Вопросы общей собственности на жилой дом в судебной практике. Ученые записки Харьковского юридического ин-та, 1954, выпуск 5, стр. 154—156.

⁸ Д. Красилич, Л. Шевченко. Цит. работа, стр. 63.

Утверждение А. М. Смецкой о том, что Верховный суд СССР ориентирует нижестоящие суды на производство раздела пользования, не подтверждается судебной практикой Верховного суда СССР.

Да и сам автор далее указывает, что судебная практика коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР в этом вопросе непоследовательна и в ряде случаев именуется дела как споры о разделе дома, а в мотивировочной и резолютивной частях определений говорится то о разделе дома в натуре, то о выделе в порядке пользования части его¹.

Поэтому нельзя судить на основании опубликованной практики Верховного суда СССР по разрешению этой категории дел о его действительной позиции в этом вопросе.

С точки зрения будущего законодательства желательно предусмотреть право собственности на реальную часть домовладения, которое уже в ряде случаев получило свое признание и законодательно. Так постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» было рекомендовано строительство многоквартирных жилых домов с сохранением прав личной собственности одного застройщика на одну квартиру².

В ст. 23 Положения о жилищно-строительных коллективах и индивидуальных застройщиках в городах и поселках городского типа УССР, утв. 30 апреля 1958 г., также указано на сохранение за членом коллектива права личной собственности на одну квартиру в многоквартирном доме.

Части многоквартирного дома, обслуживающие все квартиры (фундамент, крыша, лестничные клетки), составляют общую собственность жилищно-строительного коллектива и содержатся и ремонтируются на общие средства членов коллектива³.

Аналогичное положение встречаем мы в проектах Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 23), гражданских кодексов РСФСР, УССР.

Судебная практика показывает, что не все суды ясно представляют себе разницу между разделом пользования и реальным разделом в натуре. Зачастую это зависит от неправильно сформулированных исковых требований в поданном суду заявлении, поэтому при проведении досудебной подготовки следует выяснить это обстоятельство, имеющее существенное значение для разрешения дела.

При разделе пользования частями домовладения затрагиваются только два элемента права собственности — владение

¹ А. М. Смецкая. Цит. работа, стр. 115. См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1951, № 3, стр. 33.

² СП СССР, 1957, № 9, ст. 102.

³ Сб. «Права и обязанности индивидуальных застройщиков», стр. 21.

и пользование. Поэтому при определении порядка пользования общим домовладением совладельцам могут быть выделены в конкретное пользование помещения, не полностью соответствующие их идеальной доле в праве собственности.

Такие нежилые помещения как сени, коридоры, надворные постройки, обслуживающие домовладение, могут быть оставлены в общем пользовании сторон.

При разделе пользования следует принимать во внимание сложившийся между сособственниками порядок пользования жилыми и нежилыми помещениями.

Так, например, народный суд Ново-Миргородского р-на решением от 19 января 1961 г. произвел раздел домовладения в натуре между совладельцами Пономаренко Л. П. и Тонконоженко Т. Ф., по которому выделил истице комнату и часть площади кухни, и обязал ее оборудовать отдельный вход в дом. Ответчице были выделены комната, часть кухни, кладовая и коридор и взыскано с нее в пользу истицы 150 р. за оборудование дверных проемов в доме. Областной суд, рассматривая дело в кассационном порядке, принял во внимание, что истица в исковом заявлении просила только произвести раздел пользования, поскольку ответчица препятствовала ей пользоваться коридором.

Изменив решение суда, коллегия областного суда выделила в пользование истицы комнату, а ответчице — остальную жилую площадь, коридор был оставлен в общем пользовании сторон. Размер выделенной сторонам жилой площади не соответствовал их идеальной (по $\frac{1}{2}$ части) доле в праве собственности на домовладение, однако был принят во внимание сложившийся с 1958 г. порядок пользования домом сторонами¹.

Споры о разделе пользования частями домовладения чаще всего возникают между наследниками, получившими в наследство домовладение, или между совместно купившими его покупателями, когда необходимо установить новый порядок пользования, а также относительно пользования каким-либо служебным или надворным сооружением. При разделе пользования право общей собственности на домовладение не прекращается.

Реальный раздел домовладения в натуре производится обыкновенно при отчуждении кем-либо из сособственников своей части домовладения. Хотя Верховный суд СССР в одном из своих определений указал, что часть в домовладении может быть продана независимо от того, может ли быть она выделена в натуре², покупателя прежде всего интересует не идеальная доля в праве собственности, а выраженная в натуре часть дома (квартира, этаж, комната), которая нахо-

¹ № 2—28 за 1961 г. нарсуда Ново-Миргородского р-на.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1956, № 1, стр. 42.

дится в исключительном пользовании одного из участников общей собственности — продавца и после приобретения которой к нему не будет предъявлено никаких претензий других совладельцев.

В соответствии со ст. 36 Положения о Государственном нотариате УССР при отчуждении одним из сособственников принадлежащей ему части общего домовладения, определение порядка пользования приобретателем реальной частью строения допускается только при наличии согласия на это остальных сособственников. А если между ними существует спор относительно этого, то продавец вынужден требовать реального выдела своей части.

Для выделяющегося в порядке реального раздела сособственника должно прекращаться право общей собственности на домовладение и он должен приобретать право собственности на реальную часть его в натуре.

Естественно, что части дома, обслуживающие все строение (фундамент, внешние стены, крыша), остаются в общей собственности.

К примеру можно сослаться на закон о собственности Болгарской народной республики от 1951 года, предусматривающей поэтажную собственность, т. е. особый вид общей собственности, сочетающей отношения общей и индивидуальной форм собственности¹.

Этажи или части их с относящимися к ним подсобными помещениями принадлежат отдельным лицам. В то же время в общей собственности находятся фундамент, стены, лестницы, которые не подлежат разделу. Участие в расходах по содержанию общей собственности должно быть пропорционально стоимости отдельных помещений, принадлежащих каждому из собственников.

При разделе домовладения в натуре разрешается вопрос относительно всех элементов права собственности, поэтому выделенная в натуре часть его должна соответствовать размеру вложенных в строительство средств или идеальной доле в праве собственности на домовладение.

Реальный раздел домовладения придает пользованию устойчивый характер, способствует сохранности и улучшению содержания реальной части дома, поскольку собственник проявляет повышенную заботу о ней. Такой раздел приводит к уменьшению споров, поскольку принадлежащие сособственникам части домовладения конкретно определены.

Реальный раздел также способствует защите прав и интересов собственника реальной части домовладения. Последний, зная принадлежащую ему часть домовладения, быстрее может доказать нарушение его прав. Не секрет, что разре-

¹ Гражданское право стран народной демократии под редакцией Д. М. Генкина. М., 1958, стр. 179—180.

ние спора между сособственниками по поводу нарушения прав кого-либо из них затруднительно до раздела домовладения, поскольку неизвестно кому из них и в каком размере принадлежит спорное помещение.

Упрощается также отчуждение реальной доли, поскольку легко указать ее конкретно, не требуется соблюдения требований ст. 64 ГК УССР.

При разрешении споров как о разделе пользования, так и о реальном разделе для удовлетворения интересов всех сособственников следует стремиться к тому, чтобы размер нежилой площади соответствовал выделенной сторонам жилой площади, не допуская компенсации одного вида площади другим. Если при разделе пользования исходят из сложившегося порядка пользования помещениями или выделяют совладельцам помещения исходя из размеров их площади, то при реальном разделе принимают во внимание стоимость всего домовладения и его частей.

Для этого истребуется соответствующее заключение бюро технической инвентаризации, которое производит оценку всех частей домовладения и представляет варианты раздела в натуре.

Следует согласиться с выдвинутым В. Ф. Масловым таким критерием делимости дома как возможность использования самостоятельно его частей, независимо от других частей его¹.

Ведь если реальной частью домовладения нельзя будет пользоваться независимо от другой части, то в сущности никакого реального раздела не будет, налицо окажется раздел пользования. В тех случаях, когда невозможно произвести реальный раздел домовладения в соответствии с идеальными долями в праве собственности по техническим причинам, суды вправе вынести решение о взыскании денежной компенсации.

Когда внутренняя перепланировка помещений может привести к повреждению строения или жилая площадь одного из сособственников в незначительном размере превышает площадь другого, то целесообразно последнему компенсировать в денежном выражении недостающую часть соответственно его идеальной доле. Ведь это явно нецелесообразно, когда народный суд г. Кировограда обязал стороны по делу передвинуть капитальную стену на 38 см, а в другом случае постановил передвинуть стену на 73 см., хотя это, как указал техник-строитель в акте, могло повлечь разрушение чердачного перекрытия.

Однако суд не нашел лучшего выхода как обязать ответчиков Тролина и Рыбальченко в этом случае возместить стоимость ремонта¹.

¹ В. Ф. Маслов, цит. работа, стр. 156.

² Дела №№ 2—265, 2—507 на суда г. Кировограда за 1960 г.

При разрешении вопросов перепланировки следует истребовать заключение коммунальных органов о возможных вариантах ее, а также учесть взаимоотношения сторон, что имеет важное значение при исполнении решения суда. Поэтому целесообразно поручать сторонам производить переоборудования в тех частях дома, которые им выделяются. При необходимости произвести переоборудование общими силами и несогласии с этим одной из сторон, суду следует истребовать смету стоимости этих работ и поручить их исполнение одной из сторон, а другой возместить часть произведенных затрат.

При необходимости произвести достройку к дому в виде сеней, коридора для устройства отдельного входа следует получить согласие на это коммунального органа.

При разрешении споров о реальном разделе домовладения встает вопрос об оценке его для возможной компенсации собственнику недостающей части домовладения в соответствии с его долей в праве собственности.

Данные о страховой и инвентаризационной оценке строения не применимы, поскольку они не соответствуют его действительной стоимости. Следует признать правильной практику тех судов, которые поручают оценку домовладений комиссиям исполкомов местных Советов, квартальным или уличным комитетам, которые знакомы с существующими продажными ценами на строение при сделках между гражданами в данной местности. Оценка следует производить в присутствии обеих спорящих сторон по делу, чтобы они имели возможность высказать свои замечания относительно оценки строения. Могут также в подтверждение стоимости дома приводиться и другие доказательства, в частности договоры купли-продажи, в соответствии с которыми они были приобретены. Однако следует иметь в виду, что цена дома со временем может изменяться в ту или другую сторону.

Компенсация в виде периодических ежемесячных платежей и в размере квартирной платы за пользование излишней жилой площадью в судебной практике почти не применяется, так как она не вносит определенности в отношения сторон и не устраняет споров.

Некоторые авторы возражают против раздела домовладения, ссылаясь на ст. 65 ГК УССР, поскольку не оформляется в нотариальном порядке как договор купли-продажи денежная компенсация за пользование излишней площадью.

Однако эти возражения не могут быть приняты по следующим основаниям:

во-первых, речь идет не о купле-продаже части домовладения, когда необходимо соблюдение требований ст. 185 ГК УССР, а о реальном разделе домовладения;

во-вторых, перераспределение долей в праве собственности в результате произведенного судом раздела может

быть произведено коммунальным органом при условии, если никто из сторон это не оспаривает, или судом в случае спора, как это предусмотрено п. 26 Инструкции о порядке регистрации домовладений от 29 июля 1959 г.

Однако это не будет иметь практического значения, когда будет законодательно признано право личной собственности на реальную часть домовладения.

В соответствии со ст. 65 ГК УССР собственник, который выделяет свою часть из общего имущества, получает денежную компенсацию в случае невозможности выдела ее в натуре. По нашему мнению следует изменить это правило и предоставить суду право разрешать вопрос, кому из сособственников выделить денежную компенсацию, поскольку возможны случаи, когда выделяющийся вынужден требовать выдела своей доли ввиду создания невозможных для него условий проживания и одновременно он испытывает нужду в жилье.

Нет единства в судебной практике и литературе по вопросу о том, взыскивать ли денежную компенсацию с согласия на это собственника или без такого согласия. Некоторые считают, что ст. 65 ГК УССР не ставит взыскание компенсации в зависимость от согласия собственника. С этой точкой зрения нельзя согласиться.

Правильным будет, если суд на основании ст. 7 ГК УССР разъяснит стороне, что ввиду невозможности реального раздела домовладения в натуре, в его пользу может быть только взыскана денежная компенсация. При отсутствии согласия на взыскание ее в иске о реальном разделе должно быть отказано.

Спорной является точка зрения Верховного суда УССР о возможности раздела не оконченного строительством дома по тем мотивам, что последний представляет собой определенное имущество, принадлежащее нескольким лицам на праве общей собственности и каждый из сособственников вправе требовать выдела доли на основании статьи 65 ГК УССР¹.

Как нами указывалось выше, до окончания строительства дома и сдачи его в эксплуатацию у застройщика нет права собственности на строение, а существует только право собственности на строительные материалы, отдельные детали и конструкции. Не законченный строительством дом не является объектом права собственности в соответствии со ст. 54 ГК УССР и поэтому не может быть предметом раздела на основании ст. 65 ГК УССР.

Хотя не запрещена продажа не оконченного строительством дома при согласии Исполкома местного Совета (ст. 29 Положения о государственном нотариате УССР), но это правило установлено с целью недопущения незаконной переступки земельного участка. Эта продажа по сути представ-

¹ Д. Красилич, Л. Шевченко, цит. работа, стр. 64.

ляет собой перезаключение договора о предоставлении участка для строительства с возмещением предыдущему застройщику понесенных затрат, поэтому нельзя прийти к выводу о возможности раздела недостроенного дома по аналогии с его очуждением.

Иногда суды вместо признания права собственности на определенную часть недостроенного дома выносят решение о признании лиц фактическими участниками совместного строительства и обязывают коммунальный отдел включить их в договор с основным застройщиком в качестве созастройщиков. Эта практика нашла поддержку в статье Ф. Стрелова, опубликованной в журнале «Радянське право» за 1960 год № 6.

Следует прежде всего признать неправильным обязывать коммунальный отдел, как сторону по договору, изменять условия договора и включать созастройщиков, поскольку это относится целиком к его компетенции. Кроме того, практика свидетельствует о том, что спорящие стороны не могут окончить строительство дома в соответствии с утвержденным проектом и в установленные сроки, а коммунальные органы не могут применить санкции, поскольку не состоят в договорных отношениях с созастройщиками. Поэтому исполкомы местных Советов обоснованно возражают против разделов не оконченных строительством домов.

Для примера можно сослаться на следующие дела о разделе не оконченного строительством дома. Решением Кировоградского областного суда, оставленном в силе определением Верховного суда УССР, был разделен недостроенный дом между супругами Котляровыми в городе Александрии. Стороны по делу возвели только стены, поставили чердачное перекрытие и стропила для крыши. Затем после состоявшегося решения суда коммунальный отдел, не принимавший участия по делу, стал жаловаться на несоблюдение сторонами проекта строительства, выразившееся в покрытии крыши одним из супругов шифером, а другим — соломой¹.

Поэтому при постановке вопроса о разделе не оконченного строительством дома речь может идти как правило только о возмещении лицу затрат на строительство. В порядке исключения, в тех случаях, когда необходимо произвести незначительные работы по достройке, суд, с учетом согласия коммунального отдела, может произвести раздел с указанием в решении суда, кто из сторон и в какой части дома должен произвести окончательные работы по достройке в соответствии с проектом.

Следует полагать, что дом может быть предметом раздела и тогда, когда он в сущности почти готов, но застройщик уклоняется от сдачи его в эксплуатацию, чтобы не допустить

¹ Дело № 2—879 за 1956 год Кировоградского Облсуда.

раздела. При осуществлении права общей собственности на домовладение затрагиваются также вопросы землепользования, поскольку земельный участок обслуживает домовладение.

В соответствии со ст. 5 Постановления ВУЦИК и СНК УССР от 23 сентября 1925 г. «О земельных распорядках в черте городов и поселков» споры о порядке землепользования разрешаются в судебном порядке¹. Однако, это правило выражено слишком широко. Суды вправе разрешать только споры относительно установления порядка пользования земельным участком между совладельцами одного домовладения.

Разрешение споров о земельных участках между владельцами разных домовладений суду не подведомственны, поскольку в данном случае затрагивается вопрос о порядке отвода и раздела земельных участков, относящийся исключительно к компетенции местных органов власти. Только в случае нарушения владельцем домовладения установленной границы землепользования с соседом суд рассматривает спор между владельцами разных домовладений для восстановления прежнего положения.

При установлении порядка пользования земельным участком суды исходят из того, что земельный участок под садом и огородом делится между совладельцами пропорционально долям в праве собственности на домовладение. Двор разделу не подлежит и остается в общем пользовании всех совладельцев для устройства выезда на улицу, сооружения служебных построек. Если один из совладельцев дома не может пользоваться двором общего пользования ввиду конфигурации земельного участка, то следует увеличить размер находящегося в его пользовании участка.

Производить перераспределение пользования земельным участком не всегда целесообразно, особенно когда это связано с нарушением установившегося на протяжении длительного времени порядка землепользования, затратами на перенос надворных построек, фруктовых насаждений.

Верховный суд СССР в ряде определений также указал на то, что размер находящихся в пользовании каждого из совладельцев земельных участков не всегда должен соответствовать их доле в праве собственности на домовладение².

В этих случаях следует рекомендовать лицу, землепользование которого не соответствует доле в праве собственности, произвести в финансовом отделе перераспределение платежей за земельную ренту в соответствии с фактическим землепользованием.

¹ СУ УССР, 1925, № 72, ст. 411.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1954, № 3, стр. 43; «Судебная практика Верховного суда СССР», 1955, № 3, стр. 37.

Не следует изменять порядок землепользования в случае пристройки кем-либо из совладельцев квартиры к дому или флигеля и изменения тем самым доли в праве собственности. Встречаются случаи, когда совладелец дома передает часть земельного участка, не являющегося излишком, с разрешения исполкома местного Совета под застройку обычно родственнику или знакомому.

Поскольку изъятия части земельного участка для государственных или общественных надобностей нет, то это не должно влечь изменение землепользования для лица, добровольно уступившего часть участка.

Таков далеко не полный перечень вопросов судебной практики по спорам о домовладениях, требующих дальнейшей разработки.

К ВОПРОСУ О РАЗДЕЛЕ СОВМЕСТНОГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

А. М. НЕМКОВ

(кафедра гражданского права и процесса)

I. Определение судом долей в совместном имуществе супругов

По вопросу о том, равные ли доли принадлежат супругам в совместном имуществе, — в законодательстве союзных республик нет единого ответа.

Ст. 17 Кодекса законов о браке, семье и опеке Грузинской ССР устанавливает: «Имущество, нажитое супругами совместным трудом во время брака, считается принадлежащим обоим супругам *в равных долях*».

Такой же ответ содержится и в ст. 21 Кодекса законов о браке, семье и опеке Белорусской ССР: «Имущество, нажитое супругами во время брака совместным трудом, считается принадлежащим обоим супругам на началах общей собственности (ст. 61—65 гражданского кодекса) *в равных долях*»¹.

Кодексы других союзных республик (РСФСР², Украинской³, Узбекской, Таджикской, Туркменской и Азербайджанской ССР) не устанавливают обязательного равенства долей. Кодексы этих республик предоставляют право суду в случае

¹ Кодекс Украинской ССР до 15 сентября 1945 года также предусматривал равные доли супругов в общем имуществе. Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 15 сентября 1945 года была изменена формулировка ст. 125 Кодекса законов о семье, опеке, браке и актах гражданского состояния Украинской ССР. Согласно новой редакции этой статьи «размер принадлежащей каждому из супругов части в случае спора определяется судом».

² Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР действует в Киргизской, Казахской, Литовской, Латвийской и Эстонской союзных республиках.

³ Кодекс Украинской ССР действует в Молдавской ССР.

спора определять размер принадлежащей каждому супругу доли.

Таким образом в двух союзных республиках (Грузинской и Белорусской) Кодексы устанавливают обязательное равенство долей супругов в совместном имуществе (судам в этих республиках не предоставлено право увеличить или уменьшить долю одного супруга за счет другого супруга). В остальных республиках Кодексы не устанавливают обязательного равенства долей, предоставляя право суду в случае спора определять размер принадлежащей каждому супругу доли.

Разумеется, супруги не лишены права и без обращения в суд по своему усмотрению определить доли в общем имуществе (за исключением тех случаев, когда супруг, с целью уклонения от возмещения вреда третьим лицам, отказывается полностью или частично от своей доли в пользу другого супруга). При наличии спора между супругами размер доли определяется судом.

Возникает вопрос, в каких кодексах более правильно решается вопрос о долях супругов в совместном имуществе — в кодексах, где общность супружеского имущества определяется одним фактом состояния в браке, без учета степени трудового участия супругов в создании этого имущества, или в кодексах остальных республик, где общность супружеского имущества и доля каждого супруга определяется не одним только фактом состояния о браке, но и степенью участия каждого супруга в создании этого имущества?

В юридической литературе по этому вопросу нет единого мнения.

Г. М. Свердлов считает, что более правильное решение вопроса о долях содержится в кодексах Грузинской и Белорусской союзных республиках. Свое мнение он обосновывает так:

«В настоящих условиях, когда категории нетрудовых семей уже не существует, нет надобности ни в специальной оговорке о том, что закон имеет в виду только те семьи, где общее имущество создается трудом, ни в установлении какого-либо иного принципа, кроме принципа равенства долей. В трудовой семье имущество всегда создается трудом, а труд жены, работает ли она вне семьи или в семье, всегда признается социально равнозначным общественно-производительному труду мужа»¹.

Иными словами, довод Г. М. Свердлова сводится к тому, что в настоящее время нет нетрудовых семей, следовательно, совместное имущество создается только трудом супругов и поскольку труд жены всегда равнозначен труду мужа, нет

¹ Г. М. Свердлов. Брак и развод. 1949, стр. 137. Издательство Академии наук СССР.

необходимости в разделе совместного имущества супругов не в равных долях.

Не противоречит ли принцип безусловного равенства долей супругов в совместном имуществе принципу социализма — «от каждого по его способностям, каждому — по его труду»?

Г. М. Свердлов считает, что к отношениям между супругами этот принцип в прямой форме неприменим, так как принцип «по труду» заставил бы суд при определении долей учитывать количество и качество труда и в то же время суд был бы лишен возможности учитывать то, что в браке один супруг отдает другому не только усилия по созданию материальных ценностей, но и нечто другое — любовь, дружбу, заботу, моральную и материальную поддержку, труд по воспитанию детей. Все это не может быть взвешено и оценено, т. к. это привело бы к нуждому для нашего права принципу материальной оценки нематериальных ценностей¹.

Другие юристы: И. С. Гуревич², Р. О. Халфина³, Н. В. Рабинович⁴, К. А. Граве⁵, Д. Ф. Еремеев⁶ считают, что более правильное решение вопроса о долях супругов в совместном имуществе содержится в кодексах РСФСР и других союзных республиках, которые предоставляют право суду определять размер доли с учетом степени трудового участия супругов в создании совместного имущества, а также с учетом других особенностей семьи.

«Такое решение, — пишет И. С. Гуревич, — соответствует сущности имущественных правоотношений супругов, не нарушает принципа социализма «каждому по его труду», не будет создавать для некоторых неустойчивых лиц стимула вступать в брак с целью извлечения экономической выгоды — приобретения равной доли в совместном имуществе независимо от степени трудового участия в его приобретении и от продолжительности брака»⁷.

Р. О. Халфина обращает внимание на то, что в области семейных отношений «еще встречаются иногда пережитки отвратительной буржуазной морали, выражающиеся в попытках использовать семейные отношения в корыстных целях.

¹ Г. М. Свердлов. Брак и развод. 1949, стр. 138—139.

² И. С. Гуревич. «Советское государство и право». 1949, № 7, стр. 81—82.

³ Р. О. Халфина. Право личной собственности граждан СССР. Издательство Академии наук СССР. М., 1955, стр. 77—80.

⁴ Н. В. Рабинович. Личные и имущественные отношения в советской семье. Издательство ЛГУ, 1952, стр. 58—59.

⁵ К. А. Граве. Имущественные отношения супругов. Госюриздат. стр. 62—63.

⁶ Д. Ф. Еремеев. Право личной собственности в СССР. Госюриздат. 1958, стр. 91—93.

⁷ И. С. Гуревич. «Советское государство и право». 1949, № 7, стр. 82.

На борьбу с этими пережитками должны быть направлены и те нормы социалистического права, которые регулируют имущественные отношения супругов. Связать суд твердой нормой, устанавливающей равенство долей супругов на совместно нажитое имущество для всех случаев без изъятия, представляется еще недостаточно обоснованным, преждевременным»¹.

Представляется, что вторая точка зрения по вопросу о долях супругов в общем имуществе является более правильной. Те кодексы, которые предоставляют право суду устанавливать размер доли в общем имуществе супругов с учетом степени их трудового участия в создании этого имущества, а также с учетом других особенностей семейной жизни — более правильно решают этот вопрос.

Дело в том, что еще не отпала необходимость (хотя и в исключительных случаях) устанавливать неравные доли супругов в совместном имуществе. Еще встречаются люди, которые не занимаются полезным трудом, которые используют семейные отношения в корыстных целях. Присуждать таким людям равную долю с другим супругом, трудом которого нажито имущество, было бы неправильно. Такое решение не обеспечило бы защиту имущественных интересов добросовестного супруга и поощряло бы туеядство.

Имеются ли основания опасаться, что суды механически перенесут принцип вознаграждения по труду из области трудовых отношений во взаимоотношения супругов, что при определении доли супруга в совместном имуществе суды встанут перед необходимостью «... не только учитывать продолжительность брака, но и оценивать качество, продолжительность, квалификацию труда, дифференцировать право супруга в зависимости от характера труда»².

Думается, что такие опасения не имеют под собой почвы. Например, из рассмотренных в 1960 году Крымским областным судом по первой и второй инстанции гражданских дел, связанных с разделом имущества между супругами (речь идет о семье городского типа), нет ни одного дела, из которого усматривалось бы, что суд допустил механический перенос принципа вознаграждения по труду из области трудовых отношений во взаимоотношения супругов. Не было случаев, чтобы разница в заработной плате супругов послужила основанием для установления неравных долей при разделе совместного имущества.

При определении размера доли каждого из супругов в об-

¹ Р. О. Халфина. Право личной собственности граждан СССР. Издательство АН СССР. М., 1955, стр. 77.

² Г. М. Свердлов. Брак и развод. Издание Академии наук СССР. 1949, стр. 138.

шем имуществе суды исходят из предположения равенства долей и; как правило, устанавливают равные доли супругов в общем имуществе. Неравные доли устанавливаются судами лишь в исключительных случаях.

Так, например, Пленум Верховного Суда СССР в своем Постановлении от 24 марта 1960 г. по иску Прокопенко Н. В. к финансовому отделу Фрунзенского района г. Москвы об исключении имущества из описи указал, что поскольку истица имела самостоятельный заработок (1450 руб. в месяц) и что в деле нет никаких данных о том, что описанное имущество или часть его были приобретены за счет средств, добытых преступным путем — доля истицы в совместном имуществе, примерно должна быть равной доле другого супруга, так как имущество было нажито в период их брака¹.

Из этого постановления можно сделать вывод, что Пленум исходил из предположения равенства долей супругов в общем имуществе, поскольку имущество нажито в период брака работой обоих супругов и из дела не усматривается каких-либо исключительных обстоятельств, дающих основание суду устанавливать неравные доли.

По рассматриваемому вопросу представляет интерес определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску Дроновой к Дронову о признании права собственности на часть дома.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского областного суда, рассмотрев это дело, сочла возможным разделить домовладение между бывшими супругами не в равных долях, обосновав свое решение тем, что дом был построен из лесоматериалов, отпущенных ответчику как инвалиду Отечественной войны, с доставкой этого лесоматериала на строительный участок.

Судебная коллегия Верховного Суда СССР признала, что это обстоятельство не могло иметь решающего значения при определении доли каждой из сторон в общем имуществе, так как строительство дома осуществлялось в то время, когда истица с ответчиком состояла в браке, а потому помощь в отпуске лесоматериалов и в подвозке его на строительный участок оказывалась семье ответчика, а не только одному ответчику.

Коллегия Верховного суда СССР указала в определении, что если суд придал указанному выше обстоятельству существенное значение при определении доли сторон в общем имуществе, то следовало, с другой стороны, учесть степень их личного участия в возведении дома.

Истица, помимо того, что осуществляла личный уход за ответчиком, являющимся инвалидом первой группы, прини-

¹ Бюллетень Верховного суда СССР, 1960, № 5, стр. 3.

мала непосредственное участие в постройке дома, выполняя все связанные со строительством работы, тогда как ответчик лично в строительстве дома не участвовал.

Коллегия Верховного суда СССР пришла к выводу, что при таких обстоятельствах у суда не было достаточных оснований для признания за бывшими супругами права на неравные доли в домовладении.

В этом определении коллегия указала, что согласно ст. 10 КЗоБСО РСФСР размер принадлежащей каждому супругу доли в общем имуществе в случае спора определяется судом, однако, если суд приходит к убеждению, что супруги имеют право на неравные доли в имуществе, то соображения суда должны быть мотивированы ссылкой на такие доказательства, которые подтверждали бы правильность сделанных судом выводов¹.

Судебная коллегия по гражданским делам Крымского областного суда при рассмотрении дела Каменских о расторжении брака и о разделе имущества (дело № 06-122 к 59) не усмотрела достаточных оснований для определения неравных долей супругов в совместном имуществе при наличии таких обстоятельств: стороны в период брака (который продолжался полтора года) совместно достроили дом, увеличив его стоимость на 29000 руб.

Истец Каменский при разделе имущества просил признать неравными доли в совместном имуществе, ссылаясь на то, что в основном достройка дома производилась за счет его пенсии (3280 руб. в месяц), что ответчица в период брака нигде не работала и домашним хозяйством не занималась (поскольку имелась домработница).

Признавая равные доли за супругами, коллегия обосновала решение тем, что достройка дома производилась супругами совместно, что ответчица участвовала в строительстве дома как личным трудом, так и теми (хотя и незначительными) денежными средствами, которыми она располагала. Кроме того, ответчица осуществляла уход за ребенком истца. При таких обстоятельствах сам по себе факт неравного вложения средств в строительство дома не может служить достаточным основанием для признания за супругами неравных долей в общем имуществе.

Судебная коллегия Верховного суда Украинской ССР согласилась с таким разрешением спора.

Какие же обстоятельства могут служить достаточным основанием для установления неравных долей?

Представляется, что разрешение этого вопроса будет более правильным, если его рассматривать не изолированно, а в неразрывной связи с принципами коммунистической морали,

¹ Судебная практика Верховного суда СССР. 1952, № 8, стр. 29—31.

исходить из того, что по каждому конкретному делу решение суда должно быть направлено на защиту интересов добросовестного супруга, на борьбу с нездоровыми явлениями в семье, на борьбу с пережитками капитализма в нашем обществе.

В противоположность буржуазной семье, в которой «буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям»¹, в основе личных и имущественных отношений между членами семьи в социалистическом обществе лежит взаимная любовь и помощь в быту, трудовое сотрудничество, единство интересов личности и общества.

Но и в нашем социалистическом обществе иногда встречаются случаи, когда отдельные семьи строятся на нездоровой основе.

Поэтому при разрешении дела о разделе имущества супругов, в частности, при определении доли каждого супруга в общем имуществе, очень важно установить, на какой основе строились личные и имущественные отношения супругов.

В тех случаях, когда в основе личных и имущественных отношений супругов лежали взаимная любовь и помощь в быту, трудовое сотрудничество, единство интересов, сам по себе факт неравного (но посильного) трудового участия в приобретении общего имущества не может служить достаточным основанием для установления неравных долей при разделе совместного имущества.

Другое дело, когда личные и имущественные отношения супругов построены на нездоровой основе, когда тот или иной супруг использовал семейные отношения в корыстных целях, или уклонялся от трудового сотрудничества, личные интересы ставил выше общих семейных интересов и т. д. Эти обстоятельства, надо полагать, могут служить достаточным основанием для установления неравных долей супругов в совместном имуществе.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР по делу № 3 (198-60) по иску Фоменко к Фоменко о расторжении брака и разделе имущества пришла к выводу, что доли супругов в совместном имуществе не могут быть равными.

Из дела усматривается, что за период 6-летнего пребывания в браке (1953—1959 гг.) супруги приобрели имущество (не считая личных вещей) на сумму более 59 тысяч рублей. Истец, будучи военнослужащим, получал ежемесячное содержание более 3 тысяч рублей. На эти деньги и приобреталось совместное имущество. Ответчица не занималась полезным

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 427.

трудом, вне дома не работала, домашним хозяйством не занималась (имела домработницу), за детьми не ухаживала (не было детей).

В период продолжительной болезни истца, когда он особенно нуждался в помощи жены, ответчица уехала от него на несколько месяцев.

Таким образом, между супругами не было ни трудового сотрудничества, ни взаимной помощи в быту. Личные и имущественные отношения были построены на нездоровой основе и совершенно правильно Судебная коллегия Верховного суда признала за супругами неравные доли в совместном имуществе.

В качестве примера, подтверждающего намерения супруга использовать брак в корыстных целях, можно привести дело № 33-827 по иску Теплякова к Тепляковой о разделе дома.

В период службы Теплякова в Советской Армии его жена в основном своими силами и средствами построила дом. Демобилизовавшись из армии, Тепляков предъявил в суд иск о разделе дома.

Судебная коллегия Верховного суда СССР указала, что при разрешении данного дела у Московского областного суда не было достаточных оснований выделять истцу равную с ответчицей долю в домовладении¹.

Нездоровые явления в семье проявляются иногда и в том, что один из супругов расточает принадлежащее семье имущество, или не передает на общие нужды семьи весь свой заработок, большую часть его расходует на свои личные нужды или вносит на свой вклад в сберегательную кассу и т. п.

Разумеется, что эти обстоятельства не могут не учитываться при определении долей супругов и с учетом конкретных обстоятельств дела могут служить достаточным основанием для установления неравных долей.

Иногда неравная степень трудового участия в приобретении совместного имущества является результатом таких обстоятельств которые не могут быть вменены в вину супруга (инвалидность супруга или супруг систематически оказывает материальную помощь родителям или детям, проживающим раздельно от супругов и т. д.). Могут ли такие обстоятельства служить достаточным основанием для установления неравных долей в совместном имуществе супругов?

Думается, что нет. Иное разрешение вопроса находилось бы в противоречии с принципами коммунистической морали. Разумеется, что супруг-инвалид также должен вносить на пользу семьи посильный труд, оказывать семье посильную помощь в быту.

Может ли служить достаточным основанием для установ-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР. 1951, № 12, стр. 25—26.

ления неравных долей в совместном имуществе то обстоятельство, что у одного из супругов на иждивении находятся дети?

Например, супруги Скачковы в период брака приобретали облигации Государственного 3% займа на сумму 3800 руб. Народный суд 5 участка г. Ялты с учетом того, что у ответчицы Скачковой А. И. на воспитании находится ребенок решил разделить облигации не в равных долях. Суд передал истцу облигаций на сумму 1000 руб., а ответчице на сумму 2800 руб. (Судебная коллегия Крымского областного суда признала такое решение спора неправильным).

Нахождение ребенка на содержании ответчицы не может служить достаточным основанием для того, чтобы разделить совместное имущество не в равных долях.

Согласно ст. 29 Кодекса законов о семье, браке, опеке и актах гражданского состояния Украинской ССР и соответствующих статей кодексов других союзных республик — при жизни родителей дети не имеют права на их имущество, равно как и родители не имеют права на имущество детей (личные вещи детей не входят в совместное имущество супругов). Кроме того, на содержание несовершеннолетних и нуждающихся нетрудоспособных совершеннолетних детей родители обязаны платить алименты (ст. 42 КЗоБСО РСФСР и соответствующие статьи кодексов других союзных республик).

Наличие детей у того или иного супруга может оказать влияние не на размер доли, а на то, какое конкретное имущество целесообразнее при разделе передать супругу, на воспитании которого остаются дети.

Так, по делу № 36/827 по иску Теплякова к Тепляковой о разделе дома судебная коллегия Верховного суда СССР отметила: «Учитывая, что на содержании ответчицы Тепляковой находятся двое малолетних детей, на воспитании которых ненормальные отношения родителей могут сказаться отрицательно, суду следовало обсудить вопрос о выделе истцу его доли в денежной компенсации»¹.

Не может оказывать влияние на размер доли супруга при разделе совместного имущества и продолжительность брака. Продолжительность брака может влиять на размер имущества, нажитого супругами. Продолжительность брака может иметь значение при выяснении вопроса, на какой основе строились личные и имущественные отношения супругов. Строились ли они на здоровой основе — взаимной любви, помощи в быту, трудовом сотрудничестве и единстве интересов или тот или иной супруг преследовал другие цели, что в свою очередь может оказать влияние и на размер доли.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР. 1951, № 12, стр. 26.

2. Состав совместного имущества супругов

После установления доли супругов в совместном имуществе перед судом встает другая задача — определить состав совместного имущества супругов, т. е. установить, какое конкретно имущество подлежит разделу.

В связи с этим необходимо уточнить, что следует понимать под словом имущество? В каком значении употреблен термин «имущество» в ст. 125 КЗоС УССР и в соответствующих статьях кодексов других союзных республик¹. Дело в том, что гражданское законодательство в одном случае употребляет термин «имущество» в смысле вещи (О купле-продаже имущества — ст. 180 Гражданского кодекса УССР, о предоставлении имущества в наем — ст. 152 Гражданского кодекса УССР). В другом случае законодатель расширяет понятие слова «имущество», употребляя его не только в смысле вещи, но и как совокупность имущественных прав (кредитор обращает взыскание на имущество должника — ст. 320 Гражданского процессуального кодекса УССР). В третьем случае законодатель еще более расширяет понятие слова «имущество», употребляя его в смысле совокупности имущественных прав, принадлежащих лицу, и совокупности его имущественных обязанностей (актив и пассив). В таком понимании законодатель говорит об имуществе при переходе его по наследству (ст. ст. 418, 420 Гражданского кодекса УССР) при слиянии социалистических организаций.

В ст. 125 кодекса законов о семье, опеке и браке УССР законодатель включает в понятие имущество не только совокупность вещей, но и совокупность имущественных прав и имущественных обязательств (актив и пассив).

Следовательно, в раздел подлежат включению принадлежащие супругам на праве общей совместной собственности вещи, имущественные права и обязательства (долги). «Вещи и права составляют актив имущества; обязательства (долги) — пассив имущества»².

Включению в раздел подлежат только те вещи, которые являются совместной собственностью супругов. Не подлежит включению в раздел раздельное имущество супругов (одежда, обувь, вещи, принадлежавшие супругам до брака, имущество, полученное супругами в дар, по наследству, вклад в сберегательной кассе и др.), личное имущество детей, родителей и других членов семьи³.

¹ В дальнейшем постановлении кодексов других союзных республик будут приводиться только в тех случаях, когда они имеют существенное различие с кодексами УССР.

² С. И. Вильнянский. Лекции по советскому гражданскому праву. Издательство Харьковского университета, 1958, стр. 155.

³ Речь идет о семье городского типа.

Включению в раздел подлежат только те имущественные права, которые принадлежат обоим супругам. Например, супруги из совместных сбережений по договору займа передали тому или иному лицу определенную сумму денег или продали принадлежавшую им вещь с условием рассрочки платежей. В этих случаях у супругов возникает по отношению к должнику право требования возврата долга. Требовать полного возврата долга могут как один, так и другой супруг, если солидарность на стороне супругов обусловлена договором. В остальных случаях, хотя право требования с должника возникает только у супруга-кредитора, состоящего в договорных отношениях с должником, тем не менее и это право требования подлежит включению в общее совместное имущество супругов при его разделе.

Иными словами подлежит включению в раздел все то, что должны возвратить или уплатить супругам третьи лица, если имущественные права возникли в связи с распоряжением совместной собственностью супругов.

Не подлежит включению в совместное имущество супругов, а следовательно, и в раздел такое право требования возврата долга, которое не связано с совместным имуществом супругов.

Например, один из супругов снял со своего вклада в сберегательной кассе определенную сумму денег и передал ее по договору займа другому лицу; или супруг продал с условием рассрочки платежей принадлежавшую ему до брака вещь и т. п. В этих случаях имеет место осуществление супругом права распоряжения не совместным имуществом обоих супругов, а отдельным имуществом одного из супругов.

Какие долги подлежат включению в пассив совместного имущества супругов?

При разрешении этого вопроса прежде всего необходимо иметь в виду, что долги супругов распадаются на две группы: на общие долги обоих супругов и на личные долги одного из супругов. Общие долги обоих супругов подлежат включению в пассив совместного имущества, личные долги супругов не подлежат включению в пассив имущества.

Какие же долги относятся к общим долгам супругов?

В ст. 106 ГК УССР записано, что обязательства возникают из договоров и других указанных в законе оснований, в частности, вследствие неосновательного обогащения и вследствие причинения другому лицу вреда.

Рассмотрим обязательства, возникающие из договоров. Перечислить все случаи возникновения обязательства из договоров, т. е. перечислить все случаи возникновения из договоров общих долгов супругов не представляется возможным, да в том и нет необходимости. В частности, за супругами может образоваться задолженность по квартирной плате и за

пользование коммунальными услугами. Здесь образовавшийся долг вытекает из договора жилищного найма. Такой долг является общим долгом обоих супругов и взыскание этого долга подлежит обращению на совместное имущество супругов. Следовательно, такой долг подлежит включению в пассив совместного имущества супругов.

Является общим долгом обоих супругов и такой долг, который возник из договора, в результате которого увеличилась ценность совместного имущества супругов. В этом случае не имеет значение, указаны ли в договоре оба супруга, или указан один супруг. Например, супруг заключил договор подряда на ремонт дома, являющегося совместной собственностью супругов. Взыскание образовавшегося в связи с этим долга может быть также обращено на совместное имущество супругов. Если в данном примере должником по договору подряда указан один супруг, то ответственность второго супруга наступает по основаниям, изложенным в ст. 399 ГК УССР, т. е. в связи с неосновательным обогащением, поскольку в результате ремонта ценность дома, т. е. ценность совместного имущества увеличилась. Предел ответственности второго супруга ограничивается суммой неосновательного обогащения.

Будет ли являться общим долгом супругов, если в договоре должником значится один супруг и в результате такого договора не последовало увеличения ценности совместного имущества супругов? Например, по договору займа супруг получил определенную сумму денег и купил на нее одежду или обувь ребенку. В этом случае образовавшийся долг также следует признать общим долгом супругов. Основанием для обращения взыскания долга на совместное имущество супругов здесь также является неосновательное обогащение другого супруга, который в силу закона (ст. 30 КЗоС УССР) обязан доставлять содержание своим несовершеннолетним детям. Другое дело, если супруг израсходовал полученную по договору займа сумму денег на других членов семьи, которых другой супруг по закону не обязан содержать. Такой долг нельзя признать общим долгом супругов. Такой долг следует признать личным долгом супруга-должника и, следовательно, этот долг не подлежит включению в пассив совместного имущества супругов.

Является общим долгом супругов и подлежит включению в пассив совместного имущества супругов непогашенная ссуда, полученная супругом по договору займа для строительства дома или для приобретения другого совместного имущества супругов. В данном случае также не может иметь значение то обстоятельство, что должником в договоре значится один из супругов, если ссуда израсходована на увеличение ценности совместного имущества супругов. Основанием для обращения взыскания долга на совместное имущество супругов

является также неосновательное обогащение другого супруга. В том случае, если ссуда получена и частично израсходована на строительство дома до вступления ссудополучателя в брак, а остальная часть ссуды израсходована на строительство дома в период брака, то общим долгом супругов будет только та сумма, которая израсходована на увеличение совместного имущества, т. е. та сумма, которая израсходована на строительство дома после регистрации брака. В этом случае та часть дома, которая построена до брака, будет являться отдельным имуществом супруга, получившего ссуду и израсходованная ссуда на строительство этой части дома (до брака) будет являться личным долгом ссудополучателя.

В ст. 405 ГК УССР предусматривается, что лицо недееспособное не отвечает за причиненный им вред. За него отвечает лицо, обязанное иметь за ним надзор. К недееспособным лицам закон (ст. 7 ГК УССР) относит детей в возрасте до 14 лет и лиц, признанных в установленном порядке слабоумными или душевнобольными. Следовательно, за вред, причиненный детьми в возрасте до 14 лет, супруги обязаны в силу ст. 405 ГК УССР нести ответственность своим совместным имуществом, а если совместного имущества окажется недостаточно для возмещения вреда, то и отдельным имуществом в равных долях. За вред, причиненный детьми несовершеннолетними, достигшими 14 лет, ответственность супругов устанавливается ст. 405 ГК УССР, а также п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда» — дополнительная (субсидиарная). Супруги отвечают совместным имуществом в этом случае лишь при отсутствии у несовершеннолетних детей имущества, заработка или иных источников дохода, достаточных для возмещения вреда.

Является общим долгом супругов, а следовательно и подлежит включению в пассив совместного имущества супругов и такой долг, который возник в результате совместного причинения вреда супругами. В этом случае согласно ст. 408 ГК УССР супруги отвечают перед потерпевшим солидарно. Например, супруги при поездке на автомашине, являющейся совместной их собственностью, наехали на человека и причинили ему увечье. Поскольку оба супруга являются владельцами источника повышенной опасности, они в силу ст. ст. 404 и 408 ГК УССР обязаны нести солидарную ответственность по возмещению вреда (как совместным, так и отдельным имуществом).

В силу постановления ЦИК и СНК СССР от 10 августа 1927 г. «О порядке возмещения ущерба от растрат, присвоения или хищения имущества государственных учреждений и

предприятий, кооперативных и общественных организаций»¹, если совместное имущество супругов приобретено или увеличилось на средства, добытые преступным путем, на это имущество может быть обращено взыскание при возмещении вреда. На основании постановления судебных органов по уголовным делам или на основании исполнительного листа, выданного в силу судебного решения по иску, возникшему из уголовного дела, может быть обращено взыскание не только на совместное имущество супругов, добытое преступным путем, но и на вклад в сберегательной кассе, если этот вклад сделан из средств, добытых преступным путем. При этом не имеет значение, на чье имя сделан такой вклад, на имя одного из супругов или на имя другого лица². В этом случае имеет место отступление от общего правила, что по личным долгам одного из супругов отвечает лишь супруг-должник своим личным имуществом и своей долей в совместном имуществе.

В силу ст. 106 ГК УССР обязательства могут возникнуть не только из договоров, неосновательного обогащения и причинения другому лицу вреда. Обязательства могут возникнуть и из других указанных в законе оснований. В частности, обязательства супругов могут возникнуть на основании административных актов. Например, Горфинотдел обложил жилой дом, являющийся совместной собственностью супругов, налогом на строение. Образовавшаяся недоимка по налогу будет являться общим долгом супругов, подлежащим включению в пассив совместного имущества супругов.

Обязательства супругов могут возникнуть и из деятельности в чужом интересе. Например, супруги на праве общей собственности (совместной) имеют в гор. Симферополе дом, но постоянно проживают в г. Хабаровске. С целью предупреждения разрушения дома сосед произвел некоторые работы по ремонту дома и просил супругов возратить ему понесенные расходы. В данном случае в соответствии со ст. 106 ГК УССР у супругов возникло обязательство по возмещению понесенных расходов по ремонту дома. Образовавшийся долг будет являться их общим долгом и потому подлежит включению в пассив совместного имущества.

Личные долги супругов, как уже отмечалось выше, не подлежат включению в пассив совместного имущества и, следовательно, они не подлежат учету при разделе имущества. К личным долгам супругов следует отнести, прежде всего,

¹ СЗ СССР 1927 г., № 51, ст. 507, ст. 403¹ ГК УССР.

² См. Постановление Пленума Верховного суда СССР № 3/6/V от 29 января 1942 г. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР, 1924—1957, стр. 169.

долги, по которым закон устанавливает строго личную ответственность (алиментные обязательства, обязательства, возникшие из причинения вреда) за исключением случаев, предусмотренных указанным выше постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 августа 1927 г. К личным долгам супругов следует отнести долги, возникшие до брака или в период брака, но не связанные с увеличением ценности совместного имущества супругов и по которым другой супруг в силу закона не обязан нести ответственность.

Как правило, супруги самостоятельно без обращения в суд решают вопрос о разделе совместного имущества. Чаще всего раздел имущества производится в тот период, когда супруги окончательно прекращают совместную жизнь. Но встречаются и такие случаи, когда супруги не производят раздел имущества в момент окончательного прекращения совместной жизни и длительное время не обращаются в суд с иском о разводе и о разделе имущества. К моменту предъявления в суд такого иска может не оказаться того имущества, которое было на день прекращения совместной жизни. У супругов в период раздельного проживания могут быть нажиты другие вещи и т. д. В связи с этим перед судом встает вопрос, какое имущество подлежит включению в раздел. В частности, подлежит ли включению в раздел совместное имущество, которое имелось у супругов на день окончательного прекращения совместной жизни, или только то совместное имущество, которое сохранилось на день обращения в суд с иском о разделе имущества?

Прямого ответа на этот вопрос в законе не содержится. Закон говорит лишь о том, что разделу подлежит только совместное имущество супругов. Совместным имуществом закон признает имущество, приобретенное супругами работой в период зарегистрированного брака. При этом закон не разграничивает приобретено ли имущество работой супругов в период их совместного или раздельного проживания. Согласно ст. 126 КЗоС УССР перемена места жительства одним из супругов не создает для другого супруга обязанности следовать за ним. Следовательно, сам по себе факт раздельного проживания супругов не может упразднить принципа общности имущества супругов. В жизни нередки случаи, когда супруги в связи с теми или иными обстоятельствами вынуждены временно проживать раздельно. Такое временное раздельное проживание не ведет к распаду семьи и прекращению общности имущества. Другое дело, когда супруги не на время, а окончательно прекратили совместную жизнь, когда произошел фактический распад семьи, хотя и без расторжения брака. Нередки случаи, когда у супругов, не расторгнувших брак, в период раздельного проживания фактически складывается другая семья, рождаются дети,

образуется общее (долевое) имущество сожителей. Можно ли при таких обстоятельствах включать в совместное имущество супругов то имущество, которое они нажили в период раздельного проживания? Представляется, что нет. Иное решение вопроса было бы несправедливым, не соответствующим фактически правоотношениям супругов и находилось бы в противоречии со смыслом ст. 125 КЗоС УССР.

Общность имущества супругов означает, что владение, пользование и распоряжение этим имуществом осуществляется по взаимному согласию супругов. О каком взаимном согласии может идти речь, когда супруги окончательно прекратили совместную жизнь, а вместе с этим прекратили личные и имущественные отношения? Судебная практика при таких обстоятельствах, когда имущество нажито в условиях окончательного раздельного проживания, хотя и без расторжения брака путем развода, признает это имущество раздельным имуществом супругов и не включает его в состав, а следовательно, и в раздел совместного имущества супругов.

Например, супруги Бродовские совместно проживали один год. Затем в ноябре 1958 года жена, не пожелав в дальнейшем продолжать брак, ушла от мужа на постоянное жительство к своей матери. В апреле 1959 года, т. е. спустя полгода после того как жена ушла от мужа, последний купил автомашину «Москвич». После этого (осенью 1959 г.) жена предъявила в суде иск к мужу о разделе совместного имущества, в том числе и автомашины. Народный суд 2-го участка гор. Симферополя, признав автомашину общим имуществом супругов, решил оставить ее мужу, взыскав с него в пользу жены половину стоимости автомашины. Включение автомашины в совместное имущество супругов суд мотивировал тем, что хотя супруги с ноября 1958 года и проживали раздельно, однако между ними в тот период еще не произошел окончательный разрыв, так как были случаи, когда муж весной 1959 года заходил к жене на квартиру. Следовательно, общность имущества между супругами не прекращена. С таким разрешением спора согласилась и судебная коллегия Крымского областного суда.

Президиум Крымского областного суда отменил состоявшееся по делу решения и передал дело на новое рассмотрение. Свое постановление Президиум мотивировал тем, что суд неправильно включил автомашину в совместное имущество. Президиум отметил, что сам по себе факт посещения мужем жены (который заходил с целью уговорить жену вернуться в семью) еще не означает, что между супругами не произошел окончательный распад семьи. Из дела видно, что истица окончательно ушла от мужа и принятые им меры к восстановлению семьи не дали положительных результатов. Следовательно, распад семьи (хотя брак не был расторг-

нут) следует считать с момента ухода жены от мужа. С этого момента (поскольку супруги не смогли впоследствии восстановить семью) следует считать и прекращение общности имущества супругов. При таких обстоятельствах автомашина не подлежит включению в совместное имущество супругов.

Для того, чтобы правильно разрешить вопрос о том, какое совместное имущество подлежит включению в раздел, т. е. то ли имущество, которое имелось на день окончательного прекращения совместной жизни супругов, или то, которое сохранилось на день предъявления в суде иска о разделе имущества, следует также исходить из сущности совместного имущества супругов.

Как уже отмечалось, общность имущества супругов означает, что владение, пользование и распоряжение этим имуществом осуществляется по взаимному согласию супругов. Супруг не в праве без согласия на то другого супруга отчуждать совместное имущество.

Так по делу № 36/332 по иску Коршуновой к Губанищеву и Коршунову о признании недействительным договора купли-продажи дома Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала, что договор купли-продажи дома, принадлежавшего обоим супругам, не может быть признан действительным, если он заключен одним супругом без согласия другого¹.

Аналогичное определение вынесла Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР по делу № 590 по иску Кинцурейшвили к Меламед, которое опубликовано под заголовком «На отчуждение имущества, составляющего общую собственность супругов, необходимо согласие обоих супругов»².

В ст. 38 действующего Положения о государственном нотариате Украинской ССР, утвержденного Постановлением Совета Министров Украинской ССР от 26 декабря 1956 года, записано «Договор об отчуждении одним из супругов строения или иного имущества, приобретенного в период нахождения в зарегистрированном браке, может быть удостоверен, если на такое отчуждение имеется согласие другого супруга». Такое же указание содержится и в Положении о государственном нотариате других союзных республик³.

Из сказанного можно сделать вывод, что если супругом в период раздельного проживания часть совместного имущества отчуждена с согласия на то другого супруга, то это отчужденное имущество не подлежит включению в раздел.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1951, № 9, стр. 33.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1945, выпуск VII/XXIII, стр. 25.

³ К. С. Юдельсон. Советский нотариат. Госюриздат, 1959, стр. 146—147.

Если имущество в период раздельного проживания отчуждено одним из супругов с нарушением Положения о государственном нотариате, т. е. без согласия на то другого супруга, то это неправомерно отчужденное имущество подлежит включению в состав имущества, подлежащего разделу.

В советской юридической литературе имеются высказывания о том, что в раздел подлежат включению только те вещи, которые оказались в наличии на день раздела. Например, Н. В. Рабинович считает, что «если один из супругов во время брака распорядился общим имуществом в свою пользу, в ущерб интересам другого супруга, либо детей, это обстоятельство может быть учтено при определении долей каждого из супругов, но не может приводить к включению в имущество, подлежащее разделу, тех вещей, которых в натуре уже нет»¹.

Представляется, что такая формулировка ответа является неточной. Во-первых, как смогут практически суды Белорусской и Грузинской республик учесть указанное обстоятельство при определении долей, когда по закону этих республик суд не вправе делить имущество супругов не в равных долях? Во-вторых, в какой мере должно быть учтено указанное обстоятельство при определении долей супругов? Видимо не произвольно, а в пределах стоимости тех вещей, которыми один из супругов неправомерно распорядился. Следовательно, при разделе суд вынужден будет, так или иначе, иметь суждение по поводу этих вещей, выяснять их стоимость и, следовательно, включать их в раздел точно так же, как и те вещи, которые один из супругов укрывает от раздела. В тех случаях, когда один из супругов укрывает от раздела некоторые вещи, суд также лишен возможности установить, сохранились ли в совместном имуществе супругов эти вещи или они уже отчуждены одним из супругов.

Представляется, что как в первом, так и во втором случае вещи подлежат включению в раздел совместного имущества, иначе интересы добросовестного супруга будут ущемлены (речь идет о том периоде, когда супруги, не расторгнув брак, окончательно прекратили совместное проживание).

Таким образом, в раздел подлежит включению все то совместное имущество, которое имелось на день окончательного прекращения совместной жизни супругов за минусом тех вещей, которые отчуждены с согласия обоих супругов в период их раздельного проживания.

По делу о разводе и о разделе имущества между супругами Коповскими судебная коллегия Крымского областного суда отказала Коповскому Л. Д. в иске о разделе совместного имущества. Коллегия мотивировала свое решение тем,

¹ Н. В. Рабинович. Личные и имущественные отношения в советской семье. Издательство ЛГУ, 1952, стр. 63.

что ответчица в период раздельного проживания вынуждена была продать совместное имущество супругов, так как истец не оказывал помощи на содержание ребенка.

С таким решением вопроса можно было бы согласиться, если бы истец уклонялся от уплаты алиментов. Однако данное обстоятельство по делу не нашло своего подтверждения. В связи с этим нельзя признать действия ответчицы, реализовавшей совместное имущество без согласия на то истца, правомерными. Ответчица не лишена была права на содержание ребенка взыскивать с истца алименты.

В судебной практике встречаются и такие случаи, когда совместное имущество в период длительного раздельного проживания супругов изнашивается и теряет свою ценность.

Так, по делу № 3/1503 по иску Ломброзо к Ломброзо о расторжении брака и о разделе имущества судебная коллегия Крымского областного суда вынуждена была частично отказать истцу в иске о разделе имущества, так как значительная часть совместного имущества, указанного в заявлении, за период длительного раздельного проживания супругов износилась и утратила свою ценность. Коллегия исходила из того, что в период раздельного проживания супругов ответчик не лишен был права пользоваться совместным имуществом, в связи с чем вещи правомерно утратили свою ценность.

В этой связи необходимо разобрать вопрос, применяется ли исковая давность к спорам между супругами по поводу имущества?

Ответ на этот вопрос в законодательстве не содержится. Для того, чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо исходить из того, с какой целью введен в нашем гражданском праве институт исковой давности «... С течением времени утрачиваются доказательства (документы теряются, свидетели умирают или забывают факты), и следовательно, выяснить действительные права и обязанности в том виде, в каком они существовали раньше, когда возникло спорное правоотношение, становится с течением времени все труднее. Таким образом, основанием исковой давности является потребность в ясности и определенности социалистического правопорядка»¹.

Имеется ли необходимость, потребность в ясности и определенности имущественных правоотношений между супругами?

Ст. 127 КЗоС УССР указывает: «Супруги могут вступать между собой во все дозволенные законом имущественные сделки». Стало быть, имущественно-договорные отношения между супругами, так же как и между другими лицами, нуж-

¹ С. И. Вильнянский. Лекции по советскому гражданскому праву. Издательство Харьковского университета, 1958, стр. 179.

даются в ясности и определенности. Такую ясность и определенность призван внести институт исковой давности. Следовательно, в этом случае исковая давность применима к спорам между супругами.

Имеется потребность в ясности и определенности отношений между супругами и по поводу их совместного имущества, когда супруги, не расторгнув брак, окончательно прекратили совместную жизнь. В данном случае между супругами прекращена общность имущества. По отношению к тому совместному имуществу, которое они приобрели в период брака до окончательного прекращения совместной жизни правоотношения супругов не могут бесконечно долго оставаться в состоянии неопределенности. С течением времени изнашиваются вещи, утрачиваются доказательства и становится труднее, а порой и совершенно невозможно установить, какое имущество было приобретено супругами в период брака и у кого оно находится. Следовательно и в этом случае допустимо и необходимо применение исковой давности к имущественным спорам супругов.

Представляется, что исковая давность неприменима к спорам о совместном имуществе, если не прекращена общность имущества супругов. Здесь нет и потребности в установлении ясности и определенности отношений супругов по поводу их совместного имущества. Ясность и определенность во взаимоотношениях супругов здесь определяется тем, что супруги, как правило, проживая совместно, сообща, по взаимному соглашению осуществляют право пользования, владения и распоряжения совместным имуществом.

В юридической литературе имеются высказывания о том, что раздел совместного имущества супругов не может быть произведен в период нерасторгнутого брака, за исключением тех случаев, когда возникла необходимость обращения взыскания на общее имущество супругов по долгам одного из них.

Например, М. О. Рейхель¹ полностью отрицал возможность раздела совместного имущества супругов в период нерасторгнутого брака, Д. Ф. Еремеев² допускает возможность раздела имущества супругов лишь в исключительных случаях, когда супруги прекратили совместную жизнь, не расторгнув брак, а также при обращении взыскания на долю одного из супругов. В остальных случаях, по мнению Д. Ф. Еремеева, раздел совместного имущества супругов при сохранении брака не может быть допущен ни по решению суда, ни по обоюдному согласию супругов. Свою точку зре-

¹ М. О. Рейхель. Общеимущественные отношения супругов в советском праве. «Советское государство и право», 1940, № 8—9, стр. 128.

² Д. Ф. Еремеев. Право личной собственности в СССР. Госюрпиздат, 1958, стр. 103—104.

ния он обосновывает тем, что «допустить раздел имущества супругов в период брака, значит, во-первых, ввести в законодательство некоторое подобие брачных контрактов и, во-вторых, по существу отменить нормы права об общности имущества супругов...».

По мнению большинства авторов (Г. С. Свердлов, К. А. Граве, Н. В. Рабинович, Р. О. Халфина)¹ и др. раздел совместного имущества супругов возможен во всех случаях, когда в этом возникает необходимость. Г. М. Свердлов обосновывает эту точку зрения тем, что «брак является более широкой общностью интересов, чем только общность имущественных интересов. Нарушение начала общности имущества супругов не всегда и не обязательно влечет за собою прекращение брака. У супругов может не быть единого мнения по вопросу об общем имуществе: о том, как этим имуществом распорядиться, о размере доли каждого из них в общем имуществе, и расхождение между ними может вылиться даже в судебный спор. Но спор супругов о доле в общем имуществе не обязательно будет влечь за собой прекращение брака».

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 года «О судебной практике по делам о расторжении брака», а также в других, более поздних постановлениях Пленума не содержится каких-либо разъяснений по этому вопросу. Однако, судебная практика твердо стоит на той точке зрения, что раздел совместного имущества (как по взаимному соглашению супругов, так и в судебном порядке) не может быть поставлен в зависимость от расторжения брака.

Представляется, что судебная практика идет по правильному пути. Нельзя согласиться с тем, что раздел совместного имущества супругов в период брака вводит в законодательство некоторое подобие брачных контрактов и по существу отменяет нормы права об общности имущества супругов. Дело в том, что, как правило, раздел имущества между супругами происходит в момент окончательного распада семьи. С распадом семьи прекращается и общность совместного имущества независимо от того, произведен или нет раздел совместного имущества между супругами. О каком подобии брачного контракта в данном случае может идти речь? Если разрыв в семье имел временный характер, и супруги смогли восстановить семью — вместе с восстановлением семьи вос-

¹ Г. М. Свердлов. Советское семейное право. Госюриздат, 1958, стр. 176—177; К. А. Граве. Имущественные отношения супругов, Госюриздат, 1960, стр. 59; Н. В. Рабинович. Личные и имущественные отношения в советской семье. Изд-во ЛГУ, 1952, стр. 51; Р. О. Халфина. Право личной собственности граждан СССР. Изд-во АН СССР, 1955, стр. 84—86.

становливается и общность их имущества. Следовательно и в этом случае нет никакого подобия брачных контрактов и нарушения принципа общности имущества.

Нельзя рассматривать закон об общности имущества только с формальной стороны, т. е. считать, что общность имущества супругов возникает с момента регистрации брака и оканчивается только в момент расторжения брака. Представляется, что необходимо исходить прежде всего из смысла закона, из самой сущности общего совместного имущества супругов и рассматривать этот вопрос в непосредственной связи с жизнью.

3. Определение стоимости имущества

Установив, какое конкретное имущество подлежит разделу, суду необходимо определить его стоимость.

Так, по делу № 36/362 по иску Дулушковой А. П. к Дулушкову Н. А. о разделе имущества судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР записала в определении: «разрешая вопрос о разделе имущества, суд прежде всего должен был установить, какое имущество подлежит разделу, определить его стоимость, выяснить, имеется ли оно в наличии и у кого находится»¹.

Без определения стоимости всего совместного имущества, подлежащего разделу, суд не в состоянии установить, в какой сумме выражается доля каждого супруга и какие вещи целесообразнее передать супругу на причитающуюся ему долю в общем имуществе. Без определения стоимости вещей раздел имущества будет иметь произвольный характер.

При разделе имущества должна быть отражена действительная стоимость вещей на момент раздела. Нельзя, например, при определении стоимости домовладения исходить из его страховой оценки, поскольку страховая оценка строения не отражает его действительной стоимости². Нельзя также при оценке вещей исходить из спекулятивных цен.

При оценке вещей следует исходить из государственных прейскурантных розничных цен с учетом степени износа вещей. Однако, при разделе могут встречаться и такие вещи, цена которых не указана в прейскуранте. Например, уникальные вещи, произведения живописи, скульптуры и т. д.

Для того, чтобы произвести оценку вещей, определить степень их износа, необходимы специальные познания в этой области.

Ст. 172 Гражданского процессуального кодекса УССР

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1950, № 7, стр. 39—40.

² Вопрос о разделе, в том числе и об оценке домовладения, а также особенности раздела имущества супругов в связи с иском об исключении имущества из описи будут предметом самостоятельного рассмотрения.

указывает, что «для разъяснения возникающих при разборе дела вопросов, требующих специальных познаний, суд может назначить экспертов». Чаще всего суды назначают в качестве эксперта товароведа Горторготдела или товароведа Райпотребсоюза. Если суд по тем или иным мотивам не может поручить экспертизу данному лицу (в связи с его заинтересованностью в исходе дела или по другим мотивам) — суд может обратиться в Бюро товарных экспертиз при Управлении торговли Исполкома областного Совета депутатов трудящихся или при городском (в городах республиканского подчинения) отделе торговли. Бюро товарных экспертиз располагает штатными экспертами специалистами-товароведами по соответствующим товарным группам и имеет возможность порекомендовать суду назначить в качестве эксперта того или иного специалиста, имеющего достаточные познания для определения стоимости указанных судом вещей.

Согласно ст. 172 ГПК УССР эксперт назначается только судом. Однако, в судебной практике имеют место и такие случаи, когда суд, вместо того чтобы вынести определение о назначении того или иного лица в качестве эксперта и поставить перед ним конкретные вопросы, обращается с просьбой в Горторготдел или в Райпотребсоюз, или в другую организацию о назначении эксперта для оценки имущества супругов.

Например, Крымский областной суд обратился с просьбой к директору Симферопольского Горпромторга о выделении в качестве эксперта товароведа для производства оценки вещей супругов Фоменко. Лицо, производившее оценку имущества (экспертом его назвать нельзя, поскольку суд не назначил его экспертом), в акте указывает «я, старший товаровед Симферопольского Горпромторга, действующий на основании распоряжения директора Горпромторга, произвел оценку предъявленных вещей» и т. д.

Представляется, что в данном случае имеет место нарушение норм процессуального права.

Иногда допускаются такие случаи, когда оценка имущества супругов производится лицами, не имеющими специальных на то познаний.

Например, по делу № 06-122 К 59 акт оценки имущества супругов составлен по просьбе истца депутатом Евпаторийского Горсовета, заместителем председателя уличного комитета и членом уличного комитета. Оценка вещей произведена произвольно, без указания цены прейскуранта и процента износа каждой вещи. При разрешении данного дела суд не вправе был руководствоваться указанной оценкой вещей.

В судебной практике иногда встречаются и такие случаи, когда эксперт в своем заключении не дает ясного ответа на поставленный вопрос.

Например, по делу Чернуха о расторжении брака и о разделе имущества в заключении эксперта указано, что годность агрегатов автомашины «Москвич» составляет 70%, годность резины — 50% и т. д., а какова же действительная стоимость автомашины с учетом степени ее износа в заключении эксперта не указано. В данном случае суду надлежало или назначить повторную экспертизу или предложить эксперту дать ясный ответ на поставленный перед ним вопрос. Однако Крымский областной суд ограничился некачественным заключением эксперта, в связи с чем судебное решение в части раздела имущества между супругами было отменено Верховным судом Украинской ССР.

При разделе совместного имущества иногда между супругами возникает спор по поводу того, относится ли та или иная вещь к совместному или к раздельному имуществу. В связи с этим спорные вещи также подлежат оценке со стороны эксперта. Спор о принадлежности этих вещей разрешается судом на основании добытых по делу доказательств.

В некоторых случаях, например, когда тот или иной супруг укрывает от раздела часть совместного имущества, эксперт лишен возможности осмотреть эти вещи и произвести их оценку. Было бы неправильно, если бы эти вещи остались не оцененными или не включенными в раздел. Оценка этих вещей может быть произведена экспертом непосредственно в судебном заседании на основании показаний свидетелей или других доказательств.

В тех случаях, когда между супругами нет спора по поводу оценки вещей, входящих в состав совместного имущества, когда супруги самостоятельно оценивают вещи с учетом степени их износа, — нет надобности в назначении экспертизы.

4. Раздел конкретных вещей между супругами

Определив стоимость всего совместного имущества и установив долю каждого супруга в денежном выражении, а также **установив, какие вещи из числа совместного имущества находятся у каждого из супругов**, суд приступает к разделу конкретных вещей между супругами.

Задача суда заключается в том, чтобы на причитающуюся супругу долю в деньгах передать ему конкретные вещи, общая стоимость которых равнялась бы его доле. В первую очередь суд включает в долю супруга те вещи, которые им укрыты от раздела или неправомерно отчуждены в период окончательного раздельного проживания с другим супругом. Раздел остального совместного имущества должен быть произведен, как правило, в натуре. Денежная компенсация вместо вещей допустима лишь в исключительных случаях, когда

не представляется возможным разделить вещи без несоразмерного ущерба их хозяйственному назначению.

Суд принимает во внимание пожелание супругов в смысле передачи им тех или иных конкретных вещей, учитывая также степень нуждаемости супруга в той или иной вещи. Например, было бы неправильным передать стиральную машину мужу, а ружье жене. Несправедлив был бы и такой раздел — одному супругу передать крупные вещи, а другому всю домашнюю утварь. При разделе имущества должно быть учтено и то, при ком из супругов остаются дети. Так, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по делу Высоцких указано, что суду представляется широкая возможность в определении того, кому из супругов должны быть выделены из общего имущества те или иные конкретные вещи, которые не могут быть разделены в натуре, дабы тем самым обеспечить стороне, взявшей на себя дальнейшее воспитание детей, необходимые для этого материальные условия. Далее Верховный суд указал, что это относится в первую очередь к такого рода имуществу, как жилой дом¹.

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного суда СССР, 1940 год. Юриздат, 1941, стр. 238—239.

ВОПРОСЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ОБЫЧНОЙ ДОМАШНЕЙ ОБСТАНОВКИ И ОБИХОДА В НОТА- РИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

К. Г. ПРОХОРОВА

(кафедра гражданского права и процесса)

Ст. 421 ГК УССР предусматривает, что имущество, относящееся к обычной домашней обстановке и обиходу (за исключением предметов роскоши), получают те из наследников, кто проживал совместно с наследодателем, сверх доли имущества, причитающейся им согласно ст. 420.

Из анализа ст.ст. 418—422 ГК УССР следует прийти к выводу, что ст. 421 ГК УССР относится к наследованию *по закону*.

Ст. 422 ГК, следующая за статьей 421 и определяющая порядок наследования по завещанию, не содержит каких-либо изъятий в отношении домашней обстановки и обихода, что свидетельствует о том, что ст. 421 ГК УССР определяет порядок наследования только *по закону*.

Поскольку общий принцип равенства долей наследников по закону допускает исключение для наследников, совместно проживавших с наследодателем, то возникает вопрос, распространяется ли ст. 422 ГК на предметы домашней обстановки и обихода.

Некоторые практические работники делают отсюда вывод, что домашнюю обстановку и предметы домашнего обихода можно наследовать только по закону, что они не подлежат завещанию на общих основаниях.

Так, например, в практике 1-й Харьковской государственной нотариальной конторы в 1941 году имел место следующий случай.

Научный работник гр. В. завещал свое имущество, заключающееся в предметах обычной домашней обстановки и обихода, своей матери в возрасте 80-ти лет, проживающей сов-

местно с ним и находившейся на его полном иждивении. Интересы супруги умерший В. обеспечил значительной суммой денег.

Мать, на чье имя было удостоверено завешание, просила 1-ю Харьковскую нотариальную контору выдать свидетельство о праве наследования *по завещанию* на предметы обычной домашней обстановки и обихода.

Супруга умершего гр. В., проживавшая совместно с ним, возражала и обратилась в народный суд с иском о признании завещания недействительным. В обоснование своих исковых требований она ссыалась на ст. 421 ГК.

Адвокат со стороны супруги утверждал, что завещатель не вправе был лишать супругу тех предметов домашней обстановки (например, кровати), которыми она на протяжении многих лет пользовалась, и передать их в собственность свекрови.

Адвокат со стороны матери доказывал противное, т. е. что предметы домашней обстановки и обихода можно завещать на общих основаниях.

Дело неоднократно рассматривалось в народных судах, областном суде и было передано в Верховный суд УССР. Однако, война помешала разрешению этого спора в Верховном суде. Стороны помирились, разделив спорное имущество поровну.

В 1961 г. в практике 6-й Харьковской нотариальной конторы имел место следующий случай.

После смерти Сандлера Л. Н., который незадолго до своей смерти женился на молодой женщине, остались предметы домашнего обихода, мебель и денежный вклад. Сын и дочь умершего от первого брака проживали в г. Сталинграде. Сын умершего Сандлер И. Л., проживающий в Сталинграде, в заявлении, адресованном нотариальной конторе, просил признать его наследником на домашние вещи и мебель.

Однако нотариус отказал ему в выдаче свидетельства о наследовании на домашние вещи, ограничившись выдачей свидетельства о праве наследования только на 1/3 часть денежного вклада в сберегательной кассе, поскольку совместно с умершим проживала его жена Долгунова Б. Х. При этом сын выражал недовольство тем обстоятельством, что какая-то чужая женщина будет пользоваться той домашней обстановкой, которая много лет принадлежала их семье и приобреталась совместно с его покойной матерью.

Наследнику Сандлеру И. Л. было разъяснено, что его умерший отец вправе был распорядиться предметами домашней обстановки и обихода по своему усмотрению и мог сделать завещание в пользу отсутствующих наследников.

Так ли это? Подлежат ли предметы домашней обстановки и обихода завещанию на общих основаниях?

Какова нотариальная практика по этому вопросу?

В нотариальной практике Харьковской области возник вопрос, вправе ли гражданин завещать домашнюю обстановку и предметы домашнего обихода наследникам, не проживавшим совместно с наследодателем. На этот вопрос нет прямого ответа в законе.

Однако закон не содержит и ограничений для возможности гражданина завещать свое имущество в пределах ст. 418 и 422 ГК, в том числе предметов домашней обстановки и обихода.

Как известно, наследование по закону наступает в тех случаях, когда имущество не завещано.

Поскольку ст. 422 ГК, определяющая порядок завещания имущества, не содержит каких-либо исключений (изъятий) для домашней обстановки и предметов домашнего обихода, следует прийти к выводу, что домашнюю обстановку можно завещать и лицам, совместно не проживавшим с наследодателем.

Таким образом сама последовательность изложения статей ГК приводит нас к выводу о том, что действие ст. 422 ГК распространяется и на имущество, упомянутое в ст. 421 ГК УССР (т. е. домашнюю обстановку и вещи домашнего обихода).

Такой же точки зрения придерживаются проф. К. А. Граве и проф. Б. С. Антимонов¹, и также З. И. Мозжухина².

Нотариальная практика также допускает возможность удостоверения завещаний предметов домашней обстановки и обихода.

Например, 1-я Харьковская нотариальная контора 21 сентября 1960 года удостоверила завещание от имени гр-на К., который завещал в равных частях мебель, телевизор, приемник, библиотеку, белье, костюмы, холодильник — жене, проживающей совместно с ним, и дочери, проживающей отдельно.

7-я Харьковская нотариальная контора удостоверила 29 ноября 1960 года завещание от имени гр-ки Т., которая завещала предметы домашнего обихода, а также мебель, находящуюся в ее квартире, в собственность гр-ки Б., проживающей отдельно от наследодателя.

20 октября 1960 года удостоверено завещание 1-й Харьковской конторой от им. гр-ки А., которая завещала мебель, одежду и все остальные домашние вещи, находящиеся

¹ К. А. Граве и Б. С. Антимонов. «Советское наследственное право», 1955, стр. 160; Госюриздат. М., 1955 г.; К. А. Граве. «Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР» М., 1949, стр. 40.

² З. И. Мозжухина. «Наследование по завещанию в СССР». 1955, стр. 38. Госюриздат. М., 1955 г.

в ее квартире, своему внуку Р. проживающему вместе с ней в одной квартире.

Нотариусы Харьковской области руководствуются тем принципом, что завещатель вправе завещать предметы домашней обстановки и обихода как одному, так и нескольким наследникам, проживавшим совместно с ним, а равно он может завещать их любому законному наследнику, или нескольким наследникам, не проживавшим с ним совместно, лишив таким образом наследников, проживавших совместно с ним, права наследовать это имущество.

Например, гр-н Ш. завещал в собственность $\frac{1}{3}$ ч. домовладения в равных частях своим детям — сыну и дочери, проживающим совместно с ним; а домашние вещи, одежду, белье, посуду завещал только дочери. Завещание удостоверено 9-й нотариальной конторой г. Харькова в 1959 году.

Здесь воля завещателя направлена на то, чтобы домашнюю обстановку и вещи домашнего обихода оставить одному из наследников, проживающих совместно с ним.

Иногда воля завещателя направлена на ограждение интересов наследников, не призванных к наследованию по закону в порядке очередности, например, наследников 3-й очереди, проживавших совместно с наследодателем, при наличии наследников 1-й очереди, проживавших отдельно.

Например, 14.V 1960 года 1-й Харьковской нотариальной конторой удостоверено завещание, которым гр. П., несмотря на наличие наследников 1-й очереди, завещал в собственность все домашние вещи своему брату К., проживающему совместно с ним, и сестре М., проживающей в г. Одессе.

11.VI 1960 года гр. Б., проживающая в г. Харькове, завещала в 7-й Харьковской нотариальной конторе все домашние вещи внучке, проживающей вместе с нею и осуществляющей за нею уход, в то время как совместно с ней проживал сын с невесткой, который, по ее мнению, не оказывал ей достаточного внимания.

А если можно завещать предметы обычной домашней обстановки и обихода одному из наследников, совместно проживающему, несмотря на наличие других совместно проживающих наследников, лишив тем самым их права наследования, то следовательно можно завещать домашнюю обстановку и вещи домашнего обихода и лицам, проживающим отдельно.

Так, 1-я Харьковская нотариальная контора 14.II 1960 года удостоверила завещание гр-на Р., который завещал все принадлежащее на праве личной собственности имущество гр-ке М., проживающей в г. Ленинграде. При этом завещатель обязал гр-ку М. передать в собственность гр-ке Л. одну кровать, 10 простыней, 10 наволочек, 2 подушки, 1 перину, драповое пальто, кухонную посуду, 4 стула.

4 января 1960 года 7-я нотариальная контора г. Харькова удостоверила завещание гр-ки С., проживающей в г. Харькове, которым она завещала носильные и домашние вещи, находящиеся в квартире, дочери А., проживающей в г. Москве.

В 9-й нотариальной конторе г. Харькова 13.11 1960 года удостоверено завещание гр-на К., который завещал все домашние вещи, находящиеся в квартире, таким образом: сыну А., проживающему в другом городе, — швейную машину, перину, ковер, пишущую машинку, отрез бостона, техническую и другую литературу; матери, проживающей в Липецкой области, — ватное одеяло, валенки, полушубок овчинный, сапоги, а все остальные домашние вещи — сыну В., который проживает совместно с ним.

Таким образом утверждение, что при наличии завещания на имя лиц, призванных к наследованию, но проживающих отдельно от наследодателя, домашняя обстановка и вещи домашнего обихода должны принадлежать лицам, совместно проживавшим с наследодателем, опровергается самим содержанием ст. 421 ГК УССР, которая допускает даже при наследовании по закону переход домашней обстановки к лицам, не проживавшим совместно с наследодателем.

Например, наследники 1-й очереди, проживающие *отдельно* от наследодателя, будут призваны к наследованию по закону, хотя совместно с наследодателем проживали наследники 2-й очереди.

Право завещателя распорядиться принадлежащей ему домашней обстановкой и вещами обихода вытекает из того, что ст. 421 ГК УССР устанавливает *только преимущества* для лиц, совместно проживающих с наследодателем и призванных к наследованию, увеличивая размер переходящего к ним имущества при наследовании по закону добавлением к их законной доле предметов домашней обстановки и обихода. В тех случаях, когда совместно с наследодателем никто из наследников не проживал, указанное имущество при наследовании по закону распределяется между наследниками в соответствии со ст. 420 ГК на общих основаниях, т. е. в равных долях.

Сам по себе факт совместного проживания с наследодателем не является определяющим при решении вопроса о том, кто должен наследовать предметы домашней обстановки и обихода. Для того, чтобы унаследовать предметы домашней обстановки и обихода, нужно не только проживать совместно с наследодателем, но и входить в круг лиц, призванных к наследованию по закону.

Об этом говорит и проф. В. И. Серебровский. Определяя порядок наследования по закону предметов домашней обстановки и обихода, он пишет:

«... Это означает, что, пока не исчерпана возможность призвания наследников первой очереди, наследники второй или третьей очереди, хотя бы проживавшие совместно с умершим, не имеют права на имущество, относящееся к обычной домашней обстановке и обиходу»¹.

Что домашняя обстановка и предметы домашнего обихода переходят в порядке наследования по закону только к **призванным** наследникам, признает и К. А. Граве: «... лица, которые хотя и входят согласно ст. 418 ГК в число наследников по закону, но ввиду установленной Указом от 14 марта 1945 года очередности призыва наследников в данном случае к наследованию не призываются, не могут получить указанного выше имущества»² (имеется ввиду домашняя обстановка и предметы обихода).

Тот факт, что предметы домашней обстановки и обихода могут наследовать только лица, призванные к наследованию, свидетельствует о том, что имущество включается в состав наследственной массы.

А если оно включается в состав наследственной массы, то следовательно его можно завещать на общих основаниях, т. е. и лицам, не проживающим совместно с наследодателем.

Изучение нотариальной практики показало, что при отсутствии наследников по закону, завещания предметов домашней обстановки и обихода удостоверяются в пользу посторонних лиц, проживающих отдельно. При этом применение ч. II ст. 422 ГК в нотариальной практике никаких затруднений не вызывает.

Так, если при реализации завещания будет установлено, что у умершего имеются законные наследники, которые проживают отдельно от наследодателя, а завещание сделано в пользу посторонних лиц, проживающих совместно с наследодателем, применяются общие правила ст. 422 ч. II.

Например, в завещании, удостоверенном 1-й Харьковской нотариальной конторой 18.I 1960 года от имени гр-ки Т., указано, что одну подушку и перину она завещала гр-ке А., которая проживала совместно с ней, все другое имущество, в том числе носильные вещи — гр-нам С. и З., проживающим отдельно.

Если при выдаче нотариусом свидетельства о праве наследования у умершей Т. окажутся наследники, предусмотренные ст. 418 ГК УССР, завещание будет признано недействительным и к наследованию будут призваны наследники по закону.

В законе нет также никаких указаний о том, распростра-

¹ В. И. Серебровский. «Очерки советского наследственного права». 1953, стр. 79. М., 1953.

² К. А. Граве. «Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР». М., 1949, стр. 39.

няются ли правила об обязательной доле, изложенные в ч. III ст. 422 ГК, на домашнюю обстановку и предметы домашнего обихода.

В связи с этим в нотариальной практике Харьковской области возникли вопросы:

1. Распространяются ли правила ч. III ст. 422 ГК УССР на завещанное имущество, заключающееся в обычной домашней обстановке и предметах обихода, т. е. вправе ли завещатель лишить своих несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону в этом имуществе?

2. Сохраняются ли при этом «необходимые наследники», которые при завещании другого имущества должны получить при всех условиях так называемую «обязательную долю» в наследственном имуществе?

Например, если завещание на предметы домашнего обихода сделано в пользу наследника, проживающего совместно с наследодателем (например в пользу супруги), а в другом городе окажется нетрудоспособный сын, то возникает вопрос, имеет ли этот сын право на так называемую «обязательную долю» или это его право в какой-то степени ограничено правилами ст. 421 ГК.

Следует полагать, что так называемая «обязательная доля» в имуществе, предусмотренная ст. 422 ГК УССР, сохраняется лишь за теми несовершеннолетними и нетрудоспособными наследниками, которые проживали совместно с наследодателями в том случае, если завещатель не оставил им их законной доли в самом завещании.

За несовершеннолетними и нетрудоспособными наследниками, *не проживающими вместе с завещателем*, обязательная доля, установленная ст. 422 ГК, не сохраняется в силу того, что при наследовании по закону ст. 421 обеспечивает права лишь тех наследников, независимо от возраста и степени трудоспособности, которые проживали *совместно* с умершим наследодателем.

Ведь ч. III ст. 422 ГК УССР предусматривает, что так называемые «необходимые наследники» имеют право на ту долю наследственного имущества, которая причиталась бы им при наследовании *по закону*.

Поскольку, как *общее правило*, наследниками по завещанию могут быть назначены лишь те лица, которые одновременно являются наследниками по закону в силу ст. 418 ГК УССР, а по закону домашнюю обстановку и предметы домашнего обихода не наследуют лица, хотя бы нетрудоспособные и несовершеннолетние, если они не проживали совместно с наследодателем, тем более нет необходимости выделять им обязательную долю, если на это не была выражена воля завещателя.

Таким образом поскольку лица, проживающие отдельно от наследодателя, не имеют права на домашнюю обстановку, то на них, даже если они и нетрудоспособные и несовершеннолетние, не должны распространяться правила об «обязательной наследственной доле».

К. А. Граве считает, что «и в том случае, когда у завещателя имеются наследники по закону, упомянутые в абзаце втором ст. 422 ГК, домашняя обстановка и вещи домашнего обихода могут быть завещаны другим наследникам по закону, *если только из остальной части наследственного имущества может быть выделена соответствующим наследникам причитающаяся им обязательная доля*. Только в том случае, если это окажется невозможным, может стать вопрос о необходимости признать такое завещательное распоряжение недействительным, как противоречащее абзацу II ст. 422 ГК»¹.

Другими словами в тех случаях, когда помимо домашней обстановки и предметов обихода у умершего не имеется другого имущества, а завещаны только домашние вещи и выделить из «остальной части наследственного имущества» причитающуюся наследникам обязательную долю не представляется возможным, К. А. Граве высказывается за признание завещаний в этой части недействительными, как противоречащими ч. III ст. 422 ГК.

Анализируя вышеприведенное положение проф. Граве, следует прийти к выводу, что оно противоречит ранее высказанному им мнению о том, что завещатель вправе завещать домашнюю обстановку и вещи домашнего обихода наследникам, хотя бы и не проживавшим совместно с наследодателем, поскольку действительность такого завещания при наличии необходимых наследников он ставит в зависимость от того, имеется ли у завещателя другое имущество, кроме домашней обстановки и вещей обихода.

К тому же предложение К. А. Граве является неправильным и по существу, поскольку он исключает домашнюю обстановку и вещи домашнего обихода из состава наследственной массы, т. е. предлагает вычислять обязательную наследственную долю не путем деления *всего* наследственного имущества между призываемыми наследниками по закону на равные доли, а путем деления «*остального имущества*».

Так, например, если у наследодателя имеется нетрудоспособная супруга и трое детей, из которых два сына проживают отдельно, а все имущество, в том числе домашние вещи и домовладение завещано дочери, то по мнению проф. Граве доля нетрудоспособной супруги должна заключаться только в $\frac{1}{4}$ части домовладения. Что же касается предметов домаш-

¹ К. А. Граве. «Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР». М., 1949 г., стр. 41.

ней обстановки, то неизвестно, на каком основании они и расчет «обязательной доли» необходимым наследникам не должны приниматься.

А между тем, если исходить из действующей редакции ст. 422 ГК, во всех случаях обязательная доля необходимых наследников устанавливается путем деления *всего* наследственного имущества между всеми призываемыми наследниками по закону на равные доли, в том числе и предметов домашней обстановки и обихода, так как закон не установил никаких изъятий в отношении этого имущества, за исключением преимуществ, предоставленных наследникам, проживающим совместно с наследодателем в силу ст. 421 ГК.

Таким образом в указанном выше примере обязательная доля нетрудоспособной супруги будет заключаться в $\frac{1}{4}$ части домовладения и $\frac{1}{2}$ части домашней обстановки, поскольку при наследовании по закону супруга, как проживавшая совместно с наследодателем, получила бы $\frac{1}{2}$ часть домашней обстановки.

Таким образом по общему правилу домашняя обстановка и вещи обихода должны включаться в состав наследственного имущества, как в тех случаях, когда помимо этого у наследодателя имеется другое имущество (например, домовладение, автомашина), так и в тех случаях, когда все наследственное имущество состоит только из вещей домашней обстановки и обихода.

В зависимости от того, включается ли домашняя обстановка в состав наследственной массы, решается вопрос о необходимости взыскания государственной пошлины при выдаче свидетельств о праве наследования нотариальными конторами.

По общему правилу, при выдаче нотариусами свидетельств о праве наследования по закону на предметы домашней обстановки и обихода их стоимость включается в общую стоимость наследственного имущества во всех тех случаях, когда это имущество переходит к наследникам по закону, проживающим отдельно от наследодателя.

К такому же выводу можно прийти анализируя высказывания проф. К. А. Граве¹ и В. И. Серебровского².

Так, 1-я Харьковская нотариальная контора 1.XII 1960 г. выдала свидетельство о праве наследования по закону после умершей Дубановой М. М., проживающей по ул. Данилевского № 10, кв. 9, двум братьям и сестре, проживающим отдельно, на домашнюю обстановку и вещи обихода согласно описи от 6.VII 1960 года на сумму 495 руб., заработную плату в сумме 335 рублей и денежный вклад в сберегательной

¹ К. А. Граве. «Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР», 1949, стр. 40.

² В. И. Серебровский. «Очерки советского наследственного права. 1953, стр. 80.

кассе. Все имущество оценено нотариусом в сумме 830 рублей и с этой суммы взыскана государственная пошлина.

8.XII 1960 года выдано свидетельство о праве наследования на денежный вклад и вещи домашнего обихода после умершей Глушак М. И., проживающей по ул. Культуры № 16, ее мужу Глушак А. Н., проживающему ул. Дарвина № 1. Государственная пошлина взыскана со стоимости вещей домашнего обихода, поскольку денежные вклады в сберегательной кассе при определении размера пошлины в расчет не принимаются и в стоимость переходящего по наследству имущества не включаются¹.

Тот же результат будет иметь место и в тех случаях, когда совместно с наследодателем проживали лица, упомянутые в ст. 418 ГК, а свидетельство о праве наследования будет выдано наследникам, призванным к наследованию, но проживающим отдельно.

В этих случаях нотариус по заявлению заинтересованных лиц производит опись домашней обстановки и вещей обихода.

Например, 1-я Харьковская нотариальная контора 12.XII 1960 г. выдала свидетельство о праве наследования по закону после умершей 23.IV 1960 года Юдиной А. К., проживающей в г. Харькове по ул. Культуры № 6, ее сестрам Денчик М. К. и Козачек О. К., проживающим в пос. Ольшаны, на домашние и носильные вещи согласно акту описи имущества (составленного этой же конторой 29.IV 1961 года) в сумме 2999 рублей, а также на деньги в сумме 2058 рублей, которые находились на хранении в депозите при 1-й нотариальной конторе г. Харькова.

При этом стоимость вещей домашней обстановки и обихода включена в стоимость наследственного имущества и из этого расчета взыскана госпошлина.

Возникает вопрос, вправе ли нотариальные конторы взыскивать государственную пошлину при выдаче свидетельств о праве наследования на предметы домашней обстановки и обихода наследникам по закону, проживавшим совместно с наследодателем, если кроме этих вещей другого имущества не имеется.

На первый взгляд может показаться, что факт совместного проживания наследников, призванных к наследованию домашней обстановки и предметов обихода, является определяющим при решении вопроса о необходимости обложения или освобождения этого имущества от оплаты государственной пошлины.

Однако это не так.

Думается, что и в тех случаях, когда кроме вещей домаш-

¹ Инструкция о государственной пошлине МФ СССР от 11/VII 1960 г. № 236, стр. 16, § 44. Москва, 1960.

ней обстановки и обихода у умершего другого имущества не было и законные наследники, проживавшие вместе с ним, обратились бы в нотариальную контору для оформления своих наследственных прав, стоимость наследственного имущества должна определяться стоимостью этих вещей.

К такому выводу можно прийти анализируя ст. 421 ГК, высказывания проф. В. И. Серебровского¹ и К. А. Граве².

Однако, в законе нет прямого указания, вправе ли нотариальные конторы взыскивать государственную пошлину при выдаче свидетельств о праве наследования на предметы домашней обстановки и обихода наследникам по закону, проживавшим совместно с наследодателем.

Влияет ли на размер госпошлины наличие другого имущества (например, строения), кроме домашней обстановки и вещей обихода?

Включается ли стоимость предметов домашней обстановки и обихода в общую стоимость наследственного имущества?

Как показало изучение нотариальной практики по Харьковской области, случаев обращения в нотариальные конторы по вопросу выдачи свидетельств о праве наследования на домашнюю обстановку тех призванных к наследованию наследников по закону, которые проживали совместно с наследодателем, не было. Как правило, это имущество переходит автоматически к наследникам по закону, проживавшим совместно с наследодателем, сверх доли того имущества, которое оформляется в нотариальном порядке.

При этом необходимо учитывать то, что лица, призванные к наследованию по закону и проживающие совместно с наследодателем, как правило, не обращаются за оформлением своих наследственных прав и в судебные органы.

Так, например, в практике работы нотариальных контор Харьковской области имел место следующий случай.

После смерти гр-на Рубан А. К. 8 февраля 1960 года, проживавшего по ул. Станкозаводской № 5, осталась только домашняя обстановка и вещи обихода. Совместно с умершим проживала вторая жена и несовершеннолетний сын Рубан Валерий А.

Помимо этого, отдельно от умершего проживала несовершеннолетняя дочь от первого брака, которая также в лице своей матери претендовала на указанное имущество.

Нотариус 4-й Харьковской нотариальной конторы произвел опись имущества, оценив его в 4181 рубль, и разъяснил первой супруге, что ее несовершеннолетняя дочь, проживаю-

¹ В. И. Серебровский. «Очерки советского наследственного права». 1953, стр. 80.

² К. А. Граве. «Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР». 1949, стр. 40.

чаяя отдельно, не является наследницей на предметы домашней обстановки и обихода.

Вторая жена, проживавшая совместно с умершим, вторично в нотариальную контору не обращалась и это имущество автоматически осталось в ее владении.

Следует полагать, что нотариальные конторы в указанном выше случае при выдаче свидетельств о праве наследования должны взыскивать государственную пошлину со стоимости всего наследственного имущества, включая и стоимость вещей домашней обстановки и обихода, поскольку Инструкция МФ СССР от 14 марта 1947 года № 160¹ и Инструкции МФ СССР от 11 июля 1960 года № 236² домашнюю обстановку и вещи домашнего обихода не относят к случаям, когда стоимость переходящего по наследству имущества не включается в стоимость наследственного имущества.

Применяется ли это правило в тех случаях, когда порядок призвания наследников по закону на предметы домашней обстановки и обихода изменен завещанием?

Облагаются ли предметы домашней обстановки и обихода государственной пошлиной при наличии на них завещания?

Поскольку, как мы утверждали выше, правила ст. 421 ГК не применяются при наследовании по завещанию и воле завещателя предоставлено решение вопроса о том, кому из наследников завещать и как распределить домашнюю обстановку и вещи домашнего обихода (совместно проживающим наследникам или отдельно), во всех этих случаях они должны включаться в состав наследственной массы и, следовательно, стоимость этого имущества должна облагаться государственной пошлиной.

Если часть наследственного имущества, состоящая из вещей, относящихся к домашней обстановке и обиходу, не зачитывается в наследственную долю лишь тех наследников по закону, которые проживали совместно с наследодателем, то следует прийти к выводу, что эта часть наследственного имущества (т. е. домашняя обстановка) зачитывается в наследственную долю наследников по завещанию.

Следовательно и стоимость этого имущества облагается государственной пошлиной.

Например, 1-й Харьковской нотариальной конторой 30.XI 1960 года р. № 7-3053 выдано свидетельство о праве наследования по завещанию на вещи домашней обстановки и обихода, оцененные в 502 руб., и другое имущество общей стоимостью 1702 руб., после смерти Еромицкого И. С., про-

¹ Инструкция Министерства Финансов СССР от 14/III 1947 г. № 160 «О государственной пошлине», § 44. Госфиниздат 1947.

² Инструкция Министров Финансов СССР от 11/VII 1960 г. № 236. «О государственной пошлине», § 44. Москва 1960 г.

живавшего по ул. Революции № 9, гражданам Рутштейн С. М., проживающему по Сумской ул. № 24, Браун и Эдельгауз, проживающим в г. Ленинграде. Государственная пошлина взыскана со стоимости всего имущества, включая стоимость предметов домашней обстановки и обихода.

9-я Харьковская нотариальная контора 19.I 1961 года выдала свидетельство о праве наследования после умершей Гауштацкой С. И., проживавшей в г. Харькове, Кнышевский пер. 4, ее сестре Андреевой Ольге И., проживающей в г. Новочеркасске Ростовской области. Наследство состоит из домовладения, пианино, предметов домашнего обихода, носильных вещей согласно акту описи, составленного 2-й Харьковской нотариальной конторой 2.VI 1960 года, стоимостью в 7260 руб.

Государственная пошлина взыскана со стоимости всего имущества, включая предметы домашней обстановки и обихода.

Не облагались наследственной пошлиной предметы домашней обстановки и обихода только тогда, когда они в силу семейно-трудового признака переходили к родственникам, проживавшим совместно с умершим.

Если обратиться к истории советского законодательства о праве наследования, то в первые годы советской власти переход домашней обстановки и предметов домашнего обихода к родственникам умершего действительно не рассматривался как наследование.

Так, на основании декрета ВЦИК от 27.IV 1918 года «Об отмене наследования» все оставшееся после умершего имущество переходило в собственность местных Советов.

Домашнее обзаведение, не превышавшее по стоимости 10 тыс. рублей, оставалось в семье наличных родственников, непосредственных участников хозяйства, если умерший принадлежал к числу трудящихся.

Признак трудового совместного ведения хозяйства с умершим был определяющим при решении вопроса о передаче имущества умершего стоимостью не свыше 10 тыс. рублей.

Хозяйственно-трудовой принцип связи с умершим в имуществе не свыше 10 тыс. рублей оставался решающим и в период 1919—1922 гг. «...практика признала посмертное преемство имущественных прав в имуществе не свыше 10 тыс. рублей за силою декретов 1919 года при наличии у правопреемников умершего хозяйственно-трудовой связи с оставшимся после него имуществом и в период 1919—1922 гг.»¹.

¹ З. И. Мозжухина. «Учение классиков марксизма о наследовании и его реализации в советском праве». Автореферат диссертации, Харьков, 1950, стр. 10.

Однако, домашняя обстановка, т. е. мебель, посуда, белье и все предметы домашнего обихода, не приносящие дохода, переходили по наследству без ограничения, сверх этой суммы, тем из наследников, кто жил совместно с наследодателем.

Эта же идея проведена и в ГК 1922 года.

По гражданскому Кодексу 1922 года наследование как по закону, так и по завещанию допускалось в пределах общей стоимости наследственного имущества не свыше 10 тыс. золотых рублей, за вычетом всех долгов умершего.

Если лица, имеющие право быть наследниками по закону, проживали совместно с наследодателем на момент его смерти, сумма оценки предметов домашней обстановки и обихода не включалась в общую предельную стоимость наследственного имущества. Это свидетельствует о том, что предметы домашней обстановки и обихода не включались в состав наследства, а переходили по трудовому признаку.

В таких случаях оценка этих вещей не производилась, поскольку с суммы этой оценки не следовало взыскивать госпошлину и эта сумма не влияла на общую стоимость всего наследственного имущества.

Согласно ст. 4 «Положения о налоге с имущества, переходящих в порядке наследования и дарения», утвержденного ЦИК и СНК СССР 29.I 1926 года, в наследственное имущество при исчислении налога не включались предметы обычной домашней обстановки и обихода, переходящие к лицам, совместно проживавшим с наследодателем.

При этом необходимо учитывать, что в редакции 1922 года ст. 421 ГК имела в виду круг наследников, предусмотренных ст. 418 ГК. Как известно, этот круг наследников существенно отличался от круга наследников, установленного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14.III 1945 года «О наследниках по закону и по завещанию»¹.

Так, в редакции ГК 1922 года ст. 418 не устанавливала порядок *очередности* призвания наследников к наследованию, а все призванные к наследованию лица наследовали одновременно.

Следовательно, при наследовании домашней обстановки и обихода, наследники, проживающие совместно с наследодателем всегда получали это имущество. Для наследников, совместно проживавших с наследодателем, применялось, как указано выше, не наследственное право, а хозяйственно-трудовой принцип совместного пользования предметами домашней обстановки и обихода наследников с наследодателем.

¹ Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938—1958. М., 1959 стр. 521.

Домашняя обстановка и вещи обихода не рассматривались как объект наследования и не входили в состав наследственной массы при наследовании лиц, проживавших совместно с умершим одной семьей.

И только в тех случаях, когда совместно проживавших с наследодателем наследников не было, предметы домашней обстановки и обихода переходили к наследникам, проживавшим отдельно, и при этом стоимость вещей домашней обстановки и обихода включалась в общую стоимость наследственного имущества.

Это подтверждается и судебной практикой того времени. В одном из определений ГКК мы читаем: «Стороны спорят по вопросу о том, какое имущество после смерти их отца входит в состав наследства, и какое, как домашняя обстановка, подлежит передаче тому, кто составлял общую семью с умершим. Имея в виду, что ст. 421 ГК говорит о лицах, совместно проживающих при жизни с умершим, в смысле наличия единой семьи, что отношения как истца, так и ответчицы к умершему ввиду того, что они вышли замуж и имели свои семьи не подходят под понятие, установленное ст. 421 ГК, в данном случае суд неправильно применил эту статью... и все имущество подлежит включению в наследственную массу»¹.

Следовательно, домашняя обстановка и предметы обихода передавались по семейно-трудовому принципу совместно проживающим.

В действующей редакции ст. 421 ГК в силу установленной ст. 418 ГК УССР очередности призвания наследников к наследованию, наследники (например, 3-й очереди), хотя и проживавшие совместно с наследодателем, не будут наследовать предметы домашней обстановки при наличии наследников, хотя и проживавших отдельно от наследодателя, но *призванных к наследованию* (например, 1-й очереди).

Как уже было указано выше, это свидетельствует о том, что предметы обычной домашней обстановки и обихода включаются в состав общей наследственной массы и семейно-трудовой принцип совместного пользования этими предметами наследников с наследодателем утратил свое значение.

При этом государственная пошлина взывается из стоимости всего наследственного имущества, включая и вещи домашней обстановки и обихода.

Однако в будущем, по мере приближения к коммунизму, когда материальные и культурные потребности советского человека все больше и больше будут удовлетворяться за счет общественных фондов, сохранение личной собственности на предметы домашней обстановки и обихода за гражданами, совместно проживавшими с умершим по принципу семейно-

¹ «Судебная практика» № 7, 1927, определение ГКК Верховного суда РСФСР, по делу № 354.

трудового объединения будет признан желательным. Но в современных условиях, когда практика высказывается за расширение завещательной свободы и когда проект Основ гражданского законодательства, идя навстречу пожеланиям практических работников, предполагает допустить возможность завещания даже в пользу лиц, не входящих в круг наследников по закону (за исключением обязательной доли), переход домашней обстановки и предметов домашнего обихода к лицам, совместно проживавшим с умершим, следует рассматривать как наследование по закону, которое должно иметь место, поскольку оно не изменено завещанием.

Обращаясь к вопросу об уточнении законодательства по этому вопросу на ближайший период, в целях устранения различных толкований судебными и нотариальными работниками статьи 421 ГК УССР, следовало бы внести в последнюю дополнение в виде примечания о том, что завещатель вправе завещать предметы обычной домашней обстановки и обихода любому законному наследнику, как это содержится в ГК Грузинской ССР (примечание к ст. 420 ГК) и в ГК Белорусской ССР (ст. 462), или же изложить ч. 1 ст. 422 ГК в соответствии с порядком завещания имущества, определяемым проектом Основ гражданского законодательства в следующей редакции:

«Каждый гражданин может по завещанию оставить все свое имущество или часть его, в том числе имущество, относящееся к обычной домашней обстановке и обиходу, одному или нескольким лицам как входящим, так и не входящим в круг наследников по закону, а также государству или отдельным государственным органам, колхозам или иным кооперативным и общественным организациям».

Поскольку в соответствии со ст. 95 проекта «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик»¹ круг наследников, которые не могут быть полностью лишены своей доли в наследственном имуществе, и размер обязательно сохраняемой за ними доли устанавливается законодательством союзных республик, в будущих ГК (при условии, если будет сохранена ст. 421 ГК в действующей редакции), необходимо при определении размера «обязательной доли» и определении круга лиц, которые не могут быть полностью лишены своей доли в наследственном имуществе, оговорить их права в наследовании предметов домашней обстановки и обихода.

¹ Журнал. «Социалистическая законность» № 8, стр. 19. 1960 г.

ПОНЯТИЕ И МЕТОДЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ

А. И. ПРОЦЕВСКИЙ

(кафедра трудового, земельного и колхозного права)

Развернутое строительство коммунистического общества имеет своей задачей создать все материальные и духовные предпосылки перехода к высшей фазе коммунизма. Для осуществления этого перехода необходимо не только высокое развитие производительных сил, не только изобилие материальных благ, без которых немислимо удовлетворение жизненных потребностей людей, необходимо также еще, чтобы труд стал «первой жизненной потребностью»¹ для всех членов общества, чтобы они научились добровольно работать на общество в полную меру своих творческих сил и способностей. В. И. Ленин определил такой труд как «...добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового человека»². Важным шагом на пути превращения социалистического труда в труд коммунистический является широко развернувшееся соревнование за звание бригад и ударников коммунистического труда, которое теперь уже охватывает более 8 миллионов человек. Появление новой формы социалистического соревнования призвано превратить труд в «источник радости и наслаждения здорового, всесторонне развитого че-

¹ Резолюция XXI съезда КПСС по докладу Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг.». Внеочередной XXI съезд КПСС. стенографический отчет. М., Госполитиздат, т. II, 1969, стр. 444.

² В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 482.

ловека»¹. Одной из предпосылок нового движения за звание бригад и ударников коммунистического труда явилось дальнейшее сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, увеличение государственной пенсии и т. п., то есть выполнение программы улучшения условий труда и быта, намеченной XXI съездом КПСС.

Но если коммунистический труд станет личной потребностью индивида, а планомерно организованное производство будет предполагать общественное регулирование рабочего времени с учетом особенностей производственных процессов, то труд в условиях социализма еще требует правового регулирования самого процесса труда, рабочего времени, оплаты труда и дисциплины труда. Если коммунистическое общество уже не будет предполагать контроля за количеством продуктов, получаемых каждым работником в виде вознаграждения за то, что он дал обществу, то в «современных условиях коммунистического строительства в основе распределения материальных благ, руководящим остается принцип: от каждого по способности, каждому — по его труду»². Разумеется, до наступления высшей фазы коммунизма социалистический принцип распределения по труду остается основным и необходимым, так как он обеспечивает материальную заинтересованность людей в результатах производства, стимулирует рост производительности труда, приучает к социалистической дисциплине труда, делает труд всеобщим и обязательным. За хорошую работу, за высокую производительность труда, — говорил Н. С. Хрущев на январском (1961 г.) Пленуме ЦК КПСС, — должна быть соответствующая оплата, материальное поощрение, ибо только на моральном факторе, не подкрепленном хорошим материальным стимулом, далеко не уедешь³.

Таким образом, в условиях социалистического способа производства контроль за мерой труда и мерой потребления осуществляется государством посредством норм трудового права и прежде всего норм, регулирующих рабочее время. Правовое регулирование меры труда и меры потребления остается необходимым в период развернутого строительства коммунистического общества, вплоть до высшей фазы коммунизма.

Главнейшим, определяющим элементом меры труда, подвергающимся правовой регламентации со стороны государ-

¹ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. Доклад XXI съезду КПСС. Внеочередной XXI съезд КПСС, стенографический отчет, т. I, М., Госполитиздат, 1959, стр. 97.

² Резолюция XXI съезда КПСС по докладу Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг.». Стенографический отчет, т. II, М., Госполитиздат, 1959, стр. 444.

³ См. «Правда» 21 января 1961 г.

ства, является рабочее время, в которое объективно—необходимо протекает вся трудовая деятельность рабочих и служащих. К. Маркс в «К критике политической экономии» писал: «Подобно тому, как количественное бытие движения есть время, точно также количественное бытие труда — рабочее время... Рабочее время есть живое бытие... и одновременно оно же имманентное мерило этого бытия»¹. На значение рабочего времени в условиях социалистического способа производства неоднократно указывалось в решениях съездов и Пленумов ЦК КПСС. В докладе XXI съезду КПСС Н. С. Хрущев указывал, что «общество не может обойтись без определенного нормирования рабочего времени, при котором каждый работоспособный должен давать определенное количество труда для создания необходимых обществу продуктов»².

Вот почему вопрос о рабочем времени, которое К. Маркс считал единственным количественным определителем меры труда и его имманентным мерилом, являлся и является актуальнейшим вопросом жизни человеческого общества.

Но имманентное мерило живого бытия, т. е. рабочего времени, проявляется в каждую эпоху специфическим образом. Спецификой рабочего времени социалистического способа производства является непосредственное и последовательное его сокращение, что представляет собой величайшее завоевание советского народа. Сокращение рабочего времени ведет к увеличению свободного времени, которое при социализме используется для всестороннего развития личности, для раскрытия всех способностей и талантов людей. И недалеко то время, когда сбудутся мечты основоположника научного коммунизма Карла Маркса, который указывал, что при «коммунизме общественное богатство будет измеряться количеством не рабочего времени, а свободного времени общества»³. С вступлением нашей страны на путь развернутого строительства коммунистического общества вопрос о рабочем времени приобрел еще большую актуальность. Об этом свидетельствуют директивы XX и XXI съездов КПСС и решения V сессии Верховного Совета СССР (5-го созыва), наметивших, наряду с повышением производительности труда, переход на сокращенный рабочий день при повышении заработной платы.

¹ К. Маркс. «К критике политической экономии». М., Госполитиздат, 1952, стр. 14.

² Н. С. Хрущев. Отчетный доклад XXI съезду КПСС «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг.». Внеочередной XXI съезд КПСС, стенографический отчет, т. I, М., Госполитиздат, 1959, стр. 95.

³ К. Маркс. Из неопубликованных рукописей. «Большевик», № 11—12, 1939, стр. 65.

Несомненно представляет как теоретический, так и практический интерес определение самого понятия рабочего времени. Известно, что В. И. Ленин придавал большое значение правильному определению понятия рабочего времени. В. И. Ленин писал: «Прежде чем поставить правило о количестве рабочего времени, закон должен определить, что собственно следует понимать под рабочим временем»¹. В действующем законодательстве о труде, к сожалению, отсутствует определение рабочего времени, хотя дважды делались попытки дать такое определение. Так, уже декрет СНК РСФСР от 29 ноября (11-го ноября) 1917 года² «О восьмичасовом рабочем дне» рабочее время определил как «время, в течение которого, согласно договору найма, рабочий обязан находиться в промышленном предприятии, в распоряжении заведующего оным, для исполнения работ» (ст. 1). Хотя понятие рабочего времени приводилось в редакции дореволюционного Устава о промышленном труде и в нем содержалась ссылка на ст. ст. 48, 60, 96, 98 и 103 Устава, тем не менее декрет вкладывал в него совсем иное содержание. В условиях диктатуры пролетариата ссылка на договор в определении понятия рабочего времени не отражала правовых особенностей рабочего времени и, конечно, не могла служить лазейкой для обхода закона. Возможность использования договорного принципа с целью удлинения рабочего времени исключалась прямым указанием в декрете — «рабочее время не должно превышать восьми часов в сутки» (ст. 2). Следовательно, ссылка на договор могла быть истолкована только в смысле установления рабочего дня меньшей продолжительности по сравнению с законом.

Первый КЗоТ (1918 г.) уточнял понятие рабочего времени, приведенное в декрете от 29 октября 1917 года. Нормальным рабочим временем признавалось «время, установленное для производства данной работы тарифным положением» (ст. 83). Ссылка на договор, как на способ установления продолжительности рабочего времени, из понятия была устранена и по существу заменилась тарифным положением. Теперь, если моменту соглашения и отводилось место, то имелось в виду не индивидуальное соглашение (договор), а соглашение коллективное, в котором стороной выступали профессиональные союзы. КЗоТ 1922 года и последующее законодательство не определили понятия рабочего времени. Таким образом, законодатель вовсе отказался от легального определения рабочего времени и вопрос стал предметом научных споров и различных мнений.

Н. Г. Александров определяет рабочее время как время, «в течение которого рабочий и служащий согласно внутрен-

* ¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 250.

² СУ РСФСР 1917 г., № 1, стр. 7.

нему трудовому распорядку должен выполнять порученную ему работу»¹. Аналогичное определение приводит Я. А. Карасев². Определяя рабочее время, Н. Г. Александров и Я. А. Карасев правильно указывают на отдельные правовые признаки рабочего времени при социализме. Вместе с тем их определение не лишено существенных недостатков. В нем отсутствует такой правовой признак, как указание на закон, который, как правило, не допускает удлинения рабочего времени ни по соглашению сторон, ни по усмотрению администрации. Внутренний же распорядок, устанавливаемый Правилами и на который ссылаются Н. Г. Александров и Я. А. Карасев, нельзя признать законом, хотя бы потому, что Правила внутреннего распорядка носят отпечаток согласительного характера, так как утверждаются по согласованию с профсоюзами. Закон же, принимаемый Верховным Советом СССР или союзной республики, представляет собой акт высшей государственной власти и подлежит обязательному исполнению без предварительного согласования с профсоюзами. Критикуя понятие рабочего времени, данного в фабричном законе, В. И. Ленин указывал именно на то, что в нем отсутствует ссылка на закон, который устанавливает продолжительность рабочего времени. Определение рабочего времени, которое дают Н. Г. Александров и Я. А. Карасев, ссылки на закон не содержит.

Кроме того, определяя рабочее время как время, в течение которого рабочие и служащие, согласно внутреннему распорядку, должны выполнять порученную работу, авторы допускают возможность поручения им какой-либо работы, не связанной с трудовыми обязанностями рабочих и служащих. Время же, в течение которого выполнялась бы эта работа, должно признаваться рабочим. Нам представляется, что администрация не вправе поручать работу, не связанную с производственным трудом рабочего или служебными обязанностями служащего. Законом строго регламентирована продолжительность рабочего времени, в течение которого рабочие и служащие и должны выполнять свои непосредственные обязанности, связанные с трудовым договором. Отвлечение рабочих или служащих от выполнения их прямых обязанностей, хотя бы и по поручению администрации, не должно иметь места, а потому время, в течение которого выполнялась бы эта работа, не должно признаваться рабочим. В решениях партийных съездов, конференций и партийных директивах неоднократно указывалось на недопустимость отвлечения рабочих и служащих от их непосредственной ра-

¹ См. Н. Г. Александров. Советское трудовое право, учебник. М., Госюриздат, 1954 г., стр. 221. М., Госюриздат, 1955 г., стр. 219.

² См. Я. А. Карасев. Рабочее время и время отдыха рабочих и служащих в СССР. Лекция для студентов ВЮЗИ. М., 1957, стр. 11.

боты по инициативе администрации. Так, например, в резолюции XVIII конференции ВКП(б) «О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта»¹ указывалось на необходимость покончить с неправильной практикой отвлечения рабочих и служащих от их непосредственной работы для выполнения всевозможных поручений. В своей речи на июньском (1959 г.) Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев указывал, что на наших предприятиях необходимо вести решительную борьбу против расточительства, расхлябанности и недисциплинированности. Надо добиться того, чтобы отведенное для работы время было занято исключительно производительным трудом². В настоящее время во многих коллективных договорах содержатся специальные пункты, по которым администрация обязуется использовать все рабочее время исключительно для производственной работы, а также принимать меры к предупреждению и быстрой ликвидации возникающих простоев³.

Развитие и совершенствование социалистического способа производства, неуклонный рост общественной производительности труда дали возможность осуществить программу партии о переводе всех рабочих и служащих на сокращенный семи- и шестичасовой рабочий день, как рабочий день нормальной продолжительности. Намеченный XXI съездом КПСС и успешно претворяемый в жизнь величественный план построения коммунистического общества требует от всех тружеников промышленности и сельского хозяйства максимально-рационального использования рабочего времени. В связи с этим еще более нетерпимы стали случаи отвлечения рабочих и служащих от выполнения своих прямых обязанностей. Поэтому понятие рабочего времени, как времени, в течение которого рабочие и служащие должны быть заняты выполнением трудовых обязанностей⁴, даваемое авторами Энциклопедического словаря, более точно определяет правовую природу рабочего времени, так как оно содержит указание на выполнение именно трудовых обязанностей.

Г. К. Москаленко в своей диссертации определил рабочее время как «время, в течение которого производится та или иная работа»⁵. Такое определение не содержит правовых

¹ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 7, ч. I, М., Госюриздат, 1954, стр. 435.

² См. Н. С. Хрущев. За дальнейший подъем производительных сил страны, за технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства. М., Госполитиздат, 1959, стр. 35—36.

³ См. Коллективный договор на 1961 год Георгиевского арматурного завода им. Ленина, зарегистрированный Ставропольским совнархозом и Краевым совпрофом.

⁴ «Трудовое право». Энциклопедический словарь. 1959, стр. 363.

⁵ Г. К. Москаленко. Правовое регулирование рабочего времени рабочих и служащих в СССР. Диссертация, фонд ВИЮН. М., 1939, стр. 199.

признаков, которые характеризовали бы самое понятие рабочего времени. И это определение не лишено тех погрешностей, о которых мы говорили выше. В определении не указывается предел рабочего времени, который устанавливается законом и только в течение которого рабочие и служащие должны быть заняты выполнением производственной работы, а не работы вообще¹. Рабочее время, например, не может использоваться на выполнение общественных поручений и т. п., хотя это тоже работа, но время, потраченное на ее выполнение, не должно считаться рабочим.

Само собою разумеется, что не может считаться рабочим и не должно подлежать оплате время, потраченное в результате бездельничания, опоздания на работу. Не включается также в рабочее время время, потраченное на выполнение всевозможных шефских поручений, участие в проверочных комиссиях, бригадах и т. п. Думается также, что время простоя по вине работника, время, потраченное на изготовление бракованной продукции по вине работника, также не должно включаться в рабочее время. Конечно, рабочий день не удлиняется на потраченное по вине работника время. Но важно то, что это время не должно влиять на производственные показатели предприятия.

Экономисты различают рабочее время и время перерывов. В «рабочее время» они включают все время, затраченное исключительно на производительный труд. Во «время перерывов» они включают всевозможные простои и брак по вине работника, опоздания на работу и даже прогулы². Таким образом, время, потраченное по вине рабочих и служащих, экономисты считают рабочим. Эту точку зрения по существу разделяет и Е. Н. Коршунова³, которая выдвигает в качестве аргумента то обстоятельство, что на работников, опоздавших на работу и т. п., налагают дисциплинарные взыскания, но их нельзя привлекать к отработке потерянного времени после окончания рабочего дня. Но если экономисты такое деление рабочего времени оправдывают исключительно необходимостью подсчета фонда рабочего времени вообще и его фактических затрат, то для юриста такое деление не приемлемо, так как потерянное рабочее время по вине ра-

¹ Впрочем, в дальнейшем Г. К. Москаленко обратил внимание на этот недостаток определения рабочего времени. В рецензии на учебник Н. Г. Александрова «Советское трудовое право» он отмечал, что необходимым признаком понятия рабочего времени должно быть указание на закон, ограничивающий продолжительность рабочего времени в течение суток (см. «Социалистическая законность», № 8, 1954, стр. 84).

² См.: «Экономика труда, учебное пособие». М., Профиздат, 1957, стр. 140—142.

³ См. Е. Н. Коршунова. Правовое регулирование рабочего времени рабочих и служащих СССР. Диссертация, фонд библиотеки им. Ленина. М., 1950, стр. 145.

ботника в этих случаях подлежало бы оплате, что повлекло бы невыгодные для государства последствия. Там, где речь идет о включении в рабочее время времени, не занятого производительным трудом, там законодатель прямо оговаривает. Так, например, время, потраченное на кормление ребенка, время, потраченное на обогревание в холодное время года и т. п. включается в счет рабочего времени и подлежит оплате по среднему заработку.

Нельзя также связывать вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности с вопросом о возможности включения потраченного по вине работника времени в счет рабочего. Эти два понятия не исключают друг друга и не дополняют. Привлечение к дисциплинарной ответственности рабочих и служащих за прогул еще не означает, что время прогула должно быть включено в счет рабочего. Наказание в дисциплинарном порядке — это не аргумент в пользу включения потерянного времени в счет рабочего. Нельзя также утверждать, что отсутствие в законе указания на необходимость отработать потерянное время является доказательством того вывода, к которому пришла Е. Н. Коршунова. Правильно, что законодатель отказался от практики отработки прогулов, опозданий и т. п. во внерабочее время. Но правильно и то, что законодатель не установил оплату за потраченное по вине работника время. Поэтому время, потраченное в результате опоздания на работу, прогулов и т. п., не может включаться в счет рабочего.

А. Е. Пашерстник определил рабочее время, как «время, в течение которого работник по закону обязан выполнять порученную ему работу на предприятии, в учреждении или хозяйстве»¹. Авторы комментария к КЗоТ РСФСР под рабочим временем понимают «время, в течение которого рабочий или служащий по закону должен выполнять возложенную на него работу»². Аналогичное понятие рабочего времени дают М. Ю. Гольдштейн и В. С. Коротков³.

Такое понятие рабочего времени правильно определяет правовую природу рабочего времени, так как в нем содержится указание на закон. Но все таки, следовало бы более точно сформулировать самое понятие и место закона в нем, ибо законом может устанавливаться не только продолжительность рабочего времени, но и характер выполняемой работы.

¹ А. Е. Пашерстник. Курс советского трудового права. Киев, 1941, стр. 238.

² «Законодательство о труде», комментарий. М., Госюриздат, 1954, стр. 209.

³ См. М. Ю. Гольдштейн и В. С. Коротков. Рабочее время и время отдыха рабочих и служащих в СССР. М., Госюриздат, 1959, стр. 7.

Е. Н. Коршунова в своей диссертации определила рабочее время как «установленное законом (или на основе закона) социалистического государства время, в течение которого рабочий или служащий точно и без нарушений должен выполнять обязанности, вытекаемые из трудового отношения с предприятием, учреждением или хозяйством, в целях выполнения или перевыполнения плановых заданий, с оплатой в соответствии с количеством и качеством затраченного труда»¹. Определение рабочего времени, которое дает Е. Н. Коршунова, во-первых, загромождено ненужными признаками, которые не раскрывают по существу правовой природы рабочего времени. Во-вторых, тот признак, что работник должен «точно и без нарушений выполнять обязанности» скорее является характерным для понятия дисциплины труда, а не рабочего времени. Всевозможные случаи нарушения трудовой дисциплины в рабочее время, за которые рабочие и служащие могут быть наказаны в дисциплинарном порядке, не могут оказать правового воздействия на регулирование рабочего времени. В-третьих, такой признак как обязанность администрации вознаградить работника в соответствии с количеством и качеством затраченного им труда характерен для понятия заработной платы, а не рабочего времени. Например, время простоя и время, потраченное на выпуск продукции, впоследствии забракованной по вине рабочих и служащих, оплачивается не по количеству, а значительно ниже².

Ценность теоретического определения и состоит именно в том, что оно раскрывает содержание любого понятия и помогает правильно применять его на практике. Правовые признаки, которые введены Е. Н. Коршуновой в понятие рабочего времени, не отвечают этой задаче.

В своей знаменитой работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин писал: «Что значит дать «определение?» Это значит прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое»³. Определяя понятие рабочего времени, необходимо прежде всего указать на родовые, а затем уже на видовые признаки, которые должны охватывать главные направления, характеризующие самое понятие и раскрывающие его правовое содержание. Родовым признаком для понятия рабочего времени, на наш взгляд, является время, как часть суток, измеряемая в естественных мерах времени (например,

¹ Е. Н. Коршунова. Цит. соч., стр. 137—138.

² До настоящего времени государство делит бремя ответственности за брак и простой не по вине рабочего и служащего между собой и работниками. Сейчас, настало время устранить это несоответствие. Практика показала, что неполная оплата брака и простоя по вине работника порождает безответственность инженерно-технических работников за организацию производства, с одной стороны, и недовольство рабочих, с другой.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 133.

в часах). Видовыми признаками должны быть, во-первых, указание на ограничение времени конкретным пределом, установленным в законе или соглашении, заключенном на основе закона, и признаваемым государством рабочим временем. Роль соглашений в установлении продолжительности рабочего времени в настоящее время значительно расширяется. Проект Основ законодательства о труде Союза ССР и союзных республик кроме случаев, указанных, например, в постановлении Совета Министров СССР от 10 декабря 1959 г.¹ и постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 5 июня 1942 г.² и др., предусматривает возможность установления продолжительности рабочего времени посредством соглашения для рабочих и служащих с пониженной трудоспособностью, для беременных женщин и лиц, занятых уходом за малолетними или другими нетрудоспособными членами семьи, для совмещающих обучение с работой и др. (ст. 17). Несмотря на то, что законодательный принцип установления продолжительности рабочего времени по-прежнему остается решающим, нам все же представляется возможным сделать ссылку на соглашение в понятии рабочего времени. Во-вторых, необходимо включить в это понятие указание на обязанность администрации в период рабочего времени занимать рабочих и служащих исключительно производственным трудом или служебными обязанностями. Выше были указаны случаи включения в рабочее время перерывов, допускаемых законом. Поэтому правильнее всего этот признак в понятии рабочего времени определить через принцип долженствования. Определяя этот признак через принцип долженствования, мы подчеркиваем, что не только рабочие и служащие должны стремиться к уплотнению рабочего дня производственным трудом, но и администрация обязана организовать их труд так, чтобы все отведенное для работы время было использовано исключительно производительным трудом и никаких отвлечений по инициативе администрации не должно иметь места. Администрация, на обязанности которой лежит надлежаще организовать труд, обязана не только требовать от рабочих и служащих выполнения трудовых обязанностей, но и сама обязана способствовать тому, чтобы все рабочее время использовалось для работы. Руководство процессом труда представляет собой не только право, но и обязанность администрации как перед государством, которое возлагает на нее ответственность за рентабельное ведение хозяйства, так и перед коллективом предприятия, для которых руководство есть необходимое условие успешного выполнения плановых заданий.

¹ СП СССР 1959 г., № 20, стр. 164.

² Сборник «Высшая школа». М., 1948, стр. 559.

Вот почему нам представляется, что рабочее время может быть определено как установленное законом или соглашением, заключаемым на основе закона, время, в течение которого рабочие и служащие должны быть заняты выполнением производственной работы или служебными обязанностями.

Следует различать два вида рабочего времени: а) нормальное рабочее время (урочное), устанавливаемое ст. 119 Конституции СССР в зависимости от отрасли производства и вредности работ, и б) рабочее время сверх нормального (внеурочное), допускаемое в исключительных случаях отдельными нормативными актами¹.

В литературе сделана попытка различать рабочее время — как рабочий день и сверхурочное время². Рабочий день как норма рабочего времени, лежащая в основе его правового регулирования, действительно представляет собой нормальное рабочее время. Но нормальное рабочее время совпадает по методу правового регулирования и по продолжительности только с рабочим днем нормальной продолжительности. Однако наше право знает виды рабочего дня, которые не совпадают по продолжительности с нормальным рабочим временем. Мы имеем в виду ненормированный и удлиненный рабочие дни. Когда же рабочее время выходит за пределы своей нормы, т. е. рабочего дня нормальной продолжительности, тогда наступают другие правовые последствия и применяются другие методы правового регулирования. Поэтому относить ненормированный и удлиненный рабочие дни в их «чистом» виде к рабочему дню нормальной продолжительности и считать их подвидами этого дня, как это предлагают некоторые авторы³, нам представляется, нельзя.

Различны также правовые последствия и методы правового регулирования сверхурочной работы и работы сверх нормального рабочего времени при ненормированном и удлиненном рабочих днях. Например, для привлечения к работе в сверх нормальное рабочее время при ненормированном рабочем дне согласия ФЗМК не требуется и компенсируется оно путем предоставления дополнительных дней отдыха. Для привлечения к работе сверх нормального рабочего времени при рабочем дне нормальной продолжительности требуется согласие ФЗМК и компенсируется оно только в денеж-

¹ См., например, ст. 104 КЗоТ, п. 16 Типовых правил внутреннего трудового распорядка, утвержденных 12 января 1957 г., ст. 10 постановления ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1926 г. (СЗ СССР 1926 г., № 40, стр. 290) и др.

² «Трудовое право», Энциклопедический словарь. М., 1959, стр. 363.

³ См., п. 8 Правил об очередных и дополнительных отпусках от 30 апреля 1930 г. («Известия НКТ СССР» 1930 г., № 13).

ной форме по нормам ст. 60 КЗоТ¹. Следовательно, ни ненормированный, ни удлиненный рабочие дни не могут быть отнесены к рабочему дню нормальной продолжительности, а работа сверх нормального рабочего времени при этих рабочих днях — к сверхурочной. Это самостоятельные виды рабочего дня, а не подвиды рабочего дня нормальной продолжительности.

Н. Г. Александров утверждает, что работа сверх нормального рабочего времени при удлиненном рабочем дне подпадает под методы правового регулирования сверхурочной работы². Но с этим нельзя согласиться. Удлиненный рабочий день вводится по другим основаниям чем те, которые указаны в ст. 104 КЗоТ. Во-вторых, вознаграждение за работу сверх нормального рабочего времени при удлиненном рабочем дне имеет совершенно иную природу. В-третьих, продолжительность удлиненного рабочего дня, срок его применения и порядок оплаты определяется соглашением администрации с местной профсоюзной организацией в то время как продолжительность сверхурочной работы, порядок ее применения и оплата строго регламентированы в законе.

Рабочий день и рабочее время имеют указанные в законе пределы. Однако, рабочий день имеет абсолютно-определенный предел в виде меры труда для каждого рабочего и служащего дифференцировано по отраслям производства и кругу лиц и является при всех условиях обязательным к отработке. Рабочее время в одних случаях имеет относительно-определенный предел, в котором установлен лишь максимум, указывающий на возможность удлинения до этого предела. Так, ст. 106 КЗоТ указывает, что время, потраченное на производство сверхурочных работ в течение двух дней подряд, не должно превышать четырех часов. В других случаях, законодатель вообще не указывает предела сверх рабочего дня нормальной продолжительности. Например, постановление НКТ СССР от 13 февраля 1928 г.³ «О работниках с ненормированным рабочим днем» указывает лишь на необходимость освобождения их от работы на общих основаниях в дни еженедельного отдыха и праздничные дни, оставляя без регламентации вопрос о продолжительности рабочего времени сверх рабочего дня нормальной продолжительности.

Наличие указанного в законе предела рабочего времени в одних случаях и отсутствие его в других дает нам основание утверждать, что продолжительность рабочего дня, как

¹ См. постановление Президиума ВЦСПС от 29 июля 1934 г. «О недопустимости компенсации сверхурочных работ отгулом» («Бюллетень ВЦСПС» № 15, 1934 г.).

² См. Н. Г. Александров. Советское трудовое право. Учебник. М., Госюриздат, 1959, стр. 396.

³ «Известия НКТ СССР», 1928 г., № 9—10.

правило, не изменяется ни по соглашению сторон, ни по усмотрению администрации. Рабочее же время может быть изменено как по усмотрению администрации (при ненормированном рабочем дне), так и по соглашению администрации с профсоюзной организацией (например, при удлинённом рабочем дне). Работники с ненормированным рабочим днём привлекаются к работе во внеурочное время исключительно по распоряжению администрации, сезонные рабочие — по соглашению администрации с профсоюзной организацией.

Е. Н. Коршунова предлагает различать два вида рабочего времени: рабочее время как обязательная мера труда и как фактическое рабочее время. «Обязательная мера труда, — указывает она, — это установленная законом продолжительность рабочего времени, в течение которого работник обязан выполнять работу»¹. Против такого утверждения возражать нельзя. Но что касается фактического рабочего времени, то оно, согласно утверждению Е. Н. Коршуновой, не является обязательной мерой труда и работник, следовательно, может и не выполнять работу в сверх нормальное рабочее время. С такой классификацией вряд ли можно согласиться по следующим основаниям: правильно, что семичасовой рабочий день — это обязательная мера труда, установленная законом. Но правильно и то, что возможность привлечения к работе во внеурочное время сверх 7 часов также предусматривается законом. Привлечение к сверхурочной работе, введение удлинённого или ненормированного рабочего дня осуществляется также на основании и в порядке, установленном законом. Поэтому рабочие и служащие обязаны выполнять работу и во внеурочное время, т. е. сверх установленной нормы рабочего времени, как меры труда.

В литературе было высказано мнение, что в легальном определении понятия рабочего времени нет необходимости², так как из этого определения не вытекает практически существенных последствий. Мы не можем согласиться с таким утверждением. На практике много возникает вопросов, которые могли бы быть разрешены именно благодаря наличию понятия рабочего времени в законе. Например, рабочие и служащие не по своей вине простаивали определенное количество часов рабочего времени. Администрация требует отработки пропущенного времени, так как она считает, что рабочий день полностью не отработан. К сожалению, такая, явно незаконная точка зрения нашла подтверждение и в литературе. Так, Е. Н. Григорьев считает, что если рабочий за восьмичасовую смену находился в простое один час, кроме того работал

¹ Е. Н. Коршунова. Цит. работа, стр. 144.

² См. А. Е. Пашерстник. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 178.

сверхурочно два часа, то продолжительность рабочего дня будет равна девяти часам¹.

Устранение возможных случаев нарушения продолжительности и режима рабочего времени настоятельно требуют, чтобы в Основах законодательства о труде Союза ССР и союзных республик и в КЗоТ союзных республик было определено понятие рабочего времени и рабочего дня. Легальные определения рабочего времени и рабочего дня будут способствовать осуществлению решений XX и XXI съездов КПСС о переходе всех рабочих и служащих на сокращенный рабочий день и сокращенную рабочую неделю. Тем более, что в будущем предполагается при 5 и 6-часовом рабочем дне — как рабочем дне нормальной продолжительности — ввести пятидневную рабочую неделю продолжительностью в 30—35 часов с двумя выходными днями. Это означает, что рабочий день будет составлять не 5 и 6 часов, а соответственно 6 и 7 часов. Ежедневно один час, таким образом, будет составлять переработку, которая подлежит компенсации путем увеличения дней отдыха. Методы правового регулирования рабочего времени в этих случаях потребуют четкого определения понятий рабочего дня и рабочего времени.

Развитие советского законодательства идет в направлении последовательного сокращения рабочего дня. Об этом свидетельствуют постановления партии и правительства, изданные в осуществление решений XX и XXI съездов КПСС. Сокращается продолжительность рабочего дня и работников с ненормированным рабочим днем и лиц, работающих в виде исключения при удлиненном рабочем дне в определенные промежутки времени. Но по-прежнему остается вне сферы правового регулирования вопрос о продолжительности рабочего времени сверх нормального при ненормированном и удлиненном рабочих днях. Продолжительность рабочего времени сверх нормального при ненормированном и удлиненном рабочих днях никакими рамками не ограничена, что отрицательно сказывается на правовом регулировании режима рабочего времени. Продолжительность рабочего времени сверх нормального при ненормированном и удлиненном рабочих днях должна быть ограничена какой-то мерой, в пределах которой и возможно будет привлекать их к работе. По действующему законодательству увеличение продолжительности рабочего времени сверх нормального идет двумя путями: а) посредством соглашения администрации с профсоюзной организацией (сверхурочная работа и удлиненный рабочий день); б) непосредственно распоряжением самой администрации (ненормированный рабочий день).

¹ См. А. Е. Григорьев, Экономика труда, М., Госпланиздат, 1959, стр. 240.

Такой порядок увеличения продолжительности рабочего времени сверх рабочего дня нормальной продолжительности не способствует проведению в жизнь принципа единства трудовых отношений и не отвечает требованиям декабрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС¹, так как действия администрации в отдельных случаях не подвергнуты контролю со стороны общественной организации. По мере продвижения нашего общества по пути развернутого строительства коммунистического общества роль общественных организаций в деле контроля за мерой труда и мерой потребления будет все более возрастать. Представляется поэтому целесообразным установить единый порядок увеличения продолжительности рабочего времени сверх рабочего дня нормальной продолжительности, при котором во всех случаях требовалось бы разрешение профсоюзной организации.

Нормы права, устанавливающие продолжительность рабочего времени и регулирующие его режим, имеют специфический характер. В одних случаях они устанавливают продолжительность рабочего времени императивно, без права изменять ее как по усмотрению администрации, так и по соглашению сторон трудового договора; в других случаях — предоставляют право изменять рабочее время как по усмотрению администрации, так и по соглашению ее с профсоюзной организацией; в третьих — продолжительность рабочего времени и его режим могут устанавливаться сторонами в трудовом договоре. В связи с этим заслуживает внимания вопрос о методе правового регулирования рабочего времени.

Под методом правового регулирования рабочего времени мы понимаем характер норм, устанавливающих продолжительность рабочего времени, предоставляющих участникам правоотношений возможность изменять ее по сравнению с установленной нормой или исключаящих такую возможность. Иначе, под методом правового регулирования рабочего времени следует понимать способ воздействия на поведение людей как участников трудовых отношений. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский под методом правового регулирования понимают специфический способ, при помощи которого государство, на основе данной совокупности юридических норм, обеспечивает нужное ему поведение людей как участников правоотношений. Он может выражаться в виде запрета, дозволения, предписания². Каждая отрасль права имеет свои особенности как по предмету, так и по методу правового регулирования. В трудовом праве, наряду с преобладанием им-

¹ «О работе профессиональных союзов», постановление Пленума ЦК КПСС от 17 декабря 1957 г., М., Госполитиздат, 1957 г.

² См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. О системе советского права. «Советское государство и право», № 6, 1957 г., стр. 104.

перативных норм, признается и защищается свобода волеизъявления участников трудовых отношений. Так, например, при заключении трудового договора стороны свободно вступают в правоотношение и вырабатывают условия труда, хотя государство вносит в эту свободу известные ограничения. Д. М. Генкин по этому поводу замечает, что и «самый трудовой договор нельзя понять исходя только из критерия равенства и свободы волеизъявления сторон»¹, так как ряд условий труда, например, рабочее время, определяется не сторонами договора, а соответствующими нормативными актами, устанавливающими продолжительность рабочего дня в императивной форме, и не допускающих, как правило, соглашений об изменении его продолжительности². Это вытекает из ст. 12 Конституции СССР, в которой с очевидностью определено отношение всего общества, руководимого рабочим классом во главе с Коммунистической партией, к характеру труда при социализме. Труд же при социализме является единственным мерилom участия в создании и распределении общественного продукта, постепенно превращающегося из обязанности в первую жизненную потребность.

Характер норм права, регулирующих продолжительность рабочего времени, всегда определялся и в настоящее время определяется теми требованиями, которые предъявляются обществом к участникам трудовых отношений. Поэтому правовое регулирование рабочего времени в СССР действует в том направлении, в каком идет и должно идти экономическое развитие социалистического общества. Метод правового регулирования рабочего времени в условиях социалистического способа производства представляет собой пример диалектики. В зависимости от периода развития нашего государства и задач, стоящих перед ним на данном этапе, менялся и метод правового регулирования. Например, в период иностранной военной интервенции и гражданской войны преобладал метод властных подчинений и никаких соглашений в вопросе регулирования рабочего времени не допускалось. И как отмечает Ф. М. Левиант «метод регулирования это не нечто неподвижное, застывшее, а это особый способ воздействия на

¹ Д. М. Генкин. Предмет и система советского трудового права. «Советское государство и право», № 2, 1940 г., стр. 67.

² Говоря о методе правового регулирования, мы имеем в виду характер норм, регулирующих рабочее время, объективно разделяющегося на нормальное рабочее время (урочное) как меру труда и внеурочное время. Если мера труда не может быть договорной категорией, то внеурочное время представляет собой в известной мере договорную категорию. Для удобства изложения мы часто пользуемся понятием рабочего времени. Иногда же делаем ударение на методе регулирования меры труда, т. е. установленной государством продолжительности нормального рабочего времени и не изменяемой ни по усмотрению администрации, ни по соглашению сторон трудового договора.

участников данного круга отношений, зависящий от целей и задач, стоящих перед той или иной отраслью права»¹.

Нормы права, регулирующие рабочее время в социалистическом государстве, основываются на принципе «от каждого по его способности, каждому — по его труду». Одинаковая обязательность труда для всех трудоспособных членов общества всегда составляла одно из требований научного коммунизма. В. И. Ленин писал: «кто не работает, тот не должен есть» — вот основное, первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести и введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью»². Поэтому нормы, устанавливающие и регулирующие меру труда, с первых дней существования Советской власти, получили законодательное закрепление в виде императивных предписаний, выступающих в качестве «регулятора (определивателя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества»³.

Таким образом, метод правового регулирования рабочего времени в СССР осуществляется путем: а) законодательного нормирования, т. е. императивного установления продолжительности нормального (урочного) рабочего времени и б) законодательного санкционирования сверхнормального рабочего времени, продолжительность которого подлежит установлению посредством соглашения между администрацией и профсоюзной организацией.

Законодательное нормирование рабочего времени заключается в том, что нормы, устанавливающие продолжительность рабочего времени, издаются высшим (законодательным) органом власти, обязательны к исполнению на всей территории Советского Союза, одинаковы для данной категории рабочих и служащих независимо от отраслевого подчинения, регулируют труд рабочих и служащих независимо от пола, национальности, характера трудовой связи и т. п. В этом состоит одно из важнейших отличий советского трудового права от капиталистического законодательства, которое в большинстве случаев имеет партикулярный характер, т. е. частный, при котором условия труда устанавливаются не государством в целом по всем отраслям производства и кругу лиц, а отдельными предпринимателями.

Юридической формой выражения нормы рабочего времени в СССР является соответствующий нормативный акт, издаваемый уполномоченным на то органом Советского государства, устанавливающий продолжительность рабочего дня, в течение которого трудящиеся и должны участвовать в общественном производстве. Первым правовым актом Совет-

¹ Ф. М. Левиант. Нормативные акты, регулирующие труд рабочих и служащих. Ленинград, 1960, стр. 14.

² В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 85.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 439.

ского государства, установившим норму рабочего времени, был декрет СНК РСФСР от 29 октября 1917 года. Декрет был воплощением программы партии, принятой на II съезде РСДРП, в которой содержалось главное требование об ограничении рабочего дня 8 часами, сформулированное В. И. Лениным еще в 1899 году в статье «Проект программы нашей партии»¹.

В настоящее время нормативными актами, устанавливающими продолжительность рабочего времени, являются: а) Законы, принимаемые Верховным Советом СССР² и б) Указы, издаваемые Президиумом, впоследствии утверждаемые на сессиях³. В законодательной практике за последнее время сложился порядок, по которому к нормативным актам, устанавливающим продолжительность рабочего времени, относятся постановления Совета Министров СССР⁴ и совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР⁵ о переводе на семи- и шестичасовой рабочий день, издаваемые в осуществление решений XX и XXI съездов КПСС. В республиках в осуществление и развитие постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР были также изданы совместные постановления⁶.

Это объясняется, на наш взгляд, тем, что сокращенный рабочий день вводился не сразу для всех трудящихся, а постепенно по отраслям производства и видам работ. Когда же встал вопрос о завершении перевода всех рабочих и служащих на сокращенный рабочий день, т. е. об установлении меры труда в виде семичасового рабочего дня, тогда V сессией

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 220.

² См., например, закон «О завершении перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день» («Ведомости Верховного Совета СССР» 1960 г., № 18, стр. 137).

³ См., например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1956 года «Об установлении шестичасового рабочего дня для подростков от 16 до 18 лет» («Ведомости Верховного Совета СССР» 1956 г., № 12), утвержденный V сессией Верховного Совета СССР четвертого созыва («Ведомости Верховного Совета СССР» 1956 г., № 15, стр. 320).

⁴ См., например, постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1957 года о переводе на семичасовой рабочий день работников горно-рудных предприятий и горнообогатительных комбинатов черной металлургии. (СП СССР 1957 г., № 16, стр. 157).

⁵ См., например, постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 февраля 1960 года «О переводе на семичасовой рабочий день и об упорядочении заработной платы работников рыбной промышленности».

⁶ См., например, постановление ЦК КП Украины и Совета Министров УССР от 16 июля 1959 г. о переводе на семи- и шестичасовой рабочий день работников предприятий нефтяной и газовой промышленности (СП УССР 1959 г., № 7, ст. 84); см. также постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР, Совета Министров РСФСР и ВЦСПС от 25 августа 1960 г. о переводе на семичасовой рабочий день работников центрального аппарата министерств, ведомств и др. советских учреждений (СП РСФСР 1960 г., № 29, стр. 136).

Верховного Совета СССР 5-го созыва был принят Закон «О внесении изменений в ст. 119 (Основного закона) СССР»¹, закрепивший семичасовой рабочий день как рабочий день нормальной продолжительности.

Законами и указами устанавливаются не только продолжительность рабочего дня, но также определяется продолжительность перерывов в течение рабочего дня, продолжительность ежегодных отпусков, количество праздничных дней² и т. п.

Таким образом, продолжительность и режим рабочего времени устанавливается законами, указами и постановлениями партии и правительства в императивной форме. Изменение продолжительности рабочего времени может иметь место лишь в случаях, прямо указанных.

Для полноты изложения метода правового регулирования рабочего времени важное значение имеет вопрос об источниках и формах правообразования, в которых находят свое выражение нормы права, посредством которых устанавливается режим и учет рабочего времени, производится компенсация переработки нормы рабочего времени и т. п. Под формами правообразования нужно понимать те формы, «посредством которых определенные правила поведения принимают характер правоположений, имеющих силу государственного принуждения»³. В трудовом праве такими формами правообразования, в которых воля господствующего класса получает выражение и приобретает юридическую силу, являются: постановления Совета Министров СССР и союзной республики, постановления и распоряжения Совета народного хозяйства, приказы министров, решения местных Советов депутатов трудящихся, Правила внутреннего трудового распорядка, коллективные договоры и соглашения, заключаемые между администрацией и профсоюзной организацией.

Среди нормативных актов такого характера особое место занимают постановления и распоряжения Совета Министров СССР. Совет Министров СССР издает постановления на основе и во исполнение действующих законов (ст. 66 Конституции СССР). Его постановления и распоряжения устанавливают количество и продолжительность перерывов в течение рабочего дня, порядок их предоставления, порядок компенса-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1960 г., № 18, стр. 140.

² См., Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., которым был установлен новый режим рабочего времени во всех предприятиях и учреждениях, т. е. шестидневка была заменена семидневной неделей, считая седьмой день недели днем отдыха («Ведомости Верховного Совета СССР», 1940 г., № 20).

³ С. И. Вильнянский. Лекции по советскому гражданскому праву. Изд. Харьковского университета, 1958 г., стр. 45.

ции за работу во внеурочное время¹ и т. п. В некоторых случаях ввиду особой политической важности постановления, оно издается Советом Министров СССР и ЦК КПСС и является тогда не только подзаконным актом, но и партийной директивой.

Постановления и распоряжения по вопросу регулирования рабочего времени в пределах компетенции издаются Советом Министров союзной республики, которые действуют лишь на территории той республики, где они изданы. (ст. ст. 41 и 42 Конституции УССР). В связи с передачей некоторых вопросов хозяйственного и культурного строительства на решение Совета Министров союзной республики их права в области регулирования рабочего времени значительно расширились. Правом вносить изменения и дополнения в списки профессий рабочих и перечень должностей других работников, занятых на работах с вредными условиями труда, для которых может быть установлен сокращенный рабочий день, пользуется теперь Совет Министров союзной республики. Совет Министров союзной республики имеет право также по согласованию с Государственным Комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и ВЦСПС вносить изменения и дополнения в списки работ с вредными условиями труда, к которым не допускаются женщины и подростки².

В силу ст. 8 Закона СССР от 10 мая 1957 г.³ «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» (в редакции 5 июля 1960 г.) Совет народного хозяйства экономического административного района и Республиканский Совет народного хозяйства в пределах своей компетенции издают постановления и распоряжения на основе и во исполнение законов СССР и союзной республики, а также постановлений и распоряжений Совета Министров СССР и союзной республики. Совет народного хозяйства экономического административного района в области регулирования рабочего времени имеет право: а) давать разре-

¹ См., например, постановление Совета Министров СССР от 8-го марта 1956 года, которым установлен особый режим рабочего времени в непрерывно действующих предприятиях и порядок компенсации за работу во внеурочное время. («Правда», 9 марта 1956 г.).

² См. постановление Совета Министров УССР от 4 февраля 1958 г., которым установлен сокращенный рабочий день целому ряду категорий медицинских работников в связи с вредными условиями труда (СП УССР 1958 г., № 2, стр. 37); см. также постановление Совета Министров РСФСР от 23 февраля 1960 г., которым установлен сокращенный рабочий день для работников строительно-монтажных организаций на время выполнения работ в действующих цехах и производствах с вредными условиями труда (СП РСФСР 1960 г., № 8, стр. 34).

³ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1957 г., № 11, стр. 257; 1960 г., № 27, стр. 248.

шение на введение суммированного учета рабочего времени; б) утверждать перечни производств, в которых по характеру работы не может быть установлен сокращенный рабочий день в предвыходные и предпраздничные дни и в) утверждать перечни должностей работников с ненормированным рабочим днем¹.

Некоторые Советы народного хозяйства полностью не используют предоставленных им прав в области труда и заработной платы. Так, совнархоз Харьковского экономического административного района до сего времени не издал ни одного постановления в осуществление ст. 135—137 Положения. В одних случаях это объясняется тем, что утверждение, например, единого перечня должностей работников с ненормированным рабочим днем в целом по совнархозу не вызывается необходимостью и целесообразностью из-за многоотраслевой системы совнархоза. Поэтому по предприятиям, заключающим коллективные договоры, такие перечни разрабатываются администрацией совместно с профсоюзной организацией и прилагаются к коллективному договору. По учреждениям и организациям действуют перечни должностей работников с ненормированным рабочим днем, утвержденные ранее министерствами, и регулирующие эти вопросы и в системе совнархоза. Так, по учреждениям и организациям совнархоза, входящим ранее в систему Министерства строительства предприятий машиностроения СССР, действует перечень должностей работников с ненормированным рабочим днем, утвержденный министерством по согласованию с ЦК профсоюза 16 июля 1951 года. В других случаях вопросы регулирования рабочего времени решаются непосредственно на местах на основании ранее изданных постановлений Совета Министров СССР и союзной республики. Отсутствие постановлений и распоряжений совнархоза по вопросам введения, например, суммированного учета рабочего времени (ст. 135 Положения) или утверждения перечня производств, в которых по характеру работы не может быть установлен сокращенный рабочий день в предвыходные и предпраздничные дни (ст. 136 Положения), объясняется еще и тем, что их издание не поставлено в зависимость от согласования с Облсовпрофом. В результате профсоюзные органы по существу устранены от решения вопросов, затрагивающих «жизненные интересы трудящихся»². Между тем в постановлении декабрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС указывается, что постановления и распоряжения, непосредственно затрагивающие жизнен-

¹ См. ст. ст. 135—137 Положения о совете народного хозяйства, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 26 сентября 1957 г. (СП СССР 1957 г., № 12, стр. 121).

² См. постановление декабрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС «О работе профессиональных союзов СССР». М., Госполитиздат, 1957 г.

ные интересы рабочих и служащих, должны приниматься совместно с профсоюзами. Поэтому нам представляется, что постановления и распоряжения в области труда и заработной платы должны приниматься совнархозом совместно с Областным Советом профсоюза.

Министерства и ведомства в пределах своей компетенции издают приказы и инструкции по вопросам регулирования рабочего времени¹. Эти приказы и инструкции должны быть основаны не только на законах, но и на действующих постановлениях и распоряжениях Совета Министров СССР и союзной республики (ст. ст. 73 и 85 Конституции СССР, ст. 50 Конституции УССР).

После образования Государственного Комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы² особое место в области регулирования рабочего времени занимают его разъяснения и постановления. Так, 15 апреля 1957 г. Государственный Комитет разъяснил о продолжительности рабочего дня и продолжительности ежегодного отпуска для инвалидов-слепых, работающих в государственных предприятиях. В разъяснении указывается, что шестичасовой рабочий день распространяется только на инвалидов по зрению I и II группы. Декабрьский (1957 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул, что поскольку деятельность Государственного Комитета непосредственно затрагивает жизненные интересы рабочих и служащих, наиболее важные решения принимаются совместно Комитетом с ВЦСПС. Так, Государственный Комитет и ВЦСПС 23 апреля 1960 г. приняли постановление о порядке перевода на семи- и шестичасовой рабочий день рабочих строительно-монтажных предприятий по строительству метрополитенов, тоннелей и подземных сооружений. Государственный Комитет по согласованию с ВЦСПС 12 января 1957 г.³ утвердил Типовые правила внутреннего трудового распорядка. В этих правилах определяется начало и окончание рабочего дня, время перерыва для всех рабочих и служащих, указана возможность привлечения к сверхурочной работе (п. 16) и ряд других вопросов, касающихся регулирования рабочего времени. Типовые правила содержат специальный раздел —

¹ См. перечень должностей работников с ненормированным рабочим днем в системе министерства высшего и среднего специального образования, утвержденного МВО СССР 27 декабря 1952 г. (Сборник «Высшая школа», М., 1957 г., стр. 397).

² См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. («Ведомости Верховного Совета СССР» 1955 г. № 8, стр. 196).

³ См. Сборник ЗАСТ. М., Госюриздат, 1960 г., стр. 417—420.

рабочее время и его использование, в котором подробно изложены вопросы регулирования рабочего времени.

В пределах предоставленных прав местные Советы депутатов трудящихся принимают решения в области регулирования рабочего времени, устанавливающие обязательные нормы и правила поведения (ст. 98 Конституции СССР, ст. 57 Конституции УССР). Положение об областном Совете депутатов трудящихся УССР¹ предусматривает, например, право областных Советов издавать решения в области труда. Так, Исполком Харьковского областного Совета депутатов и Бюро Харьковского областного комитета КП Украины 10 сентября 1960 года приняли постановление «О переводе на 7-часовой рабочий день работников аппарата партийных, профсоюзных, комсомольских и др. общественных организаций области».

Вопросы регулирования рабочего времени находят свое отражение и в коллективных договорах, по которым администрация берет на себя обязательство соблюдать в точности и без всяких нарушений установленную законом продолжительность рабочего времени². Фабзавместкомы также берут на себя обязательства проводить разъяснительную работу по укреплению трудовой дисциплины и содействовать рабочим и служащим в проведении необходимых мероприятий по уплотнению рабочего дня и ликвидации потерь рабочего времени³. Кроме того, сами рабочие обязуются уплотнять свой рабочий день, качественно и добросовестно выполнять в срок производственные задания⁴.

До сих пор мы указывали на нормы права, устанавливающие и регулирующие рабочее время в императивной форме. Но в законодательной практике встречаются нормы, которые допускают договорное установление и регулирование рабочего времени. Посредством соглашений могут устанавливаться время прихода на работу и ухода с работы отдельных рабочих и служащих, рабочий день которых по характеру работы не совпадает с остальными, продолжительность рабочего времени, например, для совмещающих работу в двух учреждениях и т. п. Нормы, допускающие договорное установление и

¹ Утверждено Указом Президиума Верховного Совета УССР от 31 января 1957 г. («Ведомости Верховного Совета УССР», 1957 г., № 4, стр. 81).

² См. п. 24 коллективного договора на 1961 г. Ясиноватского шахто-строительно-монтажного управления № 3, треста «Сталиншахтостроймонтаж», зарегистрированного Совпрофом и Сталинским совнархозом.

³ См. пп. 26 и 27 коллективного договора на 1961 г. Харьковской кондитерской фабрики «Октябрь», зарегистрированного Харьковским совнархозом и Облсовпрофом.

⁴ См. пп. 28 и 29 коллективного договора на 1961 г. шахты № 10 им. Володарского, треста «Свердловуголь», зарегистрированного Луганским совнархозом и Облсовпрофом.

регулирование рабочего времени, бывают двух видов: а) нормы, устанавливающие обязательную к отработке продолжительность рабочего дня, т. е. меру труда, но допускающие возможность удлинения рабочего времени путем соглашения. Такое соглашение заключается между администрацией и профсоюзной организацией и представляет собой новую норму¹ и б) нормы, непосредственно не устанавливающие продолжительность рабочего дня, а указывающие лишь на условия, при которых возможно договорное установление продолжительности рабочего дня. В этих случаях продолжительность рабочего времени определяется сторонами трудового договора в пределах рабочего дня нормальной продолжительности².

Таким образом продолжительность рабочего времени с первых дней существования Советской власти устанавливалась и устанавливается государством посредством императивных норм. Вместе с тем, в отведенных самим законодателем случаях и указанных нами выше, продолжительность рабочего времени может устанавливаться и посредством договора.

В юридической литературе имеется ряд точек зрения по этому вопросу. С. С. Каринский, например, считает, что уже декрет от 29 октября 1917 г. провозгласил лишь максимальный рабочий день³ и что посредством соглашения можно было устанавливать рабочий день и иной продолжительности, разумеется в сторону уменьшения. С. С. Каринский, таким образом, допускает элемент соглашения в вопросе регулирования рабочего времени вообще, даже в случаях, не предусмотренных в нормативных актах. Не отрицая возможности договорного установления продолжительности рабочего времени в рамках, отведенных законодательством, А. Е. Пашерстник вместе с тем указывает, что такое истолкование не могло иметь практического значения, ибо советское законодательство с первых дней своего развития отражало волю пролетарского государства и организацию масс на создание сознательной дисциплины труда, на борьбу за хозяйственное возрождение страны и развертывание социалистического соревнования⁴. Включив все это в так называемый принцип неот-

¹ См., например, постановление ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1926 г. «Об условиях труда на сезонных работах» (СЗ СССР 1926 г., № 40, стр. 290) и др.

² См., например, постановление Совета Министров СССР от 10 декабря 1959 г. «Об ограничении совместительства по службе» (СП СССР 1959 г., № 20, стр. 164).

³ См. С. С. Каринский. Основы законодательства о труде рабочих и служащих промышленных предприятий. М., 1940, стр. 56.

⁴ См. А. Е. Пашерстник. К истории правового регулирования рабочего дня в СССР. Вопросы советского государства и права. М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 399—401.

меняемости норм рабочего времени, А. Е. Пашерстник указывает, что отсюда исключается какая бы то ни была допустимость трактовки рабочего времени, как договорной категории¹.

Нам представляется, что в первые годы Советской власти, когда определенный процент рабочих и служащих работал у предпринимателей в порядке найма, договорное регулирование продолжительности рабочего времени имело и могло иметь место в пределах рабочего дня, установленного декретом СНК РСФСР от 29 октября 1917 г. Не исключал законодатель договорного регулирования рабочего времени и по КЗоТ 1922 г., так как в этот период, как известно, была несколько оживлена частная промышленность. И такие соглашения должны были признаваться действительными. Согласно КЗоТ 1922 г. недействительными признавались лишь соглашения, ухудшающие положение трудящихся по сравнению с постановлениями КЗоТ, хотя А. С. Краснопольский считает, что нормы рабочего времени КЗоТ 1922 г. имели характер постановлений, устанавливающий неснижаемый минимум². О наличии момента соглашения об условиях труда в первые годы Советской власти неоднократно указывалось в докладах НКТ СССР на Всероссийских съездах Советов³.

Различное толкование определенности норм рабочего времени, отнесение или исключение их из договорной категории вызвано самой формулировкой, данной законодателем в ст. 2 декрета от 29 октября 1917 г., ст. 84 КЗоТ 1918 г. и ст. 94 КЗоТ 1922 г., которая выражалась по форме — продолжительность нормального рабочего времени не может превышать восьми часов.

Не отрицая известного факта, что 8-часовой рабочий день, как рабочий день нормальной продолжительности, был мерой труда, обязательной для всех рабочих и служащих, вместе с тем законодатель намеренно указал, что рабочее время в сутки не должно превышать 8-ми часов. Указание на относительно-определенный характер продолжительности рабочего времени — это своеобразная декларация политики Советской власти, которая вытекала из учения марксизма-ленинизма о постепенном сокращении рабочего времени при неуклонном повышении производительности труда в условиях социализма и которая нашла отражение в программе РКП,

¹ См. А. Е. Пашерстник. Регулирование рабочего времени в свете последних законодательных актов. «Советское государство и право» № 2, 1941 г., стр. 53.

² См. А. С. Краснопольский. Трудовое правоотношение и трудовой договор по советскому праву. Вопросы советского гражданского и трудового права. М., Изд. АН СССР, 1952 г., стр. 152.

³ См., например, доклад НКТ СССР на XI съезде Советов, цит. по журналу «Вопросы труда» № 3, 1924 г., стр. 12—32

принятой VIII съездом. В ст. 2 декрета, ст. 84 КЗоТ 1918 г. и ст. 94 КЗоТ 1922 г. была впервые в законе сформулирована мысль первого в мире Советского правительства о необходимости в будущем сокращения рабочего дня. Поэтому и в последующем законодательстве продолжительность рабочего времени указывалась по этой же формуле.

С тех пор трудовое законодательство развивалось в направлении значительного повышения гарантий рабочих и служащих, закрепляя определенно права и обязанности, а не минимум и максимум, как это имело место ранее. Теперь, когда рабочие являются подлинными хозяевами страны, а объективной тенденцией рабочего времени является его последовательное сокращение — все рабочее время должно использоваться для создания общественного продукта, идущего на удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей самих трудящихся. В связи с этим изменилось и отношение государства к роли соглашений в регулировании условий труда и, в частности, рабочего времени. Теперь государство само устанавливает продолжительность рабочего времени в зависимости от экономического достижения страны и международного положения. Теперь соглашения могут иметь место лишь в случаях, прямо предусмотренных в законе.

Соглашения, заключаемые между администрацией и профсоюзной организацией на основе закона и устанавливающие продолжительность рабочего времени, представляют собой норму права, подлежащую защите со стороны государства. А. Е. Пашерстник считает, что соглашение в этом случае само по себе не создает новой нормы, новую норму создает закон. Соглашение же является лишь условием применения этой нормы, гарантией целесообразного ее применения и контроля¹. Для уяснения данного вопроса обратимся к нормам, регуливающим продолжительность рабочего времени. В примечании к ст. 94 КЗоТ указывается, что из принципа рабочего дня нормальной продолжительности может быть сделано исключение в сторону повышения нормы только для ответственных партийных, советских и профессиональных работников, труд которых не ограничен временем и только на основании соглашения между НКТ и ВЦСПС. Такое исключение на практике имеет место в виде утверждения перечней должностей работников с ненормированным рабочим днем, согласованных с соответствующими профсоюзами. В ст. 10 постановления ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1926 г. «Об условиях труда на сезонных работах»² говорится, что в слу-

¹ См. А. Е. Пашерстник. Регулирование рабочего времени в свете последних законодательных актов. «Советское государство и право» № 2, 1941 г., стр. 53.

² СЗ СССР 1926 г. № 40, ст. 290.

чаях, когда на сезонных работах по природным и техническим условиям требуется в течение определенного периода времени особенно усиленная работа, допускается по соглашению администрации с профсоюзной организацией введение на определенный срок удлиненного рабочего дня. Очевидно, что как в примечании к ст. 94, так и в ст. 10 постановления от 1 июня 1926 года выражена определенная воля законодателя и смысл ее заключается в том, что ненормированный и удлиненный рабочие дни могут быть введены не иначе, как с согласия профсоюзной организации. Но для того, чтобы это правило закона могло быть применено, оно должно получить определенную форму, т. е. внешнее выражение, чтобы быть юридически обязательным для рабочих и служащих и быть обеспеченным санкцией государственного принуждения. Ф. М. Левиант признает за соглашениями, заключенными между администрацией и ФЗМК силу норм права. Она пишет: «Условия труда рабочих и служащих определяются также не только законодательным путем, но и посредством соглашений, заключаемых между администрацией и ФЗМК¹ и что потому соглашение, регулирующее труд рабочих и служащих, установленное в таком порядке, носит характер нормы права. Нормой права является не статья закона (нормативного акта), указывающая на возможность определения продолжительности рабочего времени, а соглашение, непосредственно устанавливающее продолжительность рабочего времени. В статье закона (нормативного акта) изложено только правило, соглашение же, поскольку оно устанавливает норму рабочего времени, представляет собой норму права. Соглашение, заключенное между администрацией и ФЗМК, как и норма права, установленная или санкционированная государством, создает правило поведения людей в области продолжительности и режима рабочего времени. Поэтому за соглашением следует признавать силу нормы права.

Следовательно, удлинение рабочего времени может быть произведено в случаях, указанных в законе и только по согласованию с профсоюзной организацией. Законодатель конкретно указал, когда рабочее время может быть увеличено и какой при этом должен быть соблюден порядок.

Что касается уменьшения нормы рабочего времени в виде неполного рабочего дня, то КЗоТ 1922 г. не содержит никаких указаний на сей счет. Однако впоследствии был издан ряд нормативных актов, предоставляющих право сторонам трудового договора устанавливать рабочий день меньшей продолжительности, чем указано в ст. 94, т. е. неполный рабочий день. Сфера действия соглашения в вопросе установления не-

¹ Ф. М. Левиант. Нормативные акты, регулирующие труд рабочих и служащих в СССР. Ленинград, 1960 г., стр. 25.

полного рабочего дня получает все большее свое распространение. Это нашло отражение в проекте Основ законодательства о труде Союза ССР и союзных республик. Согласно ст. 17 проекта Основ уменьшение продолжительности рабочего времени может иметь место для отдельных рабочих и служащих с пониженной трудоспособностью, для беременных женщин и т. д.

Для единства метода правового регулирования рабочего времени представляется целесообразным установить правило, по которому увеличение продолжительности рабочего времени может иметь место только с согласия профсоюзной организации. При этом удлинение рабочего времени должно быть ограничено определенными рамками, за пределами которых не допускается договорное регулирование, т. е. за пределами которых должен «находиться, например, весь комплекс вопросов, относящихся к области централизованного государственного регулирования условия труда рабочих и служащих»¹.

¹ С. Каринский. К вопросу о перестройке и дальнейшем развитии трудового законодательства. «Советская юстиция» № 1, 1959 г., стр. 22.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ С ДЕТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ (1917—1920 гг.)

Л. Н. КРИВОЧЕНКО

(кафедра уголовного права и процесса)

На основе грандиозных преобразований во всех областях общественной жизни наша страна вступила в новый период развития — период развернутого строительства коммунистического общества. Наряду с задачей создания материально-технической базы коммунизма на первый план выдвигается задача коммунистического воспитания трудящихся. «По сути дела это единый процесс. Если мы отстанем с образованием и воспитанием советских людей, то неизбежно затормозится все дело строительства коммунизма»¹. Особенно важную роль в настоящий момент приобретает коммунистическое воспитание подрастающего поколения. В связи с этим усиливается значение борьбы с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития, еще встречающиеся среди советской молодежи.

С учетом изменений, которые произошли в нашей стране, и в соответствии с задачей коммунистического воспитания молодежи, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые 25 декабря 1958 г., и новые уголовные кодексы союзных республик существенно изменили действовавшее ранее законодательство об уголовной ответственности несовершеннолетних в направлении расширения роли мер воспитательного характера. Так, согласно ст. 10 Основ возраст, с которого возможно привлечение к уголовной ответственности, повышен до 16 лет. Только в отношении некоторых преступлений, точно указанных в законе, уголовная ответственность может наступить с 14-летнего воз-

¹ Н. С. Хрущев. Речь на Всероссийском съезде учителей 9 июля 1960 г. «Известия», 10/VII 1960 г.

раста. Однако установление указанных минимальных возрастных пределов уголовной ответственности не означает, что совершение преступления в этом возрасте обязательно влечет уголовное наказание. Основы предусмотрели возможность не применения к несовершеннолетним уголовного наказания, «если суд найдет, что исправление лица, совершившего в возрасте до 18 лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, возможно без применения наказания». В этих случаях суд может назначить «принудительные меры воспитательного характера, не являющиеся наказанием». Постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1959 г. «О практике применения судами мер уголовного наказания» прямо указало судам на необходимость при рассмотрении дел о несовершеннолетних «особо обсуждать вопрос о возможности исправления виновного без назначения уголовного наказания, применяя в этих случаях принудительные меры воспитательного характера».

Борьба с преступностью несовершеннолетних в настоящее время не ограничивается указанными мерами судебного воздействия. Проект закона «О повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития», опубликованный для широкого обсуждения 23 октября 1959 г., предусмотрел создание при исполнительных комитетах Советов депутатов трудящихся комиссий по делам несовершеннолетних «для осуществления мер борьбы с безнадзорностью и правонарушениями несовершеннолетних, а также для организации работы по предупреждению этих правонарушений» (ст. 18). В целях осуществления этих задач проект Примерного положения о комиссиях предусмотрел широкий круг мер воспитательного характера, применяемых к детям, совершившим правонарушения. Особая роль в перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей, согласно проектам, должна принадлежать советской общественности. Такое расширение роли мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних правонарушителей полностью соответствует ленинским принципам борьбы с детской преступностью, получившим свое выражение в первых декретах советской власти.

В связи с этим приобретает особый интерес изучение истории формирования этих принципов и их осуществления в практике борьбы с детской преступностью в первые годы социалистического строительства.

Октябрьская революция, сломав буржуазную государственную машину, поставила перед новым государством сложные задачи социалистического строительства, решать которые приходилось в чрезвычайно трудной исторической обстановке. Экономическая отсталость страны, война и разруха, сопротивление свергнутых эксплуататорских классов — все это от-

рицательно отражалось на первых мероприятиях Советской власти. «Трудности усиливались тем, что партия не знала конкретных форм организации административных, хозяйственных, военных и других органов советского государства. Заимствовать опыт было не у кого. Такое государство создавалось впервые»¹. Но, несмотря на эти трудности, быстрыми темпами шел процесс создания новых социалистических органов. В первые дни революции был ликвидирован старый буржуазно-помещичий судебный аппарат. Вместо него создавались революционные народные суды. Первоначально в них направлялись и дела о несовершеннолетних, совершивших правонарушения. Несмотря на то, что суды разрешали эти дела на основе новых принципов социалистического правосудия, историческая обстановка и тяжелое положение детей в стране требовали дальнейших, более глубоких изменений в вопросе о мерах борьбы с детской преступностью.

В наследство от царской России страна получила колоссальную армию беспризорных. Она постоянно увеличивалась в результате войны, разрухи, голода. Обстановка была такой, при которой беспризорными являлись не только дети-сироты, но и все дети, лишенные элементарно необходимых для их жизни и развития условий. Беспризорность характеризовала «не самую личность ребенка, а ту социальную обстановку, в которой он растет и воспитывается»². Лишенный заботы и воспитания, голодный ребенок был вынужден любыми путями добывать себе средства к существованию. Часто это был путь совершения преступлений. Поэтому с первых же дней революции государство направило все усилия на ликвидацию тех условий, которые с неизбежностью порождали детскую беспризорность. 1 декабря 1917 года был опубликован декрет СНК РСФСР, в котором все дети советской республики объявлялись «детьми всего государства», и забота о детях признавалась одной из важнейших государственных задач. В соответствии с такой постановкой вопроса была проведена большая работа по созданию детских домов, приютов, по организации детского питания, улучшению жилищных условий трудящихся³. Несмотря на большое значение всех этих мероприятий, они не могли в условиях первых месяцев советского строительства остановить рост беспризорности.

Вместе с ростом беспризорности в стране росла и преступность несовершеннолетних, в большинстве случаев представ-

¹ История КПСС, 1959 г., стр. 247.

² П. И. Люблинский. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте, 1923 г., стр. 57.

³ «Вместо частной и общественной благотворительности и «помощи» ребенку развивается идея государственного вмешательства в дело воспитания ребенка даже в том его родном доме, за порог которого эта государственная власть не переступала ранее». М. Н. Гернет. «Социально-правовая охрана детства за границей и в России», 1924 г., стр. 49.

лявшая только дальнейшую «ступень в их беспризорности»¹. В одном лишь Петрограде в 1918 г. насчитывалось 5.888 несовершеннолетних правонарушителей². Однако беспризорность была лишь одной из причин детской преступности. Так же как и беспризорность, преступность несовершеннолетних в этот период непосредственно обуславливалась войной, разрухой, безработицей. Соответственно с этим основными правонарушениями были кражи, грабежи, спекуляция (уличная торговля). В таких условиях государство видело новый путь борьбы с детской преступностью в отказе от применения уголовных наказаний к детям, совершившим преступления, и в замене их мерами воспитательного воздействия.

Первым законодательным актом, отразившим это новое отношение Советской власти к детям-правонарушителям, явился декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних»³, установивший в ст. 1, что «суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются». Новыми органами, призванными осуществить мероприятия по борьбе с детской преступностью, согласно декрету, должны были стать комиссии по делам несовершеннолетних. Декрет установил, что при рассмотрении дел о несовершеннолетних до 17-летнего возраста⁴, совершивших общественно опасное деяние, комиссия «либо их освобождает, либо направляет в одно из убежищ народного комиссариата общественного призрения, соответствующего характеру деяния» (ст. 4). Освобождение применялось в тех случаях, когда комиссия в результате исследования факта правонарушения и личности несовершеннолетнего приходила к выводу о возможности возвращения его на попечение родителей или родственников. Если же комиссия решала, что несовершеннолетний правонарушитель нуждается в общественном воспитании и государственном обеспечении, она направляла его в детские учреждения. Это были обычные (открытые) детские дома и приюты, в которые несовершеннолетние правонарушители направлялись в общем порядке наряду с беспризорными, а также сиротами и другими детьми. Таким образом, согласно декрету от 14 января 1918 г., меры, применяемые комиссиями, носили чисто педагогический характер, лишенный всяких элементов принуждения. Обос-

¹ А. М. Рубашева. Охрана детства. Изд. НКП, Харьков, 1922 г., стр. 18.

² По данным В. И. Куфаева в 1916 г., их было 3217. См.: «Юные правонарушители». М., 1924 г., стр. 86—90.

³ СУ РСФСР 1917—1918 гг., № 16, ст. 227.

⁴ 17-летний возрастной предел был воспринят из дореволюционного законодательства и обусловлен возможностью действия старых законов, не отмененных революцией и не противоречащих революционному правосознанию. (См. П. И. Люблинский. «Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте», стр. 227).

нование мер такого характера комиссии видели в недостаточном уровне развития сознания несовершеннолетнего, обусловливавшем отсутствие вины в совершенном им деянии. Изданная в 1918 г. «Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях» установила: «Исходя из принципов о невменении несовершеннолетним в вину их действий, вследствие недостаточного развития ума, освещающего отношение к жизни, неокрепшей совести, определяющей отношение личности к обществу, и несформировавшейся воли, подчиненной уму и совести, приводящей действия личности в жизнь, комиссия о несовершеннолетних не выносит никаких приговоров и не назначает никаких наказаний». Это положение и лежало в основе декрета от 14 января 1918 г., впервые провозгласившего новые, гуманные принципы борьбы с детской преступностью. «Этот декрет был проведен в Совнарком только благодаря энергичной защите его Владимиром Ильичом. Когда мы внесли этот закон в Совнарком, мы встретили много возражений. Говорили, что мы мирволим преступникам, и лишь энергичная и авторитетная защита Владимира Ильича помогла провести закон, благодаря которому десятки тысяч малолетних, свихнувшихся с прямого пути, были поддержаны и сделались честными гражданами Советского Союза»¹.

Первым комиссиям по делам несовершеннолетних пришлось вести работу в трудных условиях. Мир с Германией еще не был подписан. «Затянувшаяся война губительно повлияла на условия жизни массы детей. Она создала миллионы сирот, обездолила миллионы детей, согнала с мест постоянного жительства массы беженцев с малолетними детьми, расстроила правильное обучение детей в школах, подорвала здоровье детского населения длительными лишениями»...². Начавшаяся гражданская война еще более обострила положение в стране. Историческая обстановка периода гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918—1920 гг.) не давала возможности составить статистические данные о количестве беспризорных и правонарушителей по всей стране, однако данные о состоянии преступности в отдельных городах свидетельствуют о том, что число это было огромным. В 1919 г. в одну лишь Петроградскую комиссию по делам несовершеннолетних поступило 5920 дел о 8404 несовершеннолетних правонарушителях³. По-прежнему основными правонарушениями являлись кражи, грабежи, уличная торговля. Так, в 1920 г. в Петроградской комиссии из общего числа несовершеннолетних 20,4% привлекались за торговлю на улицах, 48,5% — за

¹ Н. А. Семашко. Воспоминания о Ленине. 1933 г., стр. 28.

² П. И. Люблинский. Охрана детства в борьбе с беспризорностью за десять лет (журн. «Право и жизнь», 1927 г., № 6—7, стр. 27).

³ В. И. Куфаев. Юные правонарушители. М., 1924, стр. 90.

кражи. В Москве в тот же период кражи составляли 38,8%, торговля — 53,9% общего числа правонарушителей несовершеннолетних¹. Такая картина преступности обуславливалась тем, что оставались в силе такие факторы детской преступности, как разруха, голод, материальная нужда, безработица. В этих условиях борьба с детской преступностью не могла быть успешной без проведения ряда мероприятий по ликвидации влияния этих факторов. 4 февраля 1919 г. декретом СНК РСФСР² был организован Совет защиты детей, главное назначение которого заключалось в оказании помощи голодным детям. Декрет провозгласил «дело снабжения детей пищей, одеждой, помещением, топливом и медицинской помощью одной из важнейших государственных задач». Декретом СНК РСФСР от 17 мая 1919 г. «О бесплатном детском питании»³, подписанным В. И. Лениным, предусматривалась организация бесплатного детского питания для детей до 14 лет. 12 июня 1919 г. этот возраст был повышен до 16 лет⁴. Эти мероприятия имели большое значение для предупреждения детской преступности, однако в условиях всеобщей разрухи, безработицы они не могли остановить ее рост. Наличие в стране огромного числа несовершеннолетних правонарушителей ставило перед комиссиями по делам несовершеннолетних очень серьезные задачи, решение которых тормозилось рядом обстоятельств.

Война создавала трудности в организации комиссий на местах. Поэтому в ряде районов страны дела о несовершеннолетних правонарушителях по-прежнему направлялись в суды⁵.

Комиссии организационно были слабо оформлены; не была точно определена их компетенция.

Недостаточными были и меры воздействия, применяемые комиссиями к несовершеннолетним правонарушителям. Как уже говорилось, комиссии могли применить либо освобождение, либо помещение в детские учреждения. Но в условиях рассматриваемого периода освобождение даже под присмотр родителей означало возвращение в ту же обстановку нужды и лишений, которая вызывала в большинстве случаев правонарушения. Не была эффективной и такая мера, как помещение в детские учреждения. Количество таких учреждений было явно недостаточным. Показательна в этом отношении докладная записка одного из членов Московской комиссии по

¹ В. И. Куфаев. Юные правонарушители. 1924, стр. 90.

² СУ РСФСР 1919 г., № 3, ст. 32.

³ СУ РСФСР 1919 г., ст. 238.

⁴ СУ РСФСР 1919 г., № 26, ст. 296.

⁵ Об этом свидетельствует наказ Камышевскому народному суду от 4 февраля 1918 г., ст. 8 которого предусматривала смягчение наказания, если обвиняемый является несовершеннолетним. (Материалы НКЮ, 1918 г., стр. 50—57).

делам несовершеннолетних, в которой отмечалось, что «... несмотря на громадное, сравнительно, количество несовершеннолетних, прошедших через комиссию... работа ее является совершенно непродуктивной... Причиной этому является полное отсутствие вакансий в учреждениях»¹. Однако и помещение в детские учреждения не всегда оказывало должное воздействие. Детские дома, в которые направлялись несовершеннолетние правонарушители, не были рассчитаны на индивидуализацию мер воздействия в отношении различных групп находящихся в них детей: правонарушителей, беспризорных, и других детей. Отсутствие особого подхода к правонарушителям не только не способствовало их перевоспитанию, но во многих случаях отрицательно сказывалось на остальных воспитанниках. Правонарушители разлагали дисциплину, часто возвращались к совершению преступлений, вовлекая в преступную деятельность находившихся совместно с ними детей. В 1918 г. возник вопрос о необходимости специальных детских учреждений для принудительного воспитания правонарушителей — закрытых детских учреждений педагогического характера. Основная трудность в создании учреждений такого рода заключалась в необходимости найти правильное сочетание в них принуждения и воспитания. «Вопрос о допустимости или недопустимости детских учреждений закрытого типа должен был разрешаться в зависимости от того, удастся ли или нет эти закрытые учреждения построить так, чтобы они были учреждениями медико-педагогического характера и чтобы они не выродились в детские тюрьмы»². Помимо этого не хватало необходимых материальных средств и не было достаточного числа соответствующих кадров педагогических работников. Поэтому первые попытки организации специальных детских домов (реформаториев) оказались неудачными, и несовершеннолетние правонарушители продолжали направляться в обычные детские дома.

Все указанные обстоятельства на практике приводили к полной безответственности правонарушителей, что в тяжелых условиях рассматриваемого периода способствовало быстрому росту детской преступности. Особенно значительным был рост повторных правонарушений.

Возникла необходимость пересмотреть законодательство об ответственности несовершеннолетних с целью повысить эффективность мер борьбы с их правонарушениями. В этом направлении изданные 12 декабря 1919 г. «Руководящие нача-

¹ См. М. Соловьева. Борьба с преступностью среди несовершеннолетних в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Труды Высшей школы МВД, выпуск II. М., 1957.

² Б. Утевский. Борьба с преступностью несовершеннолетних. Сборник «Несовершеннолетние правонарушители». М.-Л., 1932 г., стр. 14.

ла по уголовному праву РСФСР»¹ изменили основные положения декрета от 14 января 1918 г. Установив безусловное применение мер чисто воспитательного характера в отношении всех несовершеннолетних правонарушителей в возрасте до 14 лет, «Руководящие начала» дифференцировали меры воздействия в отношении несовершеннолетних от 14 до 18 лет в зависимости от степени их умственного развития. Ст. 13 устанавливала: «Несовершеннолетние до 14 лет не подлежат суду и наказанию. К ним применяются лишь воспитательные меры (приспособления). Такие же меры применяются в отношении лиц переходного возраста — 14—18 лет, действующих без разума». Таким образом, «Руководящие начала» сохранили основную линию в борьбе с детской преступностью — принцип чисто воспитательного воздействия в отношении всех несовершеннолетних до 14 лет и в отношении тех несовершеннолетних от 14 до 18 лет, которые действовали без разума. К ним по-прежнему применялись меры воспитательного характера, предусмотренные декретом от 14 января 1918 г. Что касается несовершеннолетних от 14 до 18 лет, действовавших с разумием, то «Руководящие начала» предусмотрели возможность применения к ним судом уголовного наказания. Под критерием «разумения» понималась «способность несовершеннолетнего сознавать дозволенность или недозволенность определенных действий, различать поступки дурные и хорошие»², т. е. способность понимать фактическую сторону и общественную опасность совершаемого. «Руководящие начала» не предусмотрели специально особенностей в назначении судом наказания несовершеннолетним, действовавшим с разумием. Однако из общих положений статей 11 и 12, требовавших при определении наказания оценивать степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им деяния (ст. 11), а также различать «совершенно ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и неосознанности» (ст. 12), вытекала необходимость для суда учитывать несовершеннолетие правонарушителя как смягчающее ответственность обстоятельство. Новый декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях»³, в обсуждении проекта которого принимал участие В. И. Ленин, подтвердил в качестве общего положения, что «дела о несовершеннолетних обоюбого пола до 18 лет, замеченных в действиях общественно опасных, подлежат ведению комиссий о несовершеннолетних». При этом ст. 4 декрета предусмотрела воз-

¹ СУ РСФСР 1919 г., № 66.

² П. И. Люблинский. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте, М., 1923 г. стр. 239.

³ СУ РСФСР 1920 г., № 13.

возможность передачи дел о несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в суд, «если комиссией будет установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медико-педагогического воздействия». В соответствии с этим декретом была изменена редакция ст. 13 «Руководящих начал». В новой редакции ст. 13 устанавливала: «Несовершеннолетние до 14 лет не подлежат суду и наказанию. К ним применяются лишь воспитательные меры (приспособления). Такие же меры применяются к лицам переходного возраста 14 — 18 лет, если в отношении последних возможно медико-педагогическое воздействие»¹. Таким образом, законодатель отказался от прежнего критерия — «разумения», заменив его новым — невозможностью (нецелесообразностью) медико-педагогического воздействия. В отличие от «разумения», недостаточно четкого и ясного (в смысле ограничения его от вменяемости), не отражавшего полностью всех возрастных особенностей несовершеннолетнего, новый критерий более правильно учитывал всю совокупность интеллектуальных и волевых особенностей несовершеннолетнего, а тем самым — степень его способности «разуметь» совершаемые поступки. Конкретизируя момент нецелесообразности применения мер медико-педагогического воздействия, Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних 1920 г.² в ст. 16 предусмотрела обязанность комиссии передавать дело в суд в случаях: упорных рецидивов, систематических побегов из детдомов, при явной опасности для окружающих (при совершении тяжких преступлений).

Содержание мер медико-педагогического воздействия, установленных декретом 4 марта 1920 г., определялось задачами воспитания несовершеннолетнего, необходимостью изменения условий его жизни, оздоровления подорванного войной, лишениями здоровья детского населения. «Воспитательными или в несколько более широкой обрисовке нашего права медико-педагогическими мерами признавались те способы влияния на несовершеннолетнего и окружающую его обстановку, которые имеют своей целью достигнуть улучшения умственного, морального и физического состояния несовершеннолетнего посредством обычных приемов, практикуемых медициной и педагогикой, т. е. методами предупреждения, лечения и правильно поставленного воспитательного воздействия»³. В соответствии с этим Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних устанавливала, что к мерам медико-педагогического воздействия относятся: а) беседы, разъяснения, замечания воспитателя; б) внушение и оставление под

¹ СУ РСФСР 1920, № 16.

² СУ РСФСР 1920, № 68, ст. 308.

³ П. И. Люблинский. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте, стр. 255.

присмотром родителей, родственников, обследователей; в) помещение в одну из лечебно-воспитательных колоний; г) помещение в детский дом; д) помещение в специальные изоляционные отделения психиатрических лечебниц; е) определение на ту или иную работу; ж) отправка на родину. Этот более широкий круг мер воздействия (сравнительно с предусмотренным декретом 14/І 1918 г.) давал комиссиям большую возможность индивидуализировать воспитательное воздействие. Но он так же, как и прежний, полностью исключал элементы принуждения. «Недостатком этого перечня медико-педагогических мер являлось полное отсутствие среди них каких-либо мер педагогического дисциплинирующего воздействия»¹. Что касается мер наказания, применяемых судом к несовершеннолетним от 14 до 18 лет, в отношении которых недостаточно медико-педагогическое воздействие, то в отношении них продолжали действовать общие положения «Руководящих начал». При этом примечание к ст. 4 декрета от 4 марта 1920 г. дополнило их указанием на необходимость: «а) помещать означенных выше несовершеннолетних отдельно от взрослых; б) приступить к организации соответствующих учреждений (реформаториев) совместно с Наркомпросом».

Таким образом, внося в действовавшее законодательство изменения, вызванные исторической обстановкой, декрет 4 марта 1920 г. сохранил первостепенное значение воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Это выразилось как в расширении мер воспитательного характера, применяемых комиссиями по делам несовершеннолетних, так и в усилении воспитательного момента мер наказания, применяемых судом (создание специальных учреждений педагогического характера реформаториев). При этом суд действовал только в крайнем случае, когда перевоспитание несовершеннолетнего правонарушителя невозможно без применения наказания.

Принципы, установленные декретом, соответствовали основным указаниям программы Коммунистической партии в области уголовного права о дальнейшем развитии его по пути окончательной замены тюрем системой мер воспитательного характера. Несмотря на большое значение декрета от 4 марта 1920 г., в исторических условиях рассматриваемого периода он не мог разрешить всех трудностей в борьбе с детской преступностью. Не были преодолены недостатки в вопросе о мерах борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. Разрешение этого вопроса стало возможным только в процессе последующего развития законодательства на основе дальнейших успехов социалистического строительства.

¹ П. И. Люблинский. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте, стр. 228.

ОБЪЕКТ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ЖЕЛЕЗНО- ДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

З. Г. КОРЧЕВА

(кафедра уголовного права и процесса)

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что преступление — это «... борьба изолированного индивида против господствующих отношений...»¹.

Таким образом, объектом преступления являются общественные отношения, господствующие в данном обществе.

В советском социалистическом государстве преступлением считается посягательство на социалистические общественные отношения. В своей совокупности они составляют систему социалистических общественных отношений, которая является общим объектом для всех преступлений по советскому уголовному праву.

Такое понимание общего объекта находит свое отражение в советском уголовном законодательстве.

Так, в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 года прямо указывалось, что преступлением является «действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений.»

Это же положение вытекало из содержания ст. 4 УК УССР 1927 г. и соответствующих статей УК союзных республик, определявших преступление, как «действие или бездействие, угрожающее советскому строю или нарушающее правопорядок, установленный властью рабочих и крестьян на переходный к коммунистическому строю период времени». Оно нашло свое признание и в действующем советском законодательстве: в ст. ст. 1, 7 Основ уголовного законодатель-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. II, 1955 г., т. 3, стр. 323.

ства Союза ССР и союзных республик и соответствующих ст. ст. 3 и 7 УК УССР.

Так, согласно ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 7 УК УССР) преступлением признается такое общественно-опасное деяние (действие или бездействие), которое посягает «на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок, общественно-опасное деяние, предусмотренное уголовным законом».

При надлежащем обобщенном толковании приведенных выше дифференцированных указаний на ряд основных групп преступлений следует прийти к выводу, что объектом каждого, любого преступления по советскому уголовному праву являются социалистические общественные отношения. Данное положение считается господствующим в теории советского уголовного права¹.

Определение общего объекта преступления как социалистических общественных отношений раскрывает социально-политическую характеристику преступлений по советскому уголовному праву. Исходя из этого определения, преступление можно охарактеризовать как общественно-опасное посягательство на интересы всего советского народа, всего социалистического общества.

Этим самым определяется и классовый характер советского уголовного права, призванного вести непримиримую борьбу со всеми посягательствами на систему общественных отношений, установленных в социалистическом государстве.

В ст. 7 Основ уголовного законодательства устанавливается и другой признак, характеризующий общий объект преступления. В ней говорится об общественно опасном деянии, «предусмотренном уголовным законом». Отсюда следует, что объектом преступления признаются те социалистические общественные отношения, которые охраняются уголовным законом. Этот признак играет важную роль в определении понятия преступления, в отграничении преступного действия от иных правонарушений. «О преступлении речь может идти

¹ Этой точки зрения придерживается подавляющее большинство советских криминалистов: см., например, А. Н. Трайнин. «Общее учение о составе преступления». М., 1957 г., стр. 122—129; Б. С. Никифоров «Объект преступления». М., 1960 г., стр. 29; А. Кригер. «К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве». «Вестник Московского Университета» 1955 г., № 1; М. А. Гельфер, «Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве», «Ученые записки» ВЮЗИ, выпуск VII, 1959 г.; учебник «Советское уголовное право», часть общая, издание Ленинградского Университета, 1960 г. и др.

лишь тогда, когда посягательство совершается на общественные отношения, охраняемые уголовным законом»¹.

Преступления могут быть совершены в различных областях жизни нашего социалистического общества. Соответственно этому, преступлениями нарушаются не только социалистические общественные отношения в целом, но и, конкретнее, различные по своему содержанию и значению для социалистического государства общественные отношения.

Общий объект, определяя политическую характеристику всех преступлений, не определяет еще различия между группами преступлений и, тем более, различия между отдельными конкретными преступлениями. «Для отражения специфики конкретного преступления или конкретной группы преступлений, объект в качестве элемента состава непременно должен обрести новые индивидуальные черты»².

Выяснение тех сторон общественных отношений, на которые посягает отдельное преступление и их самостоятельные группы, необходимо для понимания характера и опасности конкретного преступления или группы их. В связи с этим, кроме общего объекта, различаются еще родовой (или специальный) объект преступления и непосредственный объект преступления.

Родовым объектом преступления является объект, общий для определенной группы посягательств. В Особенной части уголовных кодексов все преступления делятся на группы, в зависимости от соответствующих общественных отношений. В основу этого деления положен тот родовой объект, на который посягает любое преступление, относящееся к данной группе.

Родовой объект, таким образом, объединяет, группирует более или менее широкий круг однородных, взаимосвязанных социалистических общественных отношений.

Так, родовым объектом должностных преступлений (глава VII Уголовного Кодекса УССР) является нормальная деятельность государственного аппарата; объектом преступлений против личности (глава III УК УССР) являются интересы личности; в соответствующей главе Уголовного Кодекса УССР объединены преступления, объектом которых является народное хозяйство и т. д.

В отличие от общего объекта, родовой объект является более конкретным. Установление его уточняет, конкретизирует вопрос о том, против каких именно однородных взаимосвязанных социалистических общественных отношений, против какой стороны, какой части этих общественных отношений направлены преступления, относящиеся к данной группе.

Родовой объект в значительной степени определяет об-

¹ Советское уголовное право, общая часть. М., 1959 г., стр. 117.

² А. Н. Трайнин. Указанная работа, стр. 125.

ществленную опасность определенной группы, определенной категории преступлений. Объединяя преступления в различные группы по признаку единого для каждой группы объекта, законодатель тем самым дает этим преступлениям общую характеристику, определяет их политическую природу.

Определение родового объекта имеет важное кодификационное значение. Оно играет основную роль в построении системы особенной части советского уголовного права, так как является именно тем признаком, который позволяет систематизировать преступления, объединить их в соответствующих главах и разделах.

Родовой объект имеет важное значение и при анализе конкретного преступления. Отнесение преступления к той или иной категории имеет огромное практическое значение— оно указывает судьям, определяющим меру наказания, на необходимость определенного подхода к оценке содержания конкретного преступления.

Непосредственный объект определяет специфические черты и индивидуальные особенности каждого конкретного преступления. Так, непосредственным объектом шпионажа являются общественные отношения, обеспечивающие внешнюю безопасность СССР, контрабанды— общественные отношения, обеспечивающие монополию внешней торговли, состава убийства— социалистические общественные отношения, гарантирующие жизнь советских граждан, объектом оскорбления и клеветы являются социалистические общественные отношения, обеспечивающие интересы личности и достоинства ее, и т. д.

Непосредственный объект еще более конкретен, чем родовый. Установлением этого объекта максимально уточняется вопрос о том, против какого именно общественного отношения непосредственно и прежде всего направлено данное посягательство.

Правильное определение непосредственного объекта имеет важное значение, так как характер каждого преступления, его политическое содержание определяется прежде всего характером и важностью объекта, на который оно непосредственно посягает. Непосредственный объект, кроме того, в значительной мере определяет юридическую структуру каждого состава. От характера и содержания непосредственного объекта во многом зависит характер и содержание других элементов этого состава— объективной стороны, субъекта и субъективной стороны каждого преступления.

Следует отметить, что некоторые составы характеризуются наличием не одного, а двух непосредственных объектов преступления.

В этих случаях, «одно конкретное посягательство одновременно бьет по двум объектам, и, в соответствии с этим,

один конкретный состав предполагает наличие двух различных объектов»¹.

Так, объектами спекуляции являются — основы советской торговли и интересы потребителей², ложного доноса — деятельность судебносудебных органов и личность потерпевшего³; объектами хулиганства — общественный порядок, а также (во многих случаях) и интересы личности⁴; объектами ряда воинских преступлений — воинская дисциплина и личные права или имущественные интересы граждан⁵.

Установление двух непосредственных объектов имеет большое теоретическое и практическое значение. Наличие их определяет специфику данного состава, указывает на его характерную, важную особенность. Эта особенность отражается на характеристике других элементов состава: объективной стороне его, субъекте и субъективной стороне преступления, оказывает существенное влияние на определение степени общественной опасности преступного деяния, содействует правильной квалификации его и способствует успешной борьбе с указанными преступлениями.

Оба непосредственные объекты имеют одинаково важное значение для характеристики состава преступления.

Однако, если исходить из родового объекта преступления, а также из места в системе особенной части уголовного права, куда отнесен законодателем данный состав, можно сказать, что один из этих объектов имеет особое значение в том смысле, что он непосредственно охватывается родовым объек-

¹ А. Н. Трайнин. Указанная работа, стр. 115. «Большое число составов преступлений,—указывает и проф. Шаргородский,—имеет не один, а два и даже несколько охраняемых правом объектов, т. е., запрещая это деяние и карая за его совершение, государство охраняет от посягательств не один, а несколько различных видов общественных отношений». Система Особенной части уголовного кодекса СССР, «Социалистическая законность» № 6 за 1947 г., стр. 4. См. также работы: Б. А. Куринов — Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества. М., 1954 г., стр. 24; М. А. Гельфер — Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве. «Ученые записки ВЮЗИ», выпуск VII, 1959, стр. 45, 46;

² См. учебник Советское уголовное право, ч. Особенная, 1959 г., стр. 308; В. В. Сташис — Борьба со спекуляцией по советскому уголовному праву, автореферат кандидатской диссертации, 1954 г., стр. 8; Курс Советского уголовного права, Особенная часть, том II, 1958 г., стр. 291 и др.

³ См. Курс Сов. уголовного права, Особ. ч., т. II, 1959 г., стр. 462; учебник Советское уголовное право, ч. Особенная, 1952 г., стр. 345.

⁴ См. Я. Гурвич. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву, «Социалистическая законность», 1955 г., № 5, стр. 31.

⁵ См. В. М. Чхиквадзе. Советское военно-уголовное право, 1948 г., стр. 161; Курс Советского уголовного права, Особ. ч., т. II, 1959 г., стр. 667.

том данного преступления и по существу определяется им. Например, в составе ложного доноса таким объектом является деятельность судебно-следственных органов, ввиду чего данное деяние рассматривается как преступление против порядка управления, а не в главе о преступлениях против личности; в составе воинских преступлений указанное значение придается воинской дисциплине и т. п.¹

* *
*

Обращаясь к вопросу об объекте преступления, предусмотренного в ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, 1958 г. (ст. 77 УК УССР) отметим прежде всего, что рассматриваемое деяние представляет собой посягательство на определенные социалистические общественные отношения. Причиняя ущерб конкретным общественным отношениям, данное преступление, в конечном счете, причиняет ущерб всей системе социалистических общественных отношений в целом, т. е. общему объекту преступлений по советскому уголовному праву.

Указание на социалистические общественные отношения, таким образом, раскрывает социально-политическую характеристику данного состава, характеризуя его как общественно опасное посягательство на интересы советского социалистического государства, на интересы всего советского народа. Этим подчеркивается необходимость всеми силами и средствами проводить решительную борьбу за искоренение этого преступления.

Родовой объект исследуемого преступления, т. е. объект, на который посягает определенная группа преступлений, в которую включается и данный состав, устанавливается на основании следующих соображений.

Статья 56-30 «а» УК УССР 1927 г. содержалась в главе «Преступления против порядка управления», в разделе «Особо для Союза ССР опасных преступлений против порядка управления». «Особо опасными для Союза ССР преступлениями против порядка управления, — говорилось в ст. 56-15 УК УССР, — признаются те из указанных в преды-

¹ В советской юридической литературе некоторые авторы этим объектам дают различное наименование. Так, проф. Чхиквадзе указывает: «При наличии двух объектов посягательства один из них является главным и определяющим, а другой играет второстепенную роль». (Учебник «Военно-уголовное право», 1948 г., стр. 161). В учебнике Уголовного права для юридических школ, 1947 г., говорится об объекте, имеющем главенствующее значение (стр. 67). Доц. Д. Н. Розенберг называл эти объекты «основным» и «дополнительным». — О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве, «Ученые записки ХЮИ», вып. 3, 1948. Надо указать, что данные наименования являются чисто условными ибо важность, главная, основная роль одного из объектов понимается лишь в указанном выше отношении.

душей статье преступлений, которые колеблют основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик».

Родовой объект, объединявший особо опасные преступления против порядка управления, определялся следующим образом: это — 1) основы государственного управления и 2) основы хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик¹.

По сути, речь здесь шла о двух родовых объектах, так как «основы хозяйственной мощи» и «основы государственного управления» представляют собою различные по характеру группы общественных отношений.

Закон об уголовной ответственности за государственные преступления, изданный 25 декабря 1958 г., сохранил предусмотренные в данной группе преступления и отнес их в специальный раздел «Иных государственных преступлений». Причем, в отличие от прежнего законодательства, здесь нет указания, характеризующего объект этих «Иных государственных преступлений».

Анализ преступлений, предусмотренных этим разделом, свидетельствует о том, что в нем объединены преступления, посягающие на *различные группы* общественных отношений. Эти общественные отношения не обладают признаками, дающими возможность установить единый родовой объект, присущий указанным преступлениям. Объединяя их в одну группу, законодатель руководствовался, очевидно, не единством (в строгом смысле слова) объекта этих преступлений, а стремлением особо подчеркнуть, особо отметить высокую степень общественной опасности «иных государственных преступлений» для советского социалистического государства и предусмотреть ответственность за них в общесоюзном уголовном законодательстве.

Преступные деяния, входящие в эту группу, посягают, таким образом, на различные, имеющие самостоятельное значение части, группы общественных отношений. Эти общественные отношения и должны рассматриваться в качестве родовых объектов данных преступлений: для одних этим объектом являются основы государственного управления, для других — основы хозяйственной мощи, для третьих — обороноспособность Союза ССР.

Среди указанных преступлений особое место занимает группа посягательств на основы хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик. Сюда относятся преступления,

¹ См. Уголовное право, Особенная часть (Государственные преступления). Изд. ВИЮН, 1938 г., стр. 113; Уголовное право, Особенная часть, 1943 г., стр. 97; Советское уголовное право, Особенная часть, 1957 г., стр. 85; Курс Советского уголовного права, Особенная часть, т. I, 1955 г., стр. 210—211.

предусмотренные ст. 70 УК УССР (контрабанда), 77 (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта), 78 (повреждение путей сообщения и транспортных средств), 79 (изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг), 80 (нарушение правил о валютных операциях).

Эти преступления сходны в том смысле, что все они посягают на основы хозяйственной мощи СССР — на социалистическую систему народного хозяйства СССР.

Социалистическая система хозяйства СССР представляет собой новый высший тип государственной хозяйственной системы. Наряду с социалистической собственностью на орудия и средства производства, социалистическая система хозяйства является экономической основой советского социалистического государства, — основой хозяйственной мощи, — источником богатства и могущества нашей советской Родины.

Конституция СССР в ст. 4 указывает, что «Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожение эксплуатации человека человеком».

Социалистическая система народного хозяйства развивается в соответствии с экономическими законами, которые сознательно используются социалистическим государством на благо всего советского народа. Не зная кризисов и безработицы, нищеты и разорения масс, социалистическая система народного хозяйства создает все возможности для зажиточной и культурной жизни граждан СССР и обеспечивает победоносное движение нашей страны вперед по пути к коммунизму.

Успехи советского народного хозяйства обусловлены природой советского строя, а также огромным преимуществом советской системы народного хозяйства, которые проявляются в принципах организации социалистической системы хозяйства. Этими принципами являются: общественная собственность на орудия и средства производства, отсутствие эксплуатации человека человеком, плановое ведение хозяйства, распределение предметов потребления в интересах максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества «от каждого по его способностям, каждому по его труду», осуществление внешней торговли на основе государственной монополии.

Каждое преступление, входящее в указанную выше группу, в том числе и преступление, предусмотренное ст. 77, посягает на основы хозяйственной мощи СССР, так как причи-

няет ущерб социалистической системе народного хозяйства СССР — ее основным принципам, а именно:

Преступление, предусмотренное в ст. 77, является посягательством, совершаемым в области транспорта — посягательством на его нормальную работу¹.

Транспорт, в частности железнодорожный, играет важную роль в развитии советской экономики. Железные дороги с первых дней установления Советской власти «служат одной из главных командных экономических высот, опираясь на которые советское государство и его руководящая и организующая сила—Коммунистическая партия направляют процесс строительства социализма в нашей стране»².

Железнодорожный транспорт, так же как водный и воздушный, представляет собой такой именно вид транспорта, деятельность которого подчинена интересам Союза ССР в целом.

Являясь важной отраслью народного хозяйства, транспорт продолжает и завершает производство общественного продукта путем доставки его в сферу потребления. Этим самым транспорт осуществляет планомерную связь между городом и деревней, между социалистическими предприятиями, между производством и народным потреблением, имея своей целью обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей общества.

Работа транспорта в условиях социалистической системы хозяйства является необходимой предпосылкой развития и укрепления социалистического производства и всей социалистической экономики. Нормальная деятельность транспорта, регулярное осуществление перевозок обеспечивают правильную и нормальную работу промышленности, сельского хозяйства, торговли и т. п., стимулируют дальнейший рост и развитие всех отраслей социалистического хозяйства, т. е. обеспечивают нормальную экономическую жизнь страны.

Следовательно, опасность рассматриваемого преступления состоит в том, что нарушение правильной работы транспорта нарушает планомерное распределение средств производства между социалистическими предприятиями и отраслями промышленности и сельского хозяйства, снабжение сырьем и машинами, развитие товарооборота между городом и деревней, снабжение населения потребительскими товарами и т. п.

Все это определяет преступление, предусмотренное ст. 77, как такое, которое посягает на социалистические производственные отношения, препятствует их развитию, противодей-

¹ Этот вывод находит свое подтверждение и развитие при анализе непосредственных объектов данного преступления (см. ниже).

² Л. П. Чертков. Железнодорожный транспорт СССР, сборник «Советская социалистическая экономика 1917—1957 гг.». Изд. 1957 г., стр. 376.

ствует осуществлению основных требований экономических законов социализма, которые проявляются в указанных выше принципах организации социалистической системы хозяйства. Эти принципы и нарушаются при совершении преступления, предусмотренного в ст. 77.

Данное преступление рассматривается, таким образом, как посягательство на основные принципы организации социалистической системы хозяйства, что вполне обосновывает отнесение его к группе преступлений против Основ хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик.

При определении характера опасности данного преступления необходимо также учитывать следующее.

Железнодорожный транспорт является единой общесоюзной коммуникацией, с единым графиком движения, с единой, общей, тесно взаимосвязанной системой работы. Эта строгая взаимосвязь и взаимозависимая деятельность отдельных частей транспорта превращает нарушение на одном его участке в нарушение всей его нормальной деятельности, чем усиливается опасность данного преступления. При этом учитывается также характер и тяжесть самих последствий в виде крушения, аварий, несчастных случаев с людьми и т. п.

Все это определяет особую общественную опасность рассматриваемого преступления и обосновывает отнесение его в группу преступлений государственных.

Отнесение преступления в то или иное место системы особенной части, указывалось выше, выражает общую политическую характеристику всей однородной группы преступлений и тем самым содействует правильной оценке каждого конкретного преступления. Отсюда следует, что отнесение преступления, предусмотренного в ст. 77, в группу «иных государственных преступлений» и, в частности, в группу посягательств на основы хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик, имеет важнейшее значение для определения непосредственного объекта (непосредственных объектов) данного преступления.

Непосредственный объект преступления — это, как указывалось, объект, присущий конкретному преступлению, в данном случае преступлению, предусмотренному в ст. 77 УК УССР.

Рассматриваемое деяние относится к тем, которые представляют собой посягательства на различные социалистические общественные отношения и, соответственно, имеют два разнородных, самостоятельных непосредственных объекта преступления.

Эти непосредственные объекты определены в самом тексте Закона.

Обратимся к их рассмотрению.

В ст. 77 указывается, что данное преступление нарушает

определенные, перечисленные в ней правила: «правила безопасности движения», «правила эксплуатации транспорта», а также требования «доброкачественного ремонта транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи». Эти правила и требования регулируют определенный порядок, существующий на ж.-д. транспорте, и в своей совокупности составляют содержание трудовой железнодорожной дисциплины. Этот вывод обосновывается следующими соображениями.

Трудовая дисциплина—это «точный порядок поведения, определяющий трудовые обязанности граждан СССР, из которого складывается внутренний трудовой распорядок предприятий, учреждений, хозяйств»¹.

Соответственно, трудовая дисциплина на ж.-д. транспорте может быть определена как совокупность правил поведения, которые устанавливают трудовые обязанности каждого железнодорожника и составляют внутренний трудовой распорядок работы на железных дорогах СССР.

Такое понимание трудовой дисциплины на ж.-д. транспорте находит свое подтверждение в различных нормативных актах, действующих на транспорте. Так, в ст. 2 Устава о дисциплине работников ж.-д. транспорта СССР говорится: «Трудовая дисциплина на железнодорожном транспорте состоит в строгом соблюдении всеми работниками порядка и правил, установленных законами, постановлениями и распоряжениями правительства СССР, приказами и инструкциями, беспрекословном, точном и в своевременном выполнении приказов и распоряжений своих начальников и имеет целью укрепить в каждом работнике железнодорожного транспорта сознательное отношение к труду, как к делу чести, к делу славы, делу доблести и геройства»².

Поэтому нарушение правил, установленных на ж.-д. транспорте, в том числе и правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи есть не что иное, как нарушение трудовой ж.-д. дисциплины.

Если исходить из данного выше понятия непосредственного объекта преступления как общественного отношения, на которое направлено преступное посягательство и которое в результате этого посягательства терпит ущерб, то указанные правила или, иными словами, трудовую дисциплину сле-

¹ Юридический словарь, 1953 г., стр. 167. Такое же, по существу, определение дается в Энциклопедическом словаре по трудовому праву. Трудовая дисциплина определяется в нем как «порядок, необходимый при всякой совместной работе». («Трудовое право» Энциклопедический словарь. М., 1959 г., стр. 110).

² Устав о дисциплине работников ж.-д. транспорта СССР, утвержден Постановлением Совета Министров СССР от 18 июня 1949 г.

дует рассматривать в качестве непосредственного объекта данного преступления.

Трудовая дисциплина представляет собой конкретное общественное отношение идеологического характера, которое входит в общую систему социалистических общественных отношений, установленных в нашем государстве. «Общественные отношения, — указывал В. И. Ленин, — делятся на материальные и идеологические»¹.

Трудовая дисциплина является необходимым элементом организации общественного труда, элементом, обязательным при всякой совместной работе. Однако, характер дисциплины зависит от типа производственных отношений, от того или иного общественного строя.

Капиталистическая организация общественного труда держится на дисциплине голода. Трудовая дисциплина в капиталистических странах, являясь одним из условий повышения производительности труда, служит тем самым целям извлечения максимальной прибыли капиталистами, ведет к обогащению кучки эксплуататоров и обнищанию трудящихся масс. Она направлена на эксплуатацию работника, на принуждение его к тому, чтобы он своим трудом создавал богатства для собственника средств производства. Будучи враждебной интересам трудящихся, такая трудовая дисциплина носит принудительный характер и вызывает ожесточенное сопротивление эксплуатируемых.

Дисциплина труда в СССР коренным образом отличается от дисциплины труда в капиталистических странах как по своему характеру, так и по задачам, которые она выполняет.

Дисциплина труда в СССР есть форма общественной связи между людьми в процессе совместного социалистического труда.

Основываясь на существующей в СССР общественной собственности на орудия и средства производства, трудовая дисциплина служит непрерывному развитию производительных сил советского общества и неуклонному подъему материального благосостояния и культурного уровня трудящихся масс. Трудовая дисциплина способствует уплотнению рабочего дня, росту производительности труда, непрерывному подъему социалистического производства.

В. И. Ленин указывал, что коммунистическое общество может быть создано только самоотверженным трудом рабочих, крестьян и интеллигенции, что решающим условием победы коммунизма является непрерывный рост производительности труда, укрепление сознательной дисциплины труда. В. И. Ленин призывал «все внимание сосредоточить на вопросах трудовой дисциплины, которая есть гвоздь всего хо-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 134.

ийственного строительства социализма, есть основа нашего понимания диктатуры пролетариата»¹.

Необходимость строжайшего порядка в процессе труда и подчинения всех этому порядку вытекает из самой природы социалистической организации труда, основанной на плановых началах.

Трудовая дисциплина является не только непременным условием нормального осуществления производственной деятельности предприятия или учреждения и повышения производительности труда, но и важнейшим средством воспитания коммунистического отношения к труду, к своим трудовым обязанностям.

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют постоянную заботу об укреплении сознательной социалистической дисциплины труда. В период развернутого строительства коммунистического общества борьба за строгое соблюдение трудовой дисциплины является важной задачей нашего Советского государства. «Для перехода к коммунизму, — указывал Н. С. Хрущев на XXI съезде КПСС, — необходимо не только развитая материально-техническая база, но и высокий уровень сознательности всех граждан общества. Чем выше сознательность миллионов масс, тем успешнее будут выполняться планы коммунистического строительства»².

Трудовая дисциплина заключается в точном выполнении всеми работниками своих трудовых обязанностей, строгом соблюдении трудового распорядка на предприятиях и в учреждениях, сознательном выполнении приказов и распоряжений руководителей и слаженности в работе. Обязанность блюсти дисциплину труда закреплена Конституцией СССР в ст. 130. Порядок поведения работников транспорта устанавливается также законами, постановлениями и распоряжениями правительства СССР, приказами, инструкциями и т. п.

Так, определение отдельных обязанностей работников железнодорожного транспорта содержится в Постановлениях Совета Министров и решениях ЦК КПСС. Например, в Постановлении Пленума ЦК ВКП(б) от 25/XII 1935 года по вопросам промышленности и транспорта говорится об обязанности каждого железнодорожника участвовать в социалистическом соревновании, повышать технический уровень своих знаний, не допускать отставания в работе и т. п.

Точные и подробные указания на обязанности работников железнодорожного транспорта содержатся в Уставе о дисциплине работников железнодорожного транспорта СССР в

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 470.

² Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, Стенографический отчет. М., 1959 г., стр. 55.

статьях 4, 5 и др. Так, например, в ст. 4 Устава сказано:

«Трудовая дисциплина обязывает каждого работника ж.-д. транспорта:

а) точно исполнять возложенные по службе обязанности, проявляя необходимую инициативу; б) неуклонно соблюдать требования законов, приказов, правил и инструкций, действующих на ж.-д. транспорте; в) строго хранить государственную и военную тайну; г) быть честным, правдивым, хорошо знать свое дело и постоянно в нем совершенствоваться. В ст. 5 этого Устава говорится об обязанности каждого железнодорожника беспрекословно выполнять приказы и распоряжения своих начальников.

Исключительно важное значение на железнодорожном транспорте имеют Правила технической эксплуатации и различные технические инструкции. Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР (ПТЭ) «устанавливают основные положения и порядок работы железных дорог и работников ж.-д. транспорта, основные размеры, нормы содержания важнейших сооружений, устройств и подвижного состава и требования, предъявляемые к ним, систему организации движения поездов и принципы сигнализации». (п. 1 введения к ПТЭ) ¹.

ПТЭ детально регламентируют обязанности каждого работника ж.-д. транспорта. Так, например: «дежурные по станциям обязаны обеспечить наличие и готовность свободных путей для своевременного приема поездов» (§ 236), «машинист локомотива обязан: ... б) при приеме локомотива убедиться в его исправности, обратив особое внимание на действие тормозов «песочниц» (§ 271 ПТЭ).

Другие указания на обязанности работников ж.-д. транспорта содержатся в различных технических правилах и инструкциях. Таковы инструкции по сигнализации, по ремонту поездов, правила по производству маневров и т. д. Отдельные обязанности могут быть возложены на работников железнодорожного транспорта приказами и распоряжениями вышестоящих начальников.

Трудовая дисциплина, кроме того, определяется не только нормами служебного характера, но и нормами социалистического общежития, обязывающими работника транспорта добросовестно относиться к своим служебным обязанностям, быть честным, правдивым, оказывать помощь товарищам и т. п.

Нарушение обязанностей, возложенных на работника

¹ Правила технической эксплуатации железных дорог СССР, утвержденные Министерством путей сообщения 19 марта 1952 г.

транспорта законами и постановлениями правительства СССР, а также другими нормативными актами, представляет собой посягательство на установленный порядок несения службы на транспорте, посягательством на трудовую ж.-д. дисциплину.

Для того, чтобы производственный процесс на ж.-д. транспорте осуществлялся нормально, необходимо, таким образом, чтобы каждый находящийся на своем посту железнодорожник подчинялся единому порядку работы и выполнял свои обязанности в точном соответствии с установленными правилами. Без этого осуществление производственного процесса на транспорте, как и на любом другом предприятии, невысказано. Однако на транспорте имеются в этом отношении свои особенности.

Характер работы ж.-д. транспорта отличается определенной спецификой, определенными, характерными только для транспорта, особенностями, которые заключаются в особой организации производственного процесса, во взаимозависимости в работе всех звеньев транспорта, в ритмичной и слаженной деятельности всех работников транспорта, принадлежащих к разнообразным профессиям и выполняющих, соответственно, различные функции. При таком положении вещей правильное выполнение каждым работником своих трудовых обязанностей и строгое соблюдение существующих на транспорте правил приобретает исключительно важное значение. Это обуславливает определенную особенность трудовой дисциплины на ж.-д. транспорте.

В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость строжайшей трудовой дисциплины для обеспечения правильной, нормальной работы ж.-д. транспорта в СССР. «Крупная машинная индустрия, а железнодорожный транспорт в особенности, требует строжайшего единства воли, направляющей совместную работу десятка тысяч людей. Беспрерывное подчинение единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно, необходимо. Для железной дороги оно необходимо вдвойне и втройне»¹.

Особый характер и значение социалистической дисциплины на ж.-д. транспорте отмечались в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 июля 1933 г.: «О работе железнодорожного транспорта»², где транспорт характеризовался как «наиболее централизованный из всех отраслей народного хозяйства, приближающийся по типу к военной организации». В Постановлении ставился вопрос об укреплении трудовой дисциплины на ж.-д. транспорте, которая соответство-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 239.

² СЗ СССР, 1933 г., № 40, стр. 237.

вала бы характеру его работы. Указанные особенности, в основном, характерны для деятельности транспорта в сфере движения поездов и касаются, главным образом, тех требований трудовой дисциплины, которые заключаются в соблюдении специальных правил, действующих на ж.-д. транспорте: правил безопасности движения, правил эксплуатации транспорта, а также требований доброкачественного ремонта транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи.

Эти правила не содержатся в каком-либо отдельном нормативном акте, а находятся во всех перечисленных выше документах. Так, указанные правила могут содержаться в постановлениях Правительства СССР, Уставе о дисциплине работников ж.-д. транспорта, Правилах технической эксплуатации железных дорог, различных должностных инструкциях, в распоряжениях и приказах вышестоящего начальника и т. п.

Принадлежность тех или иных требований трудовой дисциплины к правилам безопасности движения поездов, эксплуатации транспорта и к правилам доброкачественного ремонта транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи определяется исходя из содержания этих правил, а также обязанностей, которые возлагаются ими на работника ж.-д. транспорта.

Наличие указанных правил и специфика производственного процесса, который регулируется ими, придает особый характер трудовой дисциплине на ж.-д. транспорте и обуславливает ее исключительно важную роль для работы железных дорог. Эта важная роль является основанием для признания трудовой дисциплины на ж.-д. транспорте непосредственным объектом рассматриваемого преступления при том, однако, непременном условии, что нарушение указанных правил, а, следовательно, ущерб трудовой дисциплине сочетается, как увидим, с нарушением и других социалистических общественных отношений.

Дальнейший анализ диспозиции ст. 77 показывает, что предусмотренное в этой статье преступление причиняет ущерб не только трудовой дисциплине в указанном ее содержании, но одновременно посягает и на другой объект. Этот объект устанавливается также путем анализа текста самой статьи.

Прежде чем перейти к характеристике этого объекта, отметим, что основной задачей транспорта, представляющего собой отрасль народного хозяйства, является выполнение установленного правительством государственного плана перевозок. Эта задача осуществляется всей деятельностью ж.-д. транспорта. Но ж.-д. транспорт представляет собой огромную отрасль народного хозяйства, огромный хозяйственный организм, состоящий из отдельных звеньев, предприятий, учреждений и организаций. Все они выполняют различные функции производственного и непроизводственного характера, т. е.

функции по движению поездов, погрузке и выгрузке грузов, обеспечению охраны грузов, обслуживанию пассажиров, финансовую деятельность транспорта, медицинское обслуживание железнодорожников, строительство ж.-д. сооружений и жилых домов, обеспечение трудовой дисциплины и т. п. При этом, деятельность одних предприятий и организаций ж.-д. транспорта заключается в непосредственном осуществлении работы по перевозкам, т. е. в непосредственной организации движения поездов, деятельность же других непосредственно не связана с перевозками, но в конечном счете способствует осуществлению этой основной производственной деятельности ж.-д. транспорта (строительные ж.-д. организации, медицинские учреждения, ж.-д. торговые организации и др.).

Работа всех предприятий, учреждений и организаций ж.-д. транспорта может быть названа деятельностью транспорта в широком смысле, в отличие от работы транспорта по организации движения поездов, т. е. от работы по непосредственному осуществлению перевозок как особого производственного процесса на транспорте. Эта производственная деятельность транспорта по организации движения поездов и является тем объектом, на который направлены преступные действия, предусмотренные ст. 77, и которому в результате этих действий причиняется определенный ущерб.

Это вытекает из анализа последствий, указанных в рассматриваемой статье.

Ст. 77 имеет в виду не всякое нарушение работником транспорта перечисленных в ней правил, а лишь такое, которое повлекло или могло повлечь определенные, указанные в этой статье последствия.

Советская наука уголовного права признает, что между последствиями преступного деяния и его объектом существует внутренняя органическая связь. Она заключается в том, что последствия преступного деяния выражают собой тот ущерб, который причиняется данным преступным деянием определенному объекту: «Ущерб, причиненный объекту посягательства, каковы бы ни были формы и объем этого ущерба, и является последствием»¹.

Если исходить из признания данной связи между последствием и объектом преступления, то можно утверждать, что указанные в ст. 77 несчастные случаи с людьми, крушения, аварии и иные тяжкие последствия представляют собой тот ущерб, который причиняется нарушением перечисленных в статье правил определенному, охраняемому законом, объекту.

Этот ущерб нельзя отнести к ущербу, причиняемому трудовой дисциплине — установленному нами выше непосредственному объекту рассматриваемого преступления. Трудовая

¹ А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления. М., 1957 г., стр. 140.

дисциплина, как уже указывалось, относится к группе общественных отношений идеологического характера. Соответственно этому, ущерб, который ей причиняется, носит такой же характер, ввиду чего он не может выражаться в специально предусмотренных статьей последствиях, а полностью охватывается действием, в котором этот ущерб, а, следовательно, и последствие как бы заключены.

Перечисленные в ст. 77 последствия носят материальный характер и поэтому представляют собой ущерб другому, отличному от трудовой дисциплины, объекту. Обобщая эти последствия, можно прийти к выводу, что все они относятся к производственной деятельности жел.-дор. транспорта и выражают собой нарушение определенной и конкретной сферы этой деятельности — правильной работы транспорта по организации движения поездов.

Деятельность транспорта по организации движения поездов, т. е. непосредственное осуществление перевозок, является основным и самым важным производственным процессом на ж.-д. транспорте.

Все указанное выше значение ж.-д. транспорта и его роль определяются в основном правильной работой транспорта по организации движения поездов. Именно от надлежащей, правильной работы по организации движения поездов зависит выполнение транспортом плана перевозок, нарушение же этой сферы деятельности ж.-д. транспорта влечет за собой, в свою очередь, нарушение нормального процесса производства в других отраслях народного хозяйства и нормального процесса обращения.

Этим подтверждается связь между данным непосредственным объектом преступления, т. е. между правильной работой транспорта по организации движения поездов и родовым его объектом — основами хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик.

Правильная работа транспорта по организации движения поездов может быть достигнута только при обеспечении правильности и безопасности этого движения.

Правильность движения и его безопасность представляют собой различные стороны единого производственного процесса на ж.-д. транспорте — процесса по организации движения поездов. Они тесно связаны между собой и в своем единстве характеризуют понятие правильной работы ж.-д. транспорта по организации движения поездов, как объекта преступления, предусмотренного в ст. 77.

Правильность движения поездов означает соответствие этого движения установленному графику. «График движения поездов, — является железным законом для работников ж.-д. транспорта и выражает план всей эксплуатационной работы железных дорог» (§ 337 ПТЭ).

Движение поездов по графику — это своевременное отправление и прибытие поездов на станцию и следование их по перегонам. Для обеспечения движения поездов по графику необходима правильная организация технологического процесса работы станций, депо, пунктов технического осмотра и других подразделений ж.-д. транспорта, связанных с движением поездов. «Графиком движения поездов определяется не только движение поездов, но и работа локомотивов, вагонов, станций, депо, пунктов технического осмотра, дистанций пути, дистанций сигнализации и связи, участков энергоснабжения, т. е. из графиков движения поездов вытекает план работы всех подразделений ж.-д. хозяйства, связанных с движением поездов» (§ 338 ПТЭ).

В соответствии с этим планом и организуется работа всех подразделений и организаций ж.-д. транспорта.

Согласно единому государственному плану железные дороги должны ежедневно подавать под погрузку определенное количество порожних вагонов, а для этого необходимо не меньшее количество вагонов и разгружать. Погруженные или выгруженные вагоны должны быть сформированы в поезда и без промедления отправлены, в соответствии с графиком и расписанием. Это обеспечивается своевременной подачей паровозной службой локомотивов для ведения сформированных поездов; в свою очередь для того, чтобы депо могло без задержек выдавать локомотивы, они должны своевременно возвращаться из поездов. Поезда могут ходить без опоздания лишь при условии отличного состояния пути, своевременного установления и устранения возможных дефектов, что обеспечивает служба пути.

Таким образом, правильность движения означает правильную работу всех подразделений ж.-д. транспорта, связанных с движением поездов, по организации этого движения в соответствии с единым установленным графиком движения.

Нарушение графика движения поездов, простой вагонов, паровозов и другого подвижного состава, повреждение или выведение из строя различных транспортных средств и т. п. нарушает правильность движения, и тем самым причиняет ущерб правильной работе транспорта по организации движения поездов.

Другой важной стороной деятельности транспорта по организации движения поездов является обеспечение безопасности этого движения.

Работа транспорта, как известно, заключается в механическом перемещении транспортных средств и по своему характеру связана с повышенной опасностью для окружающих.

Эта опасность заключается в том, что любое нарушение движения может повлечь за собой несчастные случаи с людьми, уничтожение или повреждение перевозимого груза — го-

сударственного или общественного имущества, а также личного имущества граждан. уничтожение или повреждение самих транспортных средств—подвижного состава, пути и т. п.

В советской стране, как ни в одной стране мира, осуществляется планомерная, глубоко продуманная система мер, направленных на обеспечение безопасности движения поездов; изобретаются специальные устройства, которые предотвращают возможную опасность—автопосты, автоматическая локомотивная сигнализация, дефектоскопы, радиосвязь с движущимся поездом и т. д.

Безопасность движения является важнейшим условием правильной работы ж.-д. транспорта.

«Безопасность движения, — это основное условие для нормальной работы ж.-д. транспорта, обеспечивающее безаварийное следование поездов и производство маневров, сохранность пассажиров, работников транспорта, грузов и подвижного состава»¹.

Соблюдение этого условия, т. е. неуклонное обеспечение полной безопасности движения поездов, наряду с задачей обеспечения правильности этого движения, составляют важную задачу деятельности ж.-д. транспорта².

Содержание деятельности транспорта по обеспечению правильности и безопасности движения поездов обуславливает наличие определенной специфики, которой отличается данный производственный процесс от работы других предприятий и учреждений как на транспорте, так и остальных отраслях народного хозяйства.

Эта специфика заключается в том, что ж.-д. транспорт является наиболее централизованным из всех отраслей народного хозяйства, приближающийся по типу к военной организации.

¹ Технический ж.-д. словарь, 1946 г., стр. 36.

² Следует отметить, что при характеристике объекта данного преступления некоторые авторы указывают лишь на безопасность движения и не учитывают другой стороны организации нормального движения — его правильности. Так, например, в учебнике Советского уголовного права, ч. Особенная 1959 г., указывается: «Объектом преступления, предусмотренного ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственное преступление является определенный порядок, установленный на транспорте, обеспечивающий его безопасную деятельность» (стр. 95). Такое ограничение объекта указанием только на безопасность движения является обоснованным лишь в отношении автотранспорта.

В отличие от железнодорожного транспорта автотранспорт не имеет единой сети дорог, с единым графиком движения и не характеризуется такой четкостью и регулярностью движения. Правильность движения поэтому — не имеет там такого значения, как на ж.-д. транспорте и в объект совершенно правильно не включается (см. С. А. Домахин. «Ответственность за преступления на автотранспорте». М., 1956 г.).

Ж.-д. транспорт представляет собой единую сеть путей сообщения, с единым графиком движения, с исключительно централизованным управлением, оперативностью и слаженностью. Работа транспорта по движению поездов — это непрерывно движущаяся лента, где каждое звено должно точно выполнять в определенный момент определенную операцию. Поэтому, деятельность всех предприятий и участков транспорта по организации движения поездов тесно переплетается между собой. Работа каждого участка не представляет собой изолированной единицы, а оказывает влияние на работу соседних участков, соседних дорог, всей сети. «Работа любой дороги зависит от сортировочных станций, расположенных подчас за тысячи километров от этой дороги. Так, четкий ритм движения поездов на Омской дороге во многом определяется тем, как выполняется план формирования в Челябинске, Свердловске, Инской, а нормальная деятельность Юго-Восточной железной дороги во многом зависит от своевременной подготовки составов Батайским узлом Северо-Кавказской дороги и ст. Москва-Сортировочная Московско-Рязанской дороги»¹.

«В этом отношении, — указывает Т. С. Хачатуров, — ж.-д. транспорт сильно отличается от промышленности. Качество работы какого-либо промышленного предприятия может не оказать никакого влияния на работу соседнего, принадлежащего той же отрасли. Например, одна каменноугольная шахта может перевыполнять план, а другая, рядом расположенная, недовыполнять его, причем плохая работа одной шахты не оказывает никакого влияния на работу другой. На ж.-д. транспорте положение совершенно иное. Если какой-либо участок железной дороги, какая-либо станция работает плохо, это оказывает влияние на работу соседних станций, участков, всей дороги, а нередко и всей сети в целом»².

Ввиду этого, работа ж.-д. транспорта по организации движения поездов немыслима без тесной взаимной связи между отдельными звеньями (предприятиями ж.-д. транспорта), а также между паровозниками, движенцами, вагонниками, путейцами, связистами и работниками других служб и специальностей.

При таком характере работы качество выполнения каждым железнодорожником его функций имеет существенное значение для работы всего ж.-д. транспорта, ибо работа одного железнодорожника зависит от работы другого. «Транспорт, — представляет собой сложную отрасль народного хозяйства не только в силу своей особой связи со всей экономикой страны, но и в силу отличной от промышленности вну-

¹ Тихонов, Сосонкин. Социалистическая дисциплина труда на ж.-д. транспорте. М., 1951 г., стр. 31

² Т. С. Хачатуров. Великая ж.-д. держава. М., 1945 г., стр. 14—15.

тренней организации производства и условий работы кадров»¹.

Необходимо подчеркнуть при этом, что указанные особенности характерны только для деятельности транспорта по организации движения поездов. Осуществление других производственных процессов на транспорте такой спецификой не характеризуется.

В этой связи следует остановиться на некоторых неточных определениях рассматриваемого объекта преступления, имеющихся в советской юридической литературе. Некоторые авторы, выдвигая в качестве объекта правильную работу транспорта в смысле производственной ее деятельности, определяют этот объект по-разному. Одни говорят о «правильной работе транспорта»², другие называют в качестве объекта «нормальную работу транспорта и безопасность движения»³, третьи — «правильность работы и безопасность транспорта»⁴.

Такая неточность в формулировке объекта отражается на характеристике состава преступления и должна быть устранена.

Определение объекта рассматриваемого преступления в качестве «правильной работы транспорта» является неточным, неконкретным, потому что данное определение можно понимать в двойном смысле.

Правильная работа ж.-д. транспорта в широком смысле — это, как указывалось выше, деятельность транспорта в целом, это работа всех учреждений, предприятий и хозяйств ж.-д. транспорта, осуществляющих различные процессы производственного и непроизводственного характера и выполняющих, таким образом, различные задачи. Правильную работу транспорта можно понимать и более узко, как осуществление только одного из производственных процессов, т. е. деятельность транспорта по организации движения поездов.

Указанные авторы, определяя объект данного преступления, не уточняют этого положения и тем самым оставляют, по существу, открытым вопрос о том, какой смысл вкладывается ими в понятие «правильной работы ж.-д. транспорта».

Между тем, правильная работа транспорта в широком смысле не может служить непосредственным объектом данного преступления.

¹ Передовая газеты «Гудок» от 2/1 1935 г.

² В. Д. Меньшагин. Учебник «Уголовное право», ч. Особ., 1943 г., Курс сов. угол. права, Особ. часть, т. 1, 1955 г.; А. Чистяков — Указанная диссертация, 1954 г.

³ Н. С. Алексеев. «Транспортные преступления», 1957 г., стр. 55.

⁴ М. М. Исаев. Применение ст. 59-3 «в» УК РСФСР в условиях военного времени. Журн. «Соц. законность» за 1942 г. № 1; И. Голяков — Уголовное право, ч. Особ., 1943 г.; А. Егоров — Практика борьбы с преступлениями на службе на ж.-д. транспорте, «Соц. законность» за 1952 г. № 1.

Непосредственный объект должен характеризоваться определенной спецификой, определенными индивидуальными чертами. Он должен правильно отражать конкретные общественные отношения, на которые посягает данное преступление. Нормальная же работа транспорта в широком понимании не отличается необходимой для непосредственного объекта конкретностью, ввиду чего и не может отражать сущности данного преступления.

Кроме того, определение непосредственного объекта преступления в столь широком его понимании не дает возможности отграничить данный состав от состава других преступлений, совершаемых на транспорте. Так, хищение транспортного имущества или грузов, нарушение правил по технике безопасности при проведении строительных работ, злоупотребление служебным положением должностного лица на транспорте, нарушение правил торговли, хулиганство и т. п. несомненно нарушают правильную работу транспорта в широком ее понимании, так как посягают на ту или иную отдельную сторону его многогранной деятельности, как-то: на работу по охране грузов или ж.-д. имущества, на финансовую деятельность, на деятельность по строительству, по обслуживанию пассажиров, по обеспечению техники безопасности, по охране общественного порядка на транспорте и т. д.

Признание правильной работы транспорта в широком смысле непосредственным объектом преступления, предусмотренного в ст. 77, означало бы, что данной статьей охватываются также и перечисленные выше деяния.

Между тем, любое из приведенных деяний отличается по своему объекту от рассматриваемого преступления и квалифицируется по иным статьям УК.

Указанные в статье 77 последствия: несчастные случаи с людьми, крушения, аварии и т. п. свидетельствуют о том, что статья эта имеет в виду ущерб, причиняемый правильной работе ж.-д. транспорта не в широком смысле этого слова, а в более узком, ограниченном. Сфера деятельности транспорта в этих случаях заключается в непосредственном осуществлении перевозок, непосредственном перемещении, передвижении поездов и определяется как правильная работа ж.-д. транспорта по организации движения поездов, т. е. организация правильности и безопасности их движения.

Целью издания закона, предусматривающего ответственность за данное преступление, явилась защита от посягательства основной сферы деятельности транспорта, отражающей всю специфику, всю особенность этой деятельности, тогда как работа транспорта по осуществлению других задач (финансовых, строительства, медицинского обслуживания и т. д.) не содержит в себе никаких существенных отличий от такой же деятельности в других отраслях народного хозяйства и по-

тому обеспечивается другими уголовно-правовыми нормами, предусматривающими должностные, хозяйственные и иные преступления.

Положение о том, что статья 77 имеет в виду правильную работу транспорта лишь в специальном, определенном смысле подтверждается судебной практикой.

Например: Харьковским областным судом был осужден по ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления переездный сторож 3 дистанции службы пути Пилипенко, который при подходе скорого поезда к переезду открыл для пропуска автомашины шлагбаум. Машина не успела проследовать через переезд и была настигнута поездом. В результате крушения был тяжело ранен шофер, разбита машина и поезд задержан отправлением на 45 минут¹.

К Пилипенко была правильно применена ст. 22 Закона потому, что его действиями была нарушена как правильность, так и безопасность движения поездов, т. е. специальная, указанная сфера деятельности ж.-д. транспорта.

В тех же случаях, когда этой сфере деятельности транспорта ущерб не был причинен, действия виновных квалифицируются судами по другим статьям.

Так, Рубан — весовщица ст. Ромадан — была признана виновной в том, что 7.X 1950 года во время погрузки в вагон сахарного песка не проверила по окончании погрузки правильность веса и правильность наложения на вагон пломб грузоотправителя, а документы на вагон передала сразу в контору станции для включения вагона в поезд. При вскрытии вагона на месте назначения груза обнаружена недостача 2 мешков сахара весом в 200 кг².

В другом деле начальник отдела эксплуатации Ставропольского отделения Ачкасыянов был предан суду за то, что понуждал начальников ряда станций и других работников неправильно учитывать погрузку вагонов на конец отчетных суток, в результате чего завышались данные о количестве погруженных вагонов и в то же время не учитывался простой вагонов³.

Действия Рубан и Ачкасыянова представляют собой нарушение трудовой дисциплины на ж.-д. транспорте. Вместе с тем, эти действия нарушают и правильную работу транспорта в широком ее понимании. Однако, квалифицированы были данные посягательства не по ст. 56-30 «а» УК УССР 1927 г. (ст. 59-3 «в» УК РСФСР), так как ни одно из этих нарушений

¹ Приговор Харьковского областного суда от 9 января 1959 г.

² Определение Железнодорожной Коллегии Верховного Суда СССР от 7/VII 1951 г. № 05/2359.

³ Определение Железнодорожной Коллегии Верховного Суда СССР от 11/I 1950 г. № 05/9580.

не причинило ущерба правильной работе по организации движения поездов. Действия Рубан были правильно квалифицированы по ст. 99 УК УССР, Ачкасьянова — по ст. 109 УК РСФСР.

Правильная квалификация приведенных выше случаев возможна была лишь в зависимости от объекта посягательства.

Сказанное дает основание сделать вывод, что определение непосредственного объекта рассматриваемого преступления, как «правильной работы транспорта», недостаточно конкретно для характеристики непосредственного объекта этого преступления и не отражает всей специфики этого состава.

«... Объектом интересующего нас преступления, — указывает Б. С. Никифоров, — является не правильное функционирование транспорта вообще, а правильное функционирование транспорта как необходимое условие безаварийности и безопасности его работы. Нарушение правильного функционирования транспорта в ином смысле не охватывается составом названного преступления»¹.

Вызывает также возражение и определение объекта рассматриваемого преступления как «нормальная работа транспорта и безопасность движения» и «правильная работа и безопасность транспорта». «Правильность работы транспорта» — это по существу то же самое, что и «правильная, нормальная работа транспорта». Указание же на «безопасность транспорта» при таком определении является излишним, т. к. правильная работа транспорта охватывает собой и обеспечение его безопасности.

Таким образом, правильную работу транспорта как объект рассматриваемого преступления следует понимать в специальном, узком смысле слова, т. е. как работу транспорта, осуществляемую в сфере движения поездов или, иначе говоря, как правильную деятельность транспорта по организации движения поездов. Такое определение наиболее точно характеризует конкретные общественные отношения, которые действительно терпят ущерб при совершении указанного преступления².

Подводя итоги рассмотрения данного вопроса, можно прийти к выводу, что преступление, предусмотренное ст. 77, характеризуется наличием двух самостоятельных непосредственных объектов преступления: трудовой дисциплины и пра-

¹ Б. С. Никифоров. Объект преступления. М., 1960 г., стр. 25.

² В дальнейшем, при характеристике объекта рассматриваемого преступления мы будем исходить из того, что, несмотря на различные формулировки, указанные выше авторы понимают данный объект именно в этом смысле, т. е. признают в качестве объекта правильную производственную деятельность транспорта, в ее узком, специальном понимании.

вильной работы транспорта по организации движения поездов.

Этот вывод обосновывается, прежде всего, указанием самого закона — статьи 77 УК УССР (ст. 22 Закона), в которой прямо предусматривается как нарушение трудовой дисциплины, так и нарушение правильной деятельности транспорта в указанном выше понимании.

Каждый из этих непосредственных объектов имеет вполне самостоятельное значение, так как трудовая дисциплина и нормальная работа транспорта по движению поездов представляют собой различные по характеру и содержанию социалистические общественные отношения.

Трудовая дисциплина — это политическая ценность для социалистического государства, относящаяся к группе общественных отношений идеологического порядка. Правильная работа транспорта по организации движения поездов представляет собой производственную деятельность транспорта и относится к сфере материальных, экономических отношений советского общества.

Каждый из указанных видов общественных отношений имеет особое, только ему присущее содержание. Содержанием трудовой дисциплины является порядок поведения, установленный на ж.-д. транспорте, содержанием правильной работы транспорта по организации движения поездов — правильность и безопасность движения поездов.

Указанные общественные отношения различны и по своим задачам. Задача трудовой дисциплины на ж.-д. транспорте состоит в том, чтобы обеспечить порядок осуществления каждым железнодорожником его служебных функций, воспитать в каждом работнике транспорта коммунистическое отношение к труду и тем самым служить условием для обеспечения правильной работы ж.-д. транспорта. Задача работы транспорта по организации движения поездов заключается в непосредственном обеспечении правильного, соответствующего графику, и безопасного движения поездов, т. е. в организации чисто производственного, технологического процесса на транспорте. Условиями для выполнения этой задачи является не только укрепление трудовой дисциплины, но и такие факторы как: развитие технической вооруженности ж.-д. транспорта; повышение квалификации и культурно-технического уровня работников ж.-д. транспорта, организация труда и производства, материальная заинтересованность работников, социалистическое соревнование и т. д.¹ Все эти факторы имеют одинаково важное значение для правильной ра-

¹ В. И. Старчевский. «Основные факторы роста производительности труда на ж.-д. транспорте СССР». Диссертация на соискание звания кандидата экономических наук. М., 1955 г.

боты ж.-д. транспорта и трудовая дисциплина среди них есть лишь одно из условий, обеспечивающих правильную организацию труда и производства.

Таким образом, понятие трудовой дисциплины и понятие правильной работы транспорта по организации движения поездов имеют отличное один от другого и совершенно самостоятельное содержание, ввиду чего каждое из них может и существовать независимо один от другого.

Возможны случаи, когда трудовая дисциплина нарушена, нормальной же деятельности транспорта по организации движения поездов ущерб не причинен. Например: машинист напился пьяным и не вышел на работу. Вместо него, был вызван другой работник, который и повел паровоз. С другой стороны, могут быть случаи, когда нарушена нормальная работа по организации движения поездов, а трудовая дисциплина при этом не нарушена. Так, например, пастух, пригнав стадо к ж.-д. полотну, не следил за скотом, в результате чего одна из коров зашла на путь и была настигнута поездом. Паровоз сошел с рельс и перегон несколько часов был закрыт для движения. Нарушением нормальной деятельности транспорта без нарушения трудовой дисциплины будут случаи, предусмотренные в таких статьях, как ст. 78 УК УССР (соответствующая ей ст. 23 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления) и ст. 217 УК УССР (нарушение действующих на транспорте правил). Отличие указанных преступлений от преступления, предусмотренного в ст. 77 по объекту, заключается именно в том, что объект указанного в данной статье преступления включает в себе не только правильную деятельность транспорта по движению поездов, но и трудовую дисциплину. Наличие этих объектов придает иную политическую оценку рассматриваемому преступлению, отличную от характеристики всех приведенных выше составов.

Следует отметить, что несмотря на указанное выше различие в характере и содержании объектов рассматриваемого преступления (трудовой дисциплины и правильной деятельности транспорта по движению поездов) нельзя все же рассматривать эти объекты обособленно один от другого, так как они взаимно обусловлены, тесно связаны между собой и определяют характеристику совершенного преступного деяния только в своем сочетании, т. е. в единстве.

Так, старший кондуктор ст. Лозовая Белинский 17 октября 1959 г., будучи на дежурстве, получил указание от дежурного по станции переставить один 4-осный полувагон с одного пути на другой. Выполняя это распоряжение, Белинский паровозом вывез данный полувагон и поставил его в надлежащее место. Однако, отцепив полувагон от паровоза, Белинский, зная, что пути находятся на уклоне, полувагон не закрепил тормозным башмаком, а сам уехал с паровозом.

Оставшийся незакрепленным, полувагон самопроизвольно пришел в движение и, набирая скорость, двигался по направлению к станции Орелько. В это время со ст. Орелько навстречу полувагону отправился сборный поезд в составе 22 вагонов. Паровозная бригада поезда заметила движущийся полувагон, но предотвратить столкновение не смогла. Произошло крушение, в результате которого был поврежден паровоз и два вагона¹.

В данном случае нарушение, допущенное Белинским, представляет собой посягательство на трудовую дисциплину на ж.-д. транспорте, так как был нарушен определенный порядок исполнения служебных обязанностей и соответствующие правила по производству маневровых работ, и одновременно посягательство на правильную производственную деятельность транспорта по организации движения поездов, которое выразилось в нарушении безопасности данного движения.

В другом деле, стрелочница Радченко, получив задание приготовить маршрут для приема поезда, стрелки не приготовила, свободность пути не проверила и ложно доложила дежурному по станции о готовности маршрута, в результате чего поезд был принят на занятый путь².

В данном случае Радченко также нарушила установленные правила по приготовлению маршрута, которые возлагали на нее, как на работника транспорта, соответствующие ее должности обязанности. Эти действия Радченко следует рассматривать как посягательство на установленный порядок несения службы, как посягательство на трудовую ж.-д. дисциплину. Вместе с тем данное посягательство повлекло за собой нарушение и других социалистических общественных отношений в виде правильной деятельности транспорта по организации движения поездов, так как созданная Радченко опасность столкновения поездов представляла собой нарушение безопасности движения на ж.-д. транспорте.

В обоих приведенных делах характеристика совершенных данными лицами деяний определяется только исходя из единства двух указанных непосредственных объектов преступления.

Следует отметить, что в советской юридической литературе нет единого мнения по вопросу о непосредственном объекте исследуемого преступления.

¹ Приговор Харьковского Областного суда от 21 ноября 1959 г.

² Приговор Харьковского Областного суда от 20 января 1959 г.

Авторы, характеризующие этот состав, устанавливают в нем наличие лишь одного непосредственного объекта¹. Причем, одни из них таким объектом считают трудовую дисциплину², другие — правильную деятельность транспорта в надлежащем ее понимании³.

Указанные точки зрения являются односторонними и не дают исчерпывающего определения объекта рассматриваемого преступления.

Авторы, признающие единственным непосредственным объектом трудовую дисциплину, ссылаются, в основном, на то, что трудовая дисциплина является главным и решающим условием всей работы ж.-д. транспорта.

Так, М. Шнейдер указывает, что «Правильность работы и безопасность ж.-д. транспорта целиком зиждется на дисциплине... Встречающиеся в нашей юридической литературе указания, что объектом нарушения ж.-д. дисциплины является правильность работы и безопасность транспорта, — может создать неправильное представление о сущности и характере опасности преступления, посягающего в действительности непосредственно на самый порядок несения службы»⁴.

На такой же, по существу позиции стоит и Б. Даниэльбек, «Выдвигая как объект преступлений, предусмотренных в ст. 59-3 «в», 59-3 «г» УК, трудовую дисциплину, — указывает он, — мы полагаем, что правильную работу транспорта и его безопасность обеспечивает трудовая дисциплина»⁵.

Указанная аргументация не может быть признана убедительной.

Как уже указывалось выше, трудовая дисциплина и нормальная работа транспорта по организации движения поез-

¹ Точка зрения о наличии двух непосредственных объектов высказана некоторыми авторами, исследующими состав преступления, предусмотренный в ст. 59-3 «в» УК РСФСР по отношению к автотранспорту. См. В. И. Василенко — Ответственность за нарушение трудовой дисциплины на автомобильном транспорте по сов. уголов. праву, автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1959 г.; проф. С. Я. Булатов — Указы Президиума Верховного Совета Казахской ССР «Об ответственности за нарушение правил движения и эксплуатации автотранспорта», «Правоведение» за 1958 г., № 2; в рецензии на работу С. Л. Домохина — Ответственность за преступления на автотранспорте, помещенной в «Правоведении» за 1958 г. № 2 за подписью Н. Б.

² М. Шнейдер. Преступление против трудовой дисциплины на ж.-д. транспорте СССР. Автореферат диссертации, 1949 г., Б. Даниэльбек — Транспортные преступления по сов. угол. законодательству. Автореферат диссертации, 1948 г.

³ См. стр. 226 настоящей работы. Этой точки зрения придерживается большинство авторов: В. Д. Меньшагин, Курс Советского Уголовного права, т. I, Особ. ч., 1955 г.; И. И. Голяков — Уголовное право, ч. Особ., 1943 г.; Л. Егоров — Практика борьбы с преступлениями по службе на ж.-д. транспорте. «Социалистическая законность» за 1952 г. № 1.

⁴ Указанный выше автореферат, стр. 10, 11.

⁵ Указанный выше автореферат, стр. 9.

дов представляет собой различные по характеру и содержанию социалистические общественные отношения. Ввиду этого ущерб, причиняемый каждому из них, носит также различный характер и не поглощается один другим. Исходя из этого, признавать наличие ущерба, причиняемого одному из объектов — трудовой дисциплине и не учитывать ущерба, который одновременно наносится другому объекту — правильной деятельности транспорта по организации движения поездов неправильно и не соответствует характеру и сущности рассматриваемого преступления.

Признание трудовой дисциплины единственным объектом данного посягательства могло бы привести к выводу о том, что для состава рассматриваемого преступления не требуется наличие или возможность наступления перечисленных в Законе последствий, т. е. не требуется причинения ущерба другому непосредственному объекту — правильной деятельности транспорта по организации движения поездов. М. Шнейдер, последовательно проводя свою точку зрения по данному вопросу, пришел именно к такому выводу: «Признание объектом нарушения дисциплины на ж.-д. транспорте установленного порядка несения службы, — указывает он, — подчеркивает опасность самого нарушения служебных обязанностей и указывает на значение борьбы не с отдаленными и в ряде случаев условными последствиями, а с самим нарушением порядка»¹. Этот вывод совершенно не соответствует судебной практике по применению данной статьи. Верховный суд СССР неоднократно указывал, что для того чтобы установить наличие нарушения трудовой дисциплины недостаточно одного только факта такого нарушения, а требуется, кроме того, причинение ущерба и правильной деятельности транспорта по организации движения поездов.

Так, в определении железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР по делу Буянова и др. было указано: «Для применения к подсудимым ст. 59-3 «в» УК РСФСР недостаточно того, что они являются работниками транспорта и незаконные их действия или бездействия относятся к нарушениям трудовой дисциплины. Нарушение трудовой дисциплины работником транспорта должно квалифицироваться по ст. 59-3 «в» в случаях, если эти нарушения повлекли или могли повлечь за собой последствия, предусмотренные диспозицией этой статьи»². В постановлении Пленума от 9/II 1951 г. «О квалификации прогула без уважительных причин, совершенного работником железнодорожного и водного транспорта» Верховный суд СССР, разъяснил: «прогул без уважительных причин, как один из видов нарушения трудовой дисциплины,

¹ М. Шнейдер. Указ. автореферат, стр. 10.

² Судебная практика Верховного суда СССР за 1955 г., № 9.

совершенного работником транспорта, если он повлек или мог повлечь последствия, указанные в ст. 59-3 «в» УК РСФСР, подлежит квалификации по ст. 59-3 «в» УК РСФСР. Во всех остальных случаях прогул должен квалифицироваться по ч. II ст. 5 Указа от 26 июня 1940 года»¹.

Неправильной следует считать и точку зрения тех авторов, которые единственным объектом рассматриваемого преступления признают нормальную деятельность транспорта в надлежащем ее понимании.

Так, по мнению А. Чистякова, любой работник транспорта, связанный по работе с движением поездов, нарушая трудовую дисциплину, посягает тем самым и на работу транспорта. Следовательно, указывает он, «утверждать, что объектом преступления по ст. 59-3 «в» является порядок несения железнодорожной службы, а не работа транспорта и безопасность движения — значит оторвать по существу говоря, форму от содержания»².

Данная аргументация свидетельствует о том, что А. Чистяков допускает в данном случае такую же ошибку, как и сторонники предыдущей точки зрения, а именно, он не учитывает различия в характере и содержании этих двух социалистических общественных отношений — трудовой дисциплины, с одной стороны, и правильной работы ж.-д. транспорта — с другой³. Но, отождествляя эти общественные отношения, А. Чистяков в противоположность первой точке зрения в качестве объекта выдвигает не трудовую дисциплину, а правильную деятельность транспорта.

Некоторые авторы, считая объектом рассматриваемого преступления правильную работу ж.-д. транспорта, ссылаются на то, что трудовая дисциплина является условием правильной деятельности ж.-д. транспорта, вследствие чего она не может иметь самостоятельного значения в качестве одного из непосредственных объектов преступления и должна рассматриваться в этом составе лишь как способ, средство посягательства на правильную работу транспорта: «Специфику и опасность преступления характеризует основной объект, — нарушение же трудовой дисциплины характеризует способ посягательства на этот основной объект»⁴.

Эта аргументация также вызывает возражения.

Исключительно важная роль трудовой дисциплины в советском государстве, а в особенности на ж.-д. транспорте, обуславливает необходимость выделения этого вида социали-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР за 1954 г., № 3.

² А. Чистяков. Указанный автореферат, стр. 9.

³ См. стр. 233 данной работы.

⁴ См. рецензию на Ученые записки Харьковского юридического института, помещенную в ж. «Правоведение», 1958 г., № 4, стр. 116.

стических общественных отношений в качестве самостоятельного непосредственного объекта данного преступления.

Признание трудовой дисциплины средством, способом нарушения нормальной деятельности транспорта, что по существу совершенно правильно, отнюдь не устраняет возможности рассмотрения ее и в другом аспекте, т. е. в качестве одного из непосредственных объектов преступления, так как в ряде случаев действие, образующее способ совершения другого преступления, приобретает в советском уголовном праве значение самостоятельного посягательства и может свидетельствовать о самостоятельном нарушении определенных социалистических общественных отношений.

Наличие двух указанных непосредственных объектов свидетельствует о сложности данного преступления, о его особенностях, которыми, как указывалось выше, характеризуется ряд составов преступлений в советском уголовном праве.

Исходя из содержания родового объекта этого преступления — основ хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик и, соответственно, того места в системе особенной части уголовного права, которое отведено данному преступлению законодателем, следует считать, что особое значение придается в данном составе правильной работе транспорта по организации движения поездов, поскольку этот объект охватывается указанным родовым объектом преступления и, по существу, определяется им.

Вместе с тем, как уже отмечалось, для характеристики состава данного преступления одинаково необходимы и важны оба указанные выше непосредственные объекта данного преступления.

Значение наличия двух непосредственных объектов в составе преступления, предусмотренного ст. 77, заключается прежде всего в том, что эти объекты только в своей совокупности исчерпывающим образом определяют политическую характеристику состава данного преступления. Говоря о преступлении, которое является посягательством на нормальную деятельность транспорта по организации движения поездов и на трудовую дисциплину, мы имеем в виду, что данное преступление посягает не только на нормальную производственную деятельность транспорта, чем определяется значение его в системе народного хозяйства СССР, но и на внутреннюю его организацию, внутренний порядок, установленный на ж.-д. транспорте для каждого железнодорожника по осуществлению служебных функций. Это придает особую специфику, особый характер рассматриваемому посягательству и отличает его от других посягательств в области транспорта.

Политическую характеристику данному преступлению — степени его общественной опасности — сообщает, таким обра-

зом, не один объект, а именно совокупность, сочетание двух указанных непосредственных объектов — нормальной работы ж.-д. транспорта по организации движения поездов и трудовой дисциплины.

Установление двух непосредственных объектов в составе преступления, предусмотренного в ст. 77, имеет огромное значение и в том смысле, что указанные объекты раскрывают также полную, исчерпывающую юридическую характеристику данного состава. Особенность этого состава заключается именно в том, что здесь одно преступное действие одновременно причиняет ущерб двум различного характера социалистическим общественным отношениям.

От признания этих непосредственных объектов в составе данного преступления во многом зависит содержание и других элементов состава, ибо «объект преступления, как фактор, в основном отражающий материальные условия жизни и, тем самым, в основном определяющий политическое содержание самого преступления, в то же время является и фактором, определяющим в значительной мере юридическую структуру преступления»¹. В самом деле, наличие двух непосредственных объектов — нормальной деятельности транспорта по движению поездов и трудовой дисциплины в данном составе оказывает влияние на характеристику объективной стороны преступления (ст. 77 предусматривает не любое нарушение трудовой дисциплины, а лишь такое, которое связано с нарушением правильности и безопасности движения поездов); на определение субъекта (субъектом может быть лишь работник транспорта, подчиняющийся Уставу о дисциплине и связанный по работе с движением поездов); и, наконец, на субъективную сторону данного преступления, поскольку устанавливается психическое отношение субъекта к нарушению трудовой дисциплины и, отдельно, к нарушению указанной производственной деятельности транспорта.

¹ Б. С. Никифоров. Об объекте преступления, «Советское государство и право» за 1948 г. № 9; эта же мысль проводится и в его работе «Объект преступления». М., 1960 г., стр. 139.

**ОРГАНЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
(1917—1922 гг.)**

З. М. ОНИЩУК

(кафедра уголовного права и процесса)

Великая Октябрьская социалистическая революция, осуществившая в нашей стране вековую мечту всех угнетенных народов, смела до основания буржуазно-помещичий строй, основанный на частной собственности и на эксплуатации человека человеком. Вместо классового господства помещиков и капиталистов рабочий класс России создал под руководством Коммунистической партии новую, рабоче-крестьянскую власть, власть трудящихся, не знающую частной собственности на средства производства и порождаемой ею эксплуатации человека человеком. Чтобы закрепить эту новую власть, рабочий класс России в союзе с беднейшим крестьянством, учитывая опыт прошлых революций, не мог ограничиться простым захватом «готовой государственной машины» и приспособлением ее к своим интересам.

Марксизм-ленинизм учит, что пролетариат, придя к власти, должен разбить буржуазную государственную машину и на ее место построить новую государственную машину, в своей сущности диаметрально противоположную старой машине, служившей эксплуататорским, угнетательским целям капиталистов и помещиков.

В предисловии к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии», помеченном 24 июня 1872 г., К. Маркс и Ф. Энгельс нашли необходимым внести на этот счет специальную поправку к «Коммунистическому Манифесту» и, учитывая опыт Парижской коммуны, указали: «В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может про-

сто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей».

Разоблачая оппортунистов Второго Интернационала, искажавших именно эту существенную поправку и смысл ее, В. И. Ленин разъяснил в своей знаменитой работе «Государство и революция»: «Мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен разбить, сломать «готовую государственную машину», а не ограничиваться простым, захватом ее»¹.

Это означало, что наряду с другими учреждениями буржуазно-помещичьего господства (буржуазная армия, полиция, чиновничий аппарат) должен быть сломан, разбит и буржуазный суд, ликвидирована вся буржуазная юстиция.

Новая, Советская власть именно так и поступила. Она сломала аппарат старого буржуазного суда, который, по характеристике В. И. Ленина, был «слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, остаивающим интересы денежного мешка»², и построила новый, настоящий народный суд. Говоря об отношении Советской власти к старому суду, В. И. Ленин указывал на III Всероссийском съезде Советов: «Советская власть поступила так, как завещали поступать все пролетарские революции, она отдала его сразу на слом. Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего, народного суда»³.

Поэтому Советская власть первым же декретом своим о суде, вошедшим в историю под названием «Декрет о суде № 1», опубликованным 24 ноября 1917 г.⁴, упразднила все, до того существовавшие судебные установления. Этим же декретом были упразднены и все существовавшие до установления Советской власти институты судебных следователей, прокурорского надзора и адвокатуры.

Упразднив старый институт судебных следователей, Декрет о суде № 1 одновременно наметил новые формы предварительного следствия и установил, что «впредь до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам возлагается на местных судей единолично...».

Победившему пролетариату впервые приходилось строить свой суд и свои органы предварительного следствия. Советское государство первым прокладывало новые пути в этой области и, разумеется, не могло сразу выработать наилучшие формы судопроизводства. Многое приходилось пробовать, испытывать, отбрасывая те формы и учреждения, которые не

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 386.

² В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 421.

³ Там же.

⁴ СУ РСФСР 1917 г. № 4, ст. 50.

отвечали требованиям социалистического строительства. В том числе менялись формы и методы предварительного следствия.

Декрет о суде № 1 не устанавливает конкретного перечня дел, по которым местные судьи имели право проводить предварительное следствие. Однако из пункта 8 рассматриваемого декрета с достаточной четкостью вытекает, что местные судьи в качестве следователей вправе были проводить единолично предварительное следствие по всем уголовным делам, за исключением дел о контрреволюционных преступлениях, о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц. Для производства предварительного следствия по этим делам, подлежащим рассмотрению Рабочих и Крестьянских революционных трибуналов при губернских или городских Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, тем же декретом о суде № 1 были образованы особые следственные комиссии.

Не вызывает сомнения, что передача функций предварительного следствия местным судьям рассматривалась как временная мера. Было совершенно ясно, что подобное совмещение в одном лице функций следователя и судьи в нормальных условиях недопустимо, но в тот момент это было неизбежно и вызывалось полным отсутствием у молодой Советской республики необходимых кадров. Временный характер возложения обязанностей следователя на местного судью подчеркнут в самом декрете, где было указано, что это положение устанавливается лишь «впредь до преобразования всего порядка судопроизводства». (п. 3).

Полномочий местного судьи при выполнении им следовательских функций декрет не устанавливал, он только указывал, что постановления местных судей, выступающих в качестве следователей, о личном задержании и о предании суду приобретали силу лишь после того, как они «подтверждались постановлением всего местного суда».

Указание в декрете на необходимость специального постановления всего местного суда для подтверждения принятого местным судьей решения о личном задержании и о предании суду объясняется двумя причинами: 1) отсутствием достаточно квалифицированных кадров, которые могли бы самостоятельно правильно решать эти важные вопросы, затрагивающие интересы личности, и 2) стремлением советского государства обеспечить возможные в тех условиях максимальные гарантии прав граждан.

В этих же целях для принятия правильных решений по указанным вопросам постановлением НКЮ РСФСР от 15 декабря 1917 г.¹ при всех тюрьмах революционного Петрограда

¹ СУ РСФСР 1917 г., № 9, ст. 146.

были учреждены следственные комиссии в составе трех лиц для проверки как правильности ареста доставляемых вновь в тюрьмы лиц, так и законности содержания в тюрьмах всех ранее арестованных. Эти комиссии, созданные Петроградским Советом по согласованию с районными Советами рабочих и солдатских депутатов, также носили временный характер и были учреждены, как указывалось в самом постановлении НКЮ РСФСР, «впредь до создания постоянных судебно-следственных учреждений».

Комиссии эти должны были в течение 48 часов проверять правильность ареста доставляемых вновь лиц и либо направлять их дела по подсудности при наличии достаточных к тому оснований, либо, при отсутствии таковых, освобождать арестованных (п. 4).

При обнаружении законных оснований к содержанию в тюрьме ранее арестованных лиц последние подлежали немедленному освобождению следственной комиссией.

В постановлении НКЮ РСФСР не содержится указаний относительно права учрежденных при тюрьмах следственных комиссий производить, при необходимости, следственные действия по делам содержащихся в тюрьмах лиц. Однако, исходя из характера полномочий, какими были наделены комиссии — из предоставленного им права предавать суду виновных и освобождать невиновных, следует заключить, что комиссии эти имели право на производство в случае необходимости определенных следственных действий.

* *
*

Как было указано выше, местные судьи вправе были производить предварительное следствие лишь по делам, подсудным местному суду, то есть делам, по которым обвиняемому угрожало наказание не свыше двух лет лишения свободы и гражданский иск в которых не превышал трех тысяч рублей. Поэтому оставалась невыясненной подследственность уголовных дел, превышающих компетенцию местного суда. Этот вопрос получил свое разрешение в Декрете № 2 о суде, изданном ВЦИК 7 марта 1918 г.¹

Декретом о суде № 2 для рассмотрения дел, превышающих подсудность местного народного суда, были организованы окружные народные суды и устанавливалось, что предварительное следствие по уголовным делам, превышающим подсудность местного народного суда, производится следственными комиссиями из трех лиц, избираемых впредь до назначения прямых выборов Советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

¹ СУ РСФСР, 1918 г., № 26, ст. 420 (347).

Декрет о суде № 2 наделял следственные комиссии специальным правом обращаться в необходимых случаях при производстве расследования «за содействием как к красной гвардии или народной милиции, так и ко всем частным и должностным лицам, а равно и к государственным и общественным организациям». Это возлагало на последних обязанность оказывать требуемое от них содействие в целях успешного расследования дела и раскрытия истины.

Законодатель в принципе положительно решал и вопрос об участии защиты в стадии предварительного следствия, но вместе с этим он предоставил право следственной комиссии специальным постановлением ограничивать это участие, если того требовали интересы раскрытия истины.

Решения, выносимые следственной комиссией, могли быть обжалованы заинтересованными лицами в окружной суд. Здесь мы видим первое указание в законе на процессуальное подчинение органов предварительного следствия.

20 июля 1918 г., в развитие и дополнение ранее изданных декретов о суде, СНК РСФСР издал Декрет о суде № 3, которым компетенция местного народного суда значительно расширялась¹. На него возлагалось рассмотрение всех уголовных дел о преступлениях и проступках, за исключением лишь дел о посягательствах на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взятничестве и спекуляции, рассмотрение которых было отнесено к ведению окружных народных судов.

Местные народные суды по декрету о суде № 3 получили право налагать наказание на срок до пяти лет лишения свободы. При этом было признано возможным не требовать обязательного производства предварительного следствия по всем уголовным делам, подсудным местному народному суду, а производить таковое лишь по более сложным уголовным делам. Органами предварительного следствия являлись следственные комиссии, учрежденные по декрету о суде № 2.

Конкретного перечня уголовных дел, по которым предварительное следствие должно было производиться следственной комиссией, декрет о суде № 3 в себе не содержал и лишь общим образом говорил о сложности этих дел. По другим— менее сложным уголовным делам, подсудным местному народному суду, предварительное следствие, в случае необходимости, производилось народным судьей единолично.

Это же было подтверждено Положением о Народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 года², которое уточняет функции следственной комиссии и определяет организационную структуру предварительного следствия (следственные участки, состав следственных комиссий и т. д.).

¹ СУ РСФСР, 1918 г., № 52, ст. 589.

² СУ РСФСР, 1918 г., № 85, ст. 889.

Статья 28 Положения устанавливала, что производство предварительного следствия по делам, рассматриваемым народным судом с участием шести очередных народных заседателей (о посягательствах на человеческую жизнь, причинении тяжёлых ран или увечья, изнасиловании, разбое, подделке денежных знаков и документов, взяточничестве и спекуляции монопольными и нормированными продуктами потребления), является обязательным и возлагается на уездные и городские следственные комиссии.

По остальным уголовным делам от народного суда зависело удовлетвориться произведённым милицией дознанием или же передать дело для производства предварительного следствия в следственную комиссию. В случаях, не терпящих отлагательства, народный суд мог поручить производство предварительного следствия народному судье.

В целях обеспечения более организованной и успешной борьбы с преступностью Положением была введена участковая система работы следственных органов. Территория каждого уезда или города разбивалась исполнительным комитетом Советов рабочих и крестьянских депутатов на следственные участки, в которых учреждалась избранная местными органами власти участковая следственная комиссия.

Участковая следственная комиссия состояла из председателя и двух членов и в полном своём составе разрешала важнейшие вопросы предварительного следствия — о возбуждении дела и о прекращении следствия, об избрании меры пресечения и изменении ее, об окончании следствия и предании суду (ст. 35). Производство же отдельных следственных действий, как-то: допрос свидетелей, осмотр места происшествия, осмотр вещественных доказательств и др. — могло быть поручено комиссией отдельным ее членам, но могло быть произведено ее полным составом.

Таким образом, к концу 1918 г. предварительное следствие, за небольшим исключением, было организовано на коллегиальных началах и было сосредоточено в следственных комиссиях, разрешавших все вопросы следствия вплоть до предания суду и заключения обвиняемого под стражу. При этом, однако, окончательное решение вопроса о прекращении дела принадлежало народному суду. Ему же принадлежало право принимать окончательные решения по поступившим к нему жалобам на постановления следственной комиссии.

Принцип коллегиальности предварительного следствия был сохранен в РСФСР до осени 1920 года.

Состоявшийся в июне 1920 г. 3-й съезд деятелей советской юстиции высказался за отказ от коллегиальности в расследовании, ликвидацию следственных комиссий и за единолично проводимое предварительное следствие. Было предложено следственные комиссии заменить единоличными народ-

ными следователями, учреждаемыми по районам, где они должны избираться губернскими исполнительными комитетами и состоять в ведении совета народных судей. Кроме того, при отделах юстиции учреждались независимые от местных властей следователи по важнейшим делам, назначаемые губернскими отделами юстиции и утверждаемые НКЮ¹.

Эта перестройка предварительного следствия была осуществлена Положением о Народном Суде РСФСР от 21 октября 1920 г.² На основе этого Положения НКЮ РСФСР была разработана и разослана для руководства «Инструкция Народным следователям по производству предварительного следствия».

Чем можно объяснить эту реорганизацию следственного производства?

Учрежденные декретом о суде № 2 следственные комиссии, действуя с молчаливого согласия руководящих органов НКЮ, положили в основание своей работы присущие стадии судебного разбирательства гласность и состязательность, полагая, что и в стадии предварительного следствия это обеспечит лучшее достижение истины по делу. В частности, в 1918 году была издана и действовала в Москве инструкция о следственных комиссиях. Согласно этой инструкции следственные комиссии проводили свои заседания открыто, с вызовом обвиняемого и допущением сторон, с прениями сторон, а иногда и с вызовом в заседание комиссии свидетелей. На основе всего этого и разрешался вопрос о полноте следствия и о достаточности доказательств для предания обвиняемого суду³.

Понятно, что такое построение предварительного следствия не способствовало успешной борьбе с преступностью. Оно не содействовало также и дальнейшему росту мастерства следовательских кадров, поскольку, предоставляя решение многих вопросов следствия усмотрению комиссии в целом, такой порядок сковывал тем самым личную инициативу каждого в отдельности следственного работника, порождал безответственность отдельных членов комиссии за допущенные ими ошибки и пробелы.

Ввиду этого 3-й съезд деятелей советской юстиции решительно высказался за упразднение коллегиального начала в организации следствия и за введение института единоличных народных следователей. В своей резолюции по этому вопросу съезд указал: «Следственные комиссии (ст. ст. 28—29 «Положения о Народном Суде РСФСР» 1918 г.) заменяются

¹ Н. В. Крыленко. Судостроительство РСФСР, М., 1923 г., стр. 127—130.

² СУ РСФСР, 1920 г., № 83, ст. 407.

³ Н. В. Крыленко. Суд и право в СССР, 1927 г., ч. I, стр. 113—114.

единоличными Народными следователями: а) районными, которые избираются Губисполкомами и состоят в ведении Губсовнарсудов, б) Следователями по важнейшим делам при Отделах Юстиции, которые назначаются последними и утверждаются НКЮ, и в) Следователями по важнейшим делам при НКЮ»¹.

Положение о Народном Суде РСФСР от 21 октября 1920 г., закрепившее перестройку предварительного следствия, возложило производство предварительного следствия по делам о наиболее тяжких преступлениях, рассматриваемых народным судом с участием шести заседателей, на единоличных народных следователей (ст. 28). Сюда относились дела: о посягательствах на человеческую жизнь, причинении тяжелых ран или увечья, изнасиловании, разбое, поджоге и подделке денежных знаков и документов (ст. 7).

По всем другим уголовным делам от народного суда, как и раньше, зависело ограничиться произведенным милицией дознанием или же передать дело для производства предварительного следствия народному следователю, а в случаях, не терпящих отлагательства, поручить производство предварительного следствия постоянному народному судье.

Следователи получили право самостоятельно производить необходимые следственные действия и требовать при этом, в случае необходимости, содействия милиции, уголовного розыска и других учреждений и лиц.

Следователи вправе были возбуждать уголовные дела, избирать меру пресечения, а также выносить постановления об окончании следствия и о предании суду либо о прекращении дела. Но, как и прежде, окончательное решение о прекращении дела или о предании обвиняемого суду оставалось за судом.

По существу только один вопрос, иногда возникавший в стадии предварительного следствия, исключался из компетенции народного следователя—это вопрос о прекращении дела.

Следователь, придя к выводу о необходимости прекращения уголовного дела, должен был составить об этом мотивированное постановление и направить его со всем следственным производством в народный суд на утверждение. В случае несогласия суда с мнением следователя, суд вправе был вернуть дело для доследования, подробно указав, в чем именно надлежит дело доследовать. Эти указания суда являлись обязательными для следователя.

* * *

На Украине первыми законодательными актами, положившими начало строительству нового суда и процесса, явились

¹ См. Н. В. Крыленко. Судостроительство РСФСР. М., 1923 г., стр. 246.

постановление от 4 января 1918 г. Народного Секретариата Украинской Народной Республики (первое советское правительство на Украине) «О введении народного суда»¹ и Положение о революционных трибуналах от 23 января 1918 года².

Эти акты, впервые обнаруженные А. Л. Ривлиным в 1949 году³, содержали основные положения декрета о суде № 1 РСФСР.

Постановлением от 4 января 1918 г. «О введении народного суда» на территории Украинской Народной Республики была упразднена вся старая буржуазно-помещичья судебная система, а также упразднены существовавшие до этого институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры. Вместо них указанным постановлением были созданы местные народные суды — участковые, уездные и городские (ст. ст. 1, 2).

Постановление это, как и декрет о суде № 1 в РСФСР, не содержало конкретного перечня преступлений, по делам о которых производство предварительного следствия было обязательно. В нем лишь общим образом указывалось, что предварительное следствие по уголовным делам возлагалось на постоянных судей единолично, которые вправе были принимать решения (приказы) о задержании, о приводе и взятии под стражу лиц, совершивших преступление. Однако такого рода приказы постоянных судей сохраняли силу лишь при условии их подтверждения в течение 12 часов постановлением всего участкового народного суда (ст. 14).

Согласно постановлению от 4 января 1918 г. все без исключения уголовные дела подлежали направлению в участковые народные суды, которые принимали к своему рассмотрению по существу лишь те из них, по которым могло быть назначено наказание не свыше одного года тюрьмы или 5000 рублей штрафа. Дела же о преступлениях, влекущих наказание выше одного года тюрьмы или 5000 рублей штрафа, передавались участковыми судами на разрешение уездного или городского суда (ст. 12).

Участие защитника на предварительном следствии не было ограничено ни законом, ни усмотрением лиц, проводивших расследование. Защитниками могли выступить «все граждане старше 18 лет» (ст. 18).

Постановление, как и декрет о суде № 1, наделяло судей широкими полномочиями при производстве уголовных дел.

¹ Опубликовано в «Вестнике Украинской Народной Республики» от 10 января 1918 г., № 5.

² Опубликовано там же, № 15 от 23 января 1918 г.

³ См. А. Л. Ривлин. Первые законодательные акты о советском суде на Украине. «Советское государство и право», 1949 г., № 11, стр. 57—65.

В качестве твердого правила закон предписывал судьям руководствоваться в своих решениях прежде всего революционной совестью. Судьям разрешалось также пользоваться законами прежних правительств, но если они не противоречили постановлениям Советской власти и партийным директивам (ст. 23).

Таким образом, не вызывает сомнения, что первым законодательным актом о суде на Украине, сыгравшим роль декрета о суде № 1 в РСФСР, явилось постановление Народно-го Секретариата Украинской Народной (Рабоче-Крестьянской) Республики от 4 января 1918 г., а не декрет о суде 14 февраля 1919 г., изданный Советом Народных Комиссаров Украины, как это долгое время было принято считать¹.

То же относится и к организации революционных трибуналов на Украине. Первые рабочие и крестьянские революционные трибуналы на Украине (уездные и городские) были созданы уже в январе 1918 г., а не в декабре, как об этом указывает проф. М. А. Чельцов².

Революционные трибуналы, немедленное создание которых предусматривалось упомянутым выше постановлением от 4 января 1918 г. (ст. 26), имели своей задачей беспощадное преследование «мародерства и всех видов злоупотребления промышленников, торговцев и укрывателей продовольственных запасов», а равно борьбу «с саботажем чиновников и прочих служащих всех учреждений»³.

В отличие от народных судов, где ведение предварительного следствия возлагалось на постоянных судей, при революционном трибунале состояла следственная комиссия из 6 лиц, которая производила дознание и предварительное следствие по всем делам, поступавшим в революционные трибуналы.

В соответствии с Положением о революционных трибуналах следственные комиссии вправе были производить все необходимые следственные действия в целях раскрытия преступления и установления виновных (осмотры, обыски, выемки, допросы, избрание в отношении обвиняемого меры пресечения).

Важно отметить, что даже в условиях ожесточенной гражданской войны молодая Рабоче-Крестьянская власть на Украине в своих первых законодательных актах о суде и процессе предусматривала в качестве важнейшего принципа обеспечение обвиняемому права на защиту. Так, Положение

¹ См. М. В. Кожевников. История советского суда. Юриздат, 1948 г.; Д. С. Карев. Судостроительство, Юриздат, М., 1948 г., стр. 77, 85. М. А. Чельцов. Уголовный процесс. Юриздат, М., 1948 г., стр. 150.

² См. М. А. Чельцов. Уголовный процесс. Юриздат, М., 1948 г., стр. 149—150.

³ См. приложения к статье А. Л. Ривлина, «Советское государство и право», 1949 г., № 11, стр. 64—65.

о революционных трибуналах, наряду с допуском защитника на предварительное следствие, содержало в отношении следственной комиссии требование обязательного предъявления задержанному обвинения в течение 48 часов (ст. 16).

Таково основное содержание постановления от 4 января 1918 г. «О введении народного суда» и Положения о революционных трибуналах на Украине от 23 января 1918 г. в части, касающейся органов предварительного расследования.

Однако этим законодательным актам не суждено было завершить ликвидацию старого буржуазно-помещичьего судебного аппарата на Украине и построение нового суда и процесса. К концу апреля 1918 г. войска кайзеровской Германии совместно с вооруженными бандами Центральной рады захватили почти всю Украину. Поэтому с изгнанием немецких захватчиков с Украины в 1919 г. задачу ликвидации буржуазно-помещичьей судебной системы и создания нового советского суда и процесса пришлось разрешать заново.

14 февраля 1919 г. Декретом о Судах Совета Народных Комиссаров Украины были упразднены все судебные учреждения, существовавшие на оккупированной территории Украины, а также все состоявшие при судебных местах учреждения и организации (прокурорский надзор, институты судебных следователей, адвокатура и т. д.)¹.

Этим же декретом было утверждено «Временное Положение о Народных Судах и Революционных Трибуналах УССР», которое было введено в действие с 15 февраля 1919 г.

Важно отметить, что вопрос о производстве предварительного следствия единоличными народными следователями был разрешён в Украинской ССР уже Временным Положением, принятым в начале 1919 г. Согласно этому Положению производство предварительного следствия было обязательно по делам: о посягательствах на человеческую жизнь, об изнасиловании, о причинении тяжелых ран или увечья, разбоя, грабежах, подлоге документов и подделке денежных знаков (ст. 36, п. «а»).

По делам о других преступлениях предварительное следствие производилось только по особому постановлению постоянного народного судьи.

Наряду с этим Временное Положение (ст. 40) разрешало народному судье особым постановлением признавать излишним производство предварительного следствия по тому или иному конкретному делу о преступлениях, предусмотренных п. «а» ст. 36 Положения.

В остальной части «Временное Положение о Народном Суде УССР» содержало относительно следователей те же

¹ См. Сборник декретов, положений, инструкций и циркуляров по НКЮ УССР, 1920 г.

правила, что и Положение о Народном Суде РСФСР от 21 октября 1920 г.

В развитие Временного Положения о Народном Суде УССР была издана 12 мая 1919 г. Инструкция¹, которая, наряду с другими вопросами, определяла организационное положение следователя. Она устанавливала, что народные следователи состоят в непосредственном ведении и подчинении Контрольно-Следственных Подотделов местных Юридических Отделов, которые осуществляли общий и текущий надзор за деятельностью следственных властей, а также инструктирование последних. Указания Контрольно-Следственного Подотдела и лица, особо уполномоченного им для осуществления руководства текущей работой народного следователя, являлись для последнего обязательными (п. п. 48, 50, 51)².

В том же 1919 г. Народный Комиссариат Юстиции УССР издал подробную Инструкцию для народных следователей.

Подчеркивая, что народные следователи должны производить предварительное следствие «строго руководствуясь правилами, изложенными в настоящей Инструкции» (§ 1), эта последняя наделяла народного следователя достаточно широкими полномочиями для самостоятельного разрешения возникающих в ходе расследования вопросов. «При производстве предварительного следствия, — указывала Инструкция, — Народный следователь предпринимает собственной властью все необходимые действия, за исключением положительно запрещенных законами УССР» (§ 5).

Инструкция запрещала следователю останавливать производство предварительного следствия под предлогом неясности или неполноты Инструкции или других распоряжений, определяющих обязанности следователя. В этих случаях следователю предписывалось «действовать по собственной инициативе, заботясь о выяснении истины и руководствуясь, в качестве контроля, интересами Социалистической революции» (§ 15).

Предварительное следствие производилось народным следователем под контролем и руководством Народного судьи, Контрольно-Следственного Подотдела Юридического Отдела (позже Судебно-Следственного Подотдела Огюста) и Коллегии обвинителей, которые вправе были знакомиться со всеми материалами предварительного следствия. Но только требования народного судьи о производстве тех или иных следственных действий подлежали обязательному исполнению народным следователем (§§ 35, 72). Что же касается таких же требований Контрольно-Следственного Подотдела и Коллегии обвинителей, то они, в случае несогласия с ними следова-

¹ См. Сборник декретов, положений, инструкций и циркуляров по НКЮ УССР, 1920 г.

² Там же.

теля, не приводились в исполнение с тем, однако, что следователь обязан был об этом немедленно сообщить народному судье с подробным указанием оснований этого несогласия (§§ 36, 171, 180).

Инструкция не дает прямого ответа на вопрос о том, какие наступают последствия в случае несогласия следователя с указаниями народного судьи. Но так как § 38 Инструкции предоставлял народному судье право самому производить следствие, то отсюда следует, что если следователь не соглашался с указаниями народного судьи, последний мог изъять у него дело и произвести по нему предварительное следствие.

Только вопрос о прекращении дела не мог быть разрешен следователем самостоятельно. Согласно § 172 Инструкции предварительное следствие могло считаться окончательно прекращенным только по постановлению народного суда. Поэтому, если народный следователь пришел к выводу о необходимости прекращения уголовного дела, он должен был составить о том мотивированное постановление и направить его вместе с делом народному судье (§ 173).

26 октября 1920 г. было принято новое Положение о Народном Суде УССР¹, которое определяло компетенцию следователя в основном так же, как и Положение о Народном Суде РСФСР от 21 октября 1920 г.

В 1921 г. Народный Комиссариат Юстиции УССР издал новую Инструкцию для народных следователей, которая, сохранив основные положения Инструкции 1919 г., дала более обстоятельную обрисовку отдельных следственных действий.

По Инструкции 1921 г. народные следователи при производстве предварительного следствия должны были руководствоваться правилами данной Инструкции, а при неясности ее или неполноте действовать «руководствуясь социалистическим правосознанием и имея в виду интересы следствия» (п. 12).

Таким образом, как Инструкция для народных следователей РСФСР (1920 г.), так и Инструкции для народных следователей УССР (1919 и 1921 гг.) подчеркивают два основных положения: 1) единоличные народные следователи подчинены во всех своих действиях народному суду, 2) вместе с тем народные следователи наделены определенными полномочиями для производства требуемых по делу следственных действий и правом самостоятельного разрешения возникающих в ходе расследования вопросов.

Инструкция народным следователям по производству предварительных следствий, изданная в 1920 г. НКЮ РСФСР, служила основным руководством для следователей, до принятия и введения в действие первого Уголовно-процес-

¹ СУ УССР 1920 г., № 25, ст. 536.

суального кодекса РСФСР 1922 года. Инструкция для народных следователей УССР (1921 г.) также действовала до принятия первого Уголовно-процессуального кодекса УССР 1922 г.

* *
*

25 мая 1922 года 3-й сессией ВЦИК¹ был принят и с 1 августа того же года, одновременно с институтом прокуратуры, введен в действие первый советский Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР², который представлял собой законодательный акт, детально разработанный и регламентировавший всю деятельность судебных, прокурорских и следственных органов по расследованию и разрешению уголовных дел.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. внес существенные изменения в нормы, регулирующие производство предварительного следствия.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР установил обязательное производство предварительного следствия по всем делам, рассматриваемым народным судом с шестью заседателями (ст. 110), и значительно расширил круг этих дел.

Если раньше народный суд с участием шести заседателей рассматривал дела: о посягательстве на человеческую жизнь, о причинении тяжелых ран или увечья, об изнасиловании, разбое, поджоге и подделке денежных знаков и документов, то согласно УПК 1922 г. народный суд с участием шести заседателей рассматривал дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 142—150, 160—162, 166—171, 183 и 197 УК РСФСР.

Сюда относились: дела о всех преступлениях, посягающих на человеческую жизнь, дела о преступлениях против свободы и достоинства личности (лишение свободы способом, опасным для жизни или здоровья лишенного свободы; помещение в больницу для душевнобольных заведомо здорового лица из корыстных или иных личных видов; похищение, сокрытие или подмен чужого ребенка с корыстной целью, из мести или из иных личных видов), о причинении тяжких телесных повреждений, а также об умышленном менее тяжком телесном повреждении, дела о всех половых преступлениях, дела о грабежах, соединенных с насилием над личностью, и об умышленном истреблении или повреждении имущества.

Вместе с этим Уголовно-процессуальный кодекс, в противоположность Положению о Народном суде 1920 г., не признал обязательным производство предварительного следствия по делам о разбое и подделке денежных знаков и документов. Однако по определению суда или предложению прокурора предварительное следствие могло быть произведено и по

¹ СУ РСФСР 1922 г., № 20—21, ст. 230.

² СУ РСФСР 1922 г., № 44, ст. 539.

этим делам, как и по любому другому уголовному делу, в случае их особой сложности или государственного или общественного интереса.

Здесь впервые содержится указание на активное участие в предварительном следствии нового государственного органа—прокуратуры.

Прокуратура была учреждена в целях осуществления надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью¹. В соответствии с этим Положением о прокурорском надзоре от 28 мая 1922 г. на прокуратуру были возложены: «надзор за производством дознания и предварительного следствия, дача указаний и разъяснений органам дознания и предварительного следствия по вопросу о мере пресечения, а равно и по другим, связанным с предварительным следствием, вопросам» (ст. 13, п. «б»).

В соответствии с этим первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. устанавливал в виде общего положения, что «надзор за производством предварительного следствия осуществляется прокурором, который вправе знакомиться с актами предварительного следствия и давать указания следователю о направлении и дополнении следствия. Указания, сделанные прокурором, обязательны для следователя» (ст. 121).

Однако такое указание закона еще не дает основания для вывода о том, что с принятием первого Уголовно-процессуального кодекса РСФСР утратилась процессуальная самостоятельность следователя.

Процессуальное положение следователя, как показывает анализ последующих норм УПК, с введением прокурорского надзора за следствием в 1922 г., в сущности не изменилось. Следователь по-прежнему оставался и в административном, и в процессуальном подчинении суда.

Оставаясь самостоятельным субъектом уголовно-процессуальной деятельности, следователь по-прежнему сохранял свои полномочия, необходимые для осуществления всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств находящегося в его производстве дела. Как и раньше, он вправе был принимать самостоятельно решения по возникающим при расследовании дела вопросам. В частности, следователь вправе был, руководствуясь обстоятельствами дела, принять в отношении обвиняемого любую меру пресечения, вплоть до заключения под стражу (ст. 147 УПК РСФСР).

Статья 163 УПК РСФСР обязывала следователя об избрании им в качестве меры пресечения заключения под стражу сообщать прокурору, но это ничего не меняло в процессуальном положении следователя, так как даже, если про-

¹ СУ РСФСР, 1922 г., № 36, ст. 424.

курор, в соответствии со ст. 15 УПК, предлагал следователю отменить принятую им меру пресечения или заменить ее другой, или же избрать меру пресечения, если таковая не была избрана следователем, то и в этом случае следователь мог не согласиться с предложением прокурора, и тогда этот вопрос переходил на разрешение суда, которому данное дело было подсудно.

Только в случае избрания меры пресечения по предложению прокурора, следователь мог изменить ее лишь с согласия прокурора. Такое же правило устанавливалось в отношении тех случаев, когда мера пресечения была назначена судом (ст. ст. 151, 164 УПК РСФСР).

Чтобы до конца уяснить вопрос о процессуальных взаимоотношениях между следователем и прокурором, установленных Уголовно-процессуальным кодексом, следует обратиться к его положениям о рассмотрении и разрешении жалоб, приносимых заинтересованными в деле лицами на действия следователя.

Жалобы прокурору могли приноситься указанными лицами лишь на медленность производства, несоблюдение сроков предъявления обвинения, принятие мер пресечения и незаконные действия следователя (ст. 216).

При разрешении поступившей жалобы прокурор вправе был истребовать от следователя объяснения и вынести по жалобе решение, которое немедленно приводилось в исполнение. Однако в случае несогласия следователя с решением прокурора, оно могло быть обжаловано им в суд, который окончательно разрешал спорный вопрос (ст. ст. 222, 224).

Придя в итоге расследования к выводу о необходимости прекратить уголовное дело, следователь составлял об этом мотивированное постановление и направлял дело в суд, которому оно было подсудно. Прокурора следователь должен был лишь уведомить об этом.

Суд либо прекращал уголовное дело, согласившись с постановлением следователя, либо возвращал дело следователю для производства дальнейшего предварительного следствия (ст. 207).

Это не означало, что прокурор вовсе устранялся от участия при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела. Будучи уведомлен следователем о направлении им дела в суд для прекращения, прокурор мог войти со своими возражениями в суд (ст. 230), который принимал окончательное решение по данному вопросу.

Таким образом, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. последовательно осуществлял начала процессуальной самостоятельности следователя. Участие прокурора в предварительном следствии имело место лишь там и тогда, где и когда следователем было допущено нарушение закона.

Поэтому закон подчеркивал обязательность для следователя указаний прокурора о направлении и дополнении следствия (ст. ст. 121, 231 УПК РСФСР).

В вопросе об отводе следователя Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. сохранил ранее действовавшее положение: отвод, заявленный против следователя, разрешался народным судом того района, где находилась камера следователя, или при котором следователь состоял (ст. 125).

11 ноября 1922 г. ВЦИК было принято постановление о введении в действие Положения о судоустройстве РСФСР¹.

По положению о судоустройстве РСФСР 1922 г. Народные следователи состояли при соответствующих следственных участках (народные следователи), при губернском суде по уголовному его отделению (старшие следователи), при Верховном суде РСФСР и при отделе Прокуратуры Народного Комиссариата Юстиции для производства срочных расследований по важнейшим делам (следователи по важнейшим делам).

Деятельность народных следователей была поставлена Положением под наблюдение прокуроров и губернских судов (ст. ст. 7, 32, 33).

Губернский суд распределял следственные участки и назначал народных следователей с последующим их утверждением губернским исполнительным комитетом и Народным Комиссаром юстиции. Он же вправе был отстранять народных следователей от должности как по своей инициативе, так и по предложению губернского исполнительного комитета или Народного Комиссара юстиции (ст. 35).

Пленум губернского суда ведал, кроме того, «назначением ревизий народных судей и народных следователей и заслушиванием докладов по ним и выработкой наказов и инструкций в пределах ведения губернского суда» (ст. 50, п. «а»).

Таким образом, Положением о судоустройстве РСФСР народные следователи были поставлены в определенную зависимость от судебных учреждений, при которых они состояли, были им подчинены.

В том же 1922 г. в Украинской ССР были приняты Положение о прокурорском надзоре², Уголовно-процессуальный кодекс УССР³ и Положение о судоустройстве УССР⁴.

Указанные акты в основе своей — в целях достижения единства судебного производства в советских республиках — не отличались от соответствующих законодательных актов, принятых в РСФСР.

Так, обязательное производство предварительного следст-

¹ СУ РСФСР, 1922 г., № 69, ст. 902.

² СУ УССР, 1922 г., № 28, ст. 440.

³ СУ УССР, 1922 г., № 41, ст. 598.

⁴ СУ УССР, 1922 г., № 54, ст. 779.

вия, как и в РСФСР, устанавливалось УПК УССР по всем делам, рассматриваемым народным судом с шестью заседателями; в случае необходимости, предварительное следствие и отдельные следственные действия могли быть произведены и по всем остальным делам, по особому каждый раз определению суда или по предложению прокурора (ст. 110 УПК УССР). Перечень дел, подлежащих рассмотрению в составе народного судьи и шести народных заседателей, был тем же, что и по УПК РСФСР (ст. 26 УПК УССР).

Надзор за производством предварительного следствия был возложен на прокурора, который вправе был знакомиться с материалами предварительного следствия и давать следователю указания о направлении и дополнении следствия. При этом, как и в РСФСР, в Уголовно-процессуальном кодексе Украинской ССР, содержалось положение, согласно которому указания, сделанные прокурором, являлись для следователя обязательными (ст. 121).

Вместе с этим и в Украинской ССР следователь был наделен широкими полномочиями для производства расследования уголовных дел. Следователь вправе был самостоятельно производить все необходимые по делу следственные действия: осмотры, обыски, выемки, допросы, привлекать к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, принимать в отношении обвиняемых и подозреваемых предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом меры пресечения (ст. ст. 64, 131, 137, 146, 148, 178, 192 УПК УССР). На производство выемки почтово-телеграфной корреспонденции следователь должен был испрашивать разрешения у прокурора (ст. 189 УПК УССР). Закон лишь (как и УПК РСФСР) требовал от следователя, чтобы он направлял предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела (ст. 114 УПК УССР).

При несогласии следователя с предложением прокурора об избрании, отмене или изменении принятой меры пресечения закон разрешал следователю перенести спорный вопрос на разрешение суда, которому данное дело было подсудно (ст. 151 УПК УССР). Вместе с этим следователь не вправе был без согласия прокурора изменить меру пресечения, избранную по предложению прокурора. Такое же правило устанавливалось УПК УССР и в отношении тех случаев, если мера пресечения была назначена судом (ст. 151), она могла быть отменена или изменена лишь по определению суда (ст. 164 УПК УССР).

По вопросу о прекращении предварительного следствия Уголовно-процессуальный кодекс УССР также содержал положение, аналогичное положению УПК РСФСР: о прекраще-

нии предварительного следствия следователь составлял мотивированное постановление и препровождал дело в суд, которому оно было подсудно (ст. 207).

Таким образом, основные положения законодательства Украинской ССР 1922 г., определявшие место следователя в уголовном процессе, были аналогичны положениям законодательства РСФСР 1922 г. и тем самым способствовали упрочению революционного правопорядка на территории Советской Украины.

СОДЕРЖАНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Д. А. ПОСТОВОЙ

(кафедра уголовного права и процесса)

Обвинительное заключение является процессуальным актом, которым завершается одна из важнейших стадий советского уголовного процесса — стадия предварительного расследования в тех случаях, когда расследованием добыты достаточные данные для предания обвиняемого суду. Обвинительное заключение подводит итоги предварительного расследования и является исходным моментом и основанием рассмотрения дела судом; оно формулирует предмет судебного разбирательства и намечает его пределы. Своевременное вручение подсудимому копии этого акта служит одним из средств обеспечения его права на защиту и представляет собой одно из условий судебного разбирательства. Этим определяется процессуальное значение обвинительного заключения.

Между тем до настоящего времени обвинительному заключению не уделялось надлежащего внимания в советской юридической литературе. Достаточно сказать, что вся литература по данному вопросу исчерпывается соответствующими разделами учебников по советскому уголовному процессу¹, брошюрой профессора М. С. Строговича² и статьей Р. Д. Рахунова³. Настоящая статья представляет собой попытку осветить одну из основных сторон обвинительного заключения, то есть вопрос о его содержании.

¹ Проф. М. С. Строгович. Уголовный процесс. М., 1946 г., стр. 323—338; его же «Курс советского уголовного процесса». М., 1958 г., стр. 349—358; проф. М. А. Чельцов. Уголовный процесс. М., 1948 г., стр. 432—436; его же «Советский уголовный процесс». М., 1951 г., стр. 292—294.

² Проф. М. С. Строгович. Обвинительное заключение. М., 1943 г.

³ Р. Д. Рахунов. Обвинительное заключение. «Социалистическая законность», 1947 г., № 11—12.

В стадии предварительного расследования, как и в судебном разбирательстве, подлежат доказыванию обстоятельства, имеющие значение для дела. Таковы: 1) событие преступления (время, место, способы и иные обстоятельства совершения преступления), 2) виновность обвиняемого в совершении преступления, 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, 4) характер и размер ущерба, причиненного преступлением, 5) условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 15 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.; ст. 23 УПК УССР 1960 г.; ст. 21 УПК РСФСР 1960 г.)¹.

Эти же обстоятельства, будучи установлены расследованием, должны быть соответственно изложены в обвинительном заключении. Согласно ст. 223 УПК УССР (ст. 205 УПК РСФСР) в обвинительном заключении приводятся «обстоятельства дела, как они установлены расследованием — место, время, способы, мотивы и последствия преступления, совершенного каждым из обвиняемых, а также доказательства, собранные по делу, и сведения о потерпевшем: показания каждого из обвиняемых по существу предъявленного ему обвинения, доводы, приводимые им в свою защиту и результаты проверки этих доводов; наличие обстоятельств, отягчающих и смягчающих его ответственность». В обвинительном заключении приводятся также сведения о личности обвиняемого и формулировка предъявленного обвинения с указанием статьи или статей уголовного закона, предусматривающих данное преступление. Отсюда следует, что описание признаков преступления в соответствии с установленными законом элементами состава преступления представляет собой важнейшую часть содержания обвинительного заключения.

Признаки каждого преступления по самой природе своей делятся на объективные и субъективные. В соответствии с этим и уголовный закон, предусматривая ответственность за те или иные преступные деяния, содержит в себе указания на эти признаки в виде объективных и субъективных элементов состава преступления. Объективные признаки преступления — это такие данные, как время и место, обстановка совершения преступления, способ действия (бездействия), объект и предмет посягательства, а также последствия и причинная связь между действием (бездействием) и преступным последствием. Субъективные признаки преступления — это форма вины (умысел или неосторожность), мотив и цель преступления.

Правильное освещение в обвинительном заключении фактов, представляющих из себя объективные признаки преступ-

¹ В дальнейшем изложении, если не оговорено иное, ссылки приводятся на Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года, УПК УССР, 1960 г. и УПК РСФСР, 1960 г.

ления, является важнейшим условием правильной квалификации каждого данного преступления. Значение этих фактов для квалификации преступления обусловлено тем, что, как пишет профессор А. Н. Трайнин, «специфика каждого состава преступления находит свое выражение, главным образом, в объективной стороне (разрядка автора — Д. П.); здесь чаще всего проходит грань, отделяющая одно преступление от другого»¹.

Но описание в обвинительном заключении объективных признаков преступления имеет еще и другое не менее важное значение. Будучи установлены расследованием и описаны в обвинительном заключении, эти признаки могут служить доказательствами соответствующей формы вины обвиняемого, то есть его субъективного отношения к своему действию (бездействию) и его последствиям.

Ст. 23 и ст. 223 УПК УССР (ст. 21 и ст. 205 УПК РСФСР), определяющие предмет доказывания и содержание обвинительного заключения, не случайно на первый план ставят «событие преступления: время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления» и только после этого говорят о «виновности обвиняемого в совершении преступления». Из этого следует, что без установления объективных признаков преступления не могут быть установлены его субъективные признаки, не может быть решен вопрос о субъективном отношении лица к деянию и его последствиям, то есть о виновности обвиняемого.

В данном вопросе советское уголовно-процессуальное законодательство и правовая теория исходят из положений марксистско-ленинской теории познания о том, что субъективное может быть познано только через объективное, так как первое находит свое отражение в последнем.

«... Собрание валежника и кража дров, — писал К. Маркс, — это существенно различные вещи. Различны объекты, не менее различны и действия, направленные на эти объекты, следовательно различны должны быть и намерения, ибо какое же объективное мерило можем мы приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы?»².

В. И. Ленин на вопрос о том, «... по каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей?», — отвечал: «Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: общественные действия личностей, т. е. социальные факты»³.

¹ Проф. А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву. Госюриздат, М., 1951 г., стр. 183.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том I, стр. 122.

³ В. И. Ленин Соч., том I, стр. 385.

Эта неразрывная связь объективного и субъективного, возможность познания последнего через первое должны учитываться и в практике органов расследования по борьбе с преступностью. Исходя именно из этой связи, органы расследования обязаны прежде всего со всей полнотой раскрыть объективную сторону преступления, которая и должна быть описана с необходимой для данного дела тщательностью в обвинительном заключении.

1

Преступление — это явление объективной действительности и, как любое явление, оно может быть совершено лишь во времени и в пространстве, так как «никакое бытие вне времени и пространства невозможно». Время и пространство — «это объективно реальная форма существования движущейся материи». При этом категория времени выражает «последовательность развертывания материальных процессов, отделенность друг от друга разных стадий этих процессов, их длительность, их развитие». Понятие пространства определяет «сосуществование и отдаленность вещей друг от друга, их протяженность, порядок их расположения относительно друг друга»¹.

Более конкретными элементами категории времени являются прошедшее, настоящее и будущее время. Эти элементы, как и сама категория времени, имеют чрезвычайно важное значение во всех областях человеческой деятельности. Практическое их значение заключается, например, в том, что сама постановка вопроса о возможности познания событий прошлого, каковым всегда является преступление по отношению к моменту его расследования, была бы невозможной и бессмысленной вне времени и пространства.

Практическое значение пространства заключается в том, что в нем может быть определено место интересующего нас события. В силу всеобщих связей, существующих между предметами и явлениями в природе и обществе, одни явления сопутствуют событию преступления, являются обстановкой, в которой преступление совершено, другие — порождаются этим событием. С точки зрения правовой явления, порождаемые преступлением — это преступные последствия или ущерб, причиненный преступлением. Некоторые же из них — это следы преступления.

Как событие преступления, так и сопутствующие ему и порождаемые им явления, происходят в определенных условиях места и времени. Только с учетом этих условий и могут быть

¹ Основы марксистской философии, Государственное издательство политической литературы, М., 1958 г., стр. 141, 138—139.

познаны событие преступления, его обстановка и его последствия.

В качестве обязательного элемента состава преступления место предусмотрено законом лишь в немногих случаях. Так, ст. 160 УК УССР предусматривает ответственность за незаконную порубку леса «во всех лесах государственного значения, колхозных лесах и в границах лесозащитных полос». Еще более подробно указано место совершения этого преступления в ст. 169 УК РСФСР, которая карает незаконную порубку леса «в полезавитных, почвозащитных, берегозащитных лесах, в государственных заповедниках, курортных лесах, лесопарках, лесах зеленой зоны вокруг городов и промышленных предприятий».

В большинстве же случаев место совершения преступления не является обязательным элементом состава преступления. Однако и в этих случаях точное определение места совершения преступления необходимо иногда для решения такого вопроса, как вопрос о применении закона той или иной союзной республики, а также о подсудности и подсудности дела.

Равным образом в большинстве случаев не имеет значения обязательного элемента состава преступления время его совершения. Однако и время указано иногда в законе в качестве обязательного элемента состава преступления. Так, ст. 162 УК УССР карает незаконное производство рыбного, звериного и других водных добывающих промыслов «в запретное время». Отягчающим обстоятельством большинства воинских преступлений является такой признак как «военное время» и т. п.

Кроме того точное определение времени совершения преступления может иметь самостоятельное уголовно-правовое значение при решении таких вопросов, как применение давности (ст. 48 УК и п. 3 ст. 6 УПК УССР; ст. 48 УК и п. 3 ст. 5 УПК РСФСР), об обратной силе закона (ст. 6 УК УССР; ст. 6 УК РСФСР) или о применении амнистии (ст. 54 УК и п. 4 ст. 6 УПК УССР; ст. 56 УК и п. 4 ст. 5 УПК РСФСР).

Ввиду этого Верховный суд СССР неуклонно требует четкого установления времени и места совершения преступления при расследовании каждого дела. Так, в определении по делу Борисова и других Верховный суд СССР указал, что «в обвинительном заключении, вопреки прямому требованию ст. 207 УПК РСФСР (1923 г. — Д. П.)... не были приведены конкретные данные о времени, месте и способах преступления»¹. Одним из оснований отмены приговора по делу Литвина явилось то, что, как указала в своем определении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, «материалами дела не установлено время ранения граждан

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1952 г., № 3, стр. 10—11.

Белогуб, хотя это обстоятельство имеет весьма существенное значение для решения дела»¹.

Наконец, точное обозначение места и времени совершения преступления в ряде случаев может иметь очень важное доказательственное значение. В частности, это имеет место там, где речь идет об алиби обвиняемого. Самое понятие алиби, то есть пребывание лица во время совершения преступления вне места его совершения, органически связано с понятием места и времени.

Единственным основанием отмены приговора по делу Князева явилось то, что ни органами следствия, ни судом не была проверена ссылка обвиняемого на свое алиби. На следствии и в суде Князев утверждал, что во время совершения преступления, то есть «вечером 9 января 1952 г. с 19 часов до 22 часов 30 минут он находился дома с заведующим магазином Манченко, затем вместе с ним пошел в пивную, а потом он один пошел к Елистратовой, где находился до 4 часов утра 10 января 1952 г. Эти объяснения Князева в процессе расследования и в судебном заседании проверены не были»².

Ввиду такого значения времени и места совершения преступления они каждый раз должны быть указаны в обвинительном заключении, как этого и требует ст. 223 УПК УССР (ст. 205 УПК РСФСР), независимо от того, являются ли они или не являются элементами данного состава преступления.

2

Важнейшим объективным признаком преступления является обстановка, в которой совершено преступление. Как отмечалось выше, обстановка — это предметы и явления, сопутствовавшие совершению преступления. Обстановка представляет из себя подробную характеристику места в момент совершения на нем преступления. Поэтому обстановка не может быть познана и учтена органами расследования и судом в отрыве от места и времени совершения преступления.

В связи с бесконечным многообразием фактов объективной действительности, которые могут образовать обстановку совершения каждого данного преступления, подробное ее исследование и описание в обвинительном заключении, конечно, в пределах, относящихся к делу, может иметь решающее значение для правильного установления и других фактов, имеющих значение для правильного расследования дела.

Весьма характерным с точки зрения учета обстановки, в которой совершено преступление, является дело Бессонова. Приговором народного суда Бессонов Владимир был осужден по ч. 1 ст. 146 УК УССР 1927 г. за то, что 1 января 1958 г. в 22 часа во дворе своего дома вмешался в драку между

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 11, стр. 34.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1953 г., № 3, стр. 10—12.

Бельским Петром и Чернавиным Ефимом, с одной стороны, и своим братом Бессоновым Василием — с другой стороны. Во время драки Бессонов Владимир нанес удар столовым ножом в спину присутствовавшей на месте драки гр-ке Бельской Ольге, причинив ей тяжкие телесные повреждения.

Рассмотрев это дело по кассационной жалобе осужденного, судебная коллегия по уголовным делам Харьковского областного суда указала в своем определении: «Народным судом установлено, что 1 января 1958 года в вечернее время семья Бессоновых находилась у себя дома и смотрела телепередачу. Около 22 часов к дому Бессоновых явились Чернавин и Бельский, которые были в нетрезвом состоянии, а также их жены, которые подозревали, что брат осужденного Бессонов Василий завязал колючей проволокой двери квартиры Чернавиных, у которых находились гости. Явившиеся лица начали стучать в квартиру Бессоновых и когда мать осужденного Бессонова Марфа открыла дверь, Бельский и Чернавин избили ее, причинив ей легкие телесные повреждения. После этого указанные лица ворвались в квартиру Бессоновых и вытащили Бессонова Василия во двор, где затеяли с ним скандал, а затем драку. Когда лежавший в постели Бессонов Владимир оделся и вышел во двор, чтобы прекратить драку, на него напала Бельская Ольга, которая нанесла ему оскорбления и вырвала из рук костыль, с помощью которого он ходит. После этого осужденный и нанес ей удар ножом в спину, причинив ей тяжкие телесные повреждения.

Учитывая обстановку, в которой совершено это преступление, а также взаимоотношения, сложившиеся между всеми указанными выше лицами, коллегия считает, что осужденный действовал в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противозаконными действиями, в том числе и насилем со стороны соучастников потерпевшей и самой потерпевшей над родственниками осужденного и его личностью. В связи с этим действия Бессонова Владимира надлежит квалифицировать по ст. 148 УК УССР» (1927 года — Д. П.)¹.

В приведенном примере фактические обстоятельства, образующие обстановку совершения преступления, не были учтены органами расследования и судом первой инстанции при определении характера вины обвиняемого, вследствие чего и была допущена неправильная квалификация его действий.

При всем значении обстановки совершения преступления для правильного и полного расследования дела следует иметь в виду, что обстановка эта лишь в отдельных случаях либо по отдельным категориям дел является обязательным эле-

¹ Архив Харьковского областного суда, дело № 2/577 за 1958 год. См. также определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Гераничева (Судебная практика Верховного суда СССР, 1955 г., № 3, стр. 12—14).

ментом состава преступления. Например, особая обстановка совершения преступления может иметь значение отягчающего обстоятельства. Так, ст. 41 УК УССР (ст. 39 УК РСФСР) признает одним из отягчающих обстоятельств «совершение преступления с использованием условий общественного бедствия». Такими условиями могут быть стихийные и иные бедствия: пожар, наводнение, землетрясение, массовые эпидемии, эпизоотии и т. п.

Военная обстановка или условия военного времени являются отягчающим обстоятельством большинства воинских преступлений, предусмотренных Законом об уголовной ответственности за воинские преступления от 25 декабря 1958 года. В условиях военного времени приобретают, как правило, особую значимость деяния, которые в другой обстановке не представляют серьезной общественной опасности. Так, в период Великой Отечественной войны похищение снегозащитных щитов на железной дороге рассматривалось как крупное хищение и в соответствии с этим квалифицировалось по Закону от 7 августа 1932 года¹. Несомненно, что здесь учитывался не характер и размер ущерба, а та общественно-политическая обстановка, в которой данное деяние могло иметь в дальнейшем самые серьезные и тяжелые последствия для безопасности движения и нормальной работы железнодорожного транспорта по своевременной и бесперебойной доставке грузов, имеющих оборонное значение.

Об обстановке в указанном смысле говорится также в ст. 7 УПК УССР (ст. 6 УПК РСФСР), в соответствии с которой дело подлежит прекращению производством, если соответствующим органом будет признано, что «ко времени производства дознания, предварительного следствия или рассмотрения дела в распорядительном заседании суда, вследствие изменения обстановки, совершенное обвиняемым деяние потеряло характер общественно-опасного или это лицо перестало быть общественно-опасным».

Особое значение в деле успешной борьбы с преступностью имеет выяснение обстановки, способствовавшей или облегчившей преступнику совершение преступления. Задача органов расследования, прокуратуры и суда, вытекающая из исторических решений XXI съезда КПСС, заключается в том, чтобы в ближайшие годы добиться резкого сокращения, а затем и полной ликвидации преступности в нашей стране. Эта задача может быть выполнена успешно лишь при условии серьезной и систематической работы по предупреждению преступности. Важнейшим приемом профилактической работы является выявление в ходе расследования конкретных дел о преступле-

¹ Н. Ф. Кузнецова. Значение преступных последствий. Госюриздат, М., 1952 г., стр. 202.

ниях условий, которые способствовали либо облегчили совершение преступления преступнику, а также принятие мер к их упразднению.

Выяснение указанных обстоятельств Закон относит к числу основных положений процесса. Ст. 23 УПК УССР (ст. 21 УПК РСФСР) ставит их в один ряд с важнейшими принципами советского уголовного процесса, устанавливая, что «органы дознания, следователь, прокурор и суд обязаны выявлять условия и причины, способствовавшие совершению преступления, и принимать меры к их устранению». Это требование формулируется в законе впервые в истории советского уголовного процесса.

Ранее действовавшие УПК союзных республик, в том числе УПК УССР и УПК РСФСР 1922 года, УПК РСФСР 1923 года, УПК УССР 1927 года и все последующие изменения этих кодексов не предусматривали в качестве обязательного требования выяснение обстановки, способствовавшей совершению преступления. Лишь в некоторых руководящих постановлениях Пленума Верховного суда СССР данное требование содержалось применительно к отдельным категориям уголовных дел. В частности, в соответствии с постановлениями Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г.¹ и от 28 мая 1954 г.² признавалось обязательным выяснение обстановки, способствовавшей хищениям государственного или общественного имущества. «При рассмотрении дел о хищениях социалистической собственности, — указано в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 28 мая 1954 г., — суды должны на основе тщательного исследования обстоятельств дела выяснять причины, способствующие хищениям, и доводить частными определениями до сведения соответствующих органов о выявленных недостатках (плохая постановка учета, охраны имущества и т. д.) для их устранения, а в необходимых случаях выносить частные определения о привлечении виновных к дисциплинарной или уголовной ответственности»³.

3

Одним из признаков объективной стороны состава преступления является способ его совершения⁴. «Способ совершения

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1952 г., № 6, стр. 5.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1954 г., № 4, стр. 3.

³ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР. Госюриздат, М., 1958 г., стр. 13—16.

⁴ Уголовно-правовое значение способа преступления подробно освещено в работе В. Н. Кудрявцева «Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение» («Советское государство и право», 1957 г., № 8, стр. 60) и в работе проф. А. Н. Трайнина «Состав преступления по советскому уголовному праву». Госюриздат, М., 1951 г., стр. 206.

преступления, — как отмечает В. Н. Кудрявцев, — представляет собой определенную форму посягательства на объект преступления»¹. Способ включает в себя такие обстоятельства, как приемы и методы, орудия и средства совершения преступления. Поскольку преступления совершаются различными способами, описание способа преступления в обвинительном заключении конкретизирует преступление, выделяет в каждом преступлении индивидуальные, только ему присущие признаки.

В ряде случаев способ совершения преступления прямо предусмотрен диспозицией соответствующей статьи уголовного закона в качестве обязательного элемента состава преступления. Так, измена Родине определена в Законе как «переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти» (ст. 56 УК УССР; ст. 64 УК РСФСР). Статья 99 УК УССР (ст. 107 УК РСФСР) предусматривает ответственность за доведение до самоубийства либо покушения на него «путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства».

Значительно чаще способ совершения преступления указывается в законе, как отягчающее вину обстоятельство. Так, уклонение от очередного призыва на действительную военную службу является квалифицированным, если оно совершено «посредством причинения себе телесного повреждения или путем симуляции болезни, посредством подлога документов или путем иного обмана» (ст. 243 УК УССР; ст. 248 УК РСФСР). Наряду с другими отягчающими обстоятельствами ст.ст. 93, 101 и 102 УК УССР (ст.ст. 102, 108 и 109 УК РСФСР) признают более опасным умышленное убийство, тяжкое и менее тяжкое телесные повреждения, если они совершены «с особой жестокостью» либо причинены путем «мучения или истязания»; ст. 89 УК УССР (ст. 98 УК РСФСР) предусматривает умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, «совершенное путем поджога или иным общеопасным способом» и т. д.

Но правовое значение способа совершения преступления этим не исчерпывается. В силу отмеченной выше связи между объективными и субъективными признаками преступления, способ совершения преступления иногда дает возможность судить о характере вины, в том числе и об умысле обвиняемого. Так, определением от 25 января 1956 г. по делу Юдина и

¹ В. Н. Кудрявцев, названная работа, стр. 60. См. также проф. Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, 1948 г., стр. 164.

Порочкина Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР признала неправильной квалификацию действий осужденных как мелкое хищение, исходя при этом единственно из данных о способе совершения преступления. «Мелкое хищение государственного и общественного имущества, — указано в определении, — совершенное путем взлома магазина, ларька, склада и других хранилищ, подлежит квалификации по Указу от 4 июня 1947 года, поскольку способ хищения свидетельствует о том, что умысел преступников был направлен на совершение не мелкого хищения»¹.

Не менее важное значение имеет точное установление и описание в обвинительном заключении орудий и средств совершения преступления, которые также могут указывать на характер умысла преступника. Жерлицин был осужден по ст. 19 и п. «а» ст. 136 УК РСФСР 1926 г. (покушение на умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах). Верховный суд Казахской ССР, рассмотрев дело по жалобе осужденного, квалифицировал его действия ч. 1 ст. 143 УК РСФСР (умышленное легкое телесное повреждение, не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровья) и мотивировал это тем, что «если бы Жерлицин действительно намеривался убить Коновалова, то он нанес бы ему удары острием топора, а не обухом, который нельзя признать предметом, пригодным для совершения убийства».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала в своем определении по этому делу: «умысел Жерлицина был направлен на убийство Коновалова, которое не было совершено по независящим от него (покушавшегося — Д. П.) причинам. Орудие, при помощи которого Жерлицин пытался убить Коновалова, вполне соответствовало его замыслу, и утверждение Верховного суда Казахской ССР, будто Жерлицин применил непригодное для целей убийства средство, является принципиально неправильным»².

Способ совершения преступления иногда дает ключ к установлению характера и размера ущерба, причиненного преступлением. По советскому уголовному праву лишь тот ущерб может быть признан преступным последствием, то есть элементом состава преступления, который причинен соответствующими преступными действиями виновного. Поэтому установление на предварительном расследовании и описание в обвинительном заключении способа совершения преступления является одним из условий вменения обвиняемому тех или иных последствий.

Между тем в практике следственных и судебных органов к сожалению не редки еще случаи вменения в вину лицу того

¹ «Социалистическая законность», 1956 г., № 4, стр. 93.

² «Социалистическая законность», 1956 г., № 7, стр. 92—93.

или иного ущерба при отсутствии сведений о способах его причинения. Чаще всего это имеет место по делам о недостатках государственного либо общественного имущества, находящегося в ведении должностных лиц. В этой категории дел с особой наглядностью видна та связь между объективными и субъективными признаками преступления, о которой говорилось выше. Только раскрытие способа совершения преступления может служить в данном случае основанием для правильного решения вопроса о виновности обвиняемого и установления формы его вины.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении по делу Маликовой и других отметила, что «обвинение в хищении не может быть признано правильным, если оно основано на факте обнаружения недостачи вверенных средств при отсутствии данных об их присвоении обвиняемым»¹.

Способ совершения преступления должен быть установлен расследованием и надлежаще описан в обвинительном заключении независимо от того, упоминается ли он в диспозиции примененной статьи Уголовного Кодекса. Отсутствие в материалах дела и в обвинительном заключении сведений о способе совершения преступления является существенным недостатком расследования и исключает возможность формулировать законное и обоснованное обвинение по делу.

Отменив приговор по делу Есенакунова, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отметила в своем определении, что «указанные в обвинительном заключении и приговоре суда общие фразы «разбазаривание» и «расхищение» не раскрывают конкретно содержания тех преступных действий, в совершении которых признан виновным осужденный»². Другими словами: эти общие фразы не раскрывают способа совершения преступления.

Иногда способ совершения преступления может служить средством изобличения преступника в совершении аналогичным способом и других преступлений. Пример тому приводит Г. М. Миньковский. Летом 1955 г. была изобличена воровская группа, занимавшаяся квартирными кражами. Признав себя виновными в совершении краж, за которые они были привлечены к ответственности, обвиняемые объяснили, что других преступлений они не совершали. Изучение дел о нераскрытых преступлениях показало, что в ряде случаев преступники действовали способом, аналогичным для краж, за совершение которых были привлечены к ответственности указанные лица. Дактилоскопическая экспертиза отпечатков пальцев, обнаруженных на местах нераскрытых краж, и от-

¹ Бюллетень Верховного суда СССР, 1959 г., № 3, стр. 20.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1955 г., № 1, стр. 13.

печатков пальцев обвиняемых установила их тождество. Это позволило изобличить преступников во всех совершенных ими преступлениях¹.

Изложенное дает основание признать, что способ совершения преступления является таким объективным признаком, который имеет очень важное значение при совершении преступлений независимо от того, предусмотрен ли он диспозицией данной статьи Уголовного Кодекса, как обязательный признак состава данного преступления. Поэтому описание способа совершения преступления в обвинительном заключении во всех случаях является обязательным (ст. 223 УПК УССР; ст. 205 УПК РСФСР).

4

Признаки преступления, характеризующие его объективную сторону, тесно связаны с объектом посягательства. Связующим звеном между ними являются последствия общественно-опасного деяния. Последствия преступления выступают в качестве ущерба, причиняемого охраняемому законом благо (объекту) преступным деянием субъекта. «Если без объекта нет посягательства, нет его и без ущерба этому объекту. Если действие и объект суть необходимые элементы преступления, то только причиненный объекту ущерб, как следствие действия, способен связать действие с объектом и придать действию характер посягательства на объект².

Теория советского уголовного права различает, как известно, общий родовой и непосредственный объект преступного посягательства. Обязательным элементом каждого данного состава преступления является непосредственный объект. В ряде случаев он может быть одинаков в различных составах преступлений. Жизнь человека, например, является непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 93 УК УССР (ст. 102 УК РСФСР) — умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах; ст. 94 УК УССР (ст. 103 УК РСФСР) — простое умышленное убийство; ст. 95 УК УССР (ст. 104 УК РСФСР) — умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения; ст. 97 УК УССР (ст. 105 УК РСФСР) — умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны; ст. 98 УК УССР (ст. 106 УК РСФСР) — неосторожное убийство. В этом и подобных случаях составы преступлений отличаются друг от друга не по объекту преступного посягательства, а по иным признакам, относящимся к другим элементам состава преступления.

¹ Г. М. Миньковский. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. Госюриздат, М., 1956 г., стр. 48.

² Б. С. Никифоров. Об объекте преступления. «Советское государство и право», 1948 г., № 9, стр. 42.

или иного ущерба при отсутствии сведений о способах его причинения. Чаще всего это имеет место по делам о недостатках государственного либо общественного имущества, находящегося в ведении должностных лиц. В этой категории дел с особой наглядностью видна та связь между объективными и субъективными признаками преступления, о которой говорилось выше. Только раскрытие способа совершения преступления может служить в данном случае основанием для правильного решения вопроса о виновности обвиняемого и установления формы его вины.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении по делу Маликовой и других отметила, что «обвинение в хищении не может быть признано правильным, если оно основано на факте обнаружения недостачи вверенных средств при отсутствии данных об их присвоении обвиняемым»¹.

Способ совершения преступления должен быть установлен расследованием и надлежаще описан в обвинительном заключении независимо от того, упоминается ли он в диспозиции примененной статьи Уголовного Кодекса. Отсутствие в материалах дела и в обвинительном заключении сведений о способе совершения преступления является существенным недостатком расследования и исключает возможность формулировать законное и обоснованное обвинение по делу.

Отменив приговор по делу Есенакунова, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отметила в своем определении, что «указанные в обвинительном заключении и приговоре суда общие фразы «разбазаривание» и «расхищение» не раскрывают конкретно содержания тех преступных действий, в совершении которых признан виновным осужденный»². Другими словами: эти общие фразы не раскрывают способа совершения преступления.

Иногда способ совершения преступления может служить средством изобличения преступника в совершении аналогичным способом и других преступлений. Пример тому приводит Г. М. Миньковский. Летом 1955 г. была изобличена воровская группа, занимавшаяся квартирными кражами. Признав себя виновными в совершении краж, за которые они были привлечены к ответственности, обвиняемые объяснили, что других преступлений они не совершали. Изучение дел о нераскрытых преступлениях показало, что в ряде случаев преступники действовали способом, аналогичным для краж, за совершение которых были привлечены к ответственности указанные лица. Дактилоскопическая экспертиза отпечатков пальцев, обнаруженных на местах нераскрытых краж, и от-

¹ Бюллетень Верховного суда СССР, 1959 г., № 3, стр. 20.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1955 г., № 1, стр. 13.

печатков пальцев обвиняемых установила их тождество. Это позволило изобличить преступников во всех совершенных ими преступлениях¹.

Изложенное дает основание признать, что способ совершения преступления является таким объективным признаком, который имеет очень важное значение при совершении преступлений независимо от того, предусмотрен ли он диспозицией данной статьи Уголовного Кодекса, как обязательный признак состава данного преступления. Поэтому описание способа совершения преступления в обвинительном заключении во всех случаях является обязательным (ст. 223 УПК УССР; ст. 205 УПК РСФСР).

4

Признаки преступления, характеризующие его объективную сторону, тесно связаны с объектом посягательства. Связующим звеном между ними являются последствия общественно-опасного деяния. Последствия преступления выступают в качестве ущерба, причиняемого охраняемому законом благу (объекту) преступным деянием субъекта. «Если без объекта нет посягательства, нет его и без ущерба этому объекту. Если действие и объект суть необходимые элементы преступления, то только причиненный объекту ущерб, как последствие действия, способен связать действие с объектом и придать действию характер посягательства на объект².

Теория советского уголовного права различает, как известно, общий родовой и непосредственный объект преступного посягательства. Обязательным элементом каждого данного состава преступления является непосредственный объект. В ряде случаев он может быть одинаков в различных составах преступлений. Жизнь человека, например, является непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 93 УК УССР (ст. 102 УК РСФСР) — умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах; ст. 94 УК УССР (ст. 103 УК РСФСР) — простое умышленное убийство; ст. 95 УК УССР (ст. 104 УК РСФСР) — умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения; ст. 97 УК УССР (ст. 105 УК РСФСР) — умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны; ст. 98 УК УССР (ст. 106 УК РСФСР) — неосторожное убийство. В этом и подобных случаях составы преступлений отличаются друг от друга не по объекту преступного посягательства, а по иным признакам, относящимся к другим элементам состава преступления.

¹ Г. М. Миньковский. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. Госюриздат, М., 1956 г., стр. 48.

² Б. С. Никифоров. Об объекте преступления. «Советское государство и право», 1948 г., № 9, стр. 42.

Объект преступления является обязательным элементом любого состава преступления. Вместе с тем объект почти никогда не упоминается в законе. Поэтому определить непосредственный объект преступления можно лишь путем анализа соответствующей уголовно-правовой нормы и, в частности, путем определения места, занимаемого нормой, которая предусматривает данное преступление в общей системе Особенной части Уголовного Кодекса.

Правильное определение объекта преступления имеет очень важное значение, так как общественная опасность преступления определяется, главным образом, в зависимости от непосредственного объекта, от размера и характера ущерба, причиненного этому объекту.

Непосредственный объект преступления отличается от его предмета. Предметом преступного посягательства могут быть различные вещи, лица и действия этих лиц. В зависимости от тех конкретных общественных отношений, которые являются объектом преступления, предмет преступного посягательства может находиться в различном соотношении с объектом.

Так, различное имущество является предметом отношений социалистической либо личной собственности. Поэтому посягательство на эти отношения, выступающие в качестве объекта преступления, может осуществляться лишь посредством соответствующего воздействия на предмет данного общественного отношения, то есть на имущество. В зависимости от форм этого воздействия различаются и виды преступных посягательств на данное общественное отношение. Различные формы посягательства на имущество образуют кражу, присвоение, растрату, разбой, мошенничество и т. п. Такие формы посягательства, как уничтожение или повреждение имущества, также образуют различные виды преступлений. Исходя именно из этого различия форм или способов посягательств, Л. Т. Сергеева правильно отмечает, что «вещь является предметом преступления, когда преступник воздействует на нее, причиняя или не причиняя ей какой-либо ущерб, и путем такого воздействия осуществляет преступное посягательство»¹.

Некоторые преступления могут совершаться путем посягательства на такие общественные отношения, которые не имеют своего материального выражения. Эти отношения не связаны с регулированием имущественных прав и обязанностей граждан, общественных и государственных организаций, учреждений, предприятий, государства в целом. Поэто-

¹ Л. Т. Сергеева. Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву. Издание Академии наук СССР, М.—Л., 1949 г., стр. 41.

му здесь налицо посягательство на соответствующие общественные отношения не через предметы материального мира в собственном смысле этого слова, а через участников, носителей этих отношений. Предметом преступления в этих случаях будут люди. Таково, например, сопротивление представителю власти или представителю общественности, охраняющему общественный порядок (ст. 188 УК УССР; ст. 191 УК РСФСР).

Преступное посягательство на соответствующие общественные отношения может иметь место в указанных случаях как путем насилия над личностью носителей отношений, так и путем воздействия на их психику: путем угрозы, обмана, подкупа и т. п. Объектом преступления здесь, как и во всех других случаях, являются соответствующие общественные отношения, а предметом — человек, как носитель отношения.

Наконец, советское уголовное законодательство знает ряд составов, в которых предмет преступления вообще отсутствует. Объектом преступления здесь являются такие общественные отношения, стороной или участником которых является сам преступник. Самое же преступное посягательство заключается в том, что данное лицо исключает себя из числа участников этого общественного (правового) отношения и тем самым разрывает его. В других случаях, оставаясь субъектом правоотношения, лицо не выполняет лежащих на нем обязанностей. Таковы: уклонение от несения обязанностей военной службы, в частности, дезертирство и ряд преступлений, совершаемых путем бездействия.

В соответствии с изложенным «предметом преступления (в широком смысле этого слова) могут быть: физические лица и их действия, являющиеся выражением соответствующих общественных отношений, юридические лица (учреждения, организации и т. п.), а также вещи или процессы, служащие условием (предпосылкой) существования или формой выражения или закрепления конкретных социалистических общественных отношений»¹.

Точное разграничение предмета и объекта преступления в каждом конкретном случае имеет важное практическое значение. Оно служит одним из условий полноты и правильности расследования, а также составления законного и обоснованного обвинительного заключения. Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор по делу Малолетнева лишь на том основании, что по делу не было собрано достаточных доказательств о принадлежности похищенного стола, то есть не был выяснен вопрос об объекте

¹ Г. А. Кригер. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве. Вестник МГУ, вып. 1, 1955 г., стр. 119 и 123. См. также В. Н. Кудрявцев. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления, Советское государство и право, 1951 г., № 8, стр. 52.

преступления. В своем определении по делу Коллегия указала, что органы расследования и суд не исследовали «вопрос о принадлежности стола. Показания в этой части мастера Гайнулина не дают ясного ответа на вопрос о том, кому именно принадлежал похищенный стол: лично Гайнулину или же вагонному депо станции Агрыз, которое передало стол Гайнулину во временное пользование. Между тем от установления этого обстоятельства зависит квалификация действий лиц, виновных в хищении этого стола»¹.

5

Преступным последствием по советскому уголовному праву является общественно-опасное и виновное изменение данным лицом явлений и предметов внешнего мира. Понятие объекта и предмета преступления является предпосылкой правильного и полного выяснения вопроса о преступных последствиях. Последствием преступления является ущерб, причиненный виновными действиями субъекта данному общественному отношению (объекту). В зависимости от форм преступного посягательства оно может влечь или не влечь за собой и вредные изменения предмета преступления.

Например, все преступные посягательства на общественные отношения собственности влекут за собой ущерб этим отношениям, как объекту преступления. В то же время одни формы посягательств (кража, присвоение, растрата, грабеж, разбой) не влекут за собой вредных изменений предмета преступления (имущества). Другие формы преступных посягательств на тот же объект, например, умышленное истребление или повреждение государственного, общественного или личного имущества граждан, неизбежно влекут за собой не только ущерб объекту, но и вредные изменения предмета преступления. Наконец, преступное деяние может влечь за собой вредные изменения таких предметов и явлений, которые не являются ни объектом, ни предметом преступного посягательства. Их изменение преступным деянием является в ряде случаев объективно неизбежным. Причем это изменение не охватывается, как правило, преступным намерением субъекта. Эти последствия являются «следами» преступления и могут иметь значение доказательств по делу.

Последствия преступления, как и некоторые другие элементы состава преступления, например объект, не всегда описаны в диспозиции соответствующей статьи Уголовного Кодекса. Являясь по отношению друг к другу причиной и следствием, действие с неизбежностью порождает ущерб. Именно в связи с этим в диспозициях статей Особенной части Уголовного Кодекса и не содержится специальных указаний

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1950 г. № 12, стр. 12.

на характер и размер ущерба, то есть последствий преступления.

Упоминание в диспозиции данной статьи Уголовного Кодекса определенных преступных последствий влечет за собой обязанность органов расследования и суда доказать наличие в данном случае именно тех последствий, которые указаны в Законе. В других же случаях такое доказывание может оказаться излишним, поскольку ущерб и его характер настолько тесно примыкают к действию, что при доказанности последнего совершенно очевидным становится и ущерб¹.

Само признание действия преступным или не преступным зависит от того, наносит ли оно существенный ущерб тем или иным общественным отношениям (объекту). Вот почему советское законодательство устанавливает, что не является преступлением деяние, которое, хотя формально и подпадает под признаки того или иного предусмотренного уголовным законом преступления, но в силу малозначительности последствий не представляет общественной опасности (ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик; ч. 2 ст. 7 УК УССР; ч. 2 ст. 7 УК РСФСР).

Преступные последствия с наибольшей полнотой и наглядностью характеризуют общественную опасность деяния. Именно в связи с тем, что преступные последствия служат основным критерием, с помощью которого преступление отграничивается от других видов правонарушений: гражданских, административных, дисциплинарных, — они являются основным критерием и при определении степени общественной опасности данного преступного деяния. Степень же общественной опасности деяния играет решающую роль при определении меры наказания виновному.

Из всего сказанного следует, что характер и размер ущерба должен быть каждый раз точно установлен в процессе расследования и четко описан в обвинительном заключении. Есть все основания согласиться с Н. Ф. Кузнецовой в том, что «оценка преступного ущерба в обвинительных заключениях и приговорах во всех случаях должна быть полной и конкретной. Раскрывая ущерб соответствующего преступления, прокурорские и судебные работники не должны ограничиваться лишь ущербом, образующим элемент состава преступления, а показывать и все далеко идущие вредные для социалистического общества последствия, которые опосредствованно связаны с соответствующим преступлением»².

Выяснение характера ущерба и описание этого ущерба в обвинительном заключении имеет существенное значение и

¹ Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий. М., 1958 г., стр. 42.

² Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий. Госюриздат, М., 1958 г., стр. 28.

с точки зрения обеспечения гарантированных законом прав и интересов потерпевшего, то есть лица, которому «преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред» (ст. 24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; ст. 49 УПК УССР; ст. 53 УПК РСФСР). В частности, в случаях причинения имущественного вреда потерпевшему, предметом исследования наряду с обвинением может быть также заявленный по делу гражданский иск (ст. 25 Основ; ст. 28 УПК УССР; ст. 29 УПК РСФСР). Установление характера и размера ущерба в данном случае является предпосылкой не только правильного разрешения дела по существу предъявленного обвинения, но и предпосылкой надлежащей охраны законных интересов потерпевшего.

Независимо от этого размер имущественного ущерба может иметь и чисто уголовно-правовое значение. Так, в зависимости от размера похищенного, действия обвиняемого могут квалифицироваться как крупная (ч. 3 ст. 81 УК УССР; ч. 3 ст. 89 УК РСФСР), простая (ч. 2 ст. 81 УК УССР; ч. 2 ст. 89 УК РСФСР) или мелкая (ст. 85 УК УССР; ст. 96 УК РСФСР) кража.

6

В каждом деле наряду со всеми указанными выше данными должно быть установлено лицо, совершившее преступление, и решен вопрос о том, может ли быть данное лицо субъектом уголовной ответственности. По советскому уголовному праву субъектом преступления может быть лишь физическое вменяемое лицо, достигшее определенного возраста, то есть, как правило 16-летнего возраста, а по некоторым преступлениям — 14-летнего возраста (ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик; ст. 10 УК УССР; ст. 10 УК РСФСР). Такая мера наказания, как смертная казнь не применяется к лицам, которые ко времени совершения преступления не достигли полного совершеннолетия, то есть 18-летнего возраста (ст. 22 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик; ст. 24 УК УССР; ст. 23 УК РСФСР).

Поэтому возраст лица, совершившего преступление, должен быть установлен во всех тех случаях, когда это может иметь значение для дела. Всякие сомнения по данному вопросу являются недостатком, свидетельствующим о существенной неполноте расследования со всеми вытекающими из этого последствиями.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила приговор по делу М. потому, что ни органами предварительного следствия, ни судом не были установлены в достаточной степени возраст и имя осужден-

ного. «По прибытии в тюрьму после осуждения, — указано в определении, — М. заявил, что он М. Мунир Сафиевич, 25 августа 1937 года рождения, а не М. Самирхан Сафиевич, 1934 года рождения, как указано в приговоре. В деле имеется свидетельство о рождении за № 482926 от 26 июля 1950 г., выданное бюро ЗАГС на имя М. Самирхана Сафиевича, 1934 г. рождения. Свидетельство о рождении за № 765843 от 3 февраля 1951 г., имеющееся в личном деле заключенного, выдано на имя М. Мунира Сафиевича, рождения 25 августа 1937 г. Таким образом, возраст и имя осужденного по делу в достаточной степени ни органами предварительного следствия, ни судом не были установлены»¹.

Непременным условием уголовной ответственности является вменяемость лица. По советскому уголовному праву не подлежит ответственности лицо, которое во время совершения преступления (общественно-опасного деяния) «не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния», а равно лицо, совершившее преступление «в состоянии вменяемости, но до вынесения судом приговора заболевшее душевной болезнью, лишаящей его возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими» (ст. 12 УК СССР; ст. 11 УК РСФСР). Поэтому для определения психического состояния обвиняемого или подозреваемого в тех случаях, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, обязательно производство экспертизы (ст. 76 УПК СССР; ст. 79 УПК РСФСР). Несоблюдение этого требования Закона является препятствием к окончанию предварительного расследования и составлению обвинительного заключения.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор по делу Лубнина на том основании, что «он является психически нездоровым и по этому поводу находился на излечении в психобольнице. В подтверждение этого обстоятельства к жалобе приложен ряд справок, в том числе справка психобольницы, из которой, однако, не видно, каково состояние здоровья Лубнина. Ввиду этого по делу должна быть произведена психиатрическая экспертиза»².

Кроме возраста и вменяемости, субъект преступления в ряде случаев должен удовлетворять и другим признакам. В отдельных статьях и главах Уголовного Кодекса содержатся дополнительные признаки, определяющие круг лиц,

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1952 г., № 2, стр. 26—27.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 6, стр. 45.

могущих нести уголовную ответственность за данное преступление или группу преступлений. В соответствии с этим субъектами должностных (Глава VII УК УССР; Глава седьмая УК РСФСР) и воинских (Глава XI УК УССР; Глава двенадцатая УК РСФСР) преступлений могут быть лишь должностные лица, военнослужащие и приравненные к ним лица соответственно.

По делам о таких преступлениях, субъектом которых может быть лишь лицо, занимавшее определенную должность (ст.ст. 174, 175, 176 УК УССР; ст.ст. 176, 177, 179 УК РСФСР—орган дознания, следователь, прокурор, судья), или лицо определенной профессии (ч. 1 ст. 109 УК УССР; ч. 1 ст. 116 УК РСФСР — врач), или же лицо, несущее определенные обязанности (ст.ст. 114, 116, ч. 1 ст. 111 УК УССР; ст.ст. 122, 123, ч. 2 ст. 127 УК РСФСР — обязанность выплачивать алименты, иметь заботу о потерпевшем) — эти признаки субъекта преступления также являются предметом доказывания. Они должны быть в соответствующих случаях установлены органами расследования и описаны в обвинительном заключении наряду с другими признаками преступления.

Помимо сведений, необходимых для решения вопроса о том, может ли данное лицо являться субъектом данного преступления, каждый раз должны быть установлены и другие сведения о личности обвиняемого. В соответствии с этим ст. 68 УПК РСФСР, наряду с другими данными, относит к предмету доказывания «обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого», а ст. 223 УПК УССР (ст. 205 УПК РСФСР) требует, чтобы в обвинительном заключении приводились «сведения о личности обвиняемого». Это объясняется тем, что советский суд не может разрешить вопрос о назначении подсудимому наказания, не составив себе полного и ясного представления о его личности, о степени его общественной опасности, не выяснив прошлой жизни и морального облика обвиняемого.

Важнейшими данными, характеризующими личность обвиняемого, являются сведения о его отношении к труду и семье, к своему общественному и государственному долгу, к социалистической собственности и правилам социалистического общежития. Все эти данные служат предпосылкой формирования у следователя, а затем у прокурора и суда наиболее четкого и ясного представления об обвиняемом, о степени его «испорченности». Поэтому указанные сведения в совокупности с другими данными дела имеют существенное значение при решении вопроса о назначении наказания виновному.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила приговор по делу П., указав в своем опре-

делении, что «приговор содержит в себе явно неправильные утверждения. Суд счел П. беспризорным, связанным с преступным элементом. Между тем обвиняемый проживал со своим отцом—инвалидом Отечественной войны в г. Черновцах. Об этом заявил П. в суде, а также подтвердил и его отец»¹.

Исследование личности обвиняемого должно быть подчинено основным целям процесса, то есть установлению объективной истины по делу. Моральный облик и другие данные, характеризующие обвиняемого, могут проливать свет на имеющиеся в деле доказательства, служить ключом к их правильной оценке.

Характеризуя обвиняемого, следователь не может уподобиться прокурору — «обвинителю во что бы то ни стало», остроумную и меткую характеристику которого привел в свое время А. Ф. Кони¹. Недостаток данных, изобличающих обвиняемого в совершении преступления, такой обвинитель стремится восполнить мрачными красками его характеристики. В буржуазном, в том числе и в русском дореволюционном уголовном процессе, подобные характеристики не были исключением.

Выступая по делу Максименко, русский дореволюционный адвокат Н. И. Холева констатировал: «К сожалению с некоторых пор в наши судебные нравы внедрилась пагубная и злобная манера — под видом изучения личности, «характеристики» подсудимых так чернить обвиняемых, что нередко эти пресловутые «характеристики» оказываются нестерпимо обиднее и тяжелее самого обвинения»³. В ответ на этот прием обвинения защита отвечала стремлением всячески обелить обвиняемого.

Подобное использование фактов, характеризующих обвиняемого, приобрело в русском дореволюционном уголовном процессе такой размах, что привлекло к себе внимание прогрессивной общественности. Говоря о приемах характеристики подсудимого сторонами, писатель Станюкович отмечал, что прокурор и адвокат так увлеклись один изобличением, а другой восхвалением нравственных качеств подсудимого, что «потрошили не только самого подсудимого, но даже его родственников в боковых линиях»⁴.

Такие приемы характеристики обвиняемого ничего общего не имеют с задачами и целями советского уголовного процесса. Требуя исследования личности обвиняемого, советский

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1950 г.

² А. Ф. Кони. Приемы и задачи обвинения. Избранные произведения, том первый, Госюриздат, М., 1959 г., стр. 62.

³ Судебные речи известных русских юристов. Госюриздат, М., 1956 г., стр. 650.

⁴ Станюкович. Письма знатного иностранца, стр. 135.

закон имеет в виду такие данные, которые могут способствовать правильному разрешению основных вопросов каждого дела. Что важно, что полезно включить в пределы исследования по данному делу, решает следователь в каждом конкретном случае. Это в полной мере относится и к данным о личности обвиняемого, которые исследуются по каждому делу, исходя из общих правил об относимости доказательств.

7.

Наряду с объективной стороной, объектом и субъектом преступления предварительным расследованием должны быть установлены и описаны в обвинительном заключении такие данные, как субъективное отношение обвиняемого к своим действиям и их последствиям, а равно мотив и цель преступления. Советскому уголовному праву глубоко чуждо объективное вменение. Только виновное совершение общественно-опасного деяния может влечь за собой уголовную ответственность субъекта.

Статья 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик установила, что «уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно-опасное деяние». Понятие умышленной и неосторожной вины раскрывается в ст. ст. 8 и 9 УК УССР (ст. ст. 8 и 9 УК РСФСР) соответственно.

Преступление является умышленным, если лицо, его совершившее, сознавало общественно-опасные его последствия и желало или сознательно допускало наступление этих последствий. Преступление является неосторожным, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно-опасных последствий своего деяния, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления этих последствий, хотя должно было и могло их предвидеть.

Такого понимания вины, как основания уголовной ответственности, неуклонно придерживается советская следственно-судебная практика. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении по делу Макешина указала, что, как видно из материалов дела, обстоятельства «сложились таким образом, что Макешин во избежание дальнейших столкновений с пристававшим к нему пьяным вынужден был его оттолкнуть. Судя по обстоятельствам, Макешин, отталкивая маленьким и легким чемоданом Иванова, не желал нанести ему телесные повреждения. При таком положении осуждение Макешина за умышленное преступление нельзя считать правильным.

В действиях Макешина нельзя усмотреть и неосторожной вины, которая может выражаться либо в форме преступной самонадеянности, когда виновный предвидит возможность последствий своих действий и легкомысленно надеется их избежать, либо в форме преступной небрежности, когда виновный хотя и не предвидит, но должен предвидеть последствия своих действий. Как уже ранее указывалось, Макешин не предвидел последствий своих действий, что исключает неосторожность в форме преступной самонадеянности. Исходя из обстоятельств дела, Коллегия находит, что Макешин не мог предполагать, что от небольшого толчка Иванов, потеряв равновесие, упадет на тротуар и разобьет голову. Следовательно, Макешин не мог и не должен был предвидеть такого результата своих действий, который наступил»¹.

Ряд составов преступлений по обрисовке, данной им законом, включает в себя определенный мотив и цель в качестве одного из элементов субъективной стороны деяния. Так, более опасным является умышленное убийство, совершенное из корыстных либо из хулиганских побуждений или же с целью скрыть другое преступление либо облегчить его совершение (ст. 93 УК УССР; ст. 102 УК РСФСР). Менее опасным является умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего (ст. 95 УК УССР; ст. 104 УК РСФСР).

В большинстве статей Особенной части УК не содержится специальных указаний на мотив и цель преступления. Однако, умышленное преступление во всех случаях может быть совершено только по определенным мотивам и с определенной целью. «Как не бывает беспричинных явлений, а бывают явления, причины которых не удалось установить, — говорил Прокурор Союза ССР А. Я. Вышинский в обвинительной речи по делу Семенчука и Старцева, — так не бывает безмотивных преступлений или беспричинных преступлений»².

Любое осмысленное действие человека является мотивированным и целеустремленным; оно всегда является средством достижения определенных результатов. Это в полной мере относится и к преступлению. Мотивом преступления является то внутреннее побуждение, которым руководствовалось лицо при его совершении. Целью преступления является результат деяния, преступные его последствия, которые в процессе зарождения умысла, подготовки преступления и в

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1955 г., № 4, стр. 9.

² Дело К. Д. Семенчука и С. М. Старцева. Стенографический отчет заседания Верховного суда РСФСР, издание Главсевморпути, 1936 г., стр. 539.

начале деятельности еще не наступили, а лишь мыслятся лицом.

Мотив и цель преступления всегда являются обстоятельствами, отягчающими либо смягчающими ответственность обвиняемого. Суд применяет более суровые меры наказания, если преступление совершено по мотивам корысти, ревности, хулиганства и иных низменных побуждений, либо когда оно было направлено на достижение таких же низменных целей (ст. 41 УК УССР; ст. 39 УК РСФСР). И напротив — суд применяет менее суровые меры наказания, если преступление совершено по мотивам, лишенным корысти и каких бы то ни было низменных побуждений, если оно совершено под влиянием угрозы, понуждения, служебной или материальной зависимости, под влиянием сильного душевного волнения, в состоянии голода, нужды и вообще при стечении тяжелых личных или семейных обстоятельств, а равно по невежеству или неосознанности (ст. 40 УК УССР; ст. 38 УК РСФСР).

Первые УПК УССР и РСФСР 1922 года требовали указания мотива преступления в обвинительном заключении, «если установить его было возможно». Статья же 207 УПК РСФСР 1923 года в редакции постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1929 г.¹ заменила эту условную формулировку безусловным требованием указывать в обвинительном заключении мотив преступления во всех делах. Такое же обязательное указание мотива преступления в обвинительном заключении установлено и в ст. 223 УПК УССР (ст. 205 УПК РСФСР) 1960 г.

Таким образом, даже в тех случаях, когда определенный мотив не указан в данной норме Особенной части УК в качестве обязательного элемента состава преступления, он не является безразличным для суда. При определении меры наказания суд всегда должен учитывать мотив преступления, так как это дает возможность глубже уяснить морально-политический облик виновного и сделать правильный вывод о степени его общественной опасности. То обстоятельство, что мотив преступления зачастую бывает трудно установить, так как не всегда удается получить по этому поводу правдивые показания обвиняемого, ни в какой мере не освобождает следователя от обязанности установить мотив преступления косвенным путем, например путем полного исследования всех объективных признаков преступления.

В соответствии с этим невыяснение мотива преступления является безусловным поводом к отмене приговора. Так, определение от 11 сентября 1954 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила приговор по делу Казакова, указав, что «предварительное и судебное

¹ СУ РСФСР 1929 г. № 78, ст. 756.

следствие по данному делу проведены неудовлетворительно. Зафиксировав лишь отдельные внешние факты, определившие вывод об убийстве, органы следствия и суд не вскрыли подлинных мотивов убийства, не выяснили взаимоотношений Казакова и Соломина и причин, повлекших убийство. Выяснение этих обстоятельств имеет существенное значение как для решения вопроса о степени вины Казакова, так и для квалификации преступления»¹. В определении по делу Токаева Верховный суд СССР указал, что «материалами дела опровергаются доказательства, положенные судом в обоснование мотива совершения преступления Токаевым»².

Такое же значение имеет и выяснение цели преступления. В некоторых случаях цель преступления является обязательным элементом состава преступления. Так, ст. 154 УК УССР (ст. 154 УК РСФСР) предусматривает ответственность за спекуляцию, то есть скупку и перепродажу товаров и иных предметов с целью наживы. В этом и подобных случаях цель преступления подлежит обязательному доказыванию в качестве элемента состава данного преступления. Как отмечено в постановлении Президиума Верховного суда Грузинской ССР по делу Мустаева, «обвинение в спекуляции или в покушении на нее предполагает наличие доказательств скупки и перепродажи предметов широкого потребления в целях наживы; отсутствие этих признаков исключает уголовную ответственность»³.

Иногда цель преступления предусмотрена Законом в качестве отягчающего обстоятельства. Как отмечено выше, ст. 93 УК УССР (ст. 102 УК РСФСР) признает отягчающим обстоятельством «совершение убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение». Цель преступления в данном случае не совпадает с преступными последствиями, которые остаются здесь побочной, а не основной целью преступника и служат средством сокрытия или достижения основной преступной цели.

Исследование цели преступления приобретает особо важное значение в тех случаях, когда данное деяние повлекло за собой несколько преступных последствий. Одни из этих последствий могут являться основной целью преступника, другие — побочной, а некоторые из них вообще могут находиться за пределами предвидения преступника.

В определении от 19 марта 1952 г. по делу Тиунова Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР указала: «Из приговора суда видно, что при разрешении вопроса о виновности подсудимых суд исходил только из результатов

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1955 г., № 2, стр. 5.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1953 г., № 5, стр. 20.

³ «Социалистическая законность», 1957 г., № 3, стр. 93—94.

их преступных действий, заключавшихся в том, что они, совершив подлоги, незаконно воспользовались государственными средствами. Между тем суд обязан был путем тщательного анализа инкриминируемого им преступления выяснить, на совершение каких именно преступных действий был направлен их умысел, то есть на совершение подсудимыми подлога в лицевых счетах машиниста с целью получения государственных денег или на увеличение количественных и качественных показателей работы Тиунова с тем, чтобы он мог быть зачислен в ряды передовых работников депо, то есть подлоги были вызваны личными мотивами, лишенными материального характера»¹.

Обязательно подлежит доказыванию цель преступника и в тех случаях, когда преступные действия обвиняемого доказаны, но отсутствуют точные сведения о характере ущерба, который наступил либо мог наступить в результате этих действий.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении по делу Лифшиц-Озерского указала, что «ни в обвинительном заключении, ни в приговоре суда нет указания о том, с какой целью или по каким мотивам Лифшиц-Озерский учинил подложные подписи на счетах, извлек ли он какую-либо личную выгоду и в чем конкретно он был заинтересован, совершая преступные действия. При таких данных предъявленное Лифшиц-Озерскому обвинение не может быть признано доказанным»².

Все рассмотренные выше объективные и субъективные признаки преступления: время, место, обстановка, способы, объект и предмет преступления, последствия преступного посягательства, причинная связь между действием и преступными последствиями, сведения о личности преступника, формы его вины, мотивы и цели преступления, — являются предметом доказывания по делу потому, что эти данные всегда имеют значение для дела. Соответственно эти данные должны быть описаны в обвинительном заключении, так как они служат основой для формулирования законного и обоснованного обвинения.

Все имеющие значение для дела обстоятельства устанавливаются в уголовном процессе лишь путем доказывания. Иной метод познания при расследовании и рассмотрении уголовного дела исключен. Поэтому второй важнейшей частью содержания обвинительного заключения является описание в нем доказательств, на основании которых установлены все имеющие значение для дела обстоятельства, а также мотивировка выводов следователя. Описание доказа-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1952 г., № 7, стр. 8.

² Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР. М., 1948 г., стр. 9—10.

тельств, положенных в основу обвинительного заключения, и необходимость мотивировки выводов следователя вытекают из требований законности и обоснованности этого важнейшего процессуального акта. Вопрос же о законности и обоснованности обвинительного заключения должен являться предметом самостоятельного исследования и в данной статье не рассматривается.

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Н. В. ЦВЕТАЕВА

(кафедра криминалистики)

Коммунистическая партия Советского Союза наметила грандиозный план построения коммунистического общества и определила основные направления в решении этой задачи— создание материально-технической базы и коммунистическое воспитание людей.

XXI съезд КПСС указал, что в период развернутого строительства коммунизма требуется от партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций дальнейшее улучшение всей работы по воспитанию советских людей, повышению их сознательности и активности, формированию нового человека в духе коллективизма и трудолюбия, сознания общественного долга.

В окончательной ликвидации преступных проявлений в нашей стране самодеятельные общественные организации призваны сыграть решающую роль, так как они имеют не меньше возможностей, средств и сил в искоренении правонарушений, чем органы милиции, прокуратуры и суда.

В резолюции XXI съезда КПСС отмечается, что «в деле соблюдения правил социалистического общежития, все более важную роль призваны играть народная милиция, товарищеские суды и подобные им самодеятельные органы, которые должны наряду с государственными учреждениями выполнять функции охраны общественного порядка и прав граждан, предупреждать проступки, наносящие вред обществу»¹.

Преступность в Советском Союзе непрерывно сокращает-

¹ Резолюция по докладу товарища Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг.». Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. Госполитиздат, М., 1959 г., стр. 152

ся в результате повышения сознательности советских людей, роста материального и культурного благосостояния, а также в результате широкого участия общественности в деле предупреждения преступлений.

Новые Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы УССР непосредственно отражают решения партии о всемерном укреплении социалистической законности, расширении прав и гарантий советских граждан, об усилении роли общественности в борьбе с преступностью и нарушениями правил социалистического общежития.

С целью более широкого привлечения трудящихся к борьбе с правонарушениями Уголовный кодекс предоставляет право суду, прокурору и органам предварительного расследования освобождать от уголовной ответственности с передачей материалов дела на рассмотрение товарищескому суду или передачей правонарушителя на поруки общественным организациям или коллективам трудящихся для перевоспитания и исправления при совершении преступления, которое не содержит большой общественной опасности (ст. 51 УК УССР). Рядом норм новый уголовно-процессуальный кодекс регламентирует формы участия общественности в борьбе с преступлениями, значительно расширяя институты процесса, связанные с привлечением широких масс к осуществлению правосудия (Ст. ст. 8, 10, 23 УПК УССР).

В проекте закона «О повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития» отмечается, что общественные организации призваны играть всё большую роль в коммунистическом воспитании масс, в охране общественного порядка и прав граждан, в предупреждении и пресечении антиобщественных поступков и преступлений.

Участие общественности в предупреждении преступлений представляет в теоретическом и практическом отношении большую проблему, включающую многообразные вопросы деятельности добровольных народных дружин и самостоятельных общественных организаций в области профилактики правонарушений.

Эта область деятельности общественности привлекает все большее внимание советских криминалистов.

В ряде работ делается попытка исследовать и обобщить все то новое, что вносится в вопросы предупреждения преступлений участием широких масс.

Интересны по оригинальной постановке вопроса работы С. П. Митричева, А. Н. Васильева, К. П. Горшенина и ряда других научных работников.

Участие общественности в предупреждении преступных посягательств требует дальнейшей глубокой теоретической разработки с учётом того, что выдвигаемые жизнью формы

деятельности широких масс в этой области являются новыми приёмами, новым качеством борьбы с антиобщественными явлениями.

Расширение роли общественности в борьбе с нарушениями общественного порядка и преступлениями еще более укрепит Советское государство. Органы прокуратуры и милиции, опираясь на общественность, будут более зорко охранять интересы советских граждан.

В выступлении на январском Пленуме ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев, останавливаясь на необходимости повседневной воспитательной работы в массах, отметил, что «с пережитками капитализма нужна непримиримая борьба, и в этой борьбе необходимо сочетать меры общественного воздействия с мерами строгого административного наказания. Но главное — это воспитание людей»¹.

Участие самодеятельных общественных организаций в предупреждении правонарушений возможно лишь в непринципиальных формах, как деятельность широких масс по борьбе с антиобщественными явлениями.

Работа общественности не может также принимать характер оперативно-розыскной деятельности, хотя участие населения в отдельных розыскных действиях является нужным и помогает изобличению преступников.

Обобщение практики участия общественности в предупреждении антиобщественных проявлений и преступных посягательств позволяет прийти к выводу о том, что профилактическая работа с помощью масс может проходить в таком порядке:

1. Предупреждение проступков, которые могут вести к преступлениям.

Здесь следует отнести разъяснительную работу среди населения, работу по пропаганде советских законов. Такая работа может помочь организовать широкие массы для общественного контроля с целью своевременного предупреждения и пресечения проступков и устранения недостатков в работе контролируемых органов.

Н. С. Хрущев в выступлении на январском Пленуме ЦК КПСС указал, что бесконтрольность в области сельского хозяйства может нестойкого человека сделать жуликом, что надо создать контроль, чтобы была отчетность, чтобы не было соблазна для людей малоустойчивых в моральном отношении, чтобы удерживать их от неправильных, нечестных поступков. Это целиком относится к общественному контролю во всех областях нашего хозяйства.

Дружинники завода «Свет шахтера» (город Харьков) обратили внимание на недостойное грубое обращение с товари-

¹ Н. С. Хрущев. Выступление на январском Пленуме ЦК КПСС. «Правда» от 22 января 1961 года.

щами по работе рабочего Т., он допускал в цехе оскорбительные выражения и брань. Видя, что подобное поведение Т. может привести к хулиганству, общественность цеха вынесла на обсуждение общего цехового собрания поведение Т., и последний дал обязательство строго подчиняться правилам социалистической дисциплины. Комсомольская организация цеха помогла Т. включиться в общественную жизнь коллектива. В настоящее время Т. положительно характеризуется коллективом.

В другом случае члены бытовой комиссии завкома завода им. Малышева (г. Харьков) заметили, что кладовщик П. является на работу в нетрезвом состоянии, невнимательно отпускает инструмент из кладовой, забывая в отдельных случаях оформить их выдачу. По инициативе рабочих поведение П. было обсуждено на собрании коллектива, где П. обещал не допускать нарушений трудовой дисциплины. Отношение П. к работе в дальнейшем было взято под контроль общественности.

Сила воздействия коллектива на своих членов должна систематически помогать в работе органам прокуратуры и дознания. Следователи, работники прокуратуры и милиции должны повседневно в беседах и докладах населению освещать результаты деятельности широких масс на этом участке, знакомя с конкретными случаями, когда своевременное вмешательство общественных организаций пресекало неправильные, нечестные поступки малоустойчивых в моральном отношении людей, предупреждая тем самым совершение преступлений.

2. Предупреждение готовящихся преступлений.

Сигналы и сообщения трудящихся и общественных организаций в прокуратуру, органы милиции, партийные и советские органы о готовящихся преступлениях имеют большое значение для предупреждения преступных посягательств.

Прокурор Алтайского края Л. Верещагин приводит пример, когда продавец рабкоопа совхоза «Победа» Кулундинского района Евтушенко получила со склада без фактуры на шесть тысяч рублей товара¹. Продав эти товары, она отложила выручку, раздумывая над тем, присвоить или не присвоить деньги. Следователь т. Бакуев, получив об этом сигнал, предложил Евтушенко немедленно сдать деньги в кассу рабкоопа, что она и сделала, а нечестный поступок Евтушенко был обсужден на собрании пайщиков².

В ряде случаев рабочие предупреждали нечестные поступки работников производства. Так, например, дружинники

¹ Цены даны в деньгах до 1 января 1961 г.

² Л. Верещагин. Формы участия общественности в предупреждении правонарушений. «Социалистическая законность», 1960 г., № 7, стр. 18.

заметили, как у рабочего О. после смены остались не сданными несколько дорогостоящих деталей. Обнаружив их, он не заявил об этом, оставив детали в основе станка. Не заявил о деталях О. и на другой день, однако вынести их не решался. Дружинники цеха предложили О. сдать немедленно всю выработанную продукцию. Случай с деталями был обсужден на собрании коллектива, где поступок О. строго осудили, предупредив последнего о последствиях такого поведения. В настоящее время О. работает добросовестно, перевыполняя нормы выработки.

3. Мероприятия по предупреждению преступлений по материалам расследования.

Успешность борьбы с преступностью часто зависит от того, насколько своевременно будут приняты меры по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Ст. 23 УПК УССР, указывая на обязанность органов дознания, следователя, прокурора и суда выявлять условия, которые способствовали совершению преступления, определяет, что суд, прокурор, следователь и органы дознания должны широко использовать помощь общественности для выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений. В необходимых случаях, говорится далее в статье 23 УПК УССР, эти органы должны сообщать общественной организации или коллективу трудящихся о совершении членом коллектива преступления или антиобщественного проступка для обсуждения на общем собрании общественной организации или коллектива трудящихся с тем, чтобы мнение общественности могло быть учтено при решении вопроса об ответственности виновного лица.

Обсуждение на коллективах трудящихся материалов конкретных дел позволит следственному работнику добиться проведения предупредительных мероприятий для устранения условий, способствовавших совершению преступления.

По делу о хищении муки с хлебного завода № 2 (гор. Харьков) в процессе следствия было установлено, что при существовавшей на заводе пропускной системе возможно было использование старых пропусков, что и делалось преступниками. Материал расследования в этой части был поставлен следователем на обсуждение коллектива завода, в результате чего был перестроен порядок выдачи, хранения и уничтожения использованных пропусков на вывоз муки с территории завода.

Следовательно, необходимо своевременно с помощью общественности поставить в каждом случае вопрос о принятии профилактических мер.

По делу о хищении в магазине «Гастроном» (г. Харьков)

следователем было установлено, что отпуск овощей с базы в магазин не всегда своевременно оформлялся соответствующими документами и что это способствовало хищению. Были случаи завоза овощей с базы по запискам работника базы, что впоследствии затрудняло правильное оформление. По материалам расследования прокуратурой был поставлен вопрос о немедленном упорядочении оформления движения овощей с базы в магазин. Организация контроля и формы его были обсуждены на совещании общественных контролеров.

Как показывает практика, в одних случаях профилактические мероприятия могут проводиться в виде мероприятий общего характера, а в других — специально по конкретному объекту.

Широкой профилактикой против антиобщественных проявлений является разъяснительная работа по пропаганде советских законов с использованием материалов практики в целях воспитания социалистического правосознания.

Систематическое обобщение органами прокуратуры и дознания материалов конкретных дел по выяснению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, позволяет ставить вопросы перед партийными, советскими или общественными организациями о проведении мероприятий общего характера по устранению условий, способствовавших преступлению.

При установлении причин, облегчивших совершение преступления по отдельному конкретному делу, вопрос о мероприятиях предупредительного характера в ряде случаев целесообразно поставить непосредственно перед руководством предприятия или учреждения, где имело место преступление. Такой порядок постановки вопроса дает возможность привлечь к решению его коллектив и обеспечивает проведение профилактической работы непосредственно на том участке и в той системе, где совершено преступление. В этом случае меры предупредительного порядка будут носить специальный характер и будут направлены на улучшение работы на определенном участке.

Таким образом участие общественности в предупреждении преступлений становится основой борьбы за искоренение тяжких пережитков капиталистического прошлого и создает обстановку нетерпимости к антиобщественным проявлениям.

Эффективность предупредительных мероприятий, успех организации их со стороны самих общественных органов могут быть обеспечены в полной мере лишь при участии широких масс.

Широкое использование органами прокуратуры, следователями, работниками дознания общественности в предупреждении преступлений ускорит полное искоренение нарушения советских законов в нашей стране.

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Н. Г. БРИТВИЧ

(кафедра криминалистики)

Осмотр места происшествия является, как правило, неотложным следственным действием. При расследовании многих преступлений, в частности, убийств, краж со взломом, автотранспортных происшествий, нарушений правил техники безопасности и других осмотр позволяет получить важнейшие для дела доказательства. Осмотр часто дает возможность наметить ряд других первоначальных следственных действий и направление для раскрытия преступления.

Осмотр места происшествия является весьма сложным следственным действием, потому что следователю или работнику дознания приходится сталкиваться со значительным числом различных объектов, составляющих обстановку осматриваемого места. При этом необходимо правильно определить возможное значение обнаруженных предметов и их признаков для раскрытия преступления и зафиксировать их.

Эффективность осмотра зависит от того, насколько следователь владеет знаниями криминалистической тактики и практическими приемами использования научно-технических средств, от его внимательности, умения подмечать незначительные детали и правильно их оценивать, от правильности и глубины проводимого анализа отдельных следов преступления и других вещественных доказательств и всей обстановки места происшествия.

Важным условием, обеспечивающим полноту и всесторонность осмотра, является планомерность его проведения, целеустремленность всех действий следователя при осмотре.

Одним из недостатков в проведении осмотров, еще имеющих место в следственной практике, является их поверхност-

ность, причиной чего является бесплановость отдельных действий при осмотре.

Совершенно очевидно поэтому, что одним из вопросов криминалистической тактики, имеющим практическое значение, является вопрос о целях осмотра места происшествия.

Тактике осмотра места происшествия в криминалистической литературе посвящено большое число отдельных работ и материалов (работы И. Н. Якимова, Н. В. Терзиева, А. И. Винберга, В. П. Колмакова, А. Н. Васильева, В. И. Попова и другие). О задачах осмотра писал В. Д. Арсеньев¹.

Несмотря на это, вопрос о целях осмотра различно освещается советскими криминалистами и остается спорным.

В данной статье автор предполагает провести критический анализ основной литературы и, используя материалы практики, наметить возможный путь решения названного вопроса.

В решении вопроса о целях осмотра места происшествия высказываются различные мнения не только в части их формулирования, но и по существу.

И. Н. Якимов пишет, что целями осмотра места происшествия являются: «1. изучение обстановки преступления; 2. обнаружение преступника; 3. обнаружение, собирание, фиксация и охрана вещественных доказательств»².

Ю. М. Кубицкий в учебном пособии «Советская криминалистика»³ указывает общие и частные задачи, по содержанию отличающиеся от целей, которые указаны И. Н. Якимовым. «Общая задача всякого осмотра состоит в выявлении материальных признаков изучаемого объекта, которые могут иметь значение по делу». «Частные задачи состоят в фиксации этих признаков и в построении версий о сущности и обстоятельствах расследуемого события». Далее он рассматривает вопросы, подлежащие выяснению при осмотре, и делит их на три категории.

В недавно вышедшем учебнике по криминалистике А. Н. Васильев называет четыре общих задачи осмотра, а также вопросы, направленные к выяснению объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны преступления. К общим задачам осмотра А. Н. Васильев относит следующие: «а) непосредственное восприятие следователем и точное фиксирование обстановки места происшествия; б) выявление и фиксирование следов, а также изъятие на месте происшествия предметов, которые могут иметь значение вещественных доказательств; в) установление данных, которые в дальнейшем могут быть использованы для обнаружения или проверки других доказательств (например, откуда мож-

¹ В. Д. Арсеньев. К вопросу о задачах следственного осмотра. Сборник «Вопросы советской криминалистики», Алма-Ата, 1959 г., стр. 45.

² Криминалистика. М., 1950 г., стр. 207.

³ Советская криминалистика. М., 1958 г., ВЮЗИ, стр. 272.

но было видеть и слышать то, что происходило на осматриваемой территории); г) установление характера и обстоятельств события для раскрытия преступления»¹.

Если обратиться к специальным работам, посвященным осмотру места происшествия, то и в них нет единого мнения о целях и задачах осмотра.

В. И. Попов в работе «Осмотр места происшествия» объединяет все задачи в одну главную задачу, заключающуюся, по его мнению, в «выявлении виновных и изыскании возможностей к их розыску и задержанию»².

Приведенные данные криминалистической литературы указывают, как отмечалось ранее, на недостаточную разработку и спорность рассматриваемых вопросов.

В первую очередь необходимо отметить, что нет достаточной четкости в разграничении понятий «цели» и «задачи» осмотра. Данный вопрос, хотя и не является основным, все же требует определенного решения. Наиболее обоснованным и правильным представляется из ряда многих задач, разрешаемых осмотром, выделить основные, главные и называть их целями, как это предлагали И. Н. Якимов и В. П. Колмаков.

Употребление понятий «общие задачи» (А. Н. Васильев, Ю. М. Кубицкий) или «главные задачи» (В. И. Попов), не может считаться удачным. В осмотре места происшествия все задачи главные и нет второстепенных.

Каждое следственное действие, в том числе и осмотр, имеют своей общей целью собирание и закрепление доказательств.

Однако, отдельные следственные действия осмотр, допрос, опознание и другие имеют ближайшие непосредственные цели, которые определяются характером и спецификой каждого действия. При решении вопроса о целях осмотра определенное значение имеет правильное определение их последовательности.

Следует также считать, что для решения вопроса о целях осмотра, необходимо четко отграничить то, чему непосредственно подчинен осмотр (что достигается осмотром), от тех выводов, которые могут быть сделаны по результатам осмотра.

Исходя из этих положений, нельзя согласиться с И. Н. Якимовым и В. И. Поповым, считающими, что осмотр места происшествия преследует цель «обнаружение преступника или выявление виновных». На месте происшествия к моменту осмотра преступника ведь уже нет, он скрылся. Поэтому точнее было бы считать, что осмотр преследует

¹ Криминалистика. М., 1959 г., стр. 246.

² В. И. Попов. Осмотр места происшествия, Алма-Ата, 1959 г., стр. 9—10.

цель собирания сведений о личности виновного, данных для его установления и розыска.

Ю. М. Кубицкий слишком широко формулирует «общую задачу» осмотра и тем самым лишает ее конкретности, необходимой для практического выполнения ее следователем.

Несколько расширяет цели осмотра и В. И. Попов, когда указывает на «уяснение сущности происшедшего» при осмотре места происшествия. Совершенно недопустима и вредна для практики недооценка осмотра, но и «уяснение сущности происшедшего» только по данным осмотра, то есть до экспертизы, до допроса свидетелей и т. п. также таит в себе опасность ошибок.

Большинство советских криминалистов справедливо относит к целям осмотра: изучение и фиксацию обстановки места происшествия (1) и обнаружение и закрепление следов и других вещественных доказательств (2).

Однако в криминалистической литературе нет достаточно четкого освещения того, что следует понимать под «обстановкой места происшествия». Без выяснения этого вопроса не может быть решено, в чем же заключается различие между изучением обстановки места происшествия и изучением следов преступления.

Под обстановкой места происшествия следует понимать совокупность материальных объектов (в широком смысле слова), характеризующих место происшествия, признаки и состояние этих объектов, в том числе являющиеся последствиями действий или бездействия преступников.

Как можно заключить путем рассмотрения литературы, И. Н. Якимов и некоторые другие криминалисты к обстановке места происшествия не относят следы преступления, вещественные доказательства. Об этом можно судить потому, что И. Н. Якимов цель осмотра «изучение обстановки преступления» отделяет от цели собирания следов и других вещественных доказательств¹. Такое узкое понимание обстановки места происшествия представляется спорным. Обстановка места происшествия именно потому и может быть так названа, что она связана с происходившими в ней расследуемыми событиями, что в ней имеются следы происшедшего, что она влияла на образ действия определенных лиц и т. д.

В этой связи возникает сомнение в правильности рассмотрения именно в качестве первой цели осмотра — «установление, исследование и фиксация обстановки места происшествия»². Изучение (или точнее исследование) обстановки невозможно без установления следов преступления, в свою очередь, только обнаружение следов, их правильная оценка и анализ могут привести к выяснению картины расследуе-

¹ См. стр. 3 данной работы.

² Осмотр места происшествия. М., 1960 г., стр. 14.

мого события. Рассмотрение цели изучения обстановки места происшествия в качестве именно первой в ряде случаев может не соответствовать требованиям полноты и всесторонности при производстве следственных действий.

Первой целью осмотра места происшествия правильнее считать обнаружение и фиксацию, анализ и оценку следов преступления¹, а второй целью — выяснение обстановки расследуемого события.

Именно в таком плане решается данный вопрос в новых УПК УССР и других союзных республик. Статья 190 УПК УССР указывает: «с целью выявления следов преступления и других вещественных доказательств, выяснения обстановки преступления, а также других обстоятельств, имеющих значение для дела, следователь производит осмотр»...

Правильное построение названных целей имеет большое практическое значение. Правильное при формулировании целей осмотра в указанной последовательности получает отражение общая рекомендация идти от частного, от исследования отдельных следов, предметов—вещественных доказательств к общему изучению всей совокупности этих следов, рассматривая их во взаимосвязи, к оценке обстановки места происшествия в целом. В свою очередь, уяснение общей обстановки помогает обнаружению и правильной оценке отдельных следов, вещественных доказательств, негативных обстоятельств. Таким образом, исследование при осмотре идет от частного к общему и от общего к частному, взаимно дополняя друг друга.

Следственная практика показывает, что весьма важные следы и вещественные доказательства оказываются в ряде случаев не обнаруженными не потому, что их не сумели найти, а потому что не искали, так как «все было ясно», из-за преждевременной, необоснованной оценки всей обстановки места происшествия и расследуемого события. С другой стороны, правильная организация осмотра дает положительные результаты. При расследовании дела об убийстве на месте происшествия у трупа неизвестной женщины были обнаружены дорожки следов ног двух человек. Следователем были тщательно изучены эти следы. Одна дорожка следов вела от проселочной дороги через вспаханное поле к трупу, возле которого и оканчивалась. Вторая дорожка следов, оставленная обувью на низком каблуке, вела с противоположной стороны от леса к тому же месту, где находился труп, и от него — к проселочной дороге и там терялась. Дальнейший

¹ В данном случае подразумеваются следы преступления в широком смысле слова, то есть не только предметы—вещественные доказательства, следы самого преступника (рук, ног, орудий и т. д.), но и те изменения в расположении, состоянии и свойствах объектов, которые причинно связаны с преступлением.

анализ следов показал, что одна дорожка следов оставлена обувью, принадлежащей потерпевшей. Вторая дорожка следов, как показал осмотр, была оставлена обувью, принадлежащей, вероятно, преступнику. Обнаруженные следы были зафиксированы следователем (произведено протоколирование, фотосъемка и изготовлены гипсовые слепки). При осмотре трупа следователь обратил внимание, что в затылочной части головы имеются рубленые раны, которые могли быть нанесены острым орудием. Были приняты меры к розыску орудия убийства. На расстоянии 50 метров от трупа был обнаружен топор со следами крови на рукоятке. Все обнаруженные вещественные доказательства были правильно изучены и оценены и они привели к выяснению обстановки расследуемого события, что в целом оказало существенную помощь в раскрытии преступления и изобличении преступника¹.

Кроме названных двух, целью осмотра места происшествия является, как отмечалось, собирание данных о личности преступника, или необходимых для его установления и розыска. Включение этого положения в число целей осмотра обуславливается исключительной важностью установления и розыска виновного, без чего, естественно, преступление не может быть раскрыто. При осмотре места происшествия по делу об убийстве следователь, осматривая всевозможные предметы, находившиеся во дворе, недалеко от трупа, обратил внимание на свернутый лист бумаги. При осмотре бумаги было установлено, что бумага служила прокладкой для головного убора. Эта прокладка была изготовлена из листов ученической тетради с записями по естествознанию и являлась обложкой для тетради, с надписями на обложке о принадлежности определенному человеку. Удалось прочитать лишь следующий текст: «Аделаидинская школа глухонемых, ученик 5-го класса». Эти данные определили направления следственной и розыскной работы. В ходе дальнейшего расследования было установлено, что убийство совершил М. Таким образом, данные, которые были собраны в ходе осмотра места происшествия, помогли установить личность преступника².

По мнению профессора А. И. Винберга одной из общих задач (то есть целей) осмотра «является выдвижение версий о фактической картине события и его участниках»³. Судя по литературе, многие криминалисты не разделяют такой точки зрения, хотя она представляется совершенно правильной. Ориентация следователя или работника дознания на то,

¹ Следственная практика, № 14, 1953, стр. 98.

² Следственная практика, № 28, стр. 82.

³ Криминалистика. Под общей редакцией проф. А. И. Винберга. М., 1959 г., стр. 221.

чтобы осмотр привел бы к осмысливанию всех имеющихся данных к объективно вероятному объяснению наблюдаемых признаков, следов и т. д. может принести только пользу и является вполне обоснованной.

Таковы четыре цели осмотра места происшествия, которые могут рассматриваться как наиболее характерные для данного следственного действия.

Таким образом, к целям осмотра места происшествия относится:

- 1) обнаружение и фиксация, анализ и оценка следов преступления;
 - 2) выяснение обстановки расследуемого события;
 - 3) собирание данных о личности преступника, необходимых для его установления и розыска;
 - 4) выдвижение версий о фактической картине события и его участниках.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

П. Т. Мирошникова. Делегатские собрания крестьянок — основная форма работы партии среди женщин села в 1921 — 1925 гг.	3
Ф. Г. Вайнер. Укрепление Советского государственного аппарата кадрами в 1923—1925 гг. (По материалам Украины)	25
В. А. Чефранов. Совнархозы — новый этап развития социалистической демократии в управлении народным хозяйством СССР	43
В. П. Цветков. Роль рабочих корреспондентов как боевых помощников Коммунистической партии в организации массового социалистического соревнования среди рабочего класса УССР в год великого перелома	63
А. Я. Лебеде в. Межколхозные объединения	85
О. Н. Кудрявцев. Некоторые вопросы разрешения споров о домовладениях.....	99
А. М. Немков. К вопросу о разделе совместного имущества супругов.....	125
К. Г. Прохорова. Вопросы наследования предметов обычной домашней обстановки и обихода в нотариальной практике	151
А. И. Процевский. Понятие и методы правового регулирования рабочего времени	167
Л. Н. Кривоченко. Из истории борьбы с детской преступностью (1917—1920 гг.).....	195
З. Г. Корчева. Объект нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта по советскому уголовному праву.....	205
З. М. Онищук. Органы предварительного расследования в первый период истории советского уголовного процесса (1917—1922 гг.)	239
Д. А. Постовой. Содержание обвинительного заключения	259
Н. В. Цветаева. Участие общественности в предупреждении преступлений.....	287
Н. Г. Бритвич. К вопросу о целях осмотра места происшествия.....	293